
INSPIRIA
ШОРТ-ЛИСТ
БУКЕРОВСКОЙ
ПРЕМИИ 2020
18+
ЦАРСКАЯ
ТЕНЬ
МААЗА
МЕНГИСТЕ

INSPIRIA

Царская тень
Мааза Менгисте

Аннотация
Мааза Менгисте. Царская тень
Пролог. Ожидание
Книга первая. Вторжение
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18

Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Книга вторая. Сопротивление
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Книга третья. Возвращения
Глава 1
Глава 2
Глава 3

Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Эпилог. Воссоединения
Замечание автора
Благодарности

Аннотация

Война рождает не только героев. Но и героинь.

1935 год. Войска Муссолини вот-вот войдут в Эфиопию. Недавно осиротевшая Хирут попадает служанкой в дом к офицеру Кидане и его жене Астер.

Когда разражается война, Хирут, Астер и другие женщины не хотят просто перевязывать раны и хоронить погибших. Они знают, что могут сделать для своей страны больше.

После того как император отправляется в изгнание, Хирут придумывает отчаянный план, чтобы поддержать боевой дух эфиопской армии. Но девушка даже не подозревает, что в конце концов ей придется вести собственную войну в качестве военнопленной одного из самых жестоких и беспощадных офицеров итальянской армии…

Захватывающая героическая история, пронизанная лиричностью шекспировских пьес и эмоциональным накалом античных трагедий.

Мааза Менгисте
Царская тень

Maaza Mengiste
The Shadow King

© 2019 by Maaza Mengiste
© Крылов Г., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

* * *

«Прекрасный и сокрушительный роман о женщинах, которые держат в руках мир, разрывающийся на части».

— Марлон Джеймс

«Великолепная книга, искусно возводящая историю в миф. А еще она невероятно затягивает, я прочел ее за два дня».

— Салман Рудши

«Менгисте достигает завораживающих высот, проливая свет на роль женщин в военное время — не только сиделок и медсестер, но еще и солдат, защищающих свою страну».

— Publishers Weekly

* * *

Моей матери
За твою любовь, за все
Моему отцу
За то, что никогда не покидал
меня, даже когда тебя не стало
и Марко,
Без которого все это было бы
невозможно

«…даже по смерти мы оставаться
должны на бесславные песни потомкам».
***«Илиада», Гомер*[1]**

«Горе земле, осеняющей крыльями по
ту сторону рек Ефиопских».
***Книга пророка Исаии, глава 18, стих*[1]**

«Кто из богов тебе
В горький дар, дева, дал? Ужас
Кто выкликать в бреду нудит плен
этих уст,
Стройный мешая лад с воплями? Кто
вдохнул
Яростный в перси вихрь?»

---

[1] Примечания: 1
Перевод Н. Гнедича.

«Агамемнон», Эсхил[2]

[2] Примечания: 2
Перевод В. Иванова.

КРАСНОЕ МОРЕ
Массауа
Асмара
ЭРИТРЕЯ
СУДАН
Р. МЭРЕБ
Аксумо
Адуа
Р. ТЭКЭЗЭ
Мэкэле
ГОРЫ СЫМЕН
Р. АНГЭРЭБ
Дебарко
Дабат
Гедэб
Коссойе
Гондэро
Азезо
Бамбело
Р. АТБАРА
Мэйчью
ОЗЕРО ТАНА
Йифал
Ворета
Фогера
Бахр-Дар
ЭФИОПИЯ
Дэссе
Годжам
Р. ГОЛУБОЙ НИЛ
Дэбрэ-Маркос
Дэбрэ-Либаносо
Аддис-Абеба
С
З
В
Ю
0
МИЛИ
100
Венеция
Неаполь
Порт-Саид
Массауа

Пролог. Ожидание

1974

Она не хочет помнить, но она здесь, и ее память собирает кости. Она пешком и на автобусе добралась до Аддис-Абебы, идя по земле, о которой почти сорок лет не желала вспоминать. Она пришла на два дня раньше, но она дождется его, будет сидеть на земле в этом уголке вокзала, держа на коленях металлическую коробку, прижавшись спиной к стене, неподвижная, как часовой. На ней выходное платье. Волосы у нее приглажены и сплетены в аккуратные косички, она постаралась спрятать длинный шрам, который уродует ее шею у основания и проходит по плечу, будто сломанное ожерелье.

В коробке его письма, le lettere, ho sepolo le mie lettere, e il mio segreto, Hiruit, anche il tuo segreto[3]. Segreto, секрет, *меестир*[4]. Ты должна сохранить их для меня до нашей новой встречи. А теперь

---

[3] Примечания: 3

Письма, письма, которые я зарыл, и мой секрет, Хирут, твой секрет тоже (*ит.*).

[4] Примечания: 4

Секрет (*амхар.*).

иди. *Ватене*.[5] Поспеши, пока они тебя не схватили.

Здесь вырезки из газет, на которых стоят даты того времени, когда длилась война между ее страной и его. Она знает, что он уложил их по порядку: с самого начала, в 1935 году, почти до самого конца, в 1941-м.

В коробке ее фотографии, которые он снял по приказу Фучелли и подписал своим аккуратным почерком: una bella ragazza. Una soldata feroce[6]. А еще те фотографии, которые он снял по собственному желанию, мгновения, выхваченные из жизни молодой испуганной женщины, какой она была в той тюрьме за колючей проволокой, запертой в тех ужасающих ночах, от которых она никак не могла освободиться.

В шкатулке множество мертвецов, которые вопиют о воскресении.

Она пять дней добиралась до этого места. Пробивалась через пропускные пункты и нервных солдат, мимо испуганных деревенских жителей, которые шептались о грядущей революции и ожесточенных студенческих протестах. Она

---

[5] Примечания: 5
Иди (*амхар.*).

[6] Примечания: 6
Прекрасная девушка. Свирепый солдат (*ит.*).

смотрела на шествие молодых женщин с поднятыми кулаками, вооруженных винтовками: они прошли мимо автобуса, который доставил ее в Бахр-Дар. Они посмотрели на нее — стареющую женщину в длинном непривлекательном платье, словно никогда не видели тех, кто пришел в эту жизнь перед ними. Словно женщина впервые брала в руки оружие. Словно земля под их ногами не была завоевана некоторыми из величайших воинов, каких знала Эфиопия, женщин, носивших имена Астер, Нардос, Абебех, Тседале, Азиза, Ханна, Меаза, Аинадис, Дебру, Йодит, Илилта, Абеба, Кидист, Белаинеш, Мескерем, Нуну, Тигист, Тсехаи, Мекбиб, Саба, и женщины, которую называли просто кухарка. Хирут произносила имена тех женщин, пока мимо шли студенты, и каждое из этих имен возвращало ее назад во времени, пока она не оказалась снова на растерзанной земле, где задыхалась в пороховом дыму, захлебывалась едкими ядовитыми парами.

Она вернулась в автобус, в настоящее время, только когда какой-то старик, севший рядом с ней, ухватил ее за предплечье: «Если Муссолини не смог избавиться от императора, то что о себе возомнили эти студенты?» Хирут отрицательно покачала головой. Она качает головой в настоя-

щем времени. Она проделала такой долгий путь, чтобы вернуть эту коробку, чтобы избавиться от ужаса, непрошено возвращающего ее назад. Она приехала, чтобы отдать этих призраков, прогнать их. У нее нет времени на вопросы. Нет времени поправлять произношение старика. Одно имя всегда тащит за собой другое, ничто не путешествует в одиночку.

Снаружи через пыльное окно вокзала в Аддис-Абебе пробивается, словно кулак, луч солнечного света. Он обволакивает ее голову теплом, поднимает ее на ноги. В помещение проникает ветерок. Хирут поднимает взгляд и видит входящую внутрь молодую женщину, одетую на манер *ферендж*и[7]. В руке у женщины видавший виды чемодан. За ней поднимается город. Хирут видит длинную грунтовую дорогу, которая ведет назад — в центр города. Она видит трех женщин, несущих на головах связки дров. Там, сразу же за развязкой, идет процессия священников, а в 1941 году там шли воины, и она была одной из них. Плоская металлическая коробка длиной с предплечье холодит ее колени, тяжело, словно умирающее тело, лежит на ее животе. Она

[7] Примечания: 7
«Иноземный», «чужестранный» в ряде африканских языков.

слегка меняет положение, проводит пальцами по кромкам металла, жестким и заостренным, притупившимся от времени.

Где-то в одной из щелей этого города уже два дня ждет встречи с ней Этторе. Он сидит за своим столом в тусклом свете маленького кабинета, сгорбился над одной из своих фотографий. Или сидит на стуле, в том же свете, что заливает ее ноги, смотрит в сторону своей Италии. Он считает время, они оба с нетерпением ждут назначенного дня. Хирут смотрит на залитый солнцем городской пейзаж, проникающий внутрь через распахивающиеся двери. Когда двери начинают закрываться, она затаивает дыхание. Аддис-Абеба сужается до размеров щели и исчезает из зала. Этторе горбится и погружается в темноту. Когда двери закрываются наконец полностью, она снова остается одна, сжимая коробку в этом гулком зале.

Она ощущает первые нити знакомого страха. Я Хирут, напоминает она себе, дочь Гетеи и Фасила, родилась в благословенный год урожая, возлюбленная жена и любящая мать, солдат. Она вздыхает. Таким долгим был ее путь сюда. Он занял почти сорок лет иной жизни, прежде чем она начала вспоминать, кем была когда-то. Пу-

тешествие в прошлое началось вот так: с письма — первого письма в ее жизни.

> Cara[8]Хирут, мне сообщают, что я наконец-то нашел тебя. Мне сказали, что ты замужем и живешь в одном из таких мест, которые слишком малы, чтобы их обозначали на карте. Этот посланник говорит, что знает твою деревню. Он говорит, что доставит это письмо тебе и привезет мне послание от тебя. Прошу тебя, приезжай в Аддису. Скорее. Тут волнения, и все иностранцы должны уехать. Мне некуда уезжать — только в Италию. Сообщи мне, когда встретить тебя на вокзале. Будь осторожна, они восстали против императора. Пожалуйста, приезжай. Привези шкатулку.
>
> ***Этторе.***

Дата стоит не по эфиопскому летоисчислению, а на манер *фереджи*: 15 апреля 1974 года.

Дверь открывается снова, и на сей раз появляется один из солдат, которых она видела по пути в этот город. Молодой человек, на плечах которого

---

[8] Примечания: 8
Дорогая (*ит.*).

в зал проникает городской шум. Новая винтовка небрежно висит у него сзади. Форма на нем без пятнышка, нигде не порванная. На ней нет грязи, и она ему впору. Глаза у него слишком любознательные — выдают то, что на его руках никогда не умирал товарищ по оружию, движения у него слишком резкие — говорят о том, что он никогда не знал настоящей усталости.

«Земли фермерам! Революционная Эфиопия!» — кричит он, и воздух покидает помещение вокзала. Он с детской угловатостью поднимает винтовку, осознавая, что все взгляды устремлены на него. Он показывает на фотографию Хайле Селассие над входом. «Долой императора!» — кричит он, размахивая своей винтовкой чуть не во всю ширь испуганного вокзала.

Зал ожидания переполнен людьми, которые хотят покинуть взбунтовавшийся город. Они набирают воздуха в легкие и подаются подальше от мальчика в форме, торопящегося стать мужчиной. Хирут смотрит на фотографию с изображением императора Хайле Селассие: благородный, с тонкими чертами человек смотрит в камеру, мрачный и величественный в своей военной форме и медалях. Солдат тоже смотрит на фотографию, делать ему нечего, только слы-

шать эхо собственного голоса. Он неловко меняет позу, потом разворачивается и бежит в дверь из здания вокзала.

Мертвецы пульсируют под крышкой. До этого они начинали бунтовать, но отступали под напором ее ярости, уступая место стыду, который до сего времени парализует ее. Она теперь слышит, как они говорят ей то, что она знает и без них:

Настоящий император этой страны находится на своей ферме, обрабатывает крохотный клочок земли рядом с ее участком. Он никогда не надевал корону, живет один и не имеет врагов. Он тихий человек, который когда-то вел народ против стальных чудовищ, а она была его самым надежным солдатом: гордым воином Царской Тени. Скажи им, Хирут. Другого случая тебе не представится.

Она слышит, что мертвецы все громче возвышают голоса: Нас должны выслушать. Нас должны помнить. Нас должны знать. Мы не упокоимся, пока нас не оплачут.

* * *

Она открывает шкатулку.

Внутри две стопки фотографий, обе связаны одинаковой тонкой синей тесьмой. На одной

стопке он своим характерным почерком отдельными буквами написал ее имя, буквы разлетелись по бумаге, в которую завернута стопка, а поверх бумаги, чтобы не развернулась, намотана тесемка. Хирут развязывает ее, и две фотографии выпадают — они слиплись от долгого лежания. На одной французский фотограф, который бродил по северным нагорьям, делал снимки, худой как щепка человек с большой камерой. На обороте фотографии надпись: Гондэр, 1935. Вот что мы знаем про этого человека: бывший армейский вербовщик из Албби, неудавшийся художник с неразборчивым голосом и маленькими голубыми глазами. Он играл незначительную роль, если память ее не обманывает. Но он в шкатулке, и он один из мертвецов, и он настаивает на своем праве быть известным. Мы скажем то, о чем не можем умолчать: Тут есть и фотография Хирут, снятая этим французом. Снимок сделан, когда он посещал дом Астер и Кидане и попросил разрешения сделать фотографию слуг, чтобы продать другим фотографам или выменять на катушку пленки у какой-нибудь студии. Она отворачивается от фотографии. Не хочет видеть себя. Она хочет захлопнуть крышку, запереть нас. Но фотография здесь, и эта молодая Хирут тоже

отказывается тихо лежать в могиле.

Это Хирут. Это ее широко открытое лицо и любознательный взгляд. У нее высокий лоб, как у матери, и искривленный рот, как у отца. Ее яркие глаза внимательны, но спокойны, они ловят свет в золотые призмы. Она стоит спиной к дереву, хорошенькая девушка со сложенными на груди тонкими руками. Поза у нее настороженная, странным образом напряженная, в ней не чувствуется того врожденного изящества, о котором она много лет не будет даже догадываться. Она смотрит в объектив и старается не щуриться, ее лицо обращено к кусачему солнцу. Бросаются в глаза ее острые ключицы, из V-образного воротника ее платья вырастает чистая шея без единого шрама. Именно эта фотография сохранит безупречное пространство ее кожи на плечах и спине. Не осталось иного способа вспомнить безукоризненное тело, которое она носила когда-то с беспечностью ребенка. И посмотрите-ка: на заднем плане Астер — так далеко, что толком и не разглядеть, — остановилась посмотреть, изящная линия, прорезанная в свете.

Книга первая. Вторжение

Глава 1

1935

Хирут слышит, что Астер зовет ее, кричит голосом, грозящим сорваться от напряжения. Хирут отрывает взгляд от медленно горящего в углу двора костра, которому она не дает погаснуть. Она сидит, сгорбившись, на табуретке рядом с горкой лука, ждущего, когда его очистят. Кухарка в кухне, за Хирут, нарезает мясо к вечерней еде. Астер, наверное, уже пьет кофе в постели, завернувшись в мягкое одеяло, а может, смотрит в окно на свои цветочки. Ожидалось, что сегодняшнее утро будет тихим. Хирут напрягается — ей неприятно это вторжение. Астер снова выкрикивает имя Хирут и теперь делает это так громко, с таким напряжением, что кухарка приостанавливает быструю нарезку, смолкают утренние птицы, и даже большое дерево рядом с каменной оградой, кажется, ловит ветерок, чтобы прийти в равновесие. На несколько мгновений все замирает.

Что я сделала? Хирут чувствует, как дрожат ее руки.

Кухарка испуганно выглядывает из кухонной двери: она в нашей комнате. Она показывает на

помещение для прислуги. Что она там делает? Эй, ну-ка, быстро, поднимайся.

Хирут бросает прут, которым она ворошила угли, и встает. У нее появляется мысль: Астер в помещении для прислуги. Она в той комнатенке, которую Хирут делит с кухаркой, в том месте, куда они отправляются по вечерам, где можно сбросить с себя свою полезность и предаться сну. Эта комната отделена от многокомнатного дома, где Астер живет со своим мужем — Кидане. Это пространство, которое и не пространство вовсе, комната, которая меньше всякой комнаты. Темная полость, высеченная в бесконечных усталых ночах. Она не предназначена для того, чтобы ее видели при свете дня. Она не предназначена для таких людей, как Астер.

Она там? спрашивает Хирут.

Прежде Астер никогда туда не заходила. Женщина постарше высовывается из двери, упираясь обеими руками в косяки, она вытягивается, чтобы увидеть узкую тропинку, которая ведет к помещению для слуг, она словно боится покидать безопасность кухни. Кидане еще не вернулся?

Хирут отрицательно качает головой. Кидане взял лошадь и ускакал еще до рассвета.

Значит, мы одни, говорит кухарка. Она спорила

с Кидане, когда я готовила ему еду.

Хирут хочет сказать кухарке, что вообще-то Астер в это время должна лежать в кровати. Она должна лежать неподвижно, чтобы облегчить боль месячных кровотечений. Им следует и дальше вести себя, как в обычный день, работать, пока тяжелый купол неба не повиснет над ними, притянутый к земле грузом звезд.

Продолжай, продолжай. Кухарка отступает назад в кухню, но при этом внимательно смотрит на Хирут, бессильно держа нож в руке. Она не должна копаться в наших вещах, добавляет она. Она поправляет шарфик у себя на голове, заталкивает под него несколько выбившихся на лоб седых прядей.

Кухарка имеет в виду старую винтовку, которую отец Хирут отдал ей перед смертью. Винтовка, платье, в котором она пришла, маленькое ожерелье на ней — у Хирут в этом мире больше нет ничего своего.

Все спрятано, говорит она, потому что кухарка, кажется, слишком сильно нервничает.

Астер снова окликает ее, настойчивость сменяется несдерживаемой яростью.

Кухарка наклоняется, словно ее притягивает этот голос. Иди! кричит кухарка. И откликнись

уже!

Хирут разворачивается на месте. Иду! Она бросается к помещению для прислуги.

Она останавливается у дверей помещения для прислуги и впервые видит, какую, в сущности, маленькую, какую грязную, сморщенную комнату она вот уже почти год называет своим домом. В полутьме тесной комнаты Астер, облаченная в красивое абиссинское платье-рубашку, кажется совершенно неподходящей, слишком большой фигурой для этого места, потому что оно вообще слишком мало для чего угодно. Оно меньше ящика, оно представляет собой лишенную воздуха нору, заполненную землей, соломой и экскрементами. Нормальной двери тут нет, как нет и окна со стеклом. Спят они на тощих матрасах, которые им приходится скручивать, чтобы можно было пройти. Лоскутами из старых, негодных одеял заделаны узкие щели, это тряпье пропитано пылью и темнотой. Это пространство предназначено для двоих человек, которые вынуждены посвящать свои жизни удобству одной женщины и ее мужа. Оно создано не для тех, кто привык к красивым одеждам и свежему ветерку, играющему шелковыми занавесями.

Где ты была? напускается на нее Астер. Ее

короткие волосы прорезают идеальную дугу в полосе слабого солнца, пробивающегося в окно над ее головой. Равнодушный свет опыляет теплым сиянием ее гладкие щеки. Она стоит в том единственном месте, где солнце может проникнуть в комнату — через крохотную дыру размером не больше головы Хирут, проделанную в стене задним числом. Каждое утро кухарка поднимает один уголок драной занавески на гвоздь, чтобы проветрить комнату, и каждый вечер снимает этот уголок с гвоздя, чтобы закрыть дыру.

Где ожерелье? Отдай мне мое ожерелье.

Хирут смотрит на слабое пятно солнечного света, распростертое у ног Астер, и Хирут кажется, что само солнце подчиняется приказам этой женщины. Хирут стоит, опустив голову, пока Астер протискивается к ней.

Он все время пытается тебя защищать. Астер поднимает матрас Хирут, потом роняет его, вытирает руки о подол платья, которое кажется слишком белым в сумеречной комнате. Она поднимает маленький ящик, в котором Хирут и кухарка держат свои немногие пожитки, и встряхивает его жалкое содержимое. Он сказал, что потерял его, но я знаю, оно здесь.

Астер роняет ящик, смотрит вниз, одной рукой

разглаживает передок своего длинного абиссинского платья. Она изящная женщина с мягкой плотью там, где у Хирут углы да кости. Хотя она выше Хирут лишь ненамного, но на неровном земляном полу кажется крупной и внушительной.

Моя мать дала мне его перед свадьбой, чтобы я подарила его мужу. Я знаю, он не просто его потерял. Она прищуривается, глядя сверху вниз на Хирут. Он что-то скрывает.

Хирут втягивает голову в плечи, как научила ее кухарка. Она хочет сказать, что ее вины нет, если Астер ссорится с мужем — Кидане. Она не виновата, что муж Астер добр к ней, Хирут, она ничего не может поделать с тем, что Астер плачет из-за этого.

Я не знаю, где оно, говорит Хирут. Она знает, что в первые дни траура по их единственному сыну Астер выбросила много всяких вещей. Она сложила гору из своих лучших платьев, накидок и даже украшений и подожгла их, а потом, когда пламя начало пожирать ее вещи, колотила себя в грудь. Кухарка сказала, что некоторые из тех вещей Астер до сих пор продолжала искать, забыв, что сожгла их. Я его никогда не видела, добавляет Хирут.

Значит, ты хочешь сказать, что Кидане выбросил его? Сказав это, она смеется. Или ты хочешь, чтобы я поверила, будто он отдал ожерелье тебе по доброй воле?

Кидане — один из тех, кого ее мать называла «брат» и «друг», а иногда даже говорила, Хирут, он мне как сын, хотя я не настолько уж старше его. Я ухаживала за ним, когда умерла его мать. Я носила его у себя на спине, когда сама была почти ребенок. Мы с ним вместе выросли. Это мужчина, который проявил ко мне доброту, и, если я умру, он позаботится о тебе. А поскольку ее мать так сильно его любила, Хирут после смерти родителей пришла в этот дом, уже заранее любя Кидане. Не ее вина, что он тоже любит ее, называет Маленькая, Сестренка и Рутийе[9].

Ты знаешь, что мы делаем с ворами? спрашивает Астер. В полумраке комнаты трудно разглядеть красоту, которую она всегда горделиво выставляет напоказ: яркие глаза и округлые щеки, изящную шею, которая плавно переходит в плечи и никогда не знала сокрушительного веса кувшинов с водой и вязанок дров. Если я найду его здесь, то даже Кидане тебе ничем не

---

[9] Примечания: 9

Одно из значений этого слова на амхарском языке — «судьба».

поможет.

Хирут знает, как поступают с ворами. Она видела этих несчастных мальчиков и мужчин, умолявших о пощаде на базарных площадях, видела их тощие тела, уже лишенные ноги и руки, их глаза, еще широко распахнутые от шока жестокой потери. Горечь растекается у нее в горле.

Астер поднимает матрас Хирут. Потом она раскладывает его, развязывает веревку, которой Хирут прикручивает винтовку к матрасу. Кухарка сказала, что Астер заберет винтовку, если увидит, но Хирут даже не думала о том, что Астер может прийти сюда, в это место, предназначенное только для слуг. Она полагала, что есть места, куда Астер не заходит. У Хирут перехватывает дыхание при виде того, как веревка соскальзывает с матраса. Она так давно покинула дом, она почти забыла, что такое уходить, не спрашивая разрешения, что значит делать дела по необходимости, а не по приказу. Прежде она проводила дни на солнце, свободно проливавшем с неба свои лучи, которым не препятствовали грязные занавески или маленькие окна. Когда-то она была чем-то большим, чем прислугой. Когда-то она не боялась владеть тем, что принадлежит ей по праву.

Наконец Астер говорит, Что это? Она все еще

стоит под окном, держит в руках одеяло и винтовку.

Приплывает волна вони, к которой Хирут никак не может привыкнуть. Она приходит из невысокой груды камней близ входа, где Кидане мальчишкой учился забивать овец для особых случаев. Под этими камнями есть небольшая, неглубокая канава, куда стекала кровь. Вот что ты чувствуешь, сказала ей кухарка, когда Хирут только появилась в доме. Это кровь гниет, ничего, ты привыкнешь. Но она по-прежнему чувствует вонь натекшей крови, беспомощных животных, действующих в паре инстинкта и страха, мочи и экскрементов, напитавших землю.

Чья это винтовка?

Моя, говорит Хирут.

Эта винтовка была самым ценным владением отца Хирут. Она не вмещалась в маленький ящик, а потому Хирут обложила ее соломой и одеялами, которыми пользуется, как матрасом, укрыла большим куском полотна, который она связывает по углам для вящей надежности. По ночам, когда она изнемогает от усталости, она спит так, чтобы чувствовать боком винтовку, и уговаривает себя, будто это рука ее матери.

Астер подносит винтовку к свету. Старинная,

говорит она. Она проводит пальцем по пяти канавкам, отметинам, которые, по словам отца Хирут, помогали ему считать число убитых им итальянцев. Ты знаешь, как ею пользоваться? Отец тебя научил? Она прикидывает винтовку на вес, проверяет балансировку. Мой отец научил меня точно так же, как научил моих братьев. Она прижимает приклад к плечу, одной рукой поддерживает ствол. Где ты ее взяла?

Дома, отвечает Хирут.

Дом: ровно в пяти километрах от этого места, которое называется также жилищем Астер и Кидане. Пять километров: Хирут оценит это расстояние только потом, когда поймет, что все вещи, даже потерянные, могут быть описаны на бумаге и измерены. А теперь, стоя на пороге своей крохотной комнатки и глядя на Астер, она понимает, что, даже если бы могла сейчас припустить назад быстрым бегом, это не уменьшило бы расстояния, отделяющего ее от того клочка земли, где лежат кости ее родителей. Она далеко от дома.

Дома, повторяет она. Его дал мне отец.

И тут Хирут чувствует чью-то руку у себя на плече. Она поворачивается и видит Кидане, залитого ярким полуденным солнцем.

Что вы здесь делаете? Фигура Кидане заполняет дверной проем, блокируя свет. Тонкая струйка пота стекает по его шее, на белой рубашке образуется темное пятно. Низы его бриджей в пыли, к краю одной штанины прилепился листик. Что случилось?

Спроси у нее, куда она спрятала ожерелье.

Кидане вглядывается в лицо Хирут. Потом снова смотрит на жену. Откуда у тебя эта винтовка? Он удивлен. Кухаркина?

Нет, ее, говорит Астер. Потом она начинает кашлять, кривит нос. Тут воняет. Они не моются.

Верни. Это сказано тоном, которым Кидане говорит, когда не предполагает никаких возражений. Она не твоя.

Смех Астер пронзает воздух комнаты. Значит, ты позволяешь ей не подчиняться приказу императора? Твой вождь говорит, что это теперь принадлежит эфиопской армии.

Кидане отирает шею платком, который потом возвращает в карман. Он стряхивает пыль с бриджей. Он, кажется, думает. Потом он говорит: Маленькая, можно я посмотрю?

Он дожидается, когда Хирут кивнет, после чего берет винтовку у Астер. Он держит ее двумя руками. Он прижимает ее к плечу, как это делала и

Астер, как это делал и отец Хирут, когда показывал ей, как обращаться с винтовкой.

Это Вуджигра, говорит он. У моего отца была такая во время сражения под Адуа, когда мы впервые столкнулись с этими итальянцами[10]. Ей не меньше сорока лет, а может быть, и все пятьдесят. Он поднимает винтовку повыше, заглядывает в ствол, наводит ее на дверной проем, на двор, словно может видеть то, что дальше — за стенами, за воротами, старый дом Хирут, отделенный от них многими километрами. У тебя есть патроны?

Хирут запомнила содержимое ящика, разбросанное теперь вокруг ног Астер: запасной шарфик кухарки, в который завернуты три Талера Марии Терезии и две голубых пуговицы, платье Хирут, в котором она пришла сюда и из которого теперь выросла, кусочек угля, которым она рисует, принадлежащая кухарке разбитая керамическая тарелка с розовыми цветочками, поцарапанная ручка от кувшина для воды, тоже кухаркина, и патрон, принадлежащий Хирут.

Где патроны? Кидане опускает винтовку. Сколько у нее патронов?

Есть только один-единственный. К этой вин-

[10] Примечания: 10

Речь идет о Первой итало-эфиопской войне (1895–1896), в которой Италия потерпела сокрушительное поражение.

товке и всегда был один-единственный патрон: он принадлежит винтовке, а винтовка принадлежит Хирут. Отец заставил ее пообещать, что винтовка и патрон всегда будут храниться раздельно, пока ей не будет угрожать серьезная опасность, а тогда, дитя мое, ты возьмешь винтовку так, как я тебя научил, прицелишься ею прямо в сердце, как я тебе показывал, и единственное, чего ты должна бояться, — это как бы твой враг не остался жив.

Я даже не знала, что у нее есть винтовка. Астер упирает руки в бока, и Хирут в полутьме видит, что у Астер дрожит подбородок, в ее устремленном на Кидане взгляде сквозит то нежность, то беспокойство. Что ты с ней делала?

Не сейчас. Кидане говорит остерегающим шепотом. Маленькая. Он откашливается. Эта винтовка важна для меня. Ты знаешь, что приближается война?

Война — ни о чем другом кухарка и слуги, встречающиеся на рынке, и не говорят. Они собираются, перешептываются о выпущенных рабах[11] и освобождении, которое несет армия *ферендж*и. Она отрицательно качает головой.

---

[11] Примечания: 11

Рабство в Эфиопии существовало с глубокой древности и официально было отменено императором Хайле Селассие только в 1942 году.

Она лжет, говорит Астер. Посмотри. Она протягивает листок бумаги.

Это одна из листовок, которые повсюду разбросаны на рынке. Она не знала, что у кухарки есть этот листик. Не знала, что кухарка прячет эту бумажку. Не знала, что содержание этого листика вынуждает кухарку прятать его.

Это было в одеяле кухарки. Их итальянцы раскидывали с самолетов. Я слышала про них. В них говорится, что люди будут свободны, если перейдут на сторону *ференджи*.

Кидане берет бумажку, поворачивается к свету. На обратной стороне виден кривой рисунок. Худой нищий в цепях стоит на коленях перед большеголовым человеком в короне. А внизу под колонкой слов тот же нищий уже стоит в полный рост, его цепи сброшены, разбитая императорская корона лежит у его ног. Теперь нищий, у которого появилось небольшое брюшко, машет солдату, его рука неуклюже поднята, на лице торжествующая улыбка.

Эти итальянцы, прежде чем попытаться захватить нашу страну, хотят устроить здесь бунт, говорит Астер. Муссолини хочет, чтобы эти люди вступили в его армию.

Но они не умеют читать. Кидане переводит

взгляд с листа бумаги на винтовку и назад.

Рисунки они понимают. Астер отшвыривает в сторону одеяло кухарки и снова принимается искать — перетряхивает матрас. Вокруг нее поднимаются облака пыли. Ну а что ты скажешь на это?

Хирутийе, говорит Кидане. Мне нужна эта винтовка. Мы отправляемся на войну, и нам нужно все оружие, какое можно найти. У этих итальянцев оружия гораздо больше, чем у нас. Он смотрит на нее своими добрыми глазами, просит ее так, что ей хватает мужества сказать:

Мне ее дал отец. Он сказал, что я всегда должна держать ее рядом с собой.

Если мы не соберем все имеющееся в стране оружие, то мы проиграем войну прежде, чем она начнется, говорит Кидане. Он не ослабляет хватки, не отдает ей винтовку, продолжает крепко ее держать обеими руками. Сам император сказал всем людям, чтобы они поделились своим оружием. Он сказал это по радио. Будь твой отец жив, он бы и сам отдал винтовку.

Нет. Она моя. Она заглядывала в его глаза прежде: там, где раньше она видела доброту, теперь новые для нее твердость, укор, прикрытый чем-то непонятным ей. Но Хирут думает об одном:

о том дне, когда отец отдал ей винтовку — он тогда потел уже, его пробирала дрожь, щеки неестественно впали. Она никому не отдаст эту винтовку.

Ты получишь ее назад. Я тебе обещаю, говорит Кидане. Он снова добр, мягок.

Перестань разговаривать с ней, будто она способна рассуждать, говорит Астер и тянется к винтовке. Просто возьми ее.

Она ребенок. Кидане отводит винтовку в сторону.

Ребенок. Астер замирает. Ребенок. Она подается к Кидане. Ты думаешь, я не понимаю, что ты привел ее сюда ровно год спустя после смерти нашего сына? Говорит она тихим голосом, но с такой горечью, что Кидане делает шаг назад.

Он опирается рукой о дверную раму и медленно произносит: Ее родители умерли. Я дал обещание Гетеи, она была мне как сестра.

Астер смотрит на свои руки, она колеблется, что случается с ней редко. Она появилась ровно год спустя после смерти Тесфайе, говорит Астер. Она поднимает голову, повторяет сказанное с большей уверенностью. Ты привез ее сюда, когда кончился траур. Так, чтобы ты мог делать, что тебе нравится, не порождая сплетен.

Она пришла сюда в день их похорон. Ей больше некуда было идти. Кидане делает глубокий вдох, словно желая успокоиться.

Ты привез ее сюда, чтобы оскорбить меня. Астер молниеносно кладет руку себе на живот, потом роняет ее. Ты привез ее сюда, чтобы попытаться указать мне мое место.

На их лицах одинаково мрачное выражение, словно они уже спорили вот так раньше, словно оба устали, но ничего не могут с собой поделать.

Ожерелья здесь нет, говорит наконец Кидане. Я его давным-давно потерял. Я тебе говорил.

И она уже больше не ребенок. Подумай о том, что ты знал про меня, когда я была в ее возрасте.

Кидане смотрит на жену, его рот кривится в нерешительном обрамлении лица. Он говорит тихо, так тихо, что Хирут думает, кроме нее, никто не может слышать его слов: Она дочь Гетеи. После этого он выходит из комнаты с ее винтовкой, и Астер, проводив мужа одним долгим взглядом, идет следом.

Они оба были здесь? Кухарка прислоняется к стене и оттягивает воротник своего поношенного платья. По ее шее стекают капельки пота. Она проводит обратной стороной ладони по подбородку и груди. Перестань смотреть на меня так,

бормочет она.

Хирут сидит в центре комнаты, обхватив колени руками. Лицо она прячет в пространстве согнутых рук.

Она опять искала свое ожерелье? спрашивает кухарка. Теперь она стоит над Хирут, ее ноги широко расставлены, и Хирут не нужно смотреть вверх, она и без того знает, что кухарка стоит, уперев руки в бока и выставив подбородок. Она выравнивает ящик, потом замирает у своего развороченного матраса. Что они тут делали?

Хирут поднимает голову. Видит над собой округлое лицо кухарки.

Рот кухарки начинает дрожать. Почему тут все перевернуто вверх дном? Она широко раскидывает руки, медленно, ошеломленно разворачивается. Она опускается на колени и запускает руки в соломенную набивку матраса, начинает медленно вытаскивать ее, разбрасывает комки. Нет, говорит она.

Хирут непонимающим взглядом смотрит на нее, ей на ум приходит птица, которую она как-то раз видела: старая и жирная, птица упала с дерева уже мертвой.

Почему ты меня не позвала? Пустой матрас кухарки лежит на ее коленях. Моя листовка. Ее

начинает клонить в одну сторону, потом она, наконец, выравнивается. Ты позволила им взять ее. Ты думаешь только о себе, да?

Хирут поворачивается к ней и видит ее сжатые челюсти, напряженную спину. Она не может понять, о чем говорит кухарка. Ты легко можешь найти другую. Она слышит, как горечь закрадывается в ее голос. Он взял мою винтовку.

Для тебя все так просто, правда? говорит кухарка.

Обе сидят в тишине, оглядывают разгромленную комнату. Над головой кухарки колеблющийся луч света пронзает плавучую пыль. У ее ног не собирается лужица света, как это было с Астер. Солнечные лучи не сверкают на ее плечах, не купают ее в золотом свете, как это было с Кидане. Она кухарка — квадратная и толстая, в своем унылом платье и в том же грязном шарфе, стоит в комнате, которая вмещает все ее пожитки.

Я была моложе тебя, когда оказалась здесь. Кухарка говорит это таким тихим голосом, что Хирут приходится податься к ней, чтобы слышать. Моего отца убили эти люди, которые пришли, чтобы похитить нас для работы в богатых домах. Я это видела. Она говорит с тихим надрывом. Ты думаешь, что ты лучше. Она делает паузу. Но я

сильнее.

Я так не думаю, говорит Хирут тихим голосом.

Я слишком полезна. Кухарка кладет руки на живот и сутулится. Она потерялась в своих мыслях, продолжает шептать тоном, который скребет ее грудь. Я не всегда была такой. Посмотри на меня. Она вытягивает руки, как крылья, поднимает подбородок.

Хирут смотрит на руки кухарки, на кости, невидимые под всей этой плотью, ожоги, пятнающие ее кожу, она знает, что шершавые на ощупь мозоли испещрили ладони кухарки. Сегодня ее короткие ногти пожелтели от куркумы, а на тыльной стороне запястья сверкающее, как свежая кровь, пятнышко авазе — пасты из красного перца. Она проснулась до рассвета, чтобы собрать еду для Кидане, который отправлялся по деревням рекрутировать жителей в свое войско. Она возилась допоздна, готовила еду и наполняла водой кувшины. Она нередко просыпается первой и последней ложится спать, работает с настойчивостью и усердием, в которых Хирут никогда не сомневалась. Она никогда не думала, что кухарка может быть какой-то другой, а не такой, как сейчас.

Ты даже не думаешь о том, что прежде у меня

была семья. Кухарка читает ее мысли. Ты думаешь, я родилась с этими шрамами.

Она никогда не слышала, чтобы кухарка говорила о той жизни, что она вела до этой.

Некоторых из нас доставляли силой, добавляет кухарка. Эта война поможет нам вернуться. Берхе и я могли бы уйти домой. Но теперь… Она замолкает. Они знают всё.

Берхе сказал, что я могу уйти, когда хочу.

Смех кухарки звучит коротко и печально. То же самое он говорил мне, когда мы приехали сюда.

Эту винтовку дал мне отец. Хирут поворачивается к стене, смаргивает слезы.

Кухарка соскальзывает на землю и садится рядом с ней. В долгом молчании одиночество протягивается между ними и сближает их.

Ты не видела Берхе, когда он был мальчиком, говорит наконец кухарка. Он был такой гордый, такой сильный. Она грызет ногти. Они тащили его отца по земле, привязав к коню, но отец все равно не сдался. Он отказался отдать им свою землю, и тогда они забрали ее вместе с его сыном.

Хирут вспоминает отцовские истории о войне с итальянцами, которые тогда потерпели поражение, а теперь хотят вернуться. Эти *фереджи*?

В этой стране всегда обитал дьявол, чтобы му-

чить людей вроде меня. Кухарка замолкает и устремляет взгляд на дверь, в сторону двора. В тот день, когда появилась ты, Астер сожгла свои одежды. Она и цветы в саду сожгла.

Хирут кивает. Она помнит голый двор, обгоревшие кусты и траву. А теперь она вспоминает кое-что еще: в день ее появления Астер встретила ее на веранде, облаченная в черное.

Выстави ее из моего дома, сказала она Берхе.

Это дочка Гетеи и Фасила, сказал Берхе. Она похоронила их обоих сегодня, у нее не осталось никого, ее привез Кидане.

И Астер поднесла к лицу дрожащую руку. Берхе, сказала она, вот, значит, как он собирается это сделать?

Кидане не знал, что делать, добавляет кухарка. Смерть их маленького мальчика сломала его, ты бы не поверила, если бы увидела его. Потом появилась ты, и что-то изменилось. Кухарка ногой выталкивает за дверь прут. Астер можно во многом винить, но не вини ее во всем.

Глава 2

Хирут, убирая в доме, каждый день ищет свою винтовку. Она заходит в гостиную, поднимает диван. Перетряхивает занавеси и ковры, сдвигает радиоприемник то в одну, то в другую сторону. Она проводит плоской ладонью под столешницей, передвигает каждый из четырех стульев, заглядывает под сиденье. Она просит кухарку помочь ей поднять мешки с абиссинской травой, чтобы проверить их вес, постучать по боковине пластиковой кадки со смесью ынджеры[12]. Она заглядывает в мешок с картошкой, в мешок с чечевицей. Она прочесывает розовые кусты во дворе, стога сена близ конюшни. Она разбирает, потом складывает обратно аккуратную поленницу Берхе у конюшни. Заглядывает в колодец рядом с компаундом. Она залезает под веранду. Она перекладывает все шарфики и платья Астер в ее шкафу. Хотя вход в кабинет Кидане ей запрещен, она проскальзывает туда, когда он уезжает на свои собрания в связи с предстоящей войной, и просматривает там все. Она убирает тщательно

---

[12] Примечания: 12
Блюдо эфиопской кухни, основная пища местного населения.

и усердно, и вскоре все комнаты сверкают, все серебро и медь блестят, как медленно горящий огонь.

Астер все больше нервничает и приглядывает за ней внимательным глазом. Кидане встает и выходит из комнаты каждый раз, когда появляется она. Каждый вечер кухарка говорит: Но ты уже вычистила эти комнаты, хватит уже. Она говорит: Они отдали винтовку одному из рекрутов Кидане. Она говорит: Берхе, заставь ее прекратить. Но Берхе с выражением бесконечной печали на морщинистом лице потихоньку следует за ней, когда она перепроверяет затоптанные тропинки за пределами компаунда. Потом, в один из дней, несколько недель спустя, он останавливает ее у ворот, обнимает и шепчет в ухо: То, что потеряно, потеряно, мое дитя, то, что потеряно, освобождает место для чего-то другого. Но она моет, и стирает пыль, и полирует снова и снова, будто в первый раз, и с каждым новым днем страх нарастает:

Винтовка исчезла. Ее словно и не было никогда. Словно кроме жизни в этом доме, она ничего другого никогда не знала, словно она никогда не была ничем иным — только вот этой никем не любимой девочкой. Вскоре ей придется признать, что винтовки нигде нет. Она упала в трещину,

которая может проглатывать девочек с такой же легкостью, с какой пожирает винтовки. Она чувствует, что исчезает, ощущает, как смягчаются ее кости, проскальзывают в ее кожу. Она просыпается, дрожа всем телом, убежденная, что чьи-то невидимые руки тащат ее куда-то, а она беззащитна без оружия, слишком слаба, чтобы воспротивиться врагу. Прости меня, аббаба[13], говорит она каждую ночь. Она извиняется перед отцом, потом ждет, когда солнечный свет зажжет свой сердитый жар, в котором сгорит темнота.

Ожерелье Астер: в один прекрасный день она находит его — оно засунуто глубоко в верхний ящик письменного стола Кидане, этого деревянного стола с прекрасной резьбой, теперь почти всегда заваленного картами и газетами, а еще на столе портрет их сына, маленького Тесфайе. Хирут выдергивает руку из ящика, сжимает ожерелье в ладони. Это увесистое, массивное золотое распятие на великолепной цепочке, она держит его в трясущейся руке. Ожерелье выскальзывает из ее пальцев и со звоном падает на пол, как мешочек с монетами, и когда она с бьющимся сердцем спешит его поднять, ей слышится чье-то

---

[13] Примечания: 13
Амхарское обращение к отцу.

дыхание в комнате. Она поворачивается: перед ней два стула, развернутые к столу, на стене выцветшая фотография отца Кидане и еще одна — супружеской пары в молодые годы. На столе все та же кипа документов, а поверх них лежит фотография множества марширующих людей в абиссинской национальной одежде и фотография императора Хайле Селассие, который смотрит на нее обвиняющим взглядом. Все та же сабля стоит все в том же своем углу. Ничто не сдвинулось с места, но Хирут кажется, будто стены разъезжаются и к ней тянется рука, готовая выхватить ожерелье, а потому она сжимает пальцы еще сильнее и бросается наутек.

Она закапывает его у конюшни в ямке, которую вырыла под поленницей Берхе. Она продолжает уборку. Она продолжает поиски винтовки. Хирут живет, понимая, что за ней наблюдают, следят, что она представляет собой любопытное зрелище в доме, который весь сияет от ее усердного труда. И только по ночам позволяет она переменам взять свое, позволяет своему сердцу наливаться радостью, разрешает себе улыбаться. Она тихонько поглаживает место рядом с собой — там раньше лежала винтовка, потом она закрывает глаза, и ей видится девочка, стоящая на вершине

горы: девочка смотрит на поверженных врагов, победно держа в руке свою винтовку.

И теперь уже не страшно, совершенно не страшно взять еще раз и продолжить брать. Вот что она берет: желтую бусину, лоскуток красного шелка, золотую декоративную кисточку, пять резиновых полосок, шесть талеров, сломанный карандаш, ржавый карманный ножик, порванный зонтик, подкову, маленький камушек янтаря, ручное зеркальце, ладанку, изящную кофейную чашечку с золотой каемкой, штемпельную подушечку, сломанный компас, сложенную карту, миниатюрную Библию в кожаном переплете, два закрытых медальона, деревянный крест размером с ладонь, зеленый шерстяной шарф, сегмент изящной золотой цепочки, переливающийся голубой камень, кусочек мыльного камня, ножик для разрезания писем с серебряной рукояткой, винный бокал, шесть спичечных коробков, две раздавленные сигареты, пустую таблетницу, кожаный браслет, часы без браслета, мухобойку из конского волоса, складной веер, стопку проштемпелеванных документов, два сложенных конверта, деревянный нательный крест, кожаный нательный крест, две серебряные цепочки, клочок черного бархата, бракованную катушку с

хлопковой нитью, клубок зеленой пряжи, погнутую миниатюрную рамку, бусы, кожаную сумку, стеклянную чайную чашку, ложку с золоченым черенком, картинку размером с ладонь, изображающую Йезуса Кристоса, детский браслет, пенсне, ножные браслеты, одну золотую сережку, черный шарф с золотой вышивкой, бинокль, одноцветный черный шарф, пару золотых сережек с рубинами, браслет под стать сережкам и великолепное кольцо с рубином.

Темной ночью она закапывает все это в ту же ямку, где лежит ожерелье, бесшумно разобрав поленницу, а потом воссоздав ее точно в прежнем виде. Она осторожна, она наслаждается радостью владения, неожиданная легкость кражи делает ее смелой. Она больше не боится задержаться у радиоприемника, когда Кидане слушает сообщения и речи на языке, который, как она вскоре понимает, называется французским. Она задерживается в коридоре, когда он в своем кабинете разговаривает с Астер. Она слышит новые слова: Лига Наций, Муссолини, Британия, маузер, артиллерия, пароходы. Она слышит, как он командует женой так, словно та прислуга: приготовить припасы, запасти воду на три дня, не тратить время на шарфики, пусть

вяжут другие женщины, сказать им, чтобы были готовы, — уже скоро. Хирут отбрасывает лишние подробности, прислушиваясь, не прозвучит ли название винтовки, принадлежавшей прежде ее отцу, а потом и ей: Вуджигра.

Глава 3

Вуджигра: известная также как винтовка Гра. Страна изготовления — Франция. Со скользящим затвором, одиннадцатимиллиметровая, однозарядная, для стабильно прицельной стрельбы наповал, надежное оружие, которое не боится ни холода, ни дождя и обеспечивает высокую скорострельность. Посмотри, Хирут, как я это делаю, сиди спокойно и слушай внимательно. Ее отец открывает камору и заводит туда патрон. Делает он это, отводя назад небольшой рычажок, расположенный на одной стороне ствола. Хирут смотрит на рычажок. Он блестящий и гладкий, серебряный шарик, круглый, как полная луна. Видишь это? Он поднимает правую руку. Все настоящие солдаты действуют именно этой рукой. Хирут сжимает в кулак левую руку. Ей удобнее всего пользоваться именно ею. Мать начинает привязывать эту ее руку к телу. Она смотрит и видит: отец прав, рычажок на Вуджигре не приспособлен для леворуких бойцов. Значит, когда она станет солдатом, думает она в тот день с отцом, ей придется стрелять правой рукой, которая противится, когда Хирут пытается что-то

ею делать. Левой рукой, говорит ее мать, пользуется дьявол. Этой рукой пользуются воры, а ты не *лейба*. Этой рукой пользуются, когда делают что-то такое, что не должны видеть другие, Хирут. Нельзя есть левой рукой. Этой рукой нельзя ничего делать, кроме самых тайных вещей. Хирут слишком мала для тайн, она слишком мала, чтобы понимать, что существуют вещи, которые должны оставаться недоступными знанию.

Ее отец поднимает винтовку, прижимает ее приклад к мускулам между плечом и верхней частью груди. Ты упираешь его сюда, говорит он, точно в то место, куда скатывается твоя голова, когда ты засыпаешь на мне. Он улыбается. Он правой рукой отводит рычажок назад. Это открывает казенник, говорит он. Она видит внутри канавку в форме колыбели, покрытую пятнами времени. Сюда устанавливается патрон. Отец держит патрон двумя пальцами. Когда ствол открыт, говорит он, ты вставляешь туда патрон, вот в эту камору. Он сдвигает рычажок и запирает казенник. Потом он поднимает винтовку, и голос его меняется. Становится низким и чуть подрагивает, когда он говорит ей. Ты смотришь вот сюда, пока не увидишь врага. Он ударяет пальцем по маленькому металлическому штырьку на конце

ствола. Потом переводит палец к прикладу, где для него находится удобное место. Это спусковой крючок, Хирут. Голос у него изменился. Перестал быть похожим на голос ее отца. Когда он смотрит на нее, он словно и не смотрит на нее. Его лицо сморщивается вокруг глаз, и она видит, что он пытается скрыть это, прищуриваясь. Ты не прикасаешься к нему, говорит он, пока не будешь готова. Готова к чему? спрашивает она. Он возвращает патрон в карман. Готова к тому, чтобы стать чем-то, что не есть ты.

Глава 4

Кидане продолжает передвигать одну и ту же кипу документов с одного конца стола на другой. Он бормочет что-то невнятное, протирая глаза, внимательнее вглядываясь в карту, а Хирут ждет у двери: он приказал ей принести шерстяные шарфы и плотную накидку, и она теперь держит их в руках. У нее за спиной дальше по коридору Астер плачет в их спальне и зовет кухарку, целые слова разлетаются на неразборчивые звуки. Сегодня вторая годовщина смерти их сына, а это означает, что уже прошел год со дня появления здесь Хирут и три месяца со дня исчезновения винтовки. Хирут по привычке нервозно оглядывает кабинет, чтобы убедиться, что Вуджигры здесь нет.

Кидане, иди сюда. Голос Астер низким гулом ударяется о стены.

Кидане швыряет карту на стол. Нардос не увела ее в церковь? спрашивает он. Он трет лоб, и тонкая линия его рта становится еще тоньше. Прямо как в день нашей женитьбы, добавляет он. Она считает, что это способ добиться своего — плакать вот так.

Он склоняется над бумагами под грузом голоса жены. Под коротко остриженными волосами, украшающими его шею, на линии воротника набухла крупная вена.

Могу я положить это куда-нибудь? спрашивает Хирут, поводя плечами, чтобы ослабить напряжение.

Подожди-ка.

Кидане снова поднимает карту и продолжает ее разглядывать. Сумеречный свет керосиновой лампы проникает через полупрозрачную бумагу. Тонкие линии карты пересекаются и соединяются, потом резко останавливаются перед сверкающим голубым лоскутом, который цепляется к границе, отделяющей сушу от моря. Вот Кения, контуры которой напоминают лицо царицы. Заостренная корона Эфиопии омывается Красным морем. А ниже Аденский залив. Индийский океан. Хирут подается вперед, прищуривается, чтобы лучше видеть. Кидане в своей руке держит целые страны, длинный ноготь его мизинца врезается в песок Сахары. Она знает, что где-то выше Эфиопии находится Египет, а неподалеку есть земля, которая называется Судан. Она узнала об этом за последние несколько месяцев, убираясь в кабинете без присмотра. Она

по одной носила карты Берхе, который неохотно помогал ей различать разные формы, после того как она пообещала ему незаметно вернуть все на прежнее место.

Ты хочешь увидеть это? Кидане трясет бумагой, неожиданно пугая ее. Он бьет себя по лбу. Запомни эту землю, глядя на нее собственными глазами, говорит он. Картами пользуются *ференджи*. Мы знаем нашу страну. Он бросает карту на стол и бормочет что-то себе под нос. Они, готовясь к войне, используют бесполезные клочья бумаги, добавляет он.

Маленькая, положи одеяла там и сядь сюда, говорит он. Положи их на пол — он чистый, как тарелка. Улыбка удлиняет глубокие морщины вокруг его усталых глаз.

Хирут кладет то, что держит в руках, и смущенно становится напротив Кидане у стула с витиеватой резьбой.

В кабинет доносится голос Астер, непрерывный стон, сквозь который слышатся неразборчивые слова кухарки.

Он подмигивает ей. Я не скажу ей, что ты садилась на этот стул.

Хирут садится. Дерево кажется мягким и податливым, оно словно принимает форму Хирут.

Ты думаешь, что за столько лет можно привыкнуть уже ко всему, что она делает, но вдруг оказывается — нет, не привык, говорит Кидане. Он становится серьезным. Мне все кажется, что я увижу его за углом. Ты сколько уже здесь? Он хмурится и переводит взгляд на газету. С того времени, как мы стали опасаться всего худшего от этих итальянцев. Он кивает сам себе. Ты такая маленькая, а уже потеряла обоих родителей — одного за другим. Его губы дрожат. Но посмотри-ка на себя, ты такая сильная.

Хирут недостает роста, чтобы чувствовать себя удобно на стуле. Она приподнимается, упираясь подошвами в крепкие ножки, собирается с силами. Если он продолжит говорить о ее родителях, ей придется выпустить их из крохотного уголка памяти, куда она их заперла, чтобы не плакать.

Астер не больна? спрашивает она.

Кидане показывает в сторону спальни. Она всегда слишком близко к сердцу принимала происходящее, вот в чем ее проблема. Он смотрит на Хирут. На этом стуле сидел мой отец. Он сделан не для девочек, правда? Ты такая маленькая.

Она сцепляет руки на коленях, потом переносит их на проступающие бицепсы, похлопывает ими по коже — она видела, что так делал Кидане.

Мне нужна твоя помощь, Хирут, говорит он, посерьезнев. Даже мне приходится покидать мою землю. Всем моим фермерам сейчас придется взять свои сабли и винтовки, придется покинуть свои дома. Нам всем нужно внести свой вклад в грядущую войну.

За ним на стене остались бледные очертания его сабель и щита, висевших там прежде. Он снял фотографию, запечатлевшую его и Астер, когда они были моложе. Теперь на этом месте висит его фотография, где на руках у него Тесфайе, маленькое подобие отца, гордо держащего сына. На обоих великолепные блузы, ярко сверкающие на фоне черного задника.

Моя винтовка, говорит она. Могу я получить ее назад?

Кидане, помедлив, говорит: Мне нужно будет, чтобы ты делала то, что просит Астер. Как только мы будем готовы к походу, ты присоединишься к нам. Будешь заботиться о моих солдатах. Кухарка и Берхе стареют. Ты молодая и сильная. Он переводит взгляд с ее лица на ее шею. Иногда ты так похожа на свою мать, добавляет он. Она была мне как сестра. Ты, вероятно, тоскуешь по ней.

Голос его слегка дрожит — нечто, раскрывающее его изнутри. Хирут, пользуясь этой его

слабостью, отваживается попросить еще раз:

Пожалуйста, отдайте мне винтовку. Злость охватывает ее, и она прикусывает губу, чтобы не выпустить слезы из глаз. Они оставили мне эту винтовку.

Он откидывается на спинку стула, устремляет взгляд в потолок. Ты будешь помогать кухарке носить еду и воду. В прошлую войну этим занимались мои тетушки. Ты разве не хочешь помогать?

Астер снова зовет Кидане.

Кидане вздрагивает. Если Астер будет плохо себя чувствовать, ты должна будешь взять на себя ответственность за наше снабжение продуктами. Кухарка будет слишком занята другими делами. Он кладет руки поверх своих бумаг. Маленькая больше не такая уж и маленькая, тихо говорит он. Твоя мать гордилась бы тобой.

Знаешь, что мне сказала твоя мать, когда я видел ее в последний раз? Ты тогда была такой маленькой девочкой. И опять его глаза уходят с ее лица и задерживаются на шее, на точке, в которой, как она чувствует, от жары проступил пот.

Хирут подается вперед, не доверяя своему голосу. Кровь медленно приливает к ее щекам, сползает к груди, оседает в животе. Она пытается

вообразить, как ее мать разговаривает с Кидане. Его она может представить таким, какой он есть, плотным и целостным, а ее мать — это какая-то призрачная фигура, время стерло изящные черты ее лица.

Она сказала: «Позаботься о моей дочери». Кидане откашливается. Она хотела, чтобы я приглядывал за тобой. Она вверила тебя моим заботам.

Правда? Хирут жаждет услышать больше.

Правда, говорит Кидане. Он внимательно смотрит на нее.

Любовь ее матери, как сказал однажды отец, такова, что может развернуть реку и заставить ее притечь к ней. Твоя мать, сказал он, несет добро в мир. Поэтому Хирут встречает его взгляд, и время растягивается между ними, так продолжается, пока голос Астер не смешивается с ветром за окном. Невозможно, чтобы он *любил* ее мать так, как он говорит, и это никак не изменило его. Невозможно, чтобы ее мать *любила* его, как брата, и это никак не повлияло на него. Это значит, что он и ей как брат. Если она расскажет ему больше о ее винтовке, он наверняка вернет ее.

Мой отец очень хорошо относился к твоей матери. Ты знала об этом?

Хирут отрицательно мотает головой. Она смотрит на царапину у себя на костяшках пальцев, царапина пересекает ожог от брызг масла. Ее руки постепенно становятся похожи на руки кухарки.

Мой отец был добрым человеком. Голос Кидане дрожит.

В кабинет из коридора проникает кашель Астер. Это харкающий звук, который словно вытаскивает себя из ее чрева и заползает в угол кабинета, как раненое животное. Он длится, длится, не прекращается.

Он встает и направляется к двери. Останавливается, прислушивается, потом закрывает дверь.

Ты знаешь, что такое война, Маленькая? Он говорит, стоя к ней спиной, прижав лоб к двери. Ты знаешь, что значит ненавидеть? Он сутулится, подавленный надрывностью кашля Астер. Кашель скрипучий, мучительный, он мечется в ней, пока не переходит в горловой стон.

Никто не знает, что такое война, пока не поучаствует в ней. Но я думаю, ты будешь хорошим солдатом, каким был бы и Тесфайе.

Он поворачивается к ней, садится на угол стола. Кладет теплую руку на ее плечо, наклоняется к ее лицу. Голос Астер теперь превратился в свою

тень, слабеющие звуки имени, на которые он не обращает внимания.

Она ждет еще каких-нибудь воспоминаний о матери.

Когда мне было столько, сколько тебе сейчас, твоя мать нередко говорила мне: Стой прямо, как солдат. Не плачь, братик, ты солдат. Она чувствует запах кофе в его дыхании — она сама подавала ему чашку недавно. Он наклоняется еще ближе к ней. Ты бы заботилась о Тесфайе, как твоя мать заботилась обо мне. Я бы заботился о тебе, как мой отец заботился о твоей матери.

Он выпрямляется и откашливается. Два года. Тесфайе. Потом он замолкает. Они прислушиваются.

Астер зовет Кидане; и дело не в манере речи, а в голосе — сердитом и жалобном, взволнованном и настойчивом, охрипшем от бесконечных повторов. Этот голос проносится по коридору, проникает в комнату. Он просачивается сквозь дерево, ударяется о стекло. Он лишает звук смысла, оставляет только груз, который повисает над их головами, отягощенный печалью.

Легче не становится, правда, Маленькая? Ты тоже знаешь. Но ты не плачешь? Я не вижу, чтобы ты печалилась, ты только работаешь, иногда

слишком много работаешь.

Кидане поднимает голову Хирут под подбородок и целует ее в лоб. Вблизи она видит, как этот голос терзает его по нарастающей: нерв, подергивающийся под глазом, трясущаяся рука, дрожащие губы, которые он прижимает теперь к ее щекам, потом словно в поисках опоры опускается к ее шее. Он дышит, преклонив голову к изгибу ее шеи, он так близко, что ей приходится подаваться назад, и его дыхание увлажняет ее кожу, словно пар. За ними его имя голосом рассерженной женщины. За его плечом карты на стене. А когда она поворачивает голову к двери в поисках пути к бегству, то видит кухарку, пораженную и шокированную: ее рот открывается и закрывается вокруг беззвучного слова. А потом, когда он произносит ее имя, Хирут вынуждена посмотреть на него.

Кухарка откашливается и стучит в дверь.

Что такое? говорит он в удивлении, отпрянув.

Я ничего не могу с ней поделать, говорит кухарка, она быстро произносит слова, стоит с опущенной головой. Она не перестанет звать вас, сегодня один из ее плохих дней.

Кидане соскальзывает со стола и выходит из комнаты, чуть задев кухарку. Когда Хирут встает

и снова поворачивается к двери, кухарки уже нет. Она остается одна в кабинете, слышит, как набирают силу и спадают голоса Кидане и Астер, и впервые признает, что некоторые воспоминания следует огораживать другими, что люди, которые достаточно сильны, должны держать других на расстоянии. А когда она возвращается на кухню, чтобы помочь кухарке, первая нить горечи завязывается в ней, едкая, как гниль, такая слабая, что она предпочитает принять ее за отдаленный запах дыма.

Интерлюдия

Хайле Селассие тихо сидит в своем кабинете. Сегодня второе сентября 1935 года, и первые пряди ночи начали проникать в ткань дня. Он сидит на своем любимом стуле, обхватив себя за плечи, перед ним на столе стопка вскрытых телеграмм. Сообщения приходят все в том же духе: Эфиопия на грани конфликта, угрозы Италии становятся все истеричнее. Дождливый сезон закончился, и когда дороги подсохнут, по ним наверняка двинется оккупационная фашистская армия. Что намерен предпринять его величество? Необходимы припасы. Порт Массава заполняется итальянскими кораблями. Войска стягиваются к Асмаре, готовые двинуться к нашим границам.

Хайле Селассие потеет. Высокий потолок давит на него. Пол поднимается. Аддис-Абеба кипит, его народ собирается в церквях. Хайле Селассие должен молиться. Он должен быть со своим Советом. Он должен быть со своей семьей, но император может только одно: податься вперед на своем стуле и кивнуть адъютанту, давая распоряжение развернуть две только что поступившие катушки. Новости старые, но он хочет просмотреть их. Он хочет, чтобы их содержание захватило его. Он хочет сидеть в середине этой сужающейся комнаты и прокладывать путь навстречу войне, наступающей на него со скоростью и мощью локомотива.

Адъютант держит в каждой руке по круглому металлическому контейнеру. В одном по-английски, в другом по-итальянски ваше величество.

Император вперяет в него взгляд: он одет, *как ференджи*, костюм в тонкую полоску по индивидуальному пошиву. Его тонкие усики выровнены аккуратнейшим образом. Его глаза смотрят пронзительным взглядом человека, который не боится. Император вдруг понимает, что не помнит его имени, но он знает отца этого молодого человека и отца его отца тоже помнит. Он знает, из какой деревни происходит жена адъютанта,

знает про тайную любовницу, которую тот содержит в Дэбрэ-Зэйте. И он знает, что во время просмотра молодой человек будет покорным, но при этом будет гореть желанием выйти за дверь и посплетничать.

Какую первой, ваше величество? снова спрашивает адъютант. Одна катушка из «Люче». Он называет итальянскую пропагандистскую новостную службу. Я могу перевести для вас любую.

Он слышит отзвук голоса своего старого наставника, отца Самюэля, цитирующего псалмы: десница Твоя найдет всех ненавидящих Тебя[14]. Ту, которая справа, говорит император. И выключи звук.

В катушках новости последних месяцев. Ни о чем новом они не расскажут: итальянские солдаты плывут к Эритрее. Муссолини заявил о своем праве колонизировать Эфиопию. Солдаты императора — всего лишь фермеры со старыми винтовками. Итальянцы вооружены гораздо лучше. У Италии есть самолеты. У Италии есть согласие Лиги Наций в форме пассивного молчания. Императору все это известно. Но доставка

---

[14] Примечания: 14
Псалом 20, стих 9.

сообщений замедлилась, тогда как события ускорились, и эти последние катушки — все, что есть у него, чтобы представить себе события ближайших дней и недель.

Хайле Селассие слышит осторожное покашливание из коридора. По другую сторону запертой двери его советники начинают проявлять нетерпение, они ждут, когда он их позовет.

Начинай, говорит он адъютанту.

Адъютант вставляет катушку в проектор. Хайле Селассие слышит потрескивание прокручивающейся пленки и шипение электрического тока, змеей ползущего по проектору. Вскоре комната погружается в серый туман, и он медленно моргает, когда черный экран начинает хрипеть за белыми пятнышками, потом на нем появляются цифры.

Он подается вперед, сжимает руки в кулаки и смотрит. Не упускает ни одной детали. Он видит извергающиеся струи водопада Тсиссат и холмы Гондэра. Он видит карту и ожившую белую линию, повторяющую очертания Нила, ползущую мимо суданских женщин, вброд пересекающих великую реку; мимо египетских рабочих, сооружающих плотину; линия выходит из Эфиопии и исчезает совсем. Потом он видит высокие линии

Нью-Йорка и группу американцев за столом, над которым из стены торчат два больших бивня. Он останавливает взгляд на бивнях.

Репортаж сообщает о его коронации, и он видит себя. Хайле Селассие помнит это мгновение. Он был горд. Был готов к тому, что его ждало. Хайле Селассие видит себя молодым, вот он салютует герцогу Глостерскому, выходящему из вагона. За герцогом идут высокопоставленные почетные иностранные гости, приехавшие на церемонию превращения раса Тэфэри Мэконнына[15] в императора Хайле Селассие.

Потом ведущий перескакивает через несколько лет, и он снова в 1935 году, видит Бенито Муссолини: узкоглазого, с выступающей челюстью. А вот и его солдаты — многочисленные, как муравьи. Они садятся на громадный корабль. А вот Бенито на белом коне перед статуей Юлия Цезаря.

Встык идут кадры с возмужавшим и помрачневшим Хайле Селассие в его кабинете; он сидит, сложив руки, когда он кивает и смотрит мимо камеры, в его глазах таится тихий страх. Кто тогда говорил с ним? Какой вопрос заставил его отвернуться вот так?

---

[15] Примечания: 15
Одно из многочисленных имен императора Хайле Селассие.

Мы здесь. Мы здесь, шепчет он, потом придумывает формулу получше: я здесь.

Еще раз, говорит он. Переставь проектор поближе к стене.

Он хочет, чтобы изображения проецировались на три стены. Он хочет, чтобы они двигались справа и слева от него, стереоскопически. Он хочет стать частью этого раскалывающегося мира. Он хочет устремлять взгляд в центр, пока периферия не заскочит по его велению в середину. Он хочет научиться противостоять хаосу и сохранять спокойствие, пока мир не вернет себя в прежнее состояние.

Адъютант ставит катушку еще раз.

Император закрывает глаза и слушает потрескивание целлулоида по металлу. Он понимает, каковы составные части этой надвигающейся войны. Он может разобрать ее и проанализировать каждый гнилой сегмент имперской мечты Муссолини. Он видит отдельные части, но не может осознать целого. Он не понимает, что еще может сделать.

Ваше величество? Пленка закончилась. Поставить еще раз?

Он кивает, потому что не верит своему голосу. Он чуть отодвигает назад свой стул, открывает

глаза и позволяет изображениям прийти в столкновение.

Еще раз, ваше величество?

Император не может ответить. Он может только сидеть в этой темной комнате и моргать, пытаясь вернуть мир в фокус.

Глава 5

Хирут делает передышку — она просеивает тефф[16] на веранде. Кидане и Берхе у конюшни за углом, вне ее поля зрения. Они разговаривают непринужденным дружеским тоном, даже не догадываясь о том, что закопано под поленницей в двух шагах от них. Она спрятала там украденное несколько недель назад и после этого была все время начеку, она так остро ощущала присутствие Астер и Кидане, когда те выходили из дома во двор, что даже стала спрашивать себя, а не чувствуют ли они, что она сидит у них на закорках, поворачивает голову, когда поворачивают головы они, залезает им в глотки, желая услышать самый первый намек на то, что ее раскрыли: резкий вдох, неожиданный хруст в шейных позвонках. Голоса двух мужчин доносятся до нее. Потом они появляются в воротах, держа обеими руками за концы длинный холщовый мешок, на котором лежат две новые винтовки. Они собираются доставить дополнительное оружие в новое войско Кидане — молодым рекрутам,

---

[16] Примечания: 16
Злак, выращиваемый в Эфиопии.

которых он готовит к еще не начавшейся войне. Хирут наклоняет голову и, облегченно вздохнув, продолжает просеивать тефф.

Она встряхивает миску, наполненную зерном, и ветер уносит обсевки. Ее глаза следят за движениями рук — вниз-вверх. Ее сердце замедляется до ровного ритма. Все звуки мира стихают до своей нормальной жужжащей умиротворенности. Она снова настолько погружена в свою работу, что не сразу замечает Астер в окне: та внимательно смотрит на нее, ее глаза двигаются вместе с глазами Хирут, фиксируют, как девушка смотрит на конюшню, как наклоняется в ту сторону. И только когда Хирут слышит стук-стук-стук, она испуганно поворачивается и видит женщину, которая стоит, прижав руку к стеклу, словно собирается раздробить его в кулаке.

Позднее она истолкует этот импульс как инстинктивное желание спастись бегством: Хирут оставляет тефф, встает. Ее уже трясет, ее тело реагирует на те слова, которые еще только формируются. Астер выходит из дома и становится рядом с ней, прослеживает направление ее взгляда. Астер сходит с веранды, останавливается, чтобы повернуться и посмотреть на Хирут, потом поворачивается к конюшне. Хирут смотрит на

спину Астер, на ее сжатые в кулаки руки, висящие по бокам. Они обе стоят так одна за другой лицом к конюшне, наконец Астер делает один шаг вперед, другой, а Хирут идет следом, ее ведет страх, который сильнее ужаса, пытающегося ее остановить.

Астер останавливается у дверей конюшни. Что здесь такое? Она зубами перетирает каждое слово.

Позднее Хирут скажет, что никак иначе это и не могло случиться. Она не могла ничего другого — только признаться и просить прощения. Глупо было брать эти безделушки, драгоценности, выведенные из оборота монеты. Глупо было воображать, будто все это принадлежит ей. Нет такого места на Земле, где девчонка вроде нее может владеть теми вещами, которые она закопала для хранения. Она всегда знала это, как знала и то, что никогда больше не увидит своей винтовки. Некоторые люди рождаются для того, чтобы владеть вещами. А другие рождаются только для того, чтобы класть эти вещи на предназначенные им места и чистить их. Эта мысль была ей знакома, но она предпочла ее игнорировать, надеясь, что усилием воли сможет превратить себя во что-то другое.

Ты здесь прячешь что-то?

Нет, говорит Хирут.

Хирут ждет, что Астер скажет что-то еще, но женщина стоит там и не двигается.

Так где же оно? Я видела, ты поворачивалась в эту сторону каждый раз, когда кто-то сюда подходил.

Она видит, как напряглась спина Астер, как сжались челюсти, отчего натянулись мышцы на шее. Астер сдерживает ярость, ждет идеального мгновения, когда можно будет дать свободу своим чувствам. А в том, что такое мгновение настанет, нет никаких сомнений.

Скажи мне, что ты делала. Кровь ударяет ей в лицо. В глазах собираются слезы — она смаргивает их.

Я искала мою винтовку.

Пространство между ними удлиняется, и они словно стараются не потерять равновесия, потому что земля под ними начинает ходить.

Ты не понимаешь? Взгляд, которым она вперилась в Хирут, колеблется между ненавистью и разочарованием. Винтовка больше тебе не принадлежит.

Хирут вытирает глаза. Она не хочет, чтобы эта женщина догадалась, как опасно близка к

разгадке.

Из конюшни повеяло спелым запахом навоза, едкой резкостью мочи и соломы. Они обе одновременно чувствуют этот запах, а когда Астер поворачивает голову, Хирут делает то же самое и обнаруживает, что край поленницы торчит из-за угла здания. Она быстро отводит взгляд и останавливается на дверях конюшни, но перед этим встречается взглядом с Астер.

В моем доме много спрятанных вещей, ты так не думаешь? Астер произносит это тихим голосом, но теперь очевидно, что ее трясет от ярости. Она пытается сдержаться, успокоиться, отчего напрягается каждый ее мускул. Лицо ее от усилия распухает, рот растягивается в мрачную линию.

Я видела, ты орудовала в моей спальне, продолжает Астер. Ты заходишь в его кабинет и роешься в бумагах. Ты ведь даже читать не умеешь. Думаешь, сможешь заменить меня?

Из конюшни доносится громкое фырканье Адуи.

Хирут смотрит на рот Астер в ожидании слов, которые сломают ее решительность и поставят ее на колени. Она чувствует, как краска бросается ей в лицо, устремляется в то место, к которому Кидане прикасался губами. Она поднимает руку,

чтобы отогнать это ощущение прежде, чем заметит Астер.

Кто ты? спрашивает Астер.

Хирут подтягивает воротник своего платья, опускает голову. Она знает, кто она, но еще она знает, что ей конец.

Я ничего не хочу, говорит Хирут. Только вернуть мою винтовку.

Астер поднимает руку, чтобы ударить ее, но сдерживается. Она берет руку Хирут, тычет большим пальцем в ее локоть. Ты все еще считаешь, что этот мир построен для тебя? спрашивает она. Ты родилась, чтобы приспособиться к нему. Вот в чем твоя судьба. Судьба твоей матери. Твоя винтовка принадлежит Эфиопии. Ее отдали тому, кому она нужна, чтобы воевать. Неужели ты думаешь, что ты важнее страны?

Астер тащит ее за собой к стене здания перед поленницей. Ну, давай, покажи мне.

Вот кое-что про нее: ей нравится петь. Ей нравится звук ее голоса, заключенный в мелодию и выкатывающийся из горла. Мать научила ее, как сделать так, чтобы голос мог метаться между двумя чувствами, не раскалываясь. Она поет, чтобы запомнить, приколоть факт к ритму и надежно разместить его в голове. Когда она создает

песню, она может изменить событие, развернуть происходящее в нем действие, изменить его смысл, даже предать его забвению. Она всегда осознавала неустойчивую природу правды. Она знает: чтобы что-то тронулось с мертвой точки, нужно верить.

И когда Астер ведет ее к стене здания за поленницей и говорит: Ну, теперь покажи мне, Хирут думает о мелодии и позволяет ей подняться из груди и обосноваться внутри горла, в готовности. Песнопение, которое очистит настоящий миг. И когда у нее не остается выбора, только полено за поленом начать разбирать поленницу под наблюдением Астер, которая стоит, сжав губы, Хирут начинает напевать. Она снимает один ряд за другим, поспевая за печальными модуляциями ее бессловесной баллады, она начинает произносить имя матери: Гетеи. Она шепчет его, продолжая работать, пока не остается ничего, кроме узкой горки земли, которая обвинительно отвечает на ее взгляд. Она и Астер стоят перед горкой, утратив дар речи, наконец Астер опускается на колени, ползет к ямке и начинает копать.

Хирут поворачивается к ней спиной. Потом она чувствует, что ее качает. Ее тело начинает складываться, и даже имя матери не имеет до-

статочной силы, чтобы удержать ее на ногах. Она кладет голову на землю, прижимает к коленям, защищает руками голову и ждет, стонет с усиливающейся истерикой: *Эмама, эмайе*, помоги мне.

Вот что находит Астер: две помятые сигареты, сломанный карандаш, кожаную сумку, пустую таблетницу, стопку проштемпелеванных документов, кожаный браслет, пепельницу, часы без браслета, штемпельную подушечку и сломанный компас, маленький камушек янтаря, мухобойку из конского волоса, ржавый карманный нож, складной веер, два сложенных конверта, деревянный нательный крест, два закрытых медальона, две серебряные цепочки, накрученные на нож для открывания писем с серебряной рукояткой, кожаный нательный крест, шесть спичечных коробков, клочок черного бархата, голубой камень, ложку с золоченой ручкой, поколотый кусочек песчаника, связанный узлом негодный хлопок, сережки из фальшивого золота, поцарапанную чайную чашку, маленький бинокль и ее ожерелье.

В эту минуту произносятся какие-то слова, но Хирут потом не сможет вспомнить, она или Астер цеплялась за надорванную кромку сломанной

мысли: *Эмайе, эмайе*, почему ты не сказала мне? Почему ты не сказала мне, что все будет вот так?

Астер покачивает ожерельем над головой Хирут. Она, похоже, не в силах понять, что держит в руке. Ее лицо искажено, черты крошатся, потом собираются воедино, потом снова распадаются. Она покачивает головой и говорит: Какое она имела право? Какое она имела право? Потом она опускает взгляд на Хирут, и в этот момент Хирут понимает, что подняла голову, чтобы увидеть новую версию Астер: терпящую крах и взбешенную, ошеломленную до невообразимой растерянности, склонившуюся под воздействием невидимой силы, которую Хирут может чувствовать, но не в силах понять.

Сядь.

Хирут, не задумываясь, подчиняется. Она вдруг осознает, что стоит на коленях лицом к лицу с Астер, протягивает руку, чтобы взять ожерелье, чтобы спрятать свидетельство своего усиливающегося стыда. Астер шепчет: Какое она имела право, хватает Хирут за волосы и отвешивает ей со всего размаха пощечину.

Для Хирут этот удар — облегчение. Хоть какое-то дело: получить удар. Есть куда уйти: в боль. Она радуется, что можно отвлечься от той дрожи,

которая выходит из Астер и проникает под ее собственную кожу — она чувствует это. Она плачет, готовя себя к крику, потому что знает: Астер тоже пользуется голосом, Астер тоже знает, как швырнуть голос на манер камня из пращи и поставить на колени взрослого мужчину. Неловко повернув шею, Хирут хватает себя за волосы у корней, чтобы не позволить Астер вырвать их. Часть кожи на ее голове уже горит. Потом она закрывает глаза в ожидании следующего удара. Она готовится к тому, что кулак обрушится на ее челюсть, отчего нижние зубы щелкнут по верхним. В ее ушах будет стоять звон от смыкания челюстей, потом челюсти разойдутся, на коже останется синяк, но кости не будут сломаны. Хирут наклоняет голову навстречу удару, в ее страхе начинает вызревать зернышко торжества. Что бы Астер ни сделала, она не сможет вернуть ожерелье, не сможет раскопать его снова. Она не сможет заставить Кидане не засовывать его в самый дальний угол переполненного ящика так, чтобы забыть о его существовании. Она не может ничего иного — только бить, и каждый удар — это бессильное замещение ярости, которую она предпочла бы направить на своего мужа.

А потом откуда-то издалека до нее доносится

щелчок, а следом хрустящий треск податливой кожи. Мысль предстала тонким лучом света, плывущим по темному небу: Астер сняла с крюка плетку — ту, которой Кидане изредка хлещет свою лошадь Адую. Плетка всегда, с ее первого дня здесь, висела на согнутом гвозде на стене здания. Она висит как раз над поленницей. Теперь она в руке Астер, и теперь не ветер хлещет Хирут, а плетка.

Пожалуйста, говорит Хирут. Она разворачивается, чтобы защитить спину от следующего удара. Кончик плетки ударяет ее по плечу, разрывает кожу на ключице. Разрыв быстро наполняется кровью, которая стекает вниз с одной стороны от ее горла, напоминая разорванное ожерелье. Теплый влажный щит образуется на ее платье, увеличивается в размерах, и она знает: у нее сильное кровотечение. Хирут прошибает пот, и она чувствует, как в ее голове опускается темный занавес. Несколько мгновений нет никаких слов. Никаких звуков. Только размеренный терзающий хлест по ее спине и плечам, разрывающий кожу, чтобы добраться до костей. Она хочет закричать, но Астер продолжает бить ее, и нет голоса, которому хватило бы силы выбраться из этой пропасти. Нет звука достаточно низкого,

чтобы закопаться в нее. Она неторопливо отсчитывает рубцы и разрывы, ожоги открытых ран. Она распадается на части.

Она слышит голос кухарки: Астер. Асти. *Эмебет*[17]. Не так.

Убирайся отсюда, говорит Астер, пиная Хирут в живот.

Хирут перекатывается на спину, давится в кашле, пытаясь глотнуть воздух. Помогите мне.

Кулак находит середину ее груди, и Хирут, приведенная в движение силой ошеломляющего удара, бездыханно складывается вокруг этой новой боли. Теперь страх охватывает ее по-настоящему. Один ее глаз закрывается. Она видит край распухшей губы. Она поворачивает голову в направлении кухарки, от этого движения тошнота подступает к ее горлу. Кухарка качает головой, смотрит безжизненным взглядом, подбородок у нее дрожит. Хирут слышит голос — она знает, это ее голос, — который зовет ее мать, зовет Кидане, зовет ее отца. И когда она поворачивает голову, чтобы попросить Астер перестать, пожалуйста, перестать, она уйдет, уйдет и умрет, и никогда не вернется, она видит, как Астер падает на колени,

---

[17] Примечания: 17
Хозяйка дома, госпожа (*амхар.*).

швыряет ожерелье к голове Хирут, и оно приземляется, ложится бесформенной грудой, как раненое животное.

Несколько мгновений мир вращается в неестественной тишине. В нем есть только Астер, которая прижимает лицо к земле и ползет к ней. Хирут видит безумную скорбь в ее глазах, видит, как ее рот пережевывает слова, чтобы выплюнуть их. Клуб пыли поднимается над Астер, когда она волоком тащит себя по земле, словно забыв, как пользоваться ногами, словно ее тело не может удержать полное бремя ее ненависти. А потом между ними не остается ничего, кроме пыльного воздуха толщиной в палец. Тишина длится, Хирут слышит только звон у себя в ушах. А потом: Это было ни за что? Кричит Астер и трясет Хирут за плечо. Это было ни за что?

Хор

Мы видим маленькую Астер. Мы видим, как она поднимается по лестнице, а хор женщин причитает за ее спиной. Она хватается для большей надежности за перила, подтаскивает свое свинцовое тело на следующую ступеньку. Ее детское сердце, обезумевшее от страха, заметно дрожит в ее груди. Мы слышим мужской смех в зале внизу. Мы слышим скрип тяжелых стульев, эхом разно-

сящийся по всему большому дому. Повешенная на длинный гвоздь яркая керосиновая лампа покачивается на площадке перед ней. По стенам скачут тени, и что ей еще остается — только в ужасе оглянуться на мать. Она ведь в конечном счете такая маленькая. Всего лишь девочка. А потому, когда они говорят ей: Ну, давай, Астер, иди к твоему новому мужу, что может сделать Астер — только подчиниться и идти.

На верхней ступеньке стоит кухарка, она распахнула руки, чтобы взять ее и проводить в спальню. Астер не знает, что мы там. Она не может видеть, как на темной, темной лестнице сияет ее великолепное абиссинское платье. Другого пути нет, только через спальню, говорим мы ей. Никакого пути для бегства нет, кроме того, что ты найдешь в себе. Мы шепчем, но она не слышит. Мы предлагаем совет, который все матери дают дочерям, оставляющим позади свое девичество. Она спотыкается и останавливается на последней ступеньке. Девочка, которую так трудно довести до слез, в этот момент на грани обморока. Кухарка покачивает головой и прижимает палец к губам, подбадривая ее движениями руки.

Не бойся, Асти, говорит кухарка. На нем ожерелье, которое ты ему дала. Это хороший знак. Иди,

эмебет, не волнуйся, он будет нежен.

Но Астер ничего не слышит. Она повисла над праздничными голосами, она в плену у созревающей ярости, которую ошибочно принимает за страх. За этой дверью спальня. В спальне Кидане. Когда она войдет, то должна будет сделать это без кухарки, без матери. Она должна войти как жена человека, которого едва знает. Они будут одни и будут делать то, что делают муж и жена, когда закрывают за собой дверь и погружаются в гробовое молчание. Выбора нет — только вперед. Другого пути нет, только через спальню, снова говорим мы ей.

На площадке кухарка притягивает ее к себе, обнимает. Ляг на кровать, раздвинь ноги и закрой глаза. Утром я буду ждать тебя здесь. Я сама тебя искупаю, если захочешь. Она целует Астер в одну щеку, в другую, поправляет складки на ее платье. Ты красивая, говорит она.

Распухший глаз кухарки почти зажил, как и рассеченные губы — на них теперь лишь сухая корочка. Никто из них не говорил о той ночи, когда они пытались убежать, но отец Астер поймал их. Это стертое воспоминание, выжженное, истолченное в прах. Когда раны окончательно заживут, не останется никаких свидетельств

того, что Астер и кухарка когда-то заключили договор бежать вдвоем и никогда не возвращаться. Теперь кухарка говорит с ней так, будто Астер не нарушала своего обещания: признаться, что идея принадлежала ей самой. Она нежно смотрит на нее, словно Астер всю вину приняла на себя, словно это Астер чувствовала, как кулаки отца вонзаются в ее живот, крушат ее челюсть.

Астер цепляется за кухарку, прячет лицо в ее плечо. Идем со мной, всего лишь за дверь.

Выражение, которое мелькает на лице кухарки, — словно жесткий луч света. Нам всем приходится делать то, что нам не нравится, говорит она.

Они идут к спальне, перед дверью кухарка отходит в сторону. Астер кладет ладонь на дверь и толкает ее, потому что другого пути нет — только через спальню, потому что ничто другое невозможно, потому ничто другое никогда не было возможно, только идти туда, куда она должна идти. Она входит внутрь, прижимается спиной к стене, ее тело пульсирует, как нераскрытая рана. Она все еще воображает побег. Она не видит внизу лестницы мать, готовую схватить ее, если она бросится в бегство. Кухарка тоже смотрит на дверь спальни, ее челюсти плотно сжаты,

она пытается скрыть улыбку, но у нее это плохо получается.

В большом зале внизу воздух наполнен густым запахом мускуса и дыма. Мужчины позакрывали все окна, от нетерпения их глаза скучнеют. Они ждут одного звука: испуганного крика девочки, первых знаков того, что мужчина освободился. Ждет и мать Астер, ждет и дрожит, как та юная девочка, какой она была когда-то. Она тянется к руке кухарки, но та отдергивает руку. Она восстанавливает в памяти свои шаги по той дороге, которая, как когда-то надеялась кухарка, приведет к свободе. Она снова клянет жесткие кулаки, которые свалили ее. Другого пути нет, только через спальню, бормочет она себе под нос. Нет никакого пути для бегства, кроме того, что ты найдешь в себе.

Кровать сделана из надежного дерева и плотных слоев кожи. Она огромная. Она чудовищно большая. Она слишком велика для такой девочки, как она. А вот и он, алчущий мужчина, вышагивающий по комнате в проникающем внутрь свете, его белая одежда ослепляет бликами, швы ярки, как зубы. На нем ожерелье, которое она ему подарила, оно свободно висит на нем, обильное золото ловит искорки света. Астер бросается

было к двери, но та закрылась и заперлась без ее участия.

Иди сюда, бормочет он. Он аккуратно садится на кровать, чтобы не помять белые хрустящие простыни. Он снимает ожерелье и протягивает ей. Посмотрим, как оно пойдет тебе, Маленькая. Он похлопывает по кровати, подвигается. Вот сюда.

Астер стучит в дверь, дергает ручку. Пожалуйста, говорит она.

Иди, шипит кухарка из коридора.

Лидже[18], мы будем здесь, когда ты проснешься. Голос ее матери звучит так тихо, что может уместиться в щелочке между дверью и стеной. Все будет хорошо. Помни, что я тебе говорила.

Астер, говорит Кидане. Ожерелье лежит кое-как в середине его ладони. Я очень горд тем, что ты — моя жена. Я знаю, ты испугана, но все в порядке. Ты привыкнешь.

Только мы знаем, что он толком не понимает, как ему быть с этой девочкой. Он слышал разговоры мужчин, но ему некого было спросить о такой маленькой. Ему ничего не оставалось, только с напускной гордостью пройти к своей спальне,

---

[18] Примечания: 18

Обращение к ребенку, к младшему — дитя мое, сын мой, дочь моя (*амхар.*).

протянуть руку и сказать: Идем. Он наполнил себя выпивкой и песней. Он крепко цеплялся за отца и отворачивался от взгляда матери. Он улыбался и кивал, сидел в церкви рядом с этой Астер, а сердце билось в его груди, как сумасшедшее. Он смущен, но не испуган. Он встревожен, но не начеку. Он чувствует именно то, о чем он и сказал: он горд.

Отпусти меня домой, говорит она. Я вернусь завтра.

Он смотрит на ее гибкую фигурку, тонкую шею, маленькие запястья. Видит слезы, видит, как она их смаргивает. Он видит ее содрогающееся тело, ее дрожащие плечи, и его нервозность сникает. Он начинает понимать рассказы тех мужчин, что собирались вокруг него в последние недели. Сначала ты почувствуешь себя старым, потом молодым: вот, что они говорили ему. Ты должен быть сильным, добавляли они, не сдавайся. Она принесет тебе сыновей, которые будут похожи на своего отца, так что решай, каким ты будешь мужчиной, с первой ночи. Кидане сидит на кровати, и мы слышим, как его дыхание ускоряется. Мы видим, как он начинает лосниться от пота. Мы видим, как он дрожит, и мы знаем, он сделает то, что делали те, кого он называет своими отцами.

Отойди от двери. Сейчас же. Его дыхание замедляется. Тело напрягается. Расслабленность уходит из его костей. Он сидит, но он начинает наливаться силой, становится хищным, подобным рептилии, жестким.

Из коридора доносится скрип половиц. Лестница стонет, и она знает, что женщины ушли. Он чувствует в жаркой комнате смешанный запах пота и теджа[19]. Здесь стоит запах старого масла, высушенной кожи и сладкого ладана. Астер роняет голову и цепляется за стену. Она не в состоянии двигаться. Ее тело стало подобно камню.

Кидане поднимается с кровати, кладет ожерелье на простыни. Он снимает рубашку, становится рядом с ней, его руки висят по бокам.

Посмотри на меня, говорит он.

Его голая грудь расширяется, тугая плоть проступает сквозь грубую кожу. Упругие мускулы натянуты на его плечи, как канаты, и уходят по спине вниз. Его руки действуют с четкостью, какую она видела только у сильнейших мужчин из ее родни. Его тело заполняет комнату, поглощает воздух, хотя он даже не двигается, она чувствует, как его жар подавляет ее. Астер обхватывает себя

---

[19] Примечания: 19
Традиционное эфиопское вино из меда.

руками, опускает голову.

Посмотри на меня, повторяет он.

Он надевает ожерелье. Толстая золотая цепочка сверкает на его коже. Он целует крест, смотрит на него с обратной стороны, на которой ювелир, по настоянию ее матери, вырезал имя «Кидане».

Настанет день, и это ожерелье перейдет к нашему сыну, говорит он и улыбается.

Он стаскивает с себя брюки, и вскоре на нем не остается ничего. Астер отшатывается от этого зрелища. Между его ног она видит волосяной треугольник — волосы грубые, густые и угрожающие. Он щетинится твердой плотью, окутанной дурманящим запахом этой комнаты.

Его руки висят по бокам. Не отворачивайся от меня, говорит он. Его голос дрожит. Он делает шаг вперед.

Мы можем только смотреть, как Астер садится на пол и закрывает лицо руками. Она обещала кухарке, что не будет плакать, но слезы вырываются на свободу. Ее тело полностью сползает на пол, а перед ее мысленным взглядом — растущее пространство, готовое проглотить воспоминания обо всем, что произойдет сегодня. Мы напоминаем ей, что и это один из способов. Это тоже вариант бегства.

Астер начинает трясти, это неконтролируемая дрожь, конвульсии такие мощные, что она не слышит, как Кидане подходит к ней, пока он не наклоняется над ней, обхватывает ее руками, поднимает на ноги, прижимает к своей теплой коже, к своему узловатому телу, к своей плотности и к ожерелью, которое врезается ей в щеку, как нож. Он несет ее в кровать, и нет ничего, ничего, что она могла бы сделать, чтобы оказаться снова в безопасности.

Он легко укладывает ее посреди кровати. Она этого не слышит, но внизу, в углу этого огромного и гулкого дома, плачет ее мать, а кухарка поднимает голову и смотрит вверх, будто может видеть сквозь дерево. Астер пытается свернуться, но Кидане хватает ее за руки и прижимает к своей груди, и она чувствует его учащенное дыхание и его скользкий пот. Она отстраняется, испускает тонкий визг. Кидане снимает с себя ожерелье и надевает на нее, он тихо смеется, видя, как ожерелье раскачивается ниже ее груди и царапает живот.

Ты такая маленькая, говорит он.

Потом он поворачивает ее лицом к себе, прижимает ее руки к своему лицу и целует ее пальцы, а когда Астер пытается встать на кровати и убе-

жать, хватает ее за подол платья, снова сажает и прижимает свой закрытый рот к ее, прижимает с такой силой, что ее губы изнутри начинают больно тереться о зубы.

Ей удается отвернуть голову. Отпусти меня, говорит она.

Мир за дверью погрузился в тишину. Ставни на окнах закрыты. Остались только они вдвоем, и идти ей некуда. Она пытается вырваться из его хватки, к нарастающей в ней ярости примешивается ужас.

Он дергает ее вперед, чтобы она потеряла равновесие, а потом роняет на спину, прижимает предплечье к ее груди. Это не требует от него никаких усилий, он даже охает.

Будет лучше, если ты расслабишься, говорит он, потом прижимает свой рот к ее уху. Все хорошо, говорит он.

Она сводит ноги и вытягивает их на кровати. Делает ровно противоположное тому, о чем говорила ей кухарка, потому что иное неестественно. Неестественно и трусливо поднимать ноги и ждать этого мужчину. Более естественно, решает она, сопротивляться. Нет никаких других способов, кроме этого, скажет она кухарке. Нет никакого другого способа, только сопротив-

ляться.

Закрой глаза, шепчет он ей в щеку. Закрой глаза и сделай вид, что я твой слуга, который помогает тебе переодеться. Закрой глаза. Его голос звучит нежно, успокаивающе.

Он каким-то образом задирает подол ее платья и накидывает юбку ей на колени. Большая рука, которую он кладет на ее бедро, — посторонний предмет. Это полено, кусок металла, камень, нечеловеческий и холодный. Она уже не в состоянии опознать, что это. Некая масса на ее ноге, создающая странное ощущение, будто в этом месте образовывается синяк. Он двигается проворно, его сильные конечности действуют быстро, а его плечи придавливают ее к кровати, а потом он одну за другой вытаскивает ее руки из платья, и прежде чем Астер находит способ выскользнуть из его рук, он закидывает платье ей за голову и вытягивается на ней, одна его рука следует по цепочке на ее шее, к ее грудям, к ее ребрам, он останавливает ладонь на ее животе, и его жар словно огонь обжигает ее кожу.

Я буду нежен, говорит Кидане. Тебе не будет больно.

Астер превращается в кусок металла. Она воображает себя сталью и каждую кость запирает на

своем месте. Она отказывается смотреть на него. Отказывается слушать. Она не шелохнется, пока не наступит утро и она не станет свободной. И тогда она отправится домой, и пускай отец изобьет ее. Она ему скажет, что живой сюда не вернется.

А этот человек продолжает говорить тихим голосом, чтобы успокоить ее, а потом застать врасплох, но она смотрит на стену, и на этой стене висит сабля, она довольно близко от этой сабли — можно вскочить, схватить ее и одним движением перерезать его горло. Она набивала на этом руку много раз с кухаркой, используя для этого грызунов и кур, — они тогда планировали побег. Она его убьет, если он сунет руки ей между ног, а кухарка предупреждала ее, что именно это он и сделает. Она его убьет, и его кровь зальет эту кровать. Астер подсчитывает число шагов до сабли и представляет себе, как одним прыжком преодолевает расстояние назад.

Кидане улыбается и щиплет ее за щеку, принимая ее молчание за согласие. Ты избалованная, говорит он мягким голосом. Он смотрит на ее грудь, глаза его горят. Ты больше не девочка, говорит он. Потом коленом раздвигает ей ноги, устраивается между ними.

Когда она открывает рот, чтобы закричать, его

рука ударяет ее по зубам, удар настолько сильный и неожиданный, что у нее начинает кружиться голова, боль быстро расцветает в ее челюсти.

Не двигайся, говорит он. Перестань, и тебе не будет больно. Я обещаю. И опять этот голос дрожит в темноте, словно боится не она, а он. Обещаю, повторяет он, придавливая ее всей тяжестью своего тела.

И теперь кожа к коже, плоть к плоти, и хотя Астер знает, что это бесполезно, она пытается соскользнуть с матраса, но он, словно свинец, лежит на ней удушающим грузом.

Вот оно: ее мать сказала ей, когда время придет, она поймет, что делать. Но есть еще и другое соображение: кухарка сказала ей, что, когда время придет, она ничего не сможет сделать. Прими это, сказала кухарка. Прими то, что придет, проснись утром и живи дальше. А потом Кидане резко дергается, словно хочет наказать ее своими бедрами. Он напирает на нее, и поначалу Астер не понимает, что он делает. Она не может понять, что он ищет своими пальцами и той своей штукой, которую она обрубит саблей, как только у нее появится такая возможность. И пока она размышляет, пока ее мысли мечутся в ошеломляющем смятении, боль ударяет ей в

глаза, дыхание перехватывает, и она чувствует, что раскалывается. Астер открывает рот, чтобы закричать, и на этот раз Кидане не ударяет ее, на этот раз ее словно и нет здесь, хотя она и есть то тело, на котором он совершает свои движения, словно боится утонуть в ней, издавая свои охи.

Ее мозг немеет от боли, она чувствует, что покидает эту смрадную комнату, этого потеющего человека, и вот она уже витает над собой, смотрит на девочку, которая тянется к сабле, чтобы разрубить этого человека пополам, а потом бежать домой.

А потом…

Она терпит поражение и исчезает.

Глава 6

Она тащит Хирут в конюшню и предупреждает кухарку, чтобы та не отпирала дверь. Хирут лежит, свернувшись, там, где ее положили, боль разогретым клинком прижимается к ее костям. Спустя несколько первых часов она словно выходит из себя и смотрит, как зачарованная, на небольшое скопление крови, которая сворачивается на ее шее. Кровь начинает срастаться в бугорок раны, которая тянется через плечо к груди. Когда ей это наскучивает, она оставляет себя позади, выходит из конюшни и проникает в кабинет Кидане. Она просматривает газеты на столе, устремляет взгляд мимо фотографии императора Хайле Селассие, которую Кидане вырезал и отложил в сторону, потом устраивается на его стуле и делает вид, что читает. Она видит колонны и колонны марширующих *фереджи* и корабль, переполненный людьми в форме. Она видит, как они машут ей своими винтовками, она видит разверстые рты, они растягиваются и поглощают ее, и она понимает, что падает в пасть чудовища и продолжит падение, если не шевельнется. Она встает и идет по коридору на

веранду, продолжает идти, наслаждаясь своей ничем не ограниченной свободой.

На границе компаунда она останавливается у ворот и прислушивается к деревьям, которые манят ее дальше. Домой, говорят они. Иди домой. Лошадь Кидане, Адуя, оплакивает ее в конюшне. Буна, лошадь Астер, сердито трясет головой. На крыше попрощаться с ней собрались совы. Даже ветер изменяет направление, чтобы обнять ее за плечи и охладить огонь. И Хирут знает, что должна идти домой. Она должна найти дорогу и идти, пока снова не окажется в руках матери, которая ждет, когда отец вернется с полей. Они испуганы, и она тоскует в одиночестве и не знает, почему так долго отсутствовала. Настанет день, когда у нее будет достаточно сил, чтобы вылечить синяк, растущий у нее на груди. А пока пусть он растет, пусть прилепится к ребру и давит на ее легкие, потому что ей нужно быть дома. Хирут открывает ворота и выходит в колодец густой тьмы.

Вот она стоит в центре этой комнаты, где есть только темнота и только эти раны, и только боль посылает предательский луч света в ее голову. В ее голове слова, которые освобождаются от смысла, и ничто не может удержать их на месте, кроме звука ее собственного имени, набирающе-

го силу в его повторах: Я — Хирут, дочь Гетеи и Фасила, рожденная в благодатный год урожая. Она — Хирут, окруженная темнотой, густой, как плоть, она — пульсирующая рана в середине. Она — слабый свет, проникающий в комнату через щель в стене. Она — свет, пережеванный на краю раны. Она — боль, пульсирующая в одиночестве в этой черной комнате, где нет ничего другого, только темнота, только рана, которая, в отличие от поврежденного сердца, не перестанет подрагивать. В ее голове воспоминания о свете, который щелкает, словно хлыст над этой головой. Над головой девочки, которая прежде была Хирут, дочерью Гетеи и Фасила, рожденной в благодатный год урожая. Над этой девочкой, у которой нет больше головы, нет больше слов, нет больше памяти, нет больше имени, которая всего лишь воспоминание, погружающееся в темную нору забытья.

* * *

Тоненькая трещина в стене пропускает свет в конюшню. Потом сумерки проскальзывают меж облаков, чтобы обосноваться низко в деревьях. Ворота компаунда со скрипом открываются. Шаги и оживленные мужские голоса. Поленни-

ца перемещается и выстраивается на прежнем месте. Голос Кидане. Кто-то отвечает: Да, Гаше. Да, деджазмач[20] Кидане. Хирут пытается сесть в этом ящике, который обездвиживает ее тяжелое тело. Прохладный ветерок ползет, как насекомое, по ее шее, перемещается по кромке синяка на ее груди. Синяк расширяется, как пролитая вода. Он представляет собой свежую рану, вскрывшуюся под кожей. Он управляется временем, минутами, часами и днями, которых Хирут уже и не помнит. Она всегда находилась здесь. Она появилась здесь только что. Она пытается сесть, прислонить голову к стене, позволить своим глазам смотреть мимо разбухшей нежной кожи, выглянуть в щелочки.

Он на веранде, и неуверенный свет оседает на его повседневной *шамме*[21]. На нем пояс, широкий, как корсаж. Он стоит рядом с человеком помоложе, с винтовкой, висящей сзади на плече. Кухарка зовет их есть, Гаш Кидане, Аклилу, идите есть. Кидане называет имя, принадлежащее его жене. Она устала, говорит кухарка. И никто из них не называет имя девочки, которая заблуди-

[20] Примечания: 20
Ранг в эфиопской армии.

[21] Примечания: 21
Эфиопская накидка.

лась в темноте, она пятится, падает.

Позднее дверь распахивается. Серый утренний свет затопляет конюшню, внутрь проникает порыв ветра. В дверь просовывает голову кухарка, она щелкает пальцами, показывает, что Хирут должна встать. Ты не спала рядом с Адуей и Буной? Она отрицательно покачивает головой, хмурится. Вставай, у нас гости, и она сказала, чтобы ты помогла. Поспеши, я боюсь, она придет и проверит. После этого кухарка разворачивается и возвращается на кухню.

Хирут с трудом встает на ноги, ковыляет из конюшни, ее покачивает, солнце слепит ей глаза. Ветер болезненно обдувает ее раны. Свежий воздух резким, холодным взрывом рвет ее ноздри. Свист Берхе грохочет в ее раскалывающейся от боли голове, а скрежет стула по полу в кабинете Кидане теркой проходится по ее позвоночнику. У входной двери целая груда сабель на мешке из холстины. У ступеней веранды большие корзины. Одеяла и шарфы, которых она не видела прежде, сушатся на новой веревке, натянутой рядом с оградой. Новая поленница притулилась к тем, что были сложены у конюшни прежде. Мир изменился с того момента, как она покинула его.

Кухарка зовет ее, и Хирут находит кухарку: она

с ножом в руке, ссутулившись, сидит рядом с кухней, на коленях у нее лежит разделочная доска. Она нарезает кусочки мяса на еще более мелкие, тщательно отсекает жир. Лезвие ножа ударяет по доске с раздражающей настойчивостью, звук разносится по тихому двору.

Разожги огонь для *вота*[22]. Кухарка показывает на груду дров и угля перед ней и мгновенно возвращается к работе.

Хирут знает, что кухарка наблюдает за ней из-под опущенных век. Мне нужна твоя помощь.

Когда кухарка поднимает глаза, их взгляды встречаются, и боль у нее в груди настолько сильна, что Хирут позволяет губам дрожать, а ее ноги подгибаются под невыносимым грузом ее печали. Она бы позволила себе упасть, но кухарка, продолжая работать, покачивает головой и шепчет: Не позволяй ей увидеть твои слезы.

Над склоненной головой кухарки, в окне кабинета, видна фигура Кидане: он стоит над своим столом, смотрит на бумаги. Берхе тащит мешок с саблями, он, помрачневший от напряжения, выходит из-за угла от фасада дома во дворовую часть. В дальнем углу встают сидевшие там два

---

[22] Примечания: 22
Национальное блюдо из тушеной курятины.

молодых человека и помогают Берхе уложить мешок рядом с цветами Астер. Астер нигде не видно.

Ты оглохла? Поторопись с *гуличей*[23], нам нужно приготовить много еды, и будут еще люди. Кухарка так и не поднимает глаз.

Двое мужчин спешат к ней на помощь, когда она подтаскивает глиняную плиту поближе к кухне, потом возвращаются и продолжают проверять свое оружие. Двор снова погружается в неестественную тишину, а Хирут опускается на разбитые колени и укладывает дрова в топку глиняной плиты. Она поджигает дрова, дует на них. Каждое дуновение поднимает запахи, не дающие ей покоя: страх и навоз, старая солома и засохшая кровь — все те запахи, которые, как она считала когда-то, принадлежат самым бедным из бедняков. Она раздувает растущее пламя и пытается проглотить свое унижение. Незнакомые мужчины снова смотрят на нее, их глаза полны понимающего сострадания, словно она из тех, кто побирается на ступенях церквей, на базарах, умоляя о подаянии, которого ни от кого не получает. Несколько мгновений она опасается сильнее во-

[23] Примечания: 23
Традиционная эфиопская плита для приготовления пищи.

рошить огонь, опасается, что усилит свои запахи, а ветер отнесет их в сторону этих двоих, и тут Берхе бросает саблю, которую полировал, и двое помогавших Хирут мужчин вскакивают на ноги, Кидане отворачивает голову от стола у окна, и все они поворачиваются на стук в ворота.

Я их впущу, говорит Берхе, и одновременно во дворе раздается крик Кидане:

Они пришли! Принесите воды, их наверняка мучает жажда. Мы поедим, когда я закончу.

Они — стена: мужчины, закаленные неопределенностями фермерского бытия, у них мозолистые подошвы, растрескавшиеся, как старая кожа, морщины, углубленные солнцем. На своих руках и плечах, ногах и груди они несут следы изнурительного труда. У них есть имена, которые она запомнит только потом, но то, что видит, она узнает сразу же. На них знакомые ей шрамы сельской жизни: плохо сросшиеся после перелома кости, отметины, оставшиеся после детских болезней, рубцы от старых ожогов. Они одновременно молодые и старые, усталые и настороженные, стройные и согнутые — ожесточенные. Они стоят перед Кидане у основания веранды и смотрят на него глазами, в которых благоговейный страх.

Их шестеро — жилистые мужчины с решительными лицами. На них старые бриджи и рубахи, потемневшие от долгой носки. Они не улыбаются даже после того, как лицо Кидане смягчается, когда он смотрит на них и кивает. Их суровость никуда не исчезает, когда он кладет руку на плечо одного из них, потом другого. Хирут не может оторвать глаз от их устрашающих лиц, от их глаз, затуманенных горящей яростью. Они худые, но мускулистые, с широкими ногами и мощными плечами. У одного в ухе сережка из черного камня. У другого — шрам близ челюсти. У самого низкорослого кривая сабля на поясе. У самого высокого винтовка со штыком. Ни один из них никогда бы не согнулся и не струсил под кнутом.

Фотографии этого мгновения не существует. Осталось только это воспоминание, запечатленное в мозгу Хирут, мысль, набирающая вес каждый раз, когда она оглядывается назад. Несколько недель она и кухарка будут говорить об этом самыми редкоупотребительными словами: о силе и доблести, о патриотизме и гордости, о полном подчинении. И только позднее она посмотрит внимательнее и увидит то, чего она не могла увидеть. Здесь Кидане совсем другой человек, не похожий на того, который стоял

перед Хирут и дрожал при звуках голоса жены. Не похожий на того, который наклонялся, чтобы поцеловать ее в щеку. Тогда его сгибало отсутствие многого: живого сына, покорной жены, спокойного дома. Здесь он провозглашает то, что невозможно увидеть глазами: преданность, которая являет себя полностью сформированной и неколебимой, поклонение, которое граничит со страхом. Они следят за каждым его движением из-под полуопущенных век, его положение столь весомо, что их головы наклонены к земле.

Ты готов умереть за свою страну? Спрашивает Кидане у человека — тот выходит вперед и называет себя: Сеифу. Кидане обходит его, другие пятятся, давая ему больше пространства. Ты пойдешь за мной в бой и пробежишь мимо, если я упаду?

Солнце — как полотно света за ним, ровно накрывающее долину внизу. Небо — ясная и живая голубизна, которая поддерживает задержавшуюся луну, слабого и призрачного незваного гостя этого дня.

Внимание Хирут привлекает выражение на тонком лице Сеифу. Он уверен в себе, физическая близость Кидане не сгибает его.

Я спросил, ты готов умереть за Эфиопию? Ки-

дане приближает свой рот к уху этого человека.

Сначала я убью. Ответ Сеифу заставляет остальных подтянуться.

Наконец очередь доходит до Амхи, самого низкорослого из всех, но с широкой грудью и лукавой улыбкой.

Что тебе известно лучше, чем всем остальным, солдат? говорит ему в ухо Кидане.

Я знаю пещеры в этом районе, они выводят в Керен, говорит Амха. Я знаю все места, где можно спрятаться и устроить засаду, я знаю больше, чем *шифта*[24], я могу перехитрить любую banda[25]. Я могу смотреть, как человек умирает, а потом сесть и поесть.

Его сабля настолько остра, что кухарка наклоняется над ней и завистливо восклицает. Он берет саблю в руку и разрубает искривленным клинком ветер. И еще это, говорит он. Тонкий палец прослеживает ряд изящных букв по кромке. Молитва о мертвых.

Эскиндер знает горы и их тайны. Гетачев ле-

---

[24] Примечания: 24

Название местной милиции в Эфиопии и ряде других африканских стран.

[25] Примечания: 25

Так называли подразделения, сформированные в Эфиопии итальянцами из местных жителей и иностранцев.

гок, как *фереджи*, и может говорить на языке итальянцев и жителей соседних деревень. Хирут видит улыбку на лице Кидане, когда тот спрашивает: Французский? А человек кивает и отвечает: Да, и французский. Хаилу знает ядовитые растения и те, которые можно использовать как лекарственные. Есть и еще один человек — со шрамом на плече и умными глазами, тот, который посмотрел на нее, а потом отвернулся с выражением отвращения и сострадания на лице.

Я величайший снайпер, каких вы когда-либо будете знать. Ни один человек не может меня остановить, деджазмач Кидане. Ни одна пуля никогда меня не убьет.

Это Аклилу, ты видела его мать на базаре, она им так гордится, шепчет кухарка. Это его специальная охрана, некоторые из них — сыновья родственников, продолжает она. Будь у него взрослый сын, он тоже стоял бы здесь.

Пройдя вдоль шеренги, Кидане закрывает глаза и поднимает лицо к солнцу. Меня зовут Кидане, сын Чеколе, величайшего сына величайшего воина по имени Лемма, говорит он. Я ношу имя его отца, храбрейшего из всех людей. Моя кровь не боится покинуть тело и впитаться в эту землю,

которая тоже принадлежит мне. Сегодня я даю вам клятву: с этого дня я буду вашим щитом в бою. И вы таким же образом должны будете вести остальное мое войско. Я буду защищать вас моею жизнью, клянусь в этом каждому из вас. Вы станете моими сыновьями, моей кровью и плотью. Потерять кого-либо из вас для меня все равно что потерять часть себя.

Губы кухарки каменеют. Его отец произносил эту же речь, когда Кидане был мальчиком, говорит она. Она показывает на конюшню. Они стояли вон там, тьма людей в компаунде, и на дороге, и на склоне холма. Повсюду.

И ты была здесь? спрашивает Хирут.

Кухарка бросает на нее пристальный взгляд и отрицательно качает головой. Нет, конечно, Берхе мне рассказывал. Перед тем как отец Кидане отправился сражаться в Адуа, Кидане взял отцовский меч и порезал себе руку. Всего лишь мальчик, но его воспитывали, как воина. Она вытягивает руку ладонью вниз. Он позволил своей крови стечь на землю, а потом втер эту землю в ноги отца. Это традиция их семьи. Когда отцы уходят сражаться, сыновья проливают кровь перед ними. Она кивает и смотрит на Берхе, который наблюдает за ней от конюшни. Тайное знание

соединяет их через пространство двора.

Отправляйтесь в ваши деревни и возвращайтесь с точными сведениями обо всем оружии, какое есть у ваших людей, говорит Кидане. Отберите тех, кому вы доверяете, чтобы они служили под вашим началом, и ведите в Ворету, где я буду вас ждать. Я не хочу собирать большое войско, как это делают другие. Мы будем небольшой и гибкой, но мощной единицей.

По группе людей проходит одобрительный гул.

Деджазмач Кидане, мы уже принесли тебе все наше оружие. Это говорит Аклилу, почтительно опустивший глаза. Нам не хватает винтовок и патронов. Он отваживается посмотреть в глаза Кидане. Мы не можем использовать винтовки наших отцов.

Аклилу из Годжама, сын моего младшего двоюродного брата, родившийся в Алем-Бере, говорит Кидане. Выказывай почтение, говоря со мной. Он складывает руки на груди. Ты тот, о ком говорят жители. Всадник с талантом снайпера. Но все же лишь сын моего двоюродного брата.

Аклилу склоняет голову, потом выпрямляется, отводя глаза в сторону. Они почти одинакового роста, хотя Аклилу немного выше. Рядом со зрелой силой Кидане он — бурление энергии.

Ты опасаешься, что я не смогу привести вас к победе?

Я верю тебе безоговорочно, деджазмач. Аклилу снова наклоняет голову. Не доверяю я своей винтовке.

Кидане прищуривается. Ты говоришь, как твой отец. Мехари хорошо воспитал тебя, но ему следовало научить тебя еще и подчиняться твоему командиру. Оружие будет, добавляет он.

Аклилу ждет, что Кидане скажет что-нибудь еще, на его лице снова выражение отрешенной суровости.

Кидане показывает на большое дерево близ ворот. Попейте воды, говорит он своим людям. Берхе даст вам чашки. Он дружески кивает Берхе, в руке у него мешок, который он протягивает им. Потом мы поедим. Встретимся во дворе.

И вот в этом месте история дает сбой. Если верить популярной песне, то Астер, словно призрак появляющаяся рядом с мужем, прерывает Кидане. История утверждает, что в тот день, когда великий Кидане мобилизовал своих людей, с кровати поднялась одинокая фигура, чтобы внять его призыву к сопротивлению. Говорят, что созерцание этих людей, окруживших ее возлюбленного мужа, отвлекло Астер от безутешных

печалей, вывело из спальни на веранду к мужу, одетому для войны в накидку и головной убор из львиной гривы. Но Астер не поднимается с кровати и не направляется к мужу, облаченному в свои одежды. Она не берет мужа за руку и не заверяет его в своей преданности. Она не просит у него прощения за свои необузданные скорбь и злость. Она не клянется умереть у его ног, если он падет, защищая их страну. Она уж точно не прикасается к животу и не обещает новых сыновей для войска Кидане.

Нет: Астер встает с кровати, одетая в черное, и направляется в кабинет мужа. Она идет, беззащитная и непреклонная, из страны скорби, потому что вспоминает то, чего не вспомнил он: сегодня день рождения ее умершего сына. А она, перед тем как Тесфайе испустил дух, дала материнскую клятву, что покинет его, только когда он вырастет настолько, что сможет понимать одиночество. И легенда никогда не расскажет, что Астер понимает и другое: все, любимое ею прежде, ушло навсегда.

Астер тех знаменитых песен появится позже, но даже и тогда она будет легендой, сочиненной ее собственными трудами. Потому что сегодня по эфиопскому календарю 27 Нехас 1927, этот день

называется также 2 сентября 1935 года, а еще Anno XIII[26]. Столько разных способов назвать один и тот же месяц, один и тот же год того дня, когда Астер входит в кабинет Кидане, садится за его стол и обнаруживает газету с рассказом о женщине по имени Мария Ува, итальянке, живущей близ Порт-Саида. Пока ее муж стоит в окружении мужчин и рассказывает им о подвигах своего отца, Астер склоняется над газетой, чтобы получше разглядеть эту женщину-*ференджи*, которая кричит и размахивает флагом, словно объявляя войну. Астер всматривается в фотографию, в это истерическое ликование самоуверенной женщины, флаг, трепещущий на ветру, и когда поднимает голову, она знает, что должна обновить себя и ответить на это объявление своим собственным.

На самом же деле знаменитая Мария Ува не кричит — она поет. И грядущая война будет объявлена не ею. В тот день, когда была сделана эта фотография, опубликованная в газете 30 августа 1935 года, Anno XIII, она поет вместе с

---

[26] Примечания: 26

Год XIII (*um.*) — летоисчисление по так называемой «фашистской эре» (Era Fascista), первым годом которой был объявлен год прихода к власти Муссолини: в 1922-м он стал премьер-министром Италии. 1935 год по этому календарю был тринадцатым годом.

другими «Giovinezza», а в это же время корабль «Клеопатра» следует в Порт-Саид. Трехцветный итальянский флаг у нее за спиной. В корабле перед ней две тысячи солдат выкрикивают ее имя. Свет в ее глазах мог бы быть патриотической радостью или, вероятнее, следствием острого угла, под которым падают солнечные лучи. Но день катится к закату, и усталые журналисты, спешащие выполнить выделенную им словесную норму и пройти цензуру до конца дня, сообщают о каждом движении этой ragazza del canale di Cuez, la Madonnina del legionario[27] в величавой терминологии морской богини.

Кроме того, это четвертый день недельного пути «Клеопатры» в Массаву. Подразделения солдат проделали путь из Рима и Венеции, из Флоренции и Апулии, чтобы пуститься в свое великое африканское приключение из порта Неаполя. Мы знаем, что Этторе находится среди этих солдат, хотя Астер никак не может это знать, сидя в кабинете Кидане и разглядывая фотографию Марии Увы. Хирут, сидя на вокзале в Аддис-Абебе с открытой коробкой у себя на коленях, глядя на ту же фотографию Марии Увы, понимает это

[27] Примечания: 27
Девы Суэцкого канала, мадонны легионеров (*ит.*).

совпадение. Она помнит тот день, когда Астер вышла из кабинета Кидане, принесла фотографию этой женщины в кухню и сказала кухарке: Мы, женщины, не будем сидеть и ждать, когда они придут к нам домой. По крайней мере в этой части слова песни верны.

«Клеопатра» — пароход длиной около ста метров и шириной четырнадцать. Гигантская металлическая глыба, палуба которой возвышается на пять метров над поверхностью воды. Эта тяжелая масса металла поднимается над водой, как крепостная стена. Женский голос не смог бы покрыть расстояние по берегу и воде, а потом подняться и преодолеть эту металлическую стену. Не знаю, как она сделала это, сказал однажды Этторе Хирут. Мы слышали ее, каждый из нас, и у нее был ангельский голос. Вот почему Хирут запускает руку в коробку, сидя на вокзале Аддис-Абебы, вытаскивает ту фотографию и смотрит на оборотную сторону.

Там написано Le Cleopatra. Carissimi mi mancate. Caro Papa, cara Mamma, sono in Africa. Мои дорогие, я скучаю без вас; дорогой папа, дорогая мама, я в Африке. Фотография ломкая, пожелтевшая, она давным-давно вырвана из пожухлой газеты и наклеена на неотправленную открытку. Хирут

снова переворачивает ее: она видит его, только потому что знает, где искать: он на палубе, смотрит вниз на облаченных в белое людей, которые сосредоточенно гребут по пенящейся воде, их галабеи[28] раздувает утренний ветерок. На фотографии он есть, но его и нет. Он одна из неразличимых точек, которые ничем не напоминают человеческих существ. На этой фотографии нет ничего, что намекало бы на будущее этих людей, эти бесформенные фигуры ослеплены светом. Это мгновение принадлежит Марии Уве, а она в центре внимания камеры, этот луч света от Муссолини бросает ее через северные границы Африки, зовет солдат к величию.

---

[28] Примечания: 28
Национальная одежда народов Северной и Центральной Африки.

Глава 7

Кидане выносит из своего пустого кабинета винтовку и бинокль, приказывает Берхе вывести его лошадь Адую и вычистить конюшню, говорит кухарке, что будет отсутствовать несколько дней, а потом, не сказав ни слова жене, которая остается в спальне, уходит вместе со своими людьми. Странная дремота проникает в этот день, замедляет все, окутывает компаунд тишиной. Вот почему их всех притягивает к себе Астер, когда открывает дверь своей спальни, бесшумно идет по коридору и выходит в переднюю дверь. Она стоит там, где стоял на веранде Кидане, на плечах у нее старая накидка, под которой ветер раздувает черное платье. Неестественная тишина искривляется в ее направлении, когда она идет в конюшню, едва посмотрев на кухарку или Берхе. Из конюшни она выходит, ведя под уздцы свою лошадь Буну. Она приближается к воротам и останавливается, и все деревья наклоняются, ветер стихает, птицы поворачиваются, чтобы увидеть, что она сделает теперь.

Я не собираюсь, словно прислуга, ждать его возвращения, говорит она.

Кухарка не встает со своего стула рядом с дорожкой, ведущей во двор, близ того места, где замерла Хирут с грязными подносами в трясущихся руках. Кухарка не двигается. Она заворожена, не может оторвать глаз от женщины у ворот: женщина медленно поворачивается и смотрит на кухарку. Их взгляды встречаются, и кухарка отрицательно качает головой. Астер открывает ворота, как сделал это несколько часов назад Кидане, потом садится на кобылу, ударяет ее ногами в бока и скачет галопом по притоптанной дорожке, которая разветвляется на тысячу других. А потом женщина исчезает из виду.

Берхе и кухарка переглядываются, они оба онемели от неожиданности при виде такого беспечного исчезновения. Они заворожены и обеспокоены чем-то таким, чего не понимает Хирут. Берхе отпускает вожжи Адуи и вглядывается в пространство за воротами. Смотрит на пыль, которую поднимает скачущая лошадь.

Что случилось? спрашивает Хирут.

Что она сказала тебе? Кухарка поднимается на ноги и шагает к Берхе.

Берхе отрицательно качает головой, смотрит в ворота, уперев руки в бока. А что всегда говорит эта женщина? вопрошает он. На следующий день

они готовят все полагающиеся трапезы и заваривают кофе, словно она может появиться в любую минуту. Когда свет дня клонится к темноте, они стоят в гостиной и смотрят в окно в сторону ворот — Берхе постоянно подходит и открывает их: не видно ли облака пыли, извещающего о ее возвращении. Когда она не появляется к полуночи, они собирают поднос, ставят его на веранде и принимаются есть втроем, прислушиваясь, не раздастся ли стук копыт.

Куда она отправилась? спрашивает Хирут во второй вечер, когда они устраиваются на ночь в своей комнате, но кухарка ложится, потом недовольно смотрит на нее.

Оставь ее в покое, говорит кухарка. Что тебе до нее? Кухарка отирает лицо рукавом. И не думай, что я не видела тебя и Кидане. Она укоряюще указует на Хирут. Она из-за тебя становится хуже, ревнует из-за тебя, и это твоя вина.

Я ничего не делала, говорит Хирут, но кухарка уже повернулась к ней спиной и теперь лежит, накрывшись одеялом с головой.

* * *

Слухи: Тут появилась одна сумасшедшая на дикой лошади, скачет по холмам, она останавли-

вается у каждой церкви и кричит как оглашенная, призывает на землю ангелов мести. Она монахиня, которая превращается в гиену, злой дух, взывающий о возмездии с вершин голых деревьев. Она императрица Таиту[29], воскресшая из мертвых, чтобы сражаться с этими *ферендж*и. Она безымянный призрак, посланный на землю всемогущим, чтобы проклясть иностранных врагов. Жители деревень собираются у колодцев, забывают о своих тыквенных бутылях, чтобы распространить новости о будущих встречах с ней. Умываясь или произнося молитву, они прерывают свое занятие, чтобы посмотреть, не появятся ли на горизонте облака пыли. Ходят слухи, из которых начинает прорастать правда: по нашим холмам на лошади цвета пороха скачет Астер, жена Кидане. Это она, облаченная в черное, нарушает наш покой по ночам своими криками. Она призывает нас, приказывает подготовиться к сражению.

Кухарка игнорирует все вопросы, когда они ходят на рынок. Она проскальзывает мимо рук, которые пытаются увести ее в сторонку для приватного разговора. Она пожимает плечами, она

[29] Примечания: 29

Таиту Бетул (1851–1918) — императрица Эфиопии с 1889 по 1913 год и жена императора Менелика II.

отрицательно качает головой, она закрывает часть лица, когда ее друзья, слуги из других домов, интересуются, правда ли то, что рассказывают про ее хозяйку, что может оказаться правдой из того, что говорили на закрытых собраниях групп *мехабер*[30], правда ли, что призыв к этим женщинам собираться на берегах реки исходит от кухаркиной Астер? От нее? Призывает ли Астер всех женщин собраться завтра у реки? Что планируют все эти женщины?

Она никакая не моя Астер — это все, что отвечает им кухарка.

А потом наступает день, когда Астер возвращается, а кухарка, потеряв дар речи, стоит у ворот, заполненный наполовину пакет со специями, купленными на рынке, выпадает из ее руки, специи просыпаются на землю.

Ты, кричит кухарка и, оттолкнув Хирут, устремляется в компаунд. Это ты. Ее голос словно сорвался с цепи, ярость наконец обрела полную свободу. Она указует обвиняющим пальцем на раздвинутые занавеси окна гостиной, где Астер заключена в яркий блеск стекла.

Астер отворачивается от окна, и вскоре откры-

[30] Примечания: 30

Широко распространенная в Эфиопии религиозная организация, проповедующая христианство.

вается дверь дома. Она выходит в своем черном платье, волосы вокруг ее угрюмого лица не сплетены в косички, торчат как попало. Она покрыта пылью, ее глаза горят неколебимой целеустремленностью: подвижные отблески на поверхности реки.

Ты думала, я никогда не вернусь? говорит Астер. А куда мне идти? Потом ее рот искривляется так, как может искривиться только у нее. Ты могла бы уйти — я дала тебе такой шанс.

Вид у кухарки более усталый, чем за все семь дней отсутствия Астер. С меня хватит, говорит она и опускается на землю рядом с верандой — энергия и воля покинули ее тело. Дай мне деньги и отпусти меня.

Когда мы пришли в этот дом… начинает Астер.

Мы пришли сюда разными путями, говорит кухарка.

Не такими уж и разными.

Кухарка поворачивается к Хирут так, словно видит ее впервые в жизни. Убирайся отсюда.

Дверь конюшни со скрипом открывается, и Хирут бросается к Берхе, который обнимает ее за плечи, и теперь они вместе наблюдают за двумя женщинами.

Я тебе ничего не могу дать. Он забрал все, ни-

чего мне не сказав, забрал все. Ты думаешь, ты какая-то особенная, потому что устала? Астер говорит с беспомощной яростью. Я продала ковер, который дала мне мать, чтобы купить нам винтовки. Я не собираюсь продавать ради тебя мое свадебное ожерелье. Это все, что у меня осталось, тихо добавляет она.

Кухарка поднимается по ступеням и, наконец, оказывается прямо перед Астер, они вглядываются в лица друг друга, оценивают, что сделали с ними годы. Ты обещала, что, как только сможешь, ты мне дашь то, что мне нужно. Рот кухарки дрожит. В прошлом году ты сказала, что это случится на следующий. Потом ты сказала, на день рождения Тесфайе. У тебя есть Хирут, а я устала. Я хочу найти мою семью, я хочу домой.

Астер берет руки кухарки в свои, ее голос становится мягче. Мир изменился, начинается война. Все мобилизованы в армию, и у тебя нет денег, у тебя нет ничего, кроме меня. Астер смотрит на нее. Переводит дыхание. Ты мне нужна.

Плечи кухарки опускаются, она низко роняет голову, а Астер распрямляется.

Скажи этой девице, чтобы пришла ко мне в гостиную, говорит Астер. Берхе, мне нужно, чтобы ты отремонтировал кое-что. Она говорит мягким

голосом, дружеским тоном — так, как обращалась и к кухарке: прежняя Астер вернулась, она уверена, что ее услышат, что ей подчинятся. Возьми деревянный сундук в кабинете Кидане, говорит она, делая знак кухарке. Ты знаешь, о чем я говорю.

Астер разглаживает на себе платье. И я хочу есть. Потом она возвращается в дом и закрывает за собой дверь.

* * *

У стены стоят две винтовки, их глянцевый металл и светлое дерево сияют ярче любого предмета мебели в комнате. Хирут наклоняется и берет одну из винтовок, быстро оглядывается через плечо, чтобы убедиться: Астер все еще на кухне разговаривает с кухаркой. Винтовка в ее руках холодная и тяжелая, крепкая, как кость. Она неуверенной рукой проводит по ее длинному стволу, задерживается у прицела, у каморы. Ее передергивает, когда она касается спускового крючка — она вспоминает предупреждения отца, потом она останавливает ладонь на гладкой поверхности дерева, прижимает руку к прикладу. Ложе теплое, как кожа. Воспоминание: в тот первый день, когда отец позволил ей прикоснуться к

винтовке, он положил руку ей на грудь и сказал: Это жизнь. Потом он положил руку на винтовку и сказал: Это смерть. Никогда не недооценивай ни ту, ни другую.

Хирут осторожно ставит винтовку, и та сама наклоняется, принимая прежнее положение, словно движимая собственной волей. Она уже слышала этот звук прежде — медленное скрежетание по стене, а потом тишина. Хирут напряженно прислушивается: за голосом Астер, за шагами кухарки, за низким завыванием ветра, ударяющего в окна, она слышит своего отца, Фасила, видит, как он падает к ногам незнакомого человека. Видит, как он обхватывает ноги незнакомца руками, словно молит его вернуть что-то потерянное. Она стоит в дверях их хижины, наполовину окутанная тенью, падающей ей на спину. Ее мать, Гетеи, стоит у нее за спиной, окутанная тьмой, и тихо плачет. Хирут слышит свое имя и поворачивается. В руках у Гетеи винтовка, и она говорит Хирут, чтобы та отошла в сторону. Винтовка направлена на грудь незнакомца. Она тяжело дышит, воздух с трудом выходит из ее тела, царапая внутренности. Отойди, отойди, Хирут, чтобы я могла лучше прицелиться в Чеколе, встань рядом со мной. Потом Кидане берет Чеколе за руки и говорит,

аббаба, пожалуйста. Он говорит: Гетеи уже ушла, аббайе[31]. Идем домой, говорит он. Идем со мной, аббаба, говорит он и тащит за собой отца. Мать Хирут перестает плакать. Она ставит винтовку к стене, и та со скрежетом падает. Ее мать оседает на пол, складывается калачиком. Она остается в такой позе, даже когда Хирут опускается рядом с ней на колени. Она остается в такой позе, даже когда отец Хирут вбегает внутрь и говорит: Что ты сделала? Гетеи остается в такой позе, и когда Фасил поднимает винтовку и смотрит за дверь, а потом, не глядя ни на кого, извлекает из винтовки единственную пулю.

Хирут с трудом унимает дрожь в руках. Это новое воспоминание, оно выскользнуло из того места, где хранятся забытые события и откуда они возвращаются, чтобы пронзить ее словно свежей болью. Почему плакала ее мать? Что делал ее отец? Она прислоняется к спинке дивана и смотрит в окно. Она впервые поняла, что больше не увидит мать, когда Астер сказала: Будешь делать все, что я тебе говорю. Потом она провела длинным ногтем своего мизинца по щекам Хирут: Ты значишь меньше, чем грязь у меня под ногтем.

---

[31] Примечания: 31
Амхарское обращение к отцу.

Ты взяла одежду, как я тебе сказала? Астер в коридоре, она идет в гостиную.

Хирут спешит к деревянному сундуку и берет блузу Кидане и бриджи.

Дай мне и включи радио. На Астер по-прежнему ее покрытое пылью черное платье, но ее кожа потеряла тот белесый оттенок, который придавал ей мрачное выражение. Она задергивает занавеси и удовлетворенно кивает, посмотрев на винтовки. Потом она устраивается на диване, высокомерная, самодовольная, и ждет.

За головой Астер через задернутые занавеси солнце пробивается внутрь. Прямоугольник света придает яркость комнате, вплетает мягкие линии в кудри Астер и подчеркивает кривые линии ее скул. Золотое ожерелье ловит этот свет, и он скользит по комнате, когда Астер двигается. Он задерживается на радиоприемнике, потом исчезает.

Хирут поворачивает черную бобышку, приемник начинает воинственно гудеть и потрескивать. Она продолжает крутить бобышку, пока пронзительная духовая музыка не вырывается из громкоговорителя, заставив Хирут отпрыгнуть от приемника. Потом она опускается на колени перед деревянным сундуком и замирает. Одна-

жды она уже открывала его без разрешения и просматривала содержимое в поисках винтовки.

Тонкий голос пробивается через помехи. Голос скороговоркой приглашает слушателей познакомиться с новой Императорской эфиопской радиостанцией, вещающей из Акаки в Аддис-Абебе. Человек говорит так, будто он только что остановился после долгого бега и теперь кричит в пустую консервную банку.

Они сейчас объявят выступление императрицы Этедже Менен и принцессы Тсехаи, говорит Астер. Слушай ее, слушай каждое ее слово.

Треск и широкая полоса помех заполняют комнату, но потом долгой пронзительной нотой взрываются духовые.

Астер встает. Достань мне оттуда блузу.

Хирут знает, что лежит в сундуке, по тому, чего в нем нет. Она знает это по его размерам. Она знает, что он слишком короток, чтобы вместить то, что она надеялась в нем найти, но в то время, когда она была настолько глупа, что верила, будто некоторые вещи можно вместить куда угодно, она осмотрела содержимое сундука. Хирут открывает защелку и поднимает крышку. Она вытаскивает то, что, как ей известно, лежит наверху: белую блузу из лучшего хлопка, материя

вдоль линии шеи без воротника и по краям длинных рукавов такая тонкая, что почти прозрачная. Она необычайно хорошо сохранилась, все еще поражает своим блеском, материал на ощупь гладкий, как шелк.

Астер снимает с себя платье через голову, бросает его на пол. Она стоит, голая, в комнате, окруженная радиопомехами, ровный яркий квадрат солнца лежит на ее плечах. Она взбивает пальцами волосы, чтобы поднять кудри повыше.

Звук трубы заполняет комнату. Следует долгая пауза, по полу тащат стул, кто-то откашливается, слышен шепот.

Такая штука есть не у каждого, добавляет Астер, показывая на приемник.

Она надевает тунику.

Подол оказывается ниже колен. Плечи ниспадают на руки, которые теряются в рукавах, висящих, как сломанные крылья. Хирут поражена миниатюрностью Астер, изящными очертаниями ее мышц и плоти. Большой и впечатляющей она кажется только в ярости.

Потом быстрый высокий мужской голос:

Добрый вечер, дамы и господа, повторяю, это прямая трансляция из Акаки в Аддис-Абебе. Сегодня одиннадцатое сентября 1935 года [потом

по эфиопскому летоисчислению]. Жена нашего императора Хайле Селассие, императрица Менен, сегодня говорит со своим народом. Мы приветствуем тех людей во всем мире, кто нас слушает. Один, два, три.

Астер кланяется в сторону приемника, на ее лице почтительное выражение. Достань *сури*, шепчет она.

Брюки лежат в самом низу, под сложенной накидкой из звериной шкуры. Она протягивает их Астер, стараясь не смотреть на приемник. До этого часа приемник был рупором для лидеров, для ряда мужских голосов, ожидающих внутри этой коробки, когда бобышка откроет дверь и выпустит их. Астер натягивает на себя брюки. Ее стройные икры и щиколотки проскальзывают через узкие прорези бриджей. Они волочатся по полу, тонкая хлопковая ткань вокруг ее ног напоминает облака.

Ты сегодня не чистила ковер, говорит Астер. Она хмурится и подворачивает штанины на бриджах, а затем и длинные рукава — до запястий. Она поправляет тунику так, чтобы разрез был посредине. После этого она замирает.

Начинает говорить женский голос: *Мы благодарны сегодня за эту возможность быть*

услышанными женщинами во всем мире.

Это она, шепчет Астер. Быстро, дай *кабу*.

Мы хотим поблагодарить Всемирную лигу женщин. Наша возлюбленная дочь Тсехаи переведет наши слова на английский.

Императрица Менен делает паузу, и на заднем плане за звуками помех и тихого откашливания Хирут слышит другой голос — более молодой, хрупкий, шепчущий. Она воображает себе принцессу Тсехаи — вот она наклоняется, говорит какие-то слова, которые только дочь может говорить матери. Слышны шелест бумаги и движение, потом голос принцессы Тсехаи, которая представляет себя слушателям. Говорит она звонким голосом, одновременно застенчивым и уверенным. Она говорит по-английски с элегантными модуляциями, какие Хирут слышала от Астер и ее друзей: эта манерность свойственна ртам, которые непривычны к угодливости. Хирут смотрит на приемник, на большую черную бобышку и подергивающийся индикатор, одержимый голосом принцессы. Она ошеломлена, она пытается понять, как такое возможно: слышать эту женщину и эту девушку так четко из такой дали. Они ближе, чем эхо барабанов, отдающееся от склонов холмов, когда они извещают о важной

новости. Они здесь, но их здесь нет.

Мы уверены, что женщины повсюду имеют одинаковое желание — сохранить мир и любовь.

Громкоговоритель в приемнике представляет собой сетчатый свод — словно опутанное сетью солнце. Она так близко, что чувствует теплое гудение приемника, едва ли не ощущает императрицу и принцессу в виде двух плотных световых блоков, вращающихся в каком-то месте, где голоса перемещаются скорее, чем плоть. Где-то там, за лесами, и сеткой, и бобышкой, и стеклом, которое удерживает на месте нервный индикатор, существует женщина царских кровей, которая покинула свое тело и стала одновременно громадной и невидимой, могущественной, как ветер. Хирут глубоко в своих мыслях, она зачарована и поражена, а потому поворачивается, чтобы увидеть, что происходит, только когда Астер легонько ударяет ее по ноге.

Мы все знаем, что войны уничтожают человечество, и женщины во всем мире, несмотря на все расовые, мировоззренческие и религиозные различия, ненавидят войну, потому что она плодит одно: разрушение.

Астер стоит в сводчатом проходе, облаченная в блузу и бриджи, испачканная накидка из звери-

ной шкуры лежит у нее на плечах. Она ниспадает складками, висит так, что Хирут видит: ее готовили мастеровитые руки, они умело растерли и умаслили ее, чтоб она тесно прижималась к телу и повторяла его формы. Астер перекидывает свою новую винтовку с левого плеча на правое, а ее ноги твердо и уверенно стоят на полу. Она великолепна. Она являет собой устрашающую и потрясающую фигуру, что-то знакомое и одновременно чужое, пугающее и непонятное. Женщина, одетая, как воин, имеющая столь же свирепый вид, что и мужчина.

Война убивает наших мужей, наших братьев и наших детей. Она уничтожает наши дома, разбрасывает по свету наши семьи.

Хирут переводит взгляд с радиоприемника на эту женщину, с ее маленьких ног на ее гордую голову, с ожерелья, которое лежит поверх накидки, на ее красивое лицо. Императрица продолжает говорить устами дочери, а Астер слушает.

В этот час, в такие трагические и печальные времена, когда агрессор собирается нарушить ход наших жизней, мы бы хотели обратить внимание женщин всего мира на то, что их долг — озвучить и выразить солидарность против таких действий.

Астер уверенно переходит в центр комнаты. Она — идеальный баланс, посредством которого непокорный мир удерживается и возвращается на свое место. Астер в воинском приветствии подносит руку ко лбу.

Глава 8

Если смотреть с Красного моря, то кажется, будто Массава поднимается над изнывающим от жары горизонтом, подрагивающим лоскутом белых арок и пыли, пробивающихся через дымы и соль. Этторе Наварра с «Клеопатры» видит, что «Лигурия» пришвартована кормой вперед рядом с «Ганге». Он морщится, когда другой корабль на ходу издает протестующие гудки. Столько дней в спокойных водах, а потом это: шумные пароходы борются за место, рев ослов, висящих над переполненной пристанью, контейнеры с пушками, громко скребущие доски. Множество судов рассеяно по морю, которое ширится и кипит у него за спиной, словно Массава стала местом великого и древнего спартанского сражения.

Пока корабль становится на якорь, Этторе достает фотоаппарат и начинает наводить его на пристань. За его спиной люди сражаются за место у перил. Он слышит голоса Фофи и Марио — они выкрикивают его имя, пытаются привлечь его внимание, но его взгляд прикован к тому, что он видит и слышит перед собой: ко всей белизне зданий этого портового города, высоким и стройным

пальмам, горам ящиков и бочек, чернокожим мужчинам в тюрбанах и коротких штанах, выгружающим провизию с кораблей, крикам чаек, летящих навстречу морскому ветру.

Этторе закрывает глаза и думает об их семейном очаге, о седеющих волосах отца, его голове, склоненной над книгой на столе, когда он сидит спиной к окну, выходящему на Венецианскую лагуну, об их доме, окруженном каналами. Надвигающаяся война принесла с собой один из редких моментов в жизни Этторе, когда отец говорил с ним, не скрывая волнения и беспокойства. В полумраке кабинета Лео Наварры Этторе видел на лице отца и остережение, и неодобрение.

Лео сказал: Немногие рождаются, когда им следует родиться. Я очень надеюсь, что это время уготовано для тебя.

Этторе тогда же понял, что это не столько благословение, сколько умолчание, способ отца сообщить о том, чего он не мог сказать: о тех, кому не повезло, о тех, кто родился не тогда, когда им следовало бы.

Это самая выразительная черта Лео, его способ наращивать умолчание, при этом внешне будто бы отталкивая, обнажая его. У его отца была манера говорить таким образом, что смыслы

пульсировали на другой, почти не слышимой частоте. Стоя на палубе и чувствуя вес фотоаппарата в руке, Этторе в очередной раз осознает, что он провел все свои годы с самого детства, пытаясь понять то, что нельзя произнести, вызвать зрительный образ мира, который не только погружен в темноту, но и не может существовать без нее.

* * *

Он, конечно, никогда не скажет этого Хирут, не скажет даже в те дни, когда судьба забросит их обоих в горы Сыменской долины и один из них будет пленником другого. Вместо этого он показывает ей фотографию — его родители в день свадьбы: его отец, мужественный и неловкий, его мать, робкая и счастливая. Когда она пробует новое слово, которому он обучает ее: morire, он просто кивает и повторяет слово. Умереть: morire. Я умираю. Ты умираешь. Мы умираем. Они умирают. Умирать. Она говорит ему на амхарском, *Иннатеина аббате мотевал*. Мои мама и папа умерли. *Мемотех*. Умереть. Она повторяет это слово и показывает на фотографию, и показывает на свое сердце. На этой горе, глядя на Хирут через ограду из колючей проволоки, он, едва

освоивший несколько слов амхарского языка — полковник Фучелли лично настоял на том, чтобы он начал изучать этот язык, — не понимает, что она говорит. Он думает, что без соответствующих грубых жестов ей никогда толком не понять значение глагола morire. Он показывает на небо, а когда она поднимает взгляд, они видят черную птицу, исчезающую в крупных облаках.

Глава 9

Астер и Кидане спорят во дворе. Рассвет еще не наступил, и на Астер блуза Кидане и его бриджи. На ее плечах толстыми складками лежит, ниспадая до колен, накидка. Она упряма и несгибаема, она не уступает Кидане, у которого опущены плечи и опухли глаза. Их громкие голоса взорвались вскоре после его возвращения поздним вечером. Его появление вытащило из кровати кухарку и Хирут — нужно было приготовить ему позднюю трапезу. Теперь кухарка сидит рядом с ней, неторопливо перебирая чечевицу в миске, они слушают звуки набирающей обороты ссоры между супругами.

Сними, говорит он. Я тебе это сказал, едва только вошел.

Это мое право.

Это накидка моего отца. Видишь кровь на ней? Грязная *шамма*[32] Кидане соскальзывает с одного плеча. У меня нет времени на пустые разговоры, говорит он, я не спал несколько дней. А теперь еще это. Он тянется к застежке на горле

---

[32] Примечания: 32
Накидка (*амхар.*).

накидки жены. Отдай ее мне.

Я знаю, чья она, говорит Астер.

Берхе переделал для нее одежду Кидане. Под накидкой туника, отвечающая размеру ее хрупких плеч, с укороченными рукавами, с обрезанным и подшитым подолом. Он переделал брюки под ее икры, слегка расширил на бедрах, и теперь они красиво обхватывают тонкую талию Астер. Одежда изящно сидит на ее фигуре, подчеркивая мягкие линии тела.

Кухарка отставляет миску, отирает руки о платье. Как долго они могут этим заниматься, шепчет она, глядя на препирающуюся супружескую пару. Завтра столько дел.

Они уже достали из кладовки все приправы, бобы и зерно, распределили их по маленьким мешочкам. Они уже подготовили связки шарфов и одеял, купленных соседями, — связки эти достаточно легкие для переноски. Они заполнили бессчетное число кувшинов водой, чтобы пить на марше. Кухарка приготовила столько еды, что можно было бы накормить всех гостей на богатой свадьбе, но этого хватит им всего на несколько дней. Они работали без перерывов, но еще предстоит принять некоторые решения о том, что оставить и что Астер предстоит отдать

на расхищение бандитам или итальянцам.

Это накидка моего отца, говорит Кидане. Ты уже погубила мою тунику и брюки. Снимай накидку.

Она носила эту одежду последние пять дней, снимала только на ночь, когда возвращалась из своих поездок, а накидку клала себе в ноги, ложась спать в черном платье. Хирут трудно разглядеть это в темноте, но она знает, что Астер обвела веки сурьмой, как делала это каждое утро, до того как пропала на несколько дней, и еще она знает, что Астер сплела свои отрастающие волосы в тугие плоские косички.

Нет. Я заслужила это право, говорит она.

Кидане издевательски смеется. Право? Кто дает тебе право брать то, что принадлежит мне? Он проводит пятерней по своим растрепанным волосам и опускается на корточки, обхватывает колени руками. Он сидит так, глядя в раздраженной тишине на сад.

У меня есть это право, Кидане. Она опускает на него глаза. Кто, по-твоему, подготовил все эти припасы для твоих людей? Кто закупил для тебя шарфы, одеяла и воду? Она замолкает, чтобы проглотить слюну. Я заслуживала это право долгое-долгое время.

Недавно прошел дождь, и воздух напитан вла-

гой. От этого последние слова Астер повисают в пространстве между супругами, словно сорванные ветром листья в поисках покоя.

Что такого она заслужила, чего не заслужили все мы? бормочет себе под нос кухарка. На чьих плечах лежит вся работа?

Мой отец истекал кровью на этой накидке, а ты глумишься над жертвой, которую он принес стране. Кидане вскакивает на ноги и тычет пальцем ей в лицо. Он в ярости, в опасной близости от того, чтобы наброситься на нее.

Я тоже истекала кровью без нужды, говорит она и подходит на шаг ближе к нему, словно собирается положить голову ему на грудь. Она говорит тем ровным, тихим голосом, каким заговорила с того часа, когда облачилась в эту одежду. Тем же тоном она приказывала вчера Берхе открыть ворота, чтобы она могла уехать до рассвета. Тем же мягким голосом обращалась она к кухарке, когда сказала после возвращения: Почему ты никогда не сядешь рядом и не поешь со мной, как мы это делали молодыми? А для Кидане она добавляет: Ты думал, я позволю тебе забыть?

Она никогда никого не видит, кроме себя. Кухарка вдавливает кулак в бобы. Вещи не меняются только оттого, что ей так хочется.

Кидане отрицательно качает головой. Ты, говорят, была в горах с Буной, ты пытаешься сама провести мобилизацию. Он наклоняется к ней, и теперь их лица располагаются чуть не вплотную друг к другу. Не можешь же ты быть такой глупой.

Астер разглядывает мужчину перед ней. Наконец она говорит: Я делала то, о чем меня просила императрица и все остальные женщины этой страны. Разве нам тоже не следует что-то делать? Или это только твоя страна? Я купила тебе две новые винтовки. Кухарка приготовила дополнительные лекарства. Другие женщины приводят еще ослов, приносят корзины. Разве это не то, что тебе нужно?

Новые винтовки? Откуда?

Маузер, моя винтовка, с которой я пришла к тебе, когда мы поженились, говорит Астер. Где она? Отец учил меня стрелять из этой винтовки. В прошлую войну моя мать делала для нее патроны. Отдай ее мне.

Кухарка покачивает головой и тихо смеется. Видишь, говорит она Хирут, он и у нее винтовку забрал.

Кидане поднимает руку, собираясь ударить жену. Я давно тебя не бил, но теперь сделаю это.

Она хватает его руку и прижимает ладонью к своей щеке. Сделай это, говорит она, ее голос становится громче. Я заслужила эту накидку, ты не можешь отказать мне в этом, ты не можешь сказать мне, что забыл обо всем, не можешь сказать, что ничего этого не было. Я заслужила накидку, вот почему ты все еще спишь в одной кровати со мной, вот почему ты любишь меня, вот почему ты возвращаешься после всех тех других, о которых, как ты думаешь, я не в курсе, потому что ты знаешь, кто твоя жена. И ты даже не спросил меня про могилу нашего сына. Я была там, я три ночи спала на этой могиле без тебя, одна. Ты даже не помнишь, что у него был день рождения, его второй день рождения. Ты даже не мог вернуться, чтобы видеть, как он умирает. Ты встречался со своим императором, потому что это было важнее. Я тогда одна ходила в церковь, стояла на коленях, умоляла бога сохранить ему жизнь. И в день его смерти я точно так же была одна. Я заслужила эту накидку, я не отдам ее тебе. Ударь меня. Давай, ударь и увидишь, что я сделаю.

Она замолкает, облаченная в темно-синие сумерки раннего рассвета, у нее перехватывает дыхание.

Кидане берет ее лицо в ладони и приближает

к своему. Он говорит тихим голосом, но весомо: Ты можешь сколько угодно оплакивать прошлое, но эти итальянцы уже у наших границ. Бога ради — выряжайся воином, только это ничего не изменит. Ты будешь прислуживать моим людям так же, как кухарка прислуживает тебе. Ты будешь примером для других женщин. Ты будешь исполнять мои приказы. Ты будешь носить моих раненых и хоронить моих мертвецов. Ты будешь заботиться о тех людях, которые доверили мне вести их в бой, о тех, кто готов умереть за меня. Ты будешь выходить и делать это раз за разом, пока я не велю остановиться. Все, что я должен кому бы то ни было, переходит моим людям. С этого момента и до дня моей смерти.

Кидане роняет руки, поворачивается на каблуках и уходит в дом. Вскоре в его кабинете загорается свет.

* * *

Сначала эта фигура появляется, как точка, между двумя линиями горизонта, вихрь ветра и пыли, скользящий по долине. В том, что видит Хирут, ничто не напоминает человека, бегущего с такой скоростью, что сердце готово разорваться. Нет ничего, что говорило бы о плоти и костях, которые

соединяют тело с землей. И потому Хирут, наполняя кувшины водой у колодца, только смотрит с любопытством, пока фигура не приближается.

К тому времени, когда он рядом с ней, он дышит так, что не может сказать ни слова. Он стучит себя по костлявой груди и показывает на дом. Наконец он спрашивает: Деджазмач Кидане, где он? Он тощий и голодный, похож на ревностного священника. Он сгибается пополам, кашляет. Где он?

Он ушел сегодня утром со своими людьми, говорит она. Потом добавляет: Они проходят подготовку.

Потом они слышат барабаны, низкие, громкие, настойчивые удары, которые рикошетом от долины устремляются в небо, чтобы затихнуть между тем и другим. Барабанный бой какой-то усеченный, удары разнесены и нарастают по силе, и Хирут решает, что они передают некое послание, расшифровать которое она пока не в силах.

Иди домой, говорит он. Если увидишь его раньше меня, передай, что Ворку ищет его, это срочно.

До нее доносится еще одна барабанная дробь, на сей раз такая громкая, что кажется чудовищным ревом в вихре многоголосого эха.

На узком лице Ворку выражение безумной паники. Передай, веизеро[33] Астер, и всем остальным, чтобы уходили в горы. Присоединяйтесь к войску — они вас защитят. Найдите людей Кидане. Поспешите. И не забудь передать, что об этом тебе сказал я — Ворку. После этого он разворачивается, несется назад вверх по склону и исчезает из виду.

Она бросается к дому, подгоняемая громоподобным звуком.

Я слышала, но не могу поверить. Это правда? Астер широким шагом идет по компаунду, на ней по-прежнему накидка и бриджи, она заходит в конюшню, потом появляется во дворе. Мы должны сообщить ему! кричит она. Мы должны найти способ известить его. Они здесь! Они пересекли границу.

Сердце Хирут бешено колотится. В голове слова, которые она не может прогнать: Война уже пришла, война уже пришла, *ференджи* наступают. Она стоит во дворе, смотрит, как крутится и зовет мужа Астер.

Это правда? Кухарка выбегает из кухни, вытирает руки о платье. Она подбегает к Хирут,

---

[33] Примечания: 33
Госпожа (*амхар.*).

встряхивает ее. Она правду говорит? Ворку приходил?

Хирут кивает, моргает от солнечного света. Она, возвращаясь сюда, пробегала мимо испуганных групп мальчишек и девчонок, мимо торговцев, спешивших с рынка, мимо детей, мчавшихся по домам, мимо женщин, которые бросали свои дрова и тыквенные бутыли для воды, сохи и палки и спешили в свои хижины. Она пронеслась мимо стариков с пиками и винтовками, бежавших в сторону гор, где Кидане готовит своих людей к войне. Она миновала парней и девушек, спешивших к реке со своими рогатками. Ворвавшись в компаунд, она увидела Берхе, который стоял с широко раскрытыми глазами и смотрел в ворота: в одной руке он держал ржавое копье, в другой — посох, готовясь отразить нападение.

Мы должны поспешить к нему, говорит Астер, беря кухарку под руку. Она оглядывается, скользит рукой к ладони кухарки, сжимает ее пальцы. Началось, говорит Астер, сплетая свои пальцы с пальцами кухарки. Ты остаешься. Голос ее становится ровнее. Она теперь смотрит на другую женщину твердым взглядом. Ты обещала — помнишь тот день? Ты мне нужна здесь. И внезапно лицо ее крошится вокруг появившейся мысли.

Не жди от них хорошего отношения. Потом она поворачивается к конюшне. Мы должны быстро собраться и уйти.

Я подготовлю Буну, но ехать на ней нельзя, земля после дождя слишком влажная, говорит Берхе.

Сухая, кричит через плечо Астер, спеша в кабинет Кидане. Она сухая, иначе эти *ференджи* не смогли бы попасть в нашу страну. Она не влажная. Подготовь Буну.

Потом кухарка вытаскивает корзины и мешки на веранду, и Хирут идет из кухни, согнувшись под большим мешком зерна.

Они пересекли границу, потрясенно повторяет Астер. Значит, война здесь.

Интерлюдия

Время сгинуло, осталось теперь только одно: вторжение. Хайле Селассие перечитывает телеграмму и устремляет взгляд в ошарашенное лицо своего советника. Ему вовсе не хочется спрашивать: Каким образом? Он не может заставить себя сказать: Вот так просто? Он может только посмотреть на клочок бумаги и сказать: Река

Гаш — по ней сорок лет назад Менелик[34] провел границу с Эритреей. Именно это и вспоминает Италия, когда размышляет о своем поражении сорокалетней давности. Он думает: Мой отец взял меня на эту реку и показывал на нее с гордостью, а еще напомнил мне, что некоторые называют ее Мареб. Я когда-то был маленьким мальчиком, который стоял на ее берегу, смотрел на коричневые воды, скучал. Он поднимает взгляд, складывает телеграмму, загибает и разглаживает кромки.

Оставь нас, говорит он.

Он поворачивается лицом к окну и смотрит, как солнце отталкивает в сторону темноту. Он знает реку Гаш. Он знает, что это незначительный водный поток, который начинается близ Асмары и протекает по границе Эфиопии. Его длина четыреста километров, но Гаш отнюдь не Нил. И не Красное море. Это даже не какой-нибудь важный приток, связывающий торговые маршруты и соединяющий города. Это ничто. Не более чем журчащий ручеек в сезоны дождей. Это сорокалетней давности демаркационная линия, проведенная императором Менеликом и разделяющая Эфиопию и Эритрею. Но это слабая

[34] Примечания: 34

Менелик II (1844–1913) — император, «царь царей» Эфиопии (Абиссинии) в 1889–1913 годах.

линия, цена ей не больше чем цена грязи по ее берегам. Это ничто, убеждает себя император, пытаясь поверить в собственные мысли и глядя на то, как рассвет пробивается сквозь черноту ночи. Это ничто.

Перед дверью кабинета стоит охранник, который поклялся своей жизнью защищать императора. Его жена ждет в их комнате, молится. Его советники в зале совещаний собирают информацию. Он один, и здесь никого нет. Но сегодня третье октября 1935 года, и в пять часов утра этого долгого дня Де Боно[35] вторгся в Эфиопию, форсировав реку Гаш. Сейчас пять двадцать, и три его колонны вот уже двадцать минут идут маршем по земле императора. Поступают сообщения о сброшенных с самолетов листовках, которые призывают его народ к восстанию против него. В этих листовках говорится, что настоящий император Эфиопии — Иясу[36], его родственник. А его,

---

[35] Примечания: 35

Эмилио Де Боно (1866–1944) — итальянский военный деятель, маршал Италии, с апреля 1935 по ноябрь 1935 года командующий войсками в Восточной Африке. Руководил военными операциями итальянской армии в Эфиопии.

[36] Примечания: 36

Иясу V (1895 или 1896 — 25 ноября 1935; имя соответствует имени Иисуса Навина) — эфиопский император в 1913–1916 годах, отстранен от власти в результате заговора, с 1921 года находился под стражей. Убит (вероятно, по приказу Хайле Селассие) в ноябре 1935 года.

императора Хайле Селассие, в тех же листовках называют самозванцем и вруном. По всей стране его подданные выходят из домов и собирают эти бумажки, разбросанные, как сорные семена. Война пришла. Прокралась. Она приближается к нему даже без формального объявления. Унижение в виде толстокожего, жирного агрессора. Он сжимает императора в своих ручищах, и тому трудно дышать.

Фото

Половина его облаченного в военную форму тела не уместилась в кадр, а потому никто никогда не узнает, что в своей невидимой руке Этторе тоже держит фотоаппарат. Но фотожурналист наводит объектив на бесконечные колонны других солдат, идущих за Этторе, их взволнованные лица светятся под касками. Все машут на камеру и щурятся, солнце зажигается прозрачными пузырями над их головами. У всех у них ранцы и винтовки, толстенные ремни патронташей перекрещены на груди. Они само воплощение юности и серьезности, их жестокость пока скрыта энтузиазмом и терпением, не видна под ликующими заголовками. На оборотной стороне фотографии Этторе крепкими печатными буквами написал

свое имя и добавил: l'invasione[37]. Потом стоит дата: 3 ottobre 1935, XIII. Следом идет едва видимая, полустертая карандашная надпись, сделанная его рукой: Guerra[38]!

Газеты сообщают, что сто тысяч *ферендж*и форсировали реку Мареб в предрассветной темноте 3 октября 1935 года. Что они двинулись маршем в три колонны: пехота, за которой шли мулы, потом строительные рабочие, потом грузовики с припасами. Газеты сообщают, что в небе летели самолеты и разбрасывали листовки, призывавшие жителей к мирной сдаче, после которой к ним будут относиться как к союзникам. Газеты сообщают, что солдаты дошли до Аксума и заняли город без единого выстрела. Им приятно писать, что все командиры эфиопской армии подчинились своему императору и позволили *ферендж*и пройти глубоко в суверенную землю, символ итальянской агрессии. Они заявляют, что после сорока лет унижения Адуа наконец была гордо захвачена итальянцами пятого октября 1935 года и эта маленькая, неприметная деревня встречала захватчиков со склоненными головами и крика-

[37] Примечания: 37
Вторжение (*ит.*).

[38] Примечания: 38
Война (*ит.*).

ми приветствия.

Так было написано, а потому так оно и запомнилось. Но Хирут, которая сидит на вокзале и перемещается, чтобы подольше оставаться на слабеющем предвечернем свете, знает, что, когда эти хищные *ференджи* пересекли реку Гаш, чтобы двигаться дальше на Аксум, три колонны разделились, единая линия была разорвана и в эти пространства стали просачиваться эфиопы, начавшие сражаться. Потому что газеты и воспоминания не сообщили, что невозможно привести сто тысяч человек в страну стройными рядами. Невозможно отправить многие сотни ослов, грузовиков и рабочих вслед за армией так, чтобы с ними не случилось ни одного происшествия. Потому что сто тысяч человек, как бы они ни жаждали захватить эту прекрасную землю, никогда не могут числом сравниться с количеством эфиопов, намеренных сохранить свою страну свободной, независимо ни от какой математики.

Глава 10

Кидане вырывает из первой страницы газеты статью с ее бесстыдным заголовком и фотографией, подносит поближе к глазам. На фотографии итальянская армия подана как единая масса камуфляжа и стали. Вторжение, о котором объявляет статья, представляет собой продуманный спектакль для показа, для демонстрации, для подачи в качестве видимого доказательства мощи хвастуна. Кидане смотрит вниз по склону холма, где разбит его лагерь, разглядывает ряд хижин, все еще спокойных в тумане раннего утра. Эфиопы — воины, но им сказали, чтобы они не оказывали сопротивления, когда эти итальянцы пересекут границу. Император приказал им впустить врага, чтобы мир видел, какая страна здесь агрессор. Таков приказ Хайле Селассие. Но в войне своего отца, той войне, сражаться к которой готовился Кидане, агрессор встретил бы немедленный отпор. Враги падали бы, сраженные пулями и копьями, их кости были бы переломаны руками мстителей. У них не было бы времени бомбить Адуа и Адиграт, убивать женщин и детей.

Кидане сплевывает пыль, скопившуюся у него в горле. Его от врага отделяют почти триста километров, но итальянцы со своими колоннами техники и артиллерией вскоре будут здесь, если их не остановить. Аклилу и другие его люди уже ведут наблюдение за районом, готовясь к тому, что им очень скоро придется делать. Они невидимы за большими камнями и кустарником, редкими группками деревьев, растущих на этих пологих склонах. Внизу под ним идет старуха, опираясь на посох, другая ее рука лежит на плече девочки в рваной, длинной, как платье, рубашке. Не объяснить кому-то вроде нее, что в этой стране есть теперь большая территория, которая предположительно больше никому не принадлежит, полоса земли, называемая ничьей, которую не может востребовать ни царь, ни фермер, земля-призрак между двумя границами, открывающая, словно болезнь, дорогу к смерти.

Кидане знает, что итальянцы объявят о своей первой победе в Адуа, городе, в котором они потерпели первое поражение, когда воевали с поколением его отца. Они попытаются переписать воспоминание о том сорокалетней давности дне в 1896 году, когда их поставили на колени, а потом заставили лечь ниц перед эфиопскими

воинами. Теперь Адуа пришел конец, пришел конец этому месту, которое более чем место. Они пришли, чтобы переписать историю, изменить память, воскресить своих мертвецов, сделать из них героев.

Кидане снова смотрит на фотографию. Солнечные лучи на группе людей за передовой частью колонн. Это ascari[39], те солдаты из Эритреи, Сомали, Ливии и даже Эфиопии, которые сражаются за итальянцев. Даже в этом слабом намеке на движение легко увидеть их поразительное изящество и новенькую, с иголочки форму. Новые винтовки и патронташи. Кидане замирает. Когда придет время, его люди смогут рассчитывать на скорость и свое знакомство с районом вокруг Гондэра. Они могут рассчитывать на благосклонность жителей. Они могут полагаться на живущих в пещерах монахов, могут требовать помощи от тех затворников, которые принесли обет воздерживаться от контактов с другими людьми. Но только мастерство и неожиданность могут помочь Кидане и его людям в сражении с ascari, которые знают эту землю не хуже, чем они, которые могут привести к повиновению жителей

[39] Примечания: 39
Солдаты колониальных войск; ед. число ascaro (*им.*).

и монахов и могут в той же мере, что и люди Кидане, использовать дождь и туман к своей выгоде. К нему приближается Аклилу и показывает на узкую тропинку за ним, которая и привела их на это плато близ Фогеры. Кидане показывает в противоположном направлении. Аклилу понимает. Они не могут воспользоваться ничем, что имеет хотя бы малейшее сходство с тропинкой. Каждый их шаг с этого момента должен быть стерт, их присутствие должно стать невидимым для врага, который так же расчетлив, как они.

* * *

В руках Кидане послание от кого-то, кто называет себя Феррес, и этот Феррес сообщает то, что Кидане уже и так известно: Адуа захвачена. Но еще там говорится, что в Максегнит — это близко к тому месту, где расположилось его войско, — ожидается прибытие колонны с техникой, а также будет разбит итальянский лагерь. Вскоре их колодец будет отравлен. В послании сказано, что он должен приготовить атаку на итальянцев, пока те еще не обустроились. Ему предписывается защитить трех сестер и братьев, которые собираются проникнуть в новый лагерь и залить яд в колодец. Также сказано, что он должен

атаковать *фереджи* так, как если бы получил приказ от самого императора. Кидане смотрит на молодого курьера: это просто тощий, длинноногий ребенок, со щербиной между большими передними зубами.

Кто такой этот Феррес? Откуда у тебя это письмо? Кидане крутит в руке послание, но ничто не указывает ни на его автора, ни на происхождение. Это просто клочок бумаги.

Мальчик показывает вниз по склону холма. Его дал мне Бирук, слепой ткач, говорит он. Мне сказали, что я должен пойти к нему.

Слепой ткач? Тот, кто делает все эти ковры? Знаменитый ткач обучает других слепых — мужчин и мальчиков, а потом уходит в высокогорье и Эритрею, где продает их только благородным семьям. Астер много лет назад купила такой ковер. Кидане часто сидел на пухлой шерсти, держа на руках сына, он смотрел на отцовский меч и щит и повторял истории о мужах, которые жили до него.

Мальчик кивает.

А почему ты? Почерк четкий и аккуратный, так пишут образованные священники, люди, которые не делают ничего другого, только пишут на клочках бумаги размером с ладонь мальчика.

Все знают, что я лучший бегун в этом районе. Курьер говорит с уязвленной гордостью.

Кидане снова переводит взгляд на послание. У итальянцев есть рации и телефоны. У него — этот мальчишка и клочок бумаги. Кидане смотрит над плечом мальчика на Аклилу, который с тревогой поглядывает в его сторону. Под этим плато Сеифу и остальные его люди ждут приказа.

Каждому из подчиненных ему командиров он приказал разделить своих рекрутов на группы по десять бойцов. Всего их около семидесяти. Слишком мало, чтобы противостоять армии, но достаточно, чтобы в засаде дожидаться какой-нибудь вражеской части. Большинство из них вооружено старыми винтовками и копьями, лишь у немногих винтовки поновее, ни у кого нет патронов, только у Аклилу в патронташе. Они исполнят любой его приказ, бросят вызов самому императору, потому что поклялись в верности Кидане. Он должен беречь их так же ревностно, как и эту землю, пока не придет время рискнуть всем.

Скажи своему ткачу, что я ответил нет, говорит Кидане, кивком отпуская Аклилу и Сеифу. Скажи ему, что я не подчиняюсь приказам императора. Иди. И будь осторожен. Он отдает мальчику честь

и разворачивается, чтобы спуститься по другому склону крутого холма и проверить копыта Адуи — годятся ли они для утоптанной земли.

Почва подсыхает. Ничто теперь не может замедлить наступления итальянцев. Дождливый сезон закончился. Пролетает птичья стая, медленно парит в спокойном небе. У основания холма он останавливается и смотрит в сторону Гондэра и Годжама, в сторону границы с Эритреей и реки Гаш, пытается представить все долины и фермерские угодья между тем местом, где стоит он, и тем, где итальянцы разобьют лагерь. За его спиной слышится негромкое ворчание его людей, направляющихся к своим палаткам. Где-то в невидимой дали в Форт-Балдессари виден силуэт наблюдательной башни с плоской верхушкой. Там расхаживает итальянский часовой, черная точка под теми же лунными лучами, которые сейчас падают на его лошадь. Кидане поправляет на себе *шамму* и разрывает рукой нити пыли, поднимающейся перед ним. Потом он дает пыли осесть в слабом свете затянутой облаками луны. Бесполезно провозглашать, что даже малейшее зернышко песка принадлежит Эфиопии. Он гладит шею Адуи и прислоняется к ней головой.

Фото

Кухарка: плотная фигура в длинной абиссинской рубахе стоит, склонившись над большущим котлом. В правой руке у нее поварское весло. Левой рукой она держится за край котла, слегка наклоняет его в сторону своих полусогнутых ног. Она становится на корточки, подол ее платья шатром ложится на землю, грубые очертания ее толстых ног почти видны под материей. Она прищуривается на ярком солнце, шея ее выгибается, словно она хочет спрятаться от объектива. Она сутулится, словно попала в силки. Она хмурится так, как умеет только она, и это выражение ее лица умеют растолковать только те, кто знает ее: рот — прямая линия, глаза опущены, подбородок выставлен, словно она напрашивается на удар. Она держит поварское весло за ручку близко к лопасти, и именно это показывает Хирут истинную степень паники, охватывающей ее, когда фотокамера смотрит в ее сторону.

За ее спиной на корточках сидят люди, их коротко стриженные волосы начинают курчавиться. Они подобны горному хребту, поднимающемуся за плечами кухарки. Судя по длине их волос, войне не более нескольких недель и худшее для них еще впереди. Там сидит Гетачев, еще без шрама, который появится у него около глаза.

Там сидит Эскиндер, у него пока податливая, необожженная кожа. Рядом с ними Сеифу и его сын Тарику. Сеифу чуть отвернулся, он еще не догадывается о своих грядущих скорбях. Он единственный смотрит на кухарку, единственный, кто повернулся в ее сторону с сочувственным выражением. Он уже давно отказался от своего угрожающего вида и смотрит на нее с выражением отцовского покровительства. За ним сидит Аклилу, он наклонился вперед, тогда как остальные сидят с прямыми спинами. Он не боится демонстрировать свое недовольство, не стыдится собственного любопытства. Тот самый свет, который уменьшает кухарку, привлекает взгляд к нему. Он смотрит так, словно хочет броситься в атаку, словно понимает слабость фотоаппарата. Словно уже знает различие между тем, что видят и что есть на самом деле. У него единственного рот с одной стороны кривится в улыбке и одновременно в насмешке.

На оборотной стороне штамп фотографа, выцветший за годы. По этому району бродило несколько фотографов, они делали снимки, обменивались ими друг с другом. Этторе написал: Una schiava abissina, абиссинская рабыня, но это не его фотография. Он никогда не видел кухарку,

Аклилу, Тарику и Сеифу одновременно. Ему никогда не была дарована честь стоять перед этими великими воинами в полной и безусловной безопасности. Он не смог бы сделать эту фотографию и уйти живым.

Глава 11

Хирут находится рядом и потому хорошо видит, как мальчик бежит по хребту горы: его ноги — крылья, его грудь — вместилище реберных костей и тяжелого воздуха. Под предвечерним солнцем, которое начинает скатываться вниз, он появляется сначала звуком: хруст ветки, скольжение ноги по камню, свист, пронзающий мягкий оранжевый свет. Он — летучий мираж, несущийся по неровностям холмов, избегая крутых склонов, его поверхностное дыхание затрудняется плотным ветром.

Кидане уже близко, говорит Астер. Это курьер, добавляет она.

Теперь Астер поспешит занять место сзади, как делала это в течение двух дней их перехода. Она будет торопить женщин, несущих воду и одеяла. Она может даже подставить плечо под тяжелую связку дров. Она будет уговаривать их не сбавлять скорости, от которой они истекают по́том, а во сне жмутся друг к дружке; им хватает сил только помолиться перед сном, и, улегшись, они закрывают глаза, защищаясь от яркого солнца.

Они шли по ночам, чтобы их не увидели с са-

молетов, которые начали облетать гребни гор и пикировать в долины. Они прятались в пещерах, притулялись к основаниям высоких камней и плотно растущих деревьев. Они изо всех сил старались спрятаться от этих сверкающих больших окон, пугающих, как открытые глаза Сатаны. Астер сказала, чтобы они не боялись. Призывала быть храбрыми. Земля защитит нас, все время повторяла она им, Каждый камень будет к нашим услугам, все реки будут течь в нашу сторону. Не останавливайтесь, сестры, поднимите головы, распрямите спины, двигайтесь, как двигались когда-то наши матери, когда так же отправились на войну.

Женщин около пятидесяти, некоторые из них родственницы и слуги тех, кто поступил в войско Кидане. Среди них есть молодые и старые, некоторые из них знают более одного языка этого района. Они забыли обо всем, кроме самой важной своей способности: носить то, что не может двигаться само, брать груз на плечо и тащить его. Они делали это без жалоб, выполняли приказы Астер, словно и не представляли себе, что могут делать что-то другое. А вот кухарка не смогла удержать свои мысли при себе.

Эти рабыни не понимают, что не обязаны де-

лать то, что делают? спросила она сердитым голосом, который никак не хотел понижаться до шепота. Мы ничего не обязаны делать, мы больше не хотим ничего делать. Давайте разойдемся, повторяла она снова и снова. Но лица, смотревшие на нее, были скорее испуганными, чем сердитыми, скорее смирившимися, чем воодушевленными ее непрерывными призывами спуститься по склону и никогда не возвращаться.

Берхе — единственный взрослый мужчина с ними. Он несет корзину кухарки с лекарствами и бинтами, пытается скрыть свое прерывистое дыхание, периодически покашливая. Вплотную за ним идут женщины с носилками и одеялами, шерстяными шарфами и пищевыми припасами. Они будут переносить раненых, хоронить мертвых и кормить войско Кидане. Еще дальше идут те, кто подбирает упавшие вещи, они вооружены копьями и щитами и служат для остальных охраной, они к тому же упрямо настаивают на своем праве сражаться бок о бок с Астер, когда та в бою присоединится к мужчинам.

Астер показывает на женщин, идущих сзади. Мы должны добраться до них еще засветло, говорит она, потом обращается к Хирут. Пойди

посмотри, что там наверху.

Хирут идет вперед, карабкается по склону со всей скоростью, на какую способна, прислушивается. Близ последней петли вокруг горы она ощущает сильный запах гаснущего огня. Хирут останавливается. Шаги за спиной стихают. Подступает тишина. Она поворачивается и с удивлением видит Астер, которая опережает ее. На всем протяжении подъема она не слышала, что Астер идет сзади.

Жди здесь, шепчет Астер.

Хирут не производит ни звука, а потому слышит шумы, которые расцветают только по ночам, она настолько неподвижна, что чувствует прикосновение ветерка к своей коже: влага рассеивается, поднимается сухой ветер. Наступил сезон, следующий за сильными дождями, за развязшими дорогами, утопающими в воде тропинками, которые все эти месяцы и сдерживали наступление врага. Хирут чувствует холодок, который щекочет ей загривок и по плечам сползает на руки. Ее пробирает дрожь. И именно эту дрожь слухи ошибочно примут за ответ на голос Кидане: Кто там?

Кидане выходит из тьмы и протягивает руку: выражение на его лице можно истолковать как облегчение или смущение, а может быть, как

будут говорить впоследствии некоторые, даже любовь.

Маленькая, говорит он. Ты теперь начальствуешь над ними?

Хирут, подняв на него глаза, не обращается к нему по военному званию — *деджазмач*, не использует она и вежливое обращение *гаш*, не позволяет она сорваться с языка и более формальному *ато*. Она так рада завершению этого ужасного путешествия, в котором можно было сорваться с высокой скалы или попасть под пули, выпущенные с самолета, что у нее с уст срывается то слово, которым с детства называла этого человека ее мать.

Киду, говорит она, и когда он улыбается, она хватает его за руку и делает этот роковой шаг навстречу. Это движение настолько естественно, оно дается ей так просто, что никто из них не замечает спешащую к ним Астер.

Ты здесь. Голос Астер перехватывает.

Кидане отстраняется от Хирут и смотрит на приближающихся женщин, он прикидывает их число, когда они в абсолютной тишине собираются вокруг. В темноте их длинные белые платья излучают нежную, кремовую белизну.

Мне нужно найти для них место, говорит

Кидане. Я беспокоился о вас, добавляет он. Он удостаивает Астер мимолетного объятия. Она поднимает лицо, он опускает свое, и Хирут смущенно отворачивается.

К нему подходит кухарка, поворачивается спиной к Астер. Я ухожу, говорит она. Она делает глубокий вдох. С меня хватит. Скажите ей. Я сдержала обещание, добавляет она.

Хирут чувствует теплый мускусный запах, исходящий от другой женщины и включающий ароматы куркумы, чеснока и едкой сладости, — Хирут подозревает, что последнее может быть старыми духами Астер, пузырек которых пропал несколько недель назад. Хирут быстро переводит взгляд на кухарку, словно читает ее мысли, кухарка отворачивается. Берхе подходит к Хирут, хмурится.

Астер не может скрыть удивления. Она идет к кухарке, приунывшая и недовольная. Что она сказала? спрашивает она. Астер обращается к другим женщинам. Найдите себе место для ночевки, лагерь здесь рядом. Потом снова переходит к кухарке. Что она сейчас сказала?

Кидане обнимает кухарку за плечи. Я знаю, какая она, говорит он. Но сейчас неподходящее время.

Кухарка отстраняется от него. За ее ошибки я заплатила больше, чем с меня причиталось. Ты еще увидишь, что она сделает, ты увидишь, что она сделает вот с этой после меня. Кухарка показывает на Хирут.

Она хочет забыть об этом, но я ее спасла, говорит Астер. Она все время пытается забыть.

Кухарка тихо замечает: Меня там вообще не должно было быть.

А какой у меня был выбор?

Словно никто другой не страдал больше. Кухарка складывает руки на груди. Я ухожу.

Ты остаешься, говорит Астер.

Берхе берет кухарку за руку, подносит ее ладонь к своей щеке. Этот жест усмиряет гнев кухарки. Она быстро моргает, чтобы не дать воли слезам. Глаза у нее влажны, полны боли, какой Хирут не видела никогда прежде.

Сюда. Берхе показывает на поворот тропинки. Идем со мной. А без меня ты все равно не сможешь уйти.

Я ухожу, и ты тоже уходишь, говорит кухарка, но идет за ним.

Хирут, говорит Кидане, иди помоги другим женщинам. Он притягивает к себе Астер, и они начинают разговаривать в быстром темпе, взвол-

нованными голосами.

Хирут идет в ту сторону, куда ушли Берхе и кухарка, и вскоре видит их — они сидят на большом камне спиной к ней. Они сидят, наклонившись друг к другу, рука кухарки все еще в его руке, они тихо разговаривают. Хирут откашливается и окликает их, но они делают вид, что не слышат. Она стоит сама по себе, смотрит на их силуэты, одинокая и смущенная. Потом она отправляется на поиски других в лагере.

Хор

Они тащили кухарку за волосы вниз по грунтовой дороге. Вот все, что она позволит нам сказать: они тащили ее за волосы, а юная Астер рыдала, стояла на коленях и умоляла отца перестать, пожалуйста, перестать, она не виновата, это была моя идея, пожалуйста, прекрати. Мы можем добавить вот что: кухарку тащили за волосы по дороге ночью за то, что она слушала отчаянные речи молоденькой девушки, она понимала ее, она знала, что это такое, когда тебя уводят из дома в другую семью и заставляют жить там. Она знала, какая это медленная смерть, и хотя юная Астер была дочерью человека, который забрал кухарку из ее дома и потребовал от нее известных услуг, она вызвалась помочь Астер бежать от брака, на

который та была обречена с самого детства, она собиралась увести Астер далеко от этого места. Туда, где они обе будут свободны.

Но кухарка не понимала, что, когда проступок совершают двое, наказывают нередко только одного, и нередко это тот, кто падает на землю на этой дороге, залитой светом печальной луны, и отвечает за все перед яростью одного человека, который представляет многих. Кухарка слышит мольбы Астер, слышит ее обещания, но знает, что Астер ждет другое наказание: ее принуждением заставят следовать по выбранной для нее узкой дороге. И она знает, что после этой ночи она никогда не будет говорить с девушкой о глупой надежде, которую они когда-то разделяли, что они будут стыдиться своей глупости, потому что их надежда теперь лежит посреди этой забытой богом дороги, искалеченная до неузнаваемости. И еще она знает, что теперь они будут связаны этим стыдом, соединены договором, таким крепким, что ни один человек не будет в силах его разорвать. То, что они могут сделать с человеческим телом, поразительно, кухарка думает и об этом, когда ее бьют, думает, пока все мысли не покидают ее. Это тело поразительно даже в своей уродливости.

Но есть и другая истина о той ночи, когда они пытались убежать: Астер слышала плач кухарки под ударами. Она слышала, как летело во тьму ее собственное имя, выкрикиваемое, как проклятие. Звучал голос ее отца: Скажи мне, куда вы собирались бежать, прежде чем я убью тебя. Звучал голос кухарки, которая требовала, чтобы он прекратил. Мне уже невмоготу, я хочу домой, Астер, останови своего отца, скажи ему, перестань прятаться. Голос кухарки, которая пыталась спрятаться, зарывшись в землю. К той ярости, которая владела отцом Астер, вела долгая дорога. Хотя Астер и была испугана до смерти, но могла бы встать между ним и кухаркой, остановить отца, но она не сделала этого. Она предпочла ждать и смотреть, как кулак взрослого мужчины вонзается в мягкий живот женщины. Она хотела понять, в какой момент сломается воля сильной женщины. Она хотела понять, что требуется, чтобы расщепить гордость женщины голыми руками. Она хотела рассчитать цену бунта. Она стояла там, смотрела на эту женщину, которая кричала, потом визжала, потом стонала, потом смолкла, и тогда Астер поняла, что ни разу эта женщина не просила. В ту ночь Астер познала истинную меру мужества. Она поклялась, что и сама будет

такой со своим мужем, которого еще не видела, и напомнила себе о своем происхождении, о своей крови и о том, чего она стоит по своему рождению. И только после всего этого схватила она отца за руку и стала молить о прощении.

Глава 12

Ферендж смотрит на Хирут над костровищем, его тонкое лицо перекосилось в области рта. Он неторопливо жует листик ката[40], сдвигает свои большие солнцезащитные очки повыше на голову. Когда очки соскальзывают на нос, он снимает их, засовывает в карман рубашки и показывает на поднос с чаем и хлебом в руках Хирут. Он покачивает головой и похлопывает себя по животу. Хирут смотрит на него, а Кидане молча показывает ей — поставь поднос. Двое мужчин стоят лицом друг к другу, между ними длинная черная сумка.

Положите оружие туда, на ровное место, говорит Кидане иностранцу, показывая на место в нескольких шагах от них. Потом начинает говорить на иностранном языке.

Ферендж отвечает что-то, с его натянутых губ срывается долгий ряд вздохов.

Хирут не может скрыть свое очарование его бледной кожей, его голубыми глазами, лилово-синими линиями на тыльной стороне его рук. Он

---

[40] Примечания: 40
Наркосодержащее растение, растет в Кении и Эфиопии.

лишен всякого цвета, оставлен на милость солнца и ветра. Белки его глаз с красной каемочкой слишком легко смешиваются со зрачками.

Жак не хочет класть свое оружие на землю, он должен его продать, говорит ей Кидане. Дай ему твою *нетелу*[41].

Кидане после их появления исчез из лагеря. Пока женщины под руководством Астер организовывали доставку провизии и приготовление пищи, он вместе со своим войском находился у подножья холма, и о том, что они под покровом ночи проходят боевую подготовку, говорили только подсвеченные луной облака пыли в долине. После своего возвращения на рассвете он, переходя от одной группы женщин к другой, мог говорить только о нехватке винтовок в Эфиопии и об итальянских кораблях, прибывающих в Массаву с грузом оружия и танков. Война началась, столкновения по всему району учащались, а у его людей были только старые маузеры и вышедшие из употребления албины. Он сыпал проклятиями: какой прок от ржавой Белджиги или Вуджигры? Что мне делать с этими бесполезными копьями и без патронов? А теперь он разговаривает с этим

[41] Примечания: 41

Двухслойная ткань ручной работы в форме шарфа, национальная одежда в Эфиопии и Эритрее.

ференджем, вид у того еще более изможденный, чем прежде, говорит он хриплым голосом, а когда сидит — его чуть ли не шатает.

Этого мало, Жак, тихо говорит Кидане, замерев. Ничего этого недостаточно.

Хирут проглатывает негодование, снимая с плеч *нетелу*, и чувствует, как свежая прохлада стучится в ее грудь. Ее уродливые раны пульсируют на холоде, они все еще красные и болят.

Жак усмехается, выставляет ей свой подбородок, когда она кладет перед ним *нетелу*. Он развязывает длинную черную сумку — в ней лежит несколько винтовок. Он стреляет взглядом в Хирут, потом кладет винтовки на ее *нетелу*. Здесь пять новеньких винтовок, они сверкают и лоснятся, как ничто из того, что Хирут видела прежде.

Откуда-то доносятся звуки выстрелов, которые раскалывают набирающее яркость небо. Хирут поднимает голову, но нет ничего, что говорило бы о приближающейся армии, не слышно рева летящих самолетов или колонн техники. Жак показывает на нее, и Кидане поворачивается. Она чувствует, как их глаза вперяются в ее шрам. Она перекрещивает руки на груди.

Жак отворачивается, чтобы сплюнуть, и оти-

рает рот тыльной стороной руки. Медленное, тянущееся движение вдоль губ. Он разглядывает что-то за плечом Хирут.

Ферендж обращается с какими-то словами к Кидане, его зубы, челюсти плотно сомкнуты.

Кидане отрицательно качает головой, поначалу медленно, потом быстро. Он в ярости.

Что он говорит? Астер переводит взгляд с одного мужчины на другого. Ты же знаешь, я не говорю по-французски.

Солнце высвечивает оттенки красно-коричневого в сплетенных в косички волосах Астер. Оно расплескивает краску на ее щеках. Глаза у нее в ярком свете ясные. Жак, хотя и показывает на Хирут, стреляет глазами в Астер.

Винтовочные выстрелы снова эхом доносятся из-за горизонта. Они все с испуганным видом подаются вперед и смотрят в направлении звука.

Адиграт, вполголоса говорит Астер.

Мекелле[42], говорит чужестранец. Он поворачивается назад к Кидане. И опять показывает на Хирут.

Кидане берет одну из винтовок. Взвешивает ее в руке, делает вид, что прицеливается. Потом,

---

[42] Примечания: 42

Адиграт, Мекелле — названия эфиопских городов.

подавленный, осторожно кладет ее. Они слишком дорогие, говорит он. Я использовал все свои кредиты на покупку прошлой партии, а он еще задирает цену. Кидане отрицательно качает головой, он смущенно смотрит на Астер, его взгляд полон раскаяния.

Ферендж смотрит на пару, вид у него удовлетворенный и одновременно любопытствующий. Потом он подается вперед и шепчет что-то Кидане на ухо. Он хватает Кидане за руку, когда тот пытается отпрянуть, и продолжает говорить, настойчиво и громко.

Что он говорит? спрашивает Астер.

Уйди-ка отсюда. Быстро, говорит Кидане, и возьми ее с собой. Он едва может смотреть на Хирут.

Астер удивленно смотрит на него.

Уходи! Немедленно!

Вся усталость Кидане исчезла, вытесненная взрывом ярости.

Жак закрывает глаза и кладет в рот свежие листья ката. Он довольно жует, тихонько дышит, шаря руками в карманах. Хирут смотрит на него, ее смущает его беспечный вид и полное равнодушие к ссоре, возникшей по его вине.

Его глаза широко распахиваются, пугая ее, и на лице появляется улыбка. Тебя как зовут?

Спрашивает он на амхарском. В его голосе то же шипение, которое слышится, когда он говорит по-французски. У него странное произношение, звучание его слов пропитано слюной. Меня зовут Жак Кора. Его рот снова раскрывается в улыбке, обнажая еще больше порченых зубов.

Астер недоуменно смотрит на него. Он хочет эту девочку?

Хирут кидает мимолетный взгляд на Кидане. Когда Астер протягивает ей руку, она берет ее, крепко вцепляется и приникает к женщине.

Жак связывает концы *нетелы* и поднимает связку винтовок. Его рот искажает кривая улыбка, защечное пространство с одной стороны у него набито жеваным листом.

Кидане становится между ними и показывает на лагерь. Он говорит успокаивающим, льстивым голосом. Жак отрицательно качает головой.

Кидане обращается к Астер. Возьми накидку моего отца. Принеси ее и ожерелье.

Жак снова качает головой. Мне не нужна старая накидка, говорит он на идеальном амхарском. У меня достаточно золота.

Хирут слышит через плечо тяжелое дыхание кухарки, которая появляется из-за поворота, обосновывается в напряженном молчании между

ними. Берхе насвистывает ту самую мелодию, которую он всегда пытается довести до совершенства во время работы. С той стороны, откуда они пришли, слышатся новые выстрелы: Кидане бормочет проклятия, а Астер вздрагивает. Но они замерли на своих местах, как на одной из газетных фотографий в кабинете Кидане.

Принеси мне ожерелье, повторяет Кидане.

К этому времени кухарка и Берхе подходят еще ближе и теперь недоуменно смотрят на чужестранца.

Я ни за что не отдам его этому *ферендж*у, говорит Астер.

Кухарка смотрит на винтовки. Она переводит взгляд с лица Жака на лицо Кидане, а когда ее глаза останавливаются на Хирут, в них появляется знание, слабый блеск отвращения. Эта девчонка бесполезна, говорит она.

Астер открывает рот, но Жак опережает ее. Бесполезных девчонок не бывает. Он подмигивает Хирут.

Возьми ее, и у тебя только появится еще одна забота, продолжает кухарка. Она слабая и часто болеет. Посмотри на ее грудь — ты что, слепой?

Почему бы тебе не заткнуться, говорит Астер. Она произносит эти слова сквозь зубы.

Тогда иди принеси свое драгоценное ожерелье, говорит кухарка. Иди, оно вообще-то вовсе не тебе предназначалось, ты его не заслужила.

Ферендж медленно моргает, глядя на кухарку красными глазами. Он смотрит на Кидане. У меня есть еще десять винтовок. Золото эти итальянские крестьяне все равно заберут. Отдай мне девочку. Пятнадцать винтовок.

Кидане смотрит на Хирут, потом на Астер. Он смотрит на свои пустые руки, потом переводит взгляд на *ферендж*а.

Ты вернешься, говорит Жак, обращаясь к Хирут. Я доставлю тебя назад, не беспокойся. Я часто здесь бываю — через две-три недели мы вернемся. Он смотрит на Кидане и добавляет: Подумай о том, скольким своим людям ты сохранишь жизнь, имея эти винтовки. А с винтовками они убьют итальянцев и возьмут уже их винтовки.

Одна неделя, говорит Кидане.

Жак отрицательно качает головой. Теперь передвигаться здесь стало труднее. Я обещаю, что буду о ней заботиться. Она твоя родственница?

Ты этого не сделаешь, вполголоса говорит Астер Кидане.

Хирут смотрит на кухарку. За ее плечом поросшая травой долина, она уходит вдаль в арке

солнечных лучей, просачивающихся через перистые облака. Неподалеку река. Она вместе с кухаркой должна была отправиться туда за водой.

Я пойду с тобой, говорит кухарка. Возьми меня.

Ферендж смотрит на нее и прыскает, потом смеется — не может остановиться. Никогда, говорит он.

Кухарка обращается к Астер. Я ухожу, говорит она. Время пришло, и с меня хватит.

Ферендж потрясенно смотрит на нее. Я тебя не хочу. Я беру ее. Он показывает на Хирут.

Если ты возьмешь меня, то никогда не будешь испытывать нужды в еде и питье, говорит кухарка. Я позабочусь, чтобы у тебя всегда была еда, а если ты заболеешь или не сможешь добыть ката, то я знаю, что тебе дать. Оно сильнее и действует дольше. Я найду другую женщину, она будет помогать тебе во всех делах, она безотказная и опытная.

Теперь Жак задумывается. Он нащупывает у себя в кармане еще один листик и засовывает его в рот. Я достаю столько ката, сколько мне нужно.

С этим будет покончено, когда появятся итальянцы. Кат будет так долго до тебя добираться, что потеряет свежесть.

Жак медленно одной рукой достает солнцезащитные очки из кармана рубашки, устраивает их у себя на голове. Он трогает винтовки, потом снова раскладывает их на *нетеле*. Двигается он так, словно у него безграничные запасы времени, а эти люди могут подождать. И только краска, заливающая шею *фереджа*, выдает его напряжение.

Я хочу ту другую вещь, которую она обещала, говорит Жак. Я хочу ее сейчас, до того как уйду, иначе наше сотрудничество прекращается. Мне нужно столько, чтобы хватило на две недели. Прямо сейчас.

Кухарка кивает, выражение гордости появляется на ее лице. Подожди, говорит она. И Берхе уходит со мной, он вернется к себе домой. Она кивает Кидане, задерживает долгий, непроницаемый взгляд на Хирут, потом разворачивается и быстрым шагом идет вниз по склону.

Краткая история Жака Кора

Не то чтобы его просьба была такой уж необычной, не то чтобы он просил цену, которую не платили раньше во многих других местах. У него имелось, что дать, и были вещи, которые можно было взять, и он хотел брать больше, чем отдавать, понимая, что всякие сделки по своей

природе не расположены к справедливости. Он знал, что это такое — быть взятым: быть взятым за руку матерью, которая стала водить его из одного дома в другой, пока человек, никакой ему не родственник, не опустился на мозолистое колено и не сказал: Мальчик, то, что я даю твоей матери, вовсе не то же самое, что я буду давать тебе, и даже в свои двенадцать лет Жак Кора, оставив всякую надежду, понял, что в тот момент закрылись все двери его жизни и останутся в таком положении, пока он не найдет выход. Если ничего не просят, то нечего и давать, мсье, вот что он ответил. За плечом этого человека мальчик увидел свой первый предмет для продажи: видавшее виды ружье Шарлевиль 1777[43], созданное в Шарлевиле в департаменте Арденны, месте рождения Артюра Рембо, поэта и торговца контрабандным оружием. И вот какие вещи брал в обмен на оружие Жак, который был известен в Эфиопии и Эритрее как Ле Ференж[44]: серебро и золото, слоновую кость и соль, рабов и лошадей, молоденьких девочек и хилых мальчиков, связки

---

[43] Примечания: 43

Речь идет о старинном оружии — мушкете 1777 года выпуска.

[44] Примечания: 44

Переделанное на французский манер ахмарское слово ферендж — «чужак», «иностранец».

ката и артефакты, предположительно принадлежавшие Рембо.

Жак Ле Ференж хранит в нагрудном левом кармане своей рубашки старую зернистую фотографию Артюра Рембо[45]. Эта фотография всегда при нем, она даже будет зажата в его старческой руке на кушетке с соломенным матрасом, где он испустит последний вздох, побежденный какой-то болезнью. Предположительно дизентерией. На фотографии этот enfant terrible от поэзии стоит под пальмой, глядя в объектив фотоаппарата, ноги у него чуть расставлены, руки сложены на груди. Трудно сказать, с какой стороны светит солнце, трудно определить точное время дня. С этого фотографического негатива было сделано множество отпечатков, причем его переворачивали бессчетное число раз, словно жизнь, проживаемая слева направо, равна жизни, проживаемой справа налево. На копии, которая лежит в кармане Жака, левая нога Рембо отставлена в сторону, и Жак долгие годы пытался повторить эту позу. Рембо с фотографии Жака жил в Эфио-

[45] Примечания: 45

В этом персонаже — Жаке — легко угадывается портрет знаменитого французского поэта Артюра Рембо (1854–1891). Последние годы своей недолгой и бурной жизни Рембо, перестав писать, провел в Африке, в основном в Египте, Йемене и Эфиопии, где занимался торговлей разными товарами, включая и оружие.

пии среди людей, которые считали левую руку знаком неудачи, физическим напоминанием о непобедимом леворуком воине шестнадцатого века Мохамеде Грагне: Мохамеде Леворуком[46]. Но левая нога Рембо, выставленная в сторону на этой фотографии, вроде бы свидетельствует о человеке, которого не заботили никакие суеверия и традиции, кроме его собственных. Вот этим и восхищался Жак. Поэтому он и оставляет свой дом ради Адена, как это сделал Рембо за несколько десятилетий до него. С каждым своим шагом по новой территории он воображает себя великим поэтом. Он жаждет стать правителем всего, что видит. И воображает, что у всего есть цена, в особенности у молоденьких местных служанок, на которых в домах, где они работают, смотрят как на расходный материал. Ле Ференж берет и дает, дает и берет, зная, что настанет день, когда баланс всего будет подведен и ему больше никогда не придется просить что-то еще.

Ле Ференжу, Жаку Кора в день его короткой встречи с Хирут приблизительно тридцать

---

[46] Примечания: 46

Ахмед ибн Ибрагим аль-Гази по прозвищу Ахмед Левша (1506–1543) — правитель мусульманского султаната Адал, расположенного на территории нынешних Сомали и Джибути, известный военачальник, один из главных участников Адало-эфиопской войны.

девять. Отец: умер. Мать: Жаклин Арно Кора Ливен, белошвейка. Последний известный отчим: Шарль Ливен, фермер. Родился в Бордо, знаменитом городе вин, городе Монтеня и Монтескье и невероятно прибыльного порта, откуда корабли отправлялись к побережью Западной Африки — части треугольной торговли[47]. Треугольник: фигура, состоящая из трех прямых линий и трех углов, необязательно равных.

* * *

Ле Ференж. Хирут будет без конца повторять эти слова про себя, глядя на груду винтовок. А Ле Ференж, знающий цену расстояниям, и времени, и соответствующим уменьшениям прибыли, торопясь в путь, повернется к тропе, по которой ушла кухарка. Они в то же время слышат новые залпы выстрелов, и если Хирут дергается и смотрит на небо, то Ле Ференж только усмехается и пожимает плечами, понимая, что каждая угроза и каждая израсходованная пуля дает основания для новой сделки. Никто из них даже не подо-

[47] Примечания: 47

Так называют происходивший в XVI — начале XIX века трансатлантический торговый обмен между тремя частями света — Африкой, Америкой и Европой.

зревает, что в этот самый момент два брата и их старшая сестра идут под дулом винтовки к большому камню, на который они однажды забирались, будучи детьми.

И если Жак Кора может себе предположить самые разные причины шума, то никто из них не может вообразить, что soldato, который держит фотоаппарат, чтобы запечатлеть испуганные глаза двух братьев и сестры, в один прекрасный день наведет объектив на Хирут и исполнит приказ снимать. И как может Хирут знать, что, когда она поднимает голову и ловит неторопливый ветерок, гуляющий между деревьями, один мальчик, совсем еще ребенок, подставляет лицо тому же самому печальному ветерку в поисках спасения? Вот: улыбка сестры, предлагающей ему столь необходимое утешение. Вот: рука старшего брата, которая берет его маленькую ладонь и подносит к губам. Вот: два брата и их сестра, идущие короткими шагами, связанные цепью и веревкой. Вот: знакомый камень, теперь забрызганный кровью, в ожидании большего.

Хирут не услышит, как женщины Максегнита поднимают на руки мать молодых патриотов и рыдают так громко, что прогибается небо. Она никогда не узнает, что отец этих троих упадет

на колени и будет умолять полковника Карло Фучелли, прославившегося своей жестокостью мясника Бенгази, избавить тела его детей от дополнительного непотребства виселицы. Она не услышит приказа Фучелли итальянцам и ascari выстроиться в ряд спинами к трем пленникам и стрелять на поражение, если кто-то попытается их освободить. Она не увидит удивления в глазах некоего Этторе Наварры. Она не узнает, что Ибрагим, гордый и верный ascaro, много лет служивший полковнику Фучелли, стоит рядом со своими людьми, а мышца у него под глазом дергается, как лист на ветру.

Когда Кидане и Астер, погруженные в нескольких шагах отсюда в приватный разговор, вздрагивают при новых звуках нестройных выстрелов, они не могут и предполагать, от чего их защитили расстояние и судьба: зрелище — одновременно ужасное и вызывающее трепет — россыпи пуль, поражающих двух братьев и сестру, которым не удалась их доблестная попытка отравить колодец вторгшихся в их страну итальянцев. И никто, кроме верных ascari, никогда не узнает, что в этот несчастный день их командир Ибрагим приказал им не стрелять, дал команду своим ascari не выполнять приказов полковника Фучелли, что

он поставил свою жизнь на это неподчинение и поклялся убивать или умереть, защищая их: он приказал своим людям поднять винтовки и прицелиться, а когда поступит команда пли, они должны будут замереть на несколько мгновений, чтобы первые пули были выпущены самими итальянцами. Мы убиваем эфиопских мужчин, сказал Ибрагим своим ascari, мы не будем убивать их детей, пока я командую вами.

Помолимся.

Глава 13

Они обстреливают наши войска уже несколько недель, говорит Астер Хирут, показывая на ящик гильз перед ней. Лицо у нее исхудалое, напряженное. Мы достаточно высоко в горах — им нас пока не достать. Она замолкает на мгновение. Мы должны быть готовы. Скоро у нас будут настоящие пули, настоящие винтовки, добавляет она. Гетеи показывала тебе, как делать порох? спрашивает она.

Хирут отрицательно качает головой, подбирает горсть гильз.

Они стоят у палатки Астер, ждут других женщин, которых Астер просила прийти с порошками и солью. Впереди группа жителей деревни делает последние шаги до вершины, все женщины идут, согнувшись под грузом дров. Две из них машут, прежде чем свернуть туда, где прежде была площадка кухарки. Несколько других тащат холщовые мешки к тому месту, где стоит Астер: руки у нее сложены на груди, вид в накидке отца Кидане властный. Женщины из деревень поблизости начали приходить сразу с рассветом, они приносили гильзы и дрова, шарфы и еду для

войска. Хирут смотрит на холм, потом снова на Астер. В лагере со времени ухода кухарки царит кавардак, беспорядок усиливается по мере бесконечного поступления новой провизии. Она каждый день ждет какого-нибудь знака возвращения кухарки, но прошло уже четыре дня, и даже Астер, делая свои дела, перестала поглядывать на горизонт.

Тебе нужно научиться делать пули, говорит Астер. Найди кого-нибудь, кто бы тебя научил.

Вот еще одна вещь, что могла бы показать ей кухарка.

Гетеи научилась этому от твоей бабки, говорит Астер. Они должны были узнать это на прошлой войне — ведь мужчины могли иссякнуть. Астер похлопывает по передку накидки и легонько подтягивает золотую пряжку. Некоторые вещи никогда не узнать, если нет рядом матери, верно я говорю?

Это использованные, говорит Хирут.

Они их подбирают — это то, что оставили после себя итальянцы, говорит Астер. Нам нужны только гильзы. Мы вернем им их убийства. Астер качает головой. Я научу всех женщин готовить порох. Я научу всех вас стрелять из винтовки. Ты должна знать, как бежать им навстречу и не

бояться.

Астер на своей кобыле Буне являет собой величественную фигуру. Она расслабила свои косички, и плотные пряди волос падают на ее шею, темным занавесом обрамляют ее залитое солнцем лицо. Она подхлестывает животное, и кобыла на гребне холма переходит на рысь, накидка развевается, золотая пряжка улавливает лучи полуденного света.

Женщины! кричит она. Сестры, вы меня слушаете? Ее голос взлетает в небеса: клинок, разрезающий долину внизу, отрывающий женщин от их дел, заставляющий их поднять голову и повернуться в ее сторону. Сестры, вы готовы к тому, что грядет?

Талантливые эфиопские *азмари*[48] долгие годы будут петь об этом дне: о том, как женщины бросили свои корзинки и кувшины. Как они убрали свои ткацкие станки и груды шерсти. Они почти одновременно поднимаются на ноги, не осознавая собственного величия, и поворачивают головы на голос Астер. Тот факт, что они замирают на какое-то время и слушают мягкие хлопки далекого ружейного огня, — это та деталь,

---

[48] Примечания: 48
Бродячие музыканты (*ахмар.*).

которую песни будут повторять снова и снова. Музыканты хмурость лиц превратят в предвидение того, что грядет. Певцы будут использовать охи и восклицания женщин как знак их растущей силы.

Один *азмари* за другим будут петь эти слова, щипля струны *крара*: этот первый боевой клич уже формировался в горле каждой из женщин. Астер знала, ей нужно только найти способ правильно направить его. Эти женщины были готовы, но не знали этого. Требовалось наделать патронов, замешать порох, зарядить винтовки и стрелять.

Женщины! Кто умеет делать патроны — ко мне! Голос Астер несется по долине, а потом распадается на эхо и уносится за горизонт. Она — одна женщина. Она — много женщин. Она — весь звук, какой есть в мире.

Женщины бросаются вперед, они тяжело дышат, их шаги подобны шороху листьев, уносимых ветром. Хирут прижимает рукой сушеные листья, которые раскладывает по маленьким медицинским пакетикам, и смотрит: Астер элегантно спрыгивает со своей кобылы, ведет пугливое животное к ближайшему дереву и привязывает его там. Она возвращается на самую высокую точку

холма, одновременно знакомая и неизвестная, женщина, о существовании которой Хирут всегда знала, но которую никогда прежде не видела.

Вы помните, как мы учились стрелять с нашими братьями и родственниками? Астер раскрывает кулак, и на женщин опускается тишина. В середине пыльной ладони лежит несколько гильз, погнутых и опаленных порохом. Хирут, помоги мне, добавляет она, глядя над головами толпы, собравшейся на вершине холма и занявшей часть склона.

Хирут проталкивается через группу, женщин здесь столько, что большинству из них мало что видно.

Астер продолжает: Нас учили бегать по холмам и охранять скот так же, как и мальчиков из наших семей. Мы не должны забывать это, говорит она. Мы нужны нашей стране.

Густое молчание ширится и вовлекает их в интимное объятие. Они, как зачарованные, подаются вперед. Хирут приближается, Астер показывает себе за спину на другой склон холма, где находятся металлический котел и холщовый мешок. Хирут подтаскивает к ногам Астер и то и другое, удивленная их немалым весом, потом отходит в сторону, неуверенная в этой Астер,

этой женщине, которая словно мерцает в своей накидке.

Давай, говорит ей Астер, открой его и дай мне то, что внутри.

Хирут развязывает мешок, засовывает руку внутрь.

Откуда-то сзади доносится женский шепот: Наша страна? Она говорит, что это наша страна? Посмотрите, сколько нам приходится работать, а она у нас только забирает.

Хирут поворачивается к этой женщине. Она высокая и угловатая, явно возбуждена. Она переступает с ноги на ногу, слова рождаются в ее рту короткими, сердитыми взрывами. Она, кажется, не может остановиться: Последуйте за ней, и вы всегда будете выпрашивать то, что она выбрасывает. Пусть придут итальянцы, они лучше этих жадных людей. И посмотрите на нее — кто был ее отец? Кто была ее мать? Это не стопроцентная амхарская кровь. Она наполовину рабыня, посмотрите на нее. Я по крайней мере чистокровная.

Хирут замирает. Никто никогда не осмеливался говорить что-либо подобное Астер в лицо.

Анчее[49], прекрати это: голос другой женщины плывет над ошарашенной тишиной.

Но слишком поздно: эти слова оказывают на Астер немедленный эффект. Она дергается и подносит руки к лицу, одна ладонь все еще свернута в кулак вокруг гильзы. Она издает громкое ах — резкое дыхание человека, которому нанесли неожиданный удар. Ее глаза широко раскрыты, они не ведают, что случится дальше, потому что истинность слов женщины трудно отрицать: Астер не может похвастаться изящной красотой Нардос или какой другой женщины. Ее кожа отливает сочным цветом, более темным, чем у многих, а ее губы заворачиваются, как распустившийся цветок: полные, пышные, они угрожают заполнить все ее лицо. Ее круглые щеки и покатый лоб подчеркивают неуловимость красоты, но снова и снова ее губы притягивают к себе взгляды. Хирут видела, как она воздействует на тех, кто встречает ее впервые: ее властные манеры сильно не согласуются с ее необычным видом. Без своего высокомерного вида Астер могла бы показаться простушкой, в которой нет ничего особенного, но она унаследовала самоуверенность

[49] Примечания: 49
Эй, ты (*амхар.*).

тех, кто родился в знатных семьях, и внутри нее горит огонь, высвечивающий все ее черты. В ней есть что-то такое, с чем не рождаются бедняки: манера входить в большие дома и просторные поля так, словно земля жаждет их шагов. Хирут разглаживает волосы, вправляет выбившиеся пряди в косички, подбадривает себя.

Тихий ропот проносится по толпе, и то, о чем позже будут петь в песнях, отвечает действительности: Когда Астер оглядывает ошеломленных женщин, клочья облаков закрывают яркое солнце, как взлетевшие вверх простыни. Слабая тень ложится на плато, а потом соскальзывает, чтобы пустить сверкающий луч света на плечи этой женщины и накидку, обагренную кровью. Это благая весть. Это божественное подтверждение ее правоты и ее власти. Все *азмари* будут воспевать этот момент. Из каждого *тедж бет*[50] и из каждой хижины, из каждого обычного дома и отеля будут доноситься одни и те же слова певцов: о том, что взрыв солнечного света, мощный, как взрыв бомбы, пролился на ее плечи в божественном послании.

Астер чувствует перемену, хотя она слишком

---

[50] Примечания: 50
Богатого дома (*амхар.*).

зла на слова женщины, чтобы заметить таинственные солнечные лучи. Она распрямляется, снова исполняется гордостью и начинает говорить тем своим тихим голосом, который знает, что его услышат.

Сейчас неподходящие дни для того, чтобы делать вид, что ты всего лишь жена, или сестра, или мать, говорит она. Мы больше, чем это.

Последнее предложение будет петься, как гимн и рефрен, а музыканты будут дергать струны прекрасного *крара*:[51] Мы больше, чем это.

Женщины перешептываются, произнося эти слова: Мы больше, чем это, мы больше, чем это. Они прикасаются к своим лицам — что к красивым, что к простоватым, разницы нет, они прижимают ладони к своим грудям и животам, а некоторые засовывают ладонь себе между ног и смеются. Мы больше, чем это.

Женщина, разразившаяся сердитой вспышкой, стоит в центре толпы, переводит взгляд с одного лица на другое, ее ярость выхолощена сочетанием солнца, облака и магнетического воздействия Астер на всех стоящих вокруг нее.

Мы больше, чем это. Мы больше, чем это.

---

[51] Примечания: 51
Эфиопский струнный музыкальный инструмент (*амхар.*).

Астер призывает их к тишине, и шум мгновенно стихает. Она продолжает, улыбка на ее лице, обращенная к женщине, которая выбранила ее, язвительная и жестокая: Когда я промахивалась во время учебной стрельбы, мой отец бил меня, говорит она. Я знаю: со многими из вас случалось то же самое.

Хирут вспоминает уроки, которые преподавал ей отец, обучая обращению с Вуджигрой, вспоминает серьезность его наставлений, бесконечные повторы, которых он требовал от нее после долгого дня в поле, заставляя ее делать вид, будто она заряжает винтовку, потом целится, потом жмет на спусковой крючок, а он шепчет ей: Еще раз, теперь скорее. Он, случалось, взрывался от недовольства ею и вслух выражал это недовольство тем, что у него не сын, а дочь.

Наши отцы были строги с нами, но мы научились быть сильными, добавляет она. На миг ее лицо перекашивает. Астер открывает мешок и вытаскивает из него мешок поменьше, плотно завязанный. Она развязывает и его и вытряхивает оттуда себе в ладонь порошкообразное содержимое. Она делает это, не обращая внимания на ту женщину, которая продолжает смотреть на нее, покачивая головой.

Астер залезает в большой мешок и достает оттуда горсть угля, тоже располагает его на своей ладони. Потом она выпрямляется, снова высокая и гордая, вытягивает руки. Вы поймете, что я делаю, говорит Астер, если вспомните, что говорили нам наши матери и бабушки.

Порох, вот как они делали пули (она готовит *килис*[52]), мне мать показывала, тетка меня учила давным-давно — женщины переговариваются между собой, и Хирут кажется, что чем дольше они продолжают, тем рассерженнее становится высокая женщина в толпе. Она напряглась от злости, она не может скрыть своего неприятия, она не желает стереть с лица выражение презрения, которое кривит ее рот и щурит глаза.

Есть женщины, которые не желают нам помогать, говорит Астер. Она показывает на ту женщину. Вот эта отказалась сегодня дать мне серы, и тогда я сама взяла ее.

Толпа покачивает головами, неодобрительно свистит.

Мне нужно кормить семью! кричит женщина. Голос ее натянут струной. И сера не ее, громко добавляет она. И кто расстроится, если вы проиг-

---

[52] Примечания: 52
Смесь (*амхар.*).

раете, все вы? Она плюет на землю. Кому нужен ваш царь? Она ударяет себя в грудь и снова плюет. Пусть придут *ферендж*и.

Астер не может скрыть злость, самообладание покинуло ее, в ней не осталось и намека на то изящество, с которым ей удается делать все, чем она занимается. Она утратила сдержанность, и то, что видит теперь перед собой Хирут, — эта часть той Астер, которая била ее кнутом, а потом оставила в конюшне. И вот она, эта часть — трясется теперь перед всеми ними в виде Астер.

Астер продолжает: Эта женщина такая же, как они все, они разделят нашу страну, мы проиграем и станем рабами *ферендж*и. Они думают, что *ферендж*и принесут сюда справедливость. Эти дуры не понимают, что случится, если мы проиграем.

Они смотрят друг на друга, потом та женщина плюет на землю и обращается к другим женщинам: Она вор, хуже побирушки. Пусть придут *ферендж*и, я им помогу. После этого она бросается прочь вниз по склону, ее крики постепенно затихают вдали.

Если кто из вас хочет уходить — уходите, говорит Астер.

Еще две женщины встают и, не оглядываясь, спешат прочь с опущенными головами. Астер

непреклонна, на ее лице снова бесстрастное выражение, строгие очертания рта — защита против всяких эмоций. Она набирает в грудь воздуха и двигает ведро к остальным женщинам. Ведро до половины наполнено серой.

Кто помнит, что нужно делать? спрашивает она. Кто помнит, что такое быть чем-то бóльшим, чем мир думает про нас?

Глава 14

Еще одно послание от Ферреса, написанное тем же тщательным, аккуратным почерком, что и первое. Росси наступает тремя колоннами. Численность 1500: они идут на Бахр-Дар через Дебарк. Мы будем атакованы, необходимо подкрепление.

В этом письме нет ничего нового. Скороходы императора доставляли такие послания всем отрядам в регионе. Необычно только то, что Феррес пишет это в нескрываемой приказной манере. Этот курьер — другой мальчик — снова переводит взгляд с Аклилу и Сеифу на Кидане, он пытается по их реакции определить важность послания.

Тебе это дал Бирук? спрашивает Кидане.

Мальчик тут же кивает. Он ткач, тот, который слепой.

Бирук? У Сеифу испуганный вид. Он из моей деревни, говорит он.

Сеифу хочет сказать что-то еще, но Кидане поднимает руку и отрицательно качает головой. Он смотрит на курьера. Иди, говорит он, и будь осторожен.

Брат Фавен, говорит Сеифу, как только курьер

исчезает. Она была моей хорошей подружкой в детстве. Уехала в Асмару.

Фифи, говорит Кидане. Теперь ее зовут Фифи.

От подножья холма перед ним доносится голос Астер. Группы женщин под ее началом всю ночь замешивали порох и делали патроны. У них кончились гильзы, но она послала женщин тройками и четверками на поиски новых в деревнях и на склонах холмов. Его не оставляет мысль о том, что она делает это, продолжая носить накидку его отца.

Кидане поворачивается в другую сторону, смотрит на горизонт. Если итальянцы доберутся до Дебарка, говорит он, то они займут Бахр-Дар, а оттуда двинутся на Аддис-Абебу. Вот чего он не говорит: Гугса, человек, который управляет Мекелле, стал знаменитым коллаборационистом — он теперь на стороне Италии. Говорят, что многие из его людей переходят в армию *ферендж*и, ослабляя тем самым северный фронт. Остановить Росси, остановить его как можно дальше от Мекелле означает лишить итальянцев того импульса, который они получили с предательством Гугсы. Лишить их того стратегического преимущества, которое им необходимо для дальнейшего продвижения к Аддис-Аббебе.

Народ напуган, деджазмач, говорит Аклилу. Он говорит вполголоса, опустив голову. Мы не можем их защитить с тем оружием, которое у нас есть, добавляет он.

Когда Аклилу поворачивается, видно, как резко выточены кости под кожей на его лице. Кидане переводит взгляд на собственные руки: толстые вены раздуты, завязываются в узлы, стоит ему шевельнуться. Они все похудели, но больше всего это заметно по Аклилу. Его и без того худощавая фигура теперь формируется более сухими мышцами, отчего возникает впечатление, будто молодой человек состоит из пучков стальных проводов. Он слышал, как несколько человек говорили недоуменным шепотом о том, что Аклилу отказывается есть, пока все остальные не накормлены.

Раздай все оружие, какое у нас есть, возьми патроны, приготовленные женщинами, распредели их. Ни у кого не должно быть больше трех.

Деджазмач Кидане, по три? Патрона? Потрясение слишком велико, Аклилу не может промолчать.

Кидане уже поворачивается к ним спиной: нужно готовиться к сражению, раздать припасы, оружие, проверить мужество людей.

Мой отец всегда говорил, чтобы убить одного человека, достаточно одной пули. У меня есть одна дополнительная винтовка, Виджугра, мне нужно отдать ее сильному воину, говорит Кидане, уходя. Выбери нашего лучшего стрелка. Мы возьмем с собой ограниченное число людей. Мы подкрепление, а не полная воинская единица.

* * *

Кидане держит перед собой старую Вуджигру, наслаждаясь ее крепким весом, рассматривает отметины — неглубокие канавки на полированном дереве, сделанные твердой рукой. На стволе пять царапин — количество человек, застреленных из этой винтовки. Эти отметины, как шрамы, рассказывали собственные истории о выигранных сражениях, в которых выжил владелец. На винтовке его отца тоже имелись такие же тонкие линии по металлу. Они делались, чтобы стать метками мужества, знаками чести и патриотизма, способом запомнить военную славу и победу. Но как-то раз его отец достал свою винтовку, маузер, провел пальцем по отметинам на стволе и сказал: Это матери, которых я заставил плакать, сын мой. Это дети, которых я оставил без отцов.

Но если бы не стрелял ты, спросил Кидане,

охваченный детским страхом, то они бы застрелили тебя?

Отец улыбнулся ему. А потому где-нибудь всегда плачет женщина. Потом он рассмеялся горьким смехом, полным иронии, которую Кидане тогда не понял.

Деджазмач Кидане, я привел его. Хаилу приближается к его палатке со своим братом Давитом, они идут широкими, твердыми шагами.

Деджазмач, говорит Давит, Хаилу сказал мне, ты оставил эту винтовку для меня. Давит поднимает взгляд, и его лицо заливает краска удовольствия.

Между братьями разница в несколько лет, но они почти неотличимы друг от друга. Хаилу, старший, чуть выше, у него мрачноватый вид, который придает его красивому лицу серьезность и изящество. Из сотни людей, которые отправятся с ним в Данакил, оружие есть у трех четвертей. У очень немногих относительно новые винтовки. Аклилу попросил дать Виджугру Давиту.

Нам придется сражаться с бандитами, которые продались *ферендж*и, начинает Кидане. Они будут вооружены, к тому же ascari знают эту землю. Будь осторожен, говорит он, протягивая Вуджигру, которая, выскользнув из его руки, оказывается в руке Давита.

Одно мгновение они оба держат винтовку, нетерпение молодого человека действует как электрический заряд, который переходит в Кидане, вызывая у него улыбку. Он смотрит, как Давит прицеливается, взвешивает винтовку в руке, а потом чуть ли не инстинктивно находит пять черточек.

Это известная кровь, говорит Давит, кивая. Он легонько, с признательностью подталкивает Хаилу локтем. Наш отец всегда говорил, что винтовка, которая попробовала кровь, захочет еще. Эта винтовка знает кровь *ференджи*, добавляет он. Нам будет хорошо вместе.

Хаилу хмурит лоб. Хватит, говорит он.

Мой отец всегда говорил, начинает Кидане с улыбкой, что оружие не сохранит тебе жизнь. Эта винтовка предназначена для убийства. Будь осторожен, слушай своего брата.

Я присмотрю за ним, сказал Хаилу. Он всегда был глуповат, еще с детства.

Моему брату следовало стать доктором, говорит Давит. Он привычным и быстрым жестом обнимает Хаилу за плечи. Он мудрец и уже старик.

Ступайте с богом, говорит им Кидане. Он переводит взгляд с одного на другого, оценивает их взаимную привязанность и гордость, представ-

ляет себя с сыном, который мог бы остаться в живых, оба они связаны опасностями войны, но сильны в равной мере.

Когда он возвращается по окончании последнего смотра своего войска, Астер ходит туда-сюда перед его палаткой. На коленях ее брюк пятна, оставшиеся от травы, — это его брюки, которые он держал для особых случаев. На ее скулах два угольных пятна, распущенные волосы вокруг головы покрыты тонким слоем пыли. Вид у нее бодрый, помолодевший, более свободный, чем он когда-либо видел.

Я раздала все патроны, говорит она. Деревенские говорят, что в Мекелле направляется колонна журналистов, музыкантов, администраторов из Асмары. Они чествуют этого предателя Гугсу.

Кидане заходит в свою палатку, впускает ее. В тесноте палатки, которую он использует как рабочий кабинет и спальню, он еще раз дивится ее внешнему виду. Ее волосы непокорно расцветают вокруг головы. Она одета по-мужски. Говорит властно. Он берет себя в руки.

Гугса делает прием для высокопоставленных итальянцев. В Мекелле их будет пруд пруди, продолжает Астер. Они фотографируются, все это

будет в газетах и на радио. Как это для нас унизительно. Этот человек. Ты помнишь его свадьбу? Она замолкает, погружается в воспоминания о свадьбе Гугсы и дочери императора Хайле Селассие. Бедняга Зенебворк, говорит она. Бедная девушка — вышла за такого отвратительного, испорченного, слабого мужчину.

Этот союз заключался ради семей, начинает Кидане, но останавливается. Это старый спор между ними, катастрофический союз, который должен был привести напряженные отношения между двумя домами к гармонии.

Все всегда ради семьи, со злостью произносит Астер. Она замолкает и, кажется, впервые обращает на него внимание. Ты мало отдыхаешь, говорит она. Она хочет прикоснуться к его лицу, протягивает руку, но роняет ее, когда видит, что он отстраняется.

Ты что хочешь? спрашивает он. Он снова видит швы на плечах ее рубашки, видит мысленным взглядом и изящную вышивку, которая была спорота во время переделки. Он точно знает, что у нее есть другая одежда, платья, которые она не хочет надевать. Есть какие-нибудь новости о кухарке?

Мы тренировались, говорит она, подтягивая

рукав рубашки. После еды мы повторяли упражнения, которым меня научил отец. Мы все их знаем. Она замолкает, распрямляется. Позволь кому-нибудь из нас пойти с вами.

Из палатки кажется, что солнце — это блок света, давящий снаружи, освещающий оловянную чашку на перевернутом ящике, который он использует как письменный стол. Она останавливает взгляд на его одеяле. Она спала вместе со своими женщинами на их территории так, словно таким было бессловесное соглашение между нею и мужем. Он начал подозревать, что она не позволяет супругам и любовникам его войска делить палатку. Она сказала нескольким из его бойцов, чтобы те не входили на территорию, которую она объявила зоной ее женщин, и это разделило тех, кто мог бы познакомиться и начать встречаться в традиции мужчин и женщин, идущих воевать: кто-то из пары липнет к другому, кто-то делает жизнь другого удобной, кто-то становится суррогатной женой другого, но без эмоциональных потребностей супругов. Лагеря разделяются теперь таким образом, что он уверен, это еще одно дело, о котором говорят его люди в его отсутствие, говорят о том, что эта женщина, его жена, пришла и изменила то, как оно

было всегда, когда мужчины воевали. Но как обсудить с ними этот вопрос, не признавшись, что его собственная жена тоже отделилась от него?

Позволь мне пойти с тобой, говорит она. Некоторые из нас готовы, мы будем вашим подкреплением. Она берет его за руку и не позволяет ему вырвать ее. Она прикладывается губами к его ладони, давление нежное и мягкое, такое приятное, что он чувствует, как его сердце клонится к ней, вспоминает те дни, когда она была какой-то другой, понятной ему.

Он настораживается и делает шаг назад. Ты встретишь нас в долине со свежими припасами, отвечает он. Мы принесем туда раненых, Хирут поможет Хаилу. Я тебе уже говорил об этом.

Он хочет напомнить ей, что она никогда не была на войне. Ее не учили противостоять нападению. Ей не рассказывали с ранних лет о способности тела противостоять насилию. Она не училась ориентироваться в темноте, ходить по холмам и скалистым горам — и все это под видом мальчишеских игр. Да, ей показывали, как нужно стрелять, но знает ли она, как себя вести, если ее атакуют?

Приходи сюда со своими женщинами, говорит он. Я поговорю с ними до вашего ухода.

Она смотрит на него достаточно долго, чтобы негодование разлилось по его лицу. Она позволяет негодованию опуститься между ними, словно занавесу в конце представления. Потом кивает — побежденная и покорная — и уходит.

Хор

Черная туча, плотная, как железо, легко, словно клинок, соскальзывает с холмов. Она грозит сбросить женщин с вершины холма, сместить их хрупкие тела, склонные уступать темным формам. Это богопротивное творение, состряпанное человеком, животное, изготовленное из огня и стали. На этом плоском гребне горы женщины ждут шепота, который будет принесен порывом ветра: Мы больше, чем это. Мы больше, чем это. Они смотрят, как их Астер, блистательная в этой накидке, показывает на тучу и дает знак: Ждите, сестры, ждите и слушайте. Потом раздаются крики. Они заполняют небо в вихрящейся пыли, которая проносится мимо, туманя их видение. Они завязываются узлами, сжимаются и расширяются, и в этой какофонии слышится гортанный вой взрослых мужчин. Женщины смотрят с высоты, как проходит колонна, как она шествует с мрачной весомостью войны, песня мужчин и животных, стихающая, становящаяся не более

чем далеким криком призраков: Faccetta nera, bell’abissina[53].

[53] Примечания: 53

Чернокожее личико, прекрасная абиссинка (*ит.*). Песня Faccetta nera написана по личному приказу Бенито Муссолини во время итало-эфиопской войны. Песня повествует о рабыне-эфиопке, освобожденной чернорубашечниками и доставленной в Рим, где она стала членом фашистской милиции.

Глава 15

Солнечный зайчик три раза перепрыгивает через пропасть, когда Кидане пытается сориентироваться. Сигнал поступает снова: три вспышки. Его обнаружили другие эфиопские отряды. Кидане извлекает из своего кармана осколок стекла. Он смотрит через пропасть, но видеть там нечего. Войско его верного друга Бекафы невидимо. Он крутит стекло в руке, пока оно не ловит луч солнца, тогда он позволяет ему послать одного зайчика, после чего ждет. Переход с небольшим отдыхом занял два дня, каждый следующий шаг делался по более опасной территории. Его люди, вероятно, устали, но их энергия представляет собой плотный тугой узел, завязанный вокруг него, отчего его сердце громко бьется в груди. Раздается свист, две чистые ноты: это сигнал к атаке. Его руки начинают дрожать. Ему трудно поднести бинокль к глазам. Он наводит его на высохшее русло реки. Стоит тишина, но она обманчива. Итальянские силы неподалеку. Он уже может различить облако пыли, слабо поднимающееся над горизонтом.

Кидане регулирует дальность бинокля, словно

это позволит ему видеть через гору и камень. Дозорные сообщали о продвижении колонны из не менее чем тысячи ascari во главе с небольшой группой *ферендж*и. Колонна разбита на правый фланг, левый фланг и центр. Авангард состоит из пяти сотен наемников. Кидане прижимает бинокль к глазам, пытается разглядеть получше, приблизить их, чтобы схватить эти крохотные фигурки рукой и стереть их в порошок, как мерзкую грязь. Он не может контролировать дрожь, проходящую по его телу. Он и Бекафа должны будут атаковать, пока итальянцы находятся в ущелье и не подозревают об их присутствии.

Солнечный зайчик — такой мимолетный, что его легко не заметить, всего лишь проблеск солнца, ныряющего за облако. Сигнал — ждать. Кидане откладывает в сторону бинокль и садится на корточки. Его воины находятся немного выше, прижались к земле, едва дышат, они в полной готовности. Его сердце снова ёкает. Он привел их сюда без потерь и теперь сделает то, чему учил его отец: он проведет минуты перед сражением, освобождаясь от всего, кроме одного: насущной задачи уничтожения противника. Все тревоги нужно загнать глубоко в мускулы, чтобы сделать себя сильнее. Все страхи нужно пережевать и

проглотить, чтобы твой желудок превратился в камень. Используй себя как оружие и бросайся в атаку без колебаний. Закрывай глаза по ночам, Кидане, сын мой, и повторяй это снова и снова. Кидане поднимает голову, крестится. Он прикасается к середине груди, где наращивает свою броню, а потом погружается в ожидание сигнала, чтобы броситься в атаку.

Уже слышны голоса приближающихся батальонов, раздаются крики на амхарском, арабском, сомалийском, тиграйском, итальянском. Авангард двигается быстрее, чем правый и левый фланги. Он опережает остальных. Центральный итальянский батальон движется в арьергарде. Им всем трудно продвигаться в первоначальном порядке, строй растянулся, образуются большие пустоты. Из-за ущелья, в той стороне, откуда пришли итальянцы, доносятся рев верблюдов и неторопливый скрежет колонны снабжения. Это означает, что есть и арьергард, который еще не догнал колонну. Это означает, что у итальянцев есть авангард и арьергард, опасно разъединенные с центром.

Кидане отваживается поднять бинокль. Он обводит взглядом ущелье и находит то, что ищет: итальянского командира. Командир останавли-

вает своих людей, чтобы хвост колонны догнал среднюю часть. Потом итальянец поднимает собственный бинокль и смотрит в направлении Кидане. Кидане замирает. Он поворачивается, чтобы приказать своим людям податься назад, и видит Аклилу, который бесшумно подполз почти вплотную к нему. Кидане задерживает дыхание, на его лбу собирается пот. Он чувствует стеснение в груди. Итальянский командир подходит к краю ущелья, поднимает свой бинокль. Кидане напрягается. Офицер чувствует: что-то пошло не так, и это не так — смертоносный взгляда Аклилу, проникающий через траву и листву и, словно пуля, достигающий груди итальянца. Этот *ферендж* не может их увидеть, но хороший солдат знает: искать нужно то, что ты не можешь увидеть.

Свист Бекафы: две звучные ноты, чистые и громкие — птичья трель, пронзившая ветер. Итальянец поднимает голову. Он описывает неторопливый круг, одна его рука медленно поднимается, когда свист раздается снова: те же две ноты. Итальянец роняет руку, и его крик — пронзительный боевой клич. Кидане жестом дает знак Аклилу, Аклилу сигналит Сеифу, а Сеифу свистит Амхе, Амха же делает жест рукой, и его бойцы ползут на животах к левому флангу,

и когда Кидане поднимает руку, а потом резко опускает ее под возносящиеся к небесам птичьи трели, Эскиндер, и Гетачев, и все его другие воины подчиняются и встают — гиганты, родившиеся из камня. Они, облаченные в белые одежды, резво и уверенно бегут вниз по склону горы, а итальянский командир в ущелье поворачивается, выкрикивает слова команды и проклятия при виде этих безмолвных, как призраки, людей, восставших из земли.

Сначала звон в ушах, потом оглушительная ясность ошеломленной тишины. Громкий рев рассерженного ветра, потом мелодичный птичий зов. Он ощущает свою грудь, тяжелую, как камень, и свои ноги, легкие, как перья. Бросаясь вниз по склону в ущелье, Кидане чувствует пронзающие его экстаз и вдохновение, качели между катастрофой и спокойствием. Мир ускользает от его восприятия. Перед ним открывается тропа, уходящая в туннель, и вскоре он несется среди хаоса к стройной фигуре в слабеющем свете. Это Давит, который поднимает Виджугру, врученную ему Кидане. Он поворачивается, смотрит на Кидане одновременно с гордостью и недоумением, потом поворачивает лицо обратно в сторону врага. Давит выкрикивает имя Хаилу, словно

издает боевой клич, и Кидане смотрит, как зачарованный, на Давита, который прицеливается с идеальной точностью и нажимает на спусковой крючок.

Кидане готовится услышать громовой звук вылетающей пули. Нет ничего, кроме этого, думает он, нет никого, кроме этого парня. Это песня старого воина, древняя припевка, которую воины поют перед сражением, колыбельная, которую поет отец любящему сыну. Он встречается взглядом с Давитом и отчетливо слышит его испуганный шепот: Но оно не стреляет? А потом Давит отчаянно тянется к нему, машет руками, хватает пустой воздух, выкрикивая имя Кидане. Его нога взрывается, превращаясь в разодранную плоть, из которой выходит кость, и Давит падает, в брызгах собственной крови.

Нет ничего, кроме этого: Кидане замахивается ножом на того, кто атаковал Давита, его собственная винтовка забыта на плече, когда он бросается вперед, прежде чем ascaro успеет прицелиться еще раз. Нет никого, кроме этого, этого ascaro, который выпрямляется во весь рост перед лицом неминуемой смерти, отказываясь сдаться удару ножом, с такой яростной силой нанесенному в середину груди, облаченной в форму. И они вдвоем

влетают в моментальную тишину, бесплотную и теплую.

Деджазмач. Деджазмач!

Они зовут его, его люди, которых он привел в это несчастное место. Они просят его помощи, а он стоит над этим рухнувшим телом, и эти глаза смотрят на него, и их взгляд тянется к нему с любовью. Что ему остается, кроме как упасть на колени, привлечь к себе Давита, позволить ему, как маленькому мальчику, прижаться к его, Кидане, груди? Что еще может отец, если не это?

Помогите мне, говорит Давит. Где Хаилу? Где мой брат?

Деджазмач!

Он отпускает Давита, поднимается на ноги, его брюки замараны кровью. Он видит Аклилу, который переступает через бьющееся тело, на его плече висят две винтовки. Его съедает стыд, но Кидане, живой и сильный, свирепый и целеустремленный, игнорирует шум в голове и боль в челюсти, он выкрикивает имя отца, пока перед ним, рядом с ним, за его спиной не оказывается Чеколе, выдающийся сын Леммы, старший сын первого и величайшего из Кидане. Они так близко друг к другу, что их плоть сплавляется в одно, а потом его отец входит в его кости и устра-

ивается за его глазами, а Кидане, усилившись и напитавшись яростью, прыгает в клубок сражающихся людей, и его отец наблюдает за этим с гордостью.

А потом слышится *тирумба*[54].

Этот рожок издает звук, который понимают только те, кто знает его язык: Кидане чувствует, как его сердце занимает все больше места. Его люди набирают скорость. Его ноги становятся все более ловкими. Его руки держат его новую винтовку и, бросаясь на споткнувшегося итальянского солдата, Кидане начинает смеяться. Он смеется и выкрикивает имя отца. Он смеется и выкрикивает собственное имя. Он смеется, призывая Аклилу и Сеифу, и Эскиндера, и Амху, и Гетачева, и когда он стреляет в атакующего ascaro, земля становится широкой, и он опять бежит к свету, горячему, как солнце, а когда рожок звучит еще раз, он знает, что это сигнал другим воинам, до этого момента невидимым, броситься на итальянцев в колонне и удушить их.

И только позднее, глядя на залитое кровью поле боя, он чувствует одолевающий его страх, его трясет на солнце, зубы стучат, он сейчас хочет одного

---

[54] Примечания: 54

Традиционный эфиопский рожок, звуками которого созывают жителей на какое-либо событие или собрание.

— объятий Астер. Кидане взбирается по склону, спешит добраться до места, прежде чем Аклилу и Сеифу станут его искать, ложится на землю лицом вверх и смотрит на безупречное небо. Ниже он слышит скорбный голос Хаилу, разрывающий тишину, этот голос вопреки ветру находит ухо Кидане: Давит! Кидане закрывает глаза. Его отец дышит ему в ухо, его рот прижимается к щеке Кидане: А ты думал, что война бывает другой?

Интерлюдия

Некоторые города тонут в крови, думает Хайле Селассие. Они затоплены мертвыми мыслями и криками перепуганных девушек. Некоторые места вопиют, тревожа сны скорбящих отцов. Император Хайле Селассие покачивает головой и возвращает себя к настоящему. Он в своем саду в окружении взрывающихся цветом бугенвиллей, он разглядывает розовый куст в робком цветении. Его собака жует старую косточку у его ног, и перед ним маленький Мэконнын преследует воображаемых врагов, разбрасывая невидимые копья. Если он хотя бы чуть-чуть повернет голову, то увидит ее. Она стоит в своем свадебном платье, девочка, одетая, как женщина, дрожит, сложив руки на груди. Если он посмотрит, она шевельнется. Она поманит его в Мекелле и покажет на

Гугсу, прошипит его имя и скажет: Я умоляла тебя спасти меня, аббаба.

Хайле Селассие смотрит вниз, чтобы не встречаться с ней взглядом. В его руке итальянская газета, на первой странице которой фотография Гугсы: он сидит рядом с Де Боно за столом, оба внимательно вглядываются в большую карту. Статья под фотографией сообщает, что итальянские войска вошли в Мекелле под овации и салют, их встречал Гугса. Хайле Селассие не хочет думать о событиях трехлетней давности — не сегодня, — но ему приходится это делать, это его долг перед дочерью, Зенебворк. Он знает, что она стоит рядом: стоит лишь чуть скосить глаза, и можно увидеть ее в нескольких шагах от ее любимого розового куста. Она дрожит от страха, сцепляет руки, словно сегодня все еще 1932 год, словно и не было этих трех лет. Словно даже теперь в его силах остановить свадьбу, которую он устроил для нее, и отправить Гугсу назад в Мекелле одного.

Оставь меня, говорит он вполголоса.

Мекелле пал. Проклятый город, который был свидетелем последних минут его дочери, сдался итальянцам, а человек, который был ее мужем, обнимает врагов Эфиопии.

Уходи, говорит он.

Но она не хочет уходить. Он может это понять по ветерку, обдувающему розовый куст. Он может это понять по звенящей тишине, наступающей за его словами. Она ждет, не скажет ли он что-то еще, и она не уйдет, пока он не скажет этого. За три года, прошедшие со дня ее смерти в доме Гугсы, она научилась терпению. Она научилась сидеть ночами и приходить к нему с восходом солнца. Она научилась сдерживать гнев и улыбаться. Она научилась быть четырнадцатилетней девочкой, какой была до того, как он выдал ее замуж за жестокого человека почти пятидесяти лет.

От Аддис-Абебы до Мекелле почти восемьсот километров; вообрази, сколько нужно времени, чтобы преодолеть это расстояние на поезде. Он сказал это, когда Менен умоляла его вернуть дочь домой. Он сказал это, когда Зенебворк стала забрасывать их испуганными посланиями. Это почти восемьсот километров. Мы и до вокзала не успеем доехать, как с ней все будет хорошо. Она тоскует по дому, она не привыкла быть женой. Ему нужно было бы прилететь к ней. Сесть на свой самолет, привести с собой армию и взять дворец Гугсы штурмом. Он должен был ворваться в ее комнату, схватить ее в объятия, а Гугсу по-

садить в тюрьму, переломав перед этим все его кости одну за другой.

Прости меня, говорит он, потому что знает: это единственное, что заставит ее уйти. Прости меня, *лидже*. Прости меня.

Она начинает неохотно уходить. Он чувствует, как ее злость, теплая, словно дыхание, окутывает его.

Она будет с ним до конца его дней, он знает это. Она будет причиной того, что даже в лучшие моменты на него будет давить такой груз раскаяния, что он будет бормотать извинения невидимой пришелице и станет просыпаться по ночам оттого, что приказывает готовить самолет к полету на Мекелле.

Он перечитывает телеграмму: Мекелле пал. Атака Бекафы при поддержке Кидане увенчалась успехом.

Когда Зенебворк умерла по причинам, заявленным как роды, всего через два года после свадьбы с Гугсой, он самолетом переправил ее тело домой из Мекелле. Больше ни одного дня в этом проклятом городе — так он пообещал рыдающей Менен. Она больше не увидит ни одного солнечного захода в доме этого труса. Гугса пытался настаивать на том, чтобы похоронить ее в Мекелле. Хайле

Селассие был в шаге от того, чтобы приказать убить этого человека. Хайле Селассие был в шаге от того, чтобы действовать, как действует отец умершей дочери. Его советники призвали его не делать этого. Убить его — и можно считать, что жизнь Зенебворк прожита впустую. Убить его — и семьи останутся разделенными. Убить его — показать собственную слабость. Девушки умирают по многим причинам: деторождение, недомогание, болезнь, мужчины. Она не единственный ребенок — посмотрите, сколько еще у вас осталось. Оплакивайте ее как император. Сокрушите Гугсу его собственной самоуверенностью. Улыбайтесь ему, но титулами награждайте других; он хочет стать расом[55] — никогда не доставьте ему такого удовольствия. Хвалите других, но никогда не произносите его имени. Уничтожайте его постепенно. Хайле Селассие прислушался к советам, но вот чего он никак не предвидел, так это предательства Гугсы. Брак должен был навсегда зацементировать отношения между двумя влиятельными семьями. Его сдержанная благосклонность чего-то да стоила. Он предполагал, что смерть Зебенворк приведет

[55] Примечания: 55

Рас — один из царских титулов в Эфиопии, присваивавшийся влиятельным, но не императорским особам.

Гугсу к безусловной преданности, подпитываемой чувством вины. Но он ошибался, а теперь он потерял и Мекелле, этот город призрачных дочерей.

Вам пришло сообщение, ваше величество, говорит адъютант. Молодой человек у двери наклоняется в сторону сада, не осознавая, что клинок солнечного света разрезает растущий бутон его курчавых волос.

Хайле Селассие возвращается в дом с напускным терпением и спокойствием.

Они идут по коридору в его кабинет, и адъютант сообщает об уточнениях к последним телеграммам: церемония в Мекелле закончилась. Сейум опасается, что Гугса перережет линии связи, он будет звонить, пока есть такая возможность.

Хайле Селассие в своем кабинете садится на стул, кладет руки на стол и продолжает слушать.

Адъютант обращает мрачное лицо к императору. Ваше величество, говорит он, Бекафа потрепал вражеские колонны около Дебарка. Кидане помогал ему.

Ты уже сообщал нам об этом, говорит император. Потом Хайле Селассие позволяет себе обдумать услышанное. Он никому не приказывал атаковать врага в ущелье. Он не приказывал

Кидане привести своих людей на подкрепление Бекафы. Ему приходится спрятать руки под столешницу, чтобы адъютант не увидел, как они дрожат. Он постепенно утрачивает контроль над этой страной, теряет один район за другим.

Адъютант качает головой, он явно обеспокоен и подносит послание так близко к лицу, что касается бумагой носа. Он трет себе загривок. Они используют яд? спрашивает он. Он осторожно опускает телеграмму на стол, словно боится, что она взорвется. Он неожиданно бледнеет. Газ? повторяет он. Его голос дрожит. Прилетел самолет-разведчик, или тут написано, что это был разведчик, но это невозможно, потому что он сбросил яд. За штурвалом сидел сын Муссолони.

Это неверно, говорит Хайле Селассие, хотя часть его существа пусть и с трудом, но принимает это жестокое откровение. Подтверди эту информацию и возвращайся, добавляет он. Он не упоминает отказа адъютанта называть этого итальянца его настоящим именем. Муссолони: Преднамеренно искаженное произношение распространилось по стране, его начали употреблять неразборчивые люди, а продолжили разборчивые. Это еще один знак народного бунта, еще одно свидетельство того, что они пытаются

сражаться всеми доступными им способами.

Его адъютант выходит в дверь, в равной степени недоумевающий и охваченный ужасом, а Хайле Селассие кладет голову на стол, упирается в твердое дерево с такой силой, что ему почти удается прогнать мысли о том, что означает пролитие ядовитого газа на человеческие существа. Он зарывается еще глубже в доски стола, и пуговицы его мундира вдавливаются в кривую грудины. Осколок боли стреляет ему в голову, и несколько мгновений он не может думать ни о чем, кроме этого неудобства.

Фото

Тонкая линия грузовиков ползет по холмам. В лучах послеполуденного солнца каски на головах солдат пыльные и светлые. Узкая дорога, проложенная в камнях и грунте, лепится к краю бездонной пропасти, окутанной туманом. Вот она перед ними — усталыми, обожженными солнцем итальянцами, — дорога к победе, петляющая тропа к верной славе. Индро Монтанелли, Гер-

берт Мэтьюс, Ивлин Во[56] будут рассматривать в бинокли эту опасную дорогу, упрямо ползущую из Асмары в сторону Аддис-Абебы, и говорить о солнце и мухах, жаре и высоте, ветхих хижинах и немытых аборигенах. Они будут сетовать и насмехаться над жалкими дарами Абиссинии. Они будут показывать на Асмару, потом на Массаву, потом через Красное море на Рим и провозглашать: у этого места нет другой надежды, кроме Дуче, ни одной более великой мечты, чем та, что есть у Бенито Муссолини. Но старый Ато Волде и его возлюбленная Веизеро Нунуш, выходя из своей маленькой хижины, чтобы собрать куриные яйца на продажу этим *ферендж*и, которые бесчисленными колоннами проходят через их деревню, будут смотреть на те же самые холмы, показывать на то же самое море и заявлять: ничего из этого не получится, кроме крови и еще большей крови.

---

[56] Примечания: 56

Индро Монтанелли (1909–2001) — итальянский журналист и писатель, освещал войну в Эфиопии, Герберт Мэтьюс (1900–1977) — американский журналист, в 1936-м был репортером во время войны в Абиссинии, Ивлин Во (1903–1966) — английский писатель, много путешествовавший по Африке (присутствовал на коронации Хайле Селассие), что нашло отражение в его творчестве.

Глава 16

Кидане разворачивает газету и закрывает глаза. Ему всего лишь показалось, что он видит сигнальный свет на темнеющем горизонте, но страх все еще не отпускает его. Хотя сражение осталось в прошлом, его сердце бьется громче, и он замирает, когда Аклилу и Сеифу заглядывают через его плечо. Любой неожиданный звук может поднять его на ноги в готовности атаковать. Аклилу показывает на две фотографии на первой странице. На одной светящиеся улыбкой итальянские офицеры и солдаты стоят вокруг Гугсы, у которого смущенное выражение на лице. На другой величественный Хайле Селассие смотрит в объектив из-за своего стола. Слабый костер проливает тепловатый свет на страницу.

Что здесь написано? спрашивает Аклилу.

Кидане быстро просматривает статью. Французская газета подчеркивает военную шумиху и теплый прием, устроенный Гугсой, но статья поменьше говорит о бомбежке ближайших деревень, где, по сообщениям, есть убитые женщины и дети. В одной строке говорится об эфиопском восстании, сорванном итальянцами близ Ме-

келле. Другая строка посвящена тому, что газета называет небольшим столкновением близ Гондэра, где итальянцы были вынуждены отступить.

Резкий запах пороховых газов смешивается с запахом костра, царапает Кидане горло. Он кашляет и на секунду снова видит его: Давит, великолепный и бесстрашный, атакует врага, в руках у него старая Вуджигра, его глаза сверкают ненавистью такой беспримесной, что на мгновение ascaro подается назад и только потом поднимает винтовку и целится. Кидане задерживает дыхание, пока длится это видение: с каждым разом оно становится все четче.

Были времена, когда он не стал бы уклоняться от воспоминания, сразу переходя к боли, которую оно вызывает. Всегда смотри на пролитую тобой кровь, пусть это будет тебе уроком на будущее, держи женщину, пока она дрожит в твоих руках, чтобы ты мог почувствовать собственное могущество. Так сказал ему отец в день его, Кидане, свадьбы. И он поступал так, как говорил ему отец. Он двигался по той большой спальне, как непобежденный и непобедимый человек, и Астер сдалась, а потом научилась любовью отвечать на его потребности.

Нам придется оставить их, тихо говорит Ки-

дане.

Мы не можем трогать Давита, он долго не протянет, деджазмач Кидане, говорит Аклилу. Он явно потрясен. Хаилу настаивает на том, чтобы мы взяли его с собой, отнесли вниз. Я пообещал, что мы это сделаем.

Тени прорезают глубокие морщины вокруг рта Аклилу. Бóльшую часть дня он провел в пещерах, проверяя раненых: кого-то отправлял домой вместе с деревенскими, кого-то хоронил. На его рубашке все еще остаются кровавые пятна и полоса поперек груди — след неудачного удара винтовочным штыком. У него круги под глазами, а худоба придает его красивым чертам торжественность монаха. Три дня, прошедшие со времени атаки, оставили на нем бóльший след, чем само сражение. Ему кажется, что он за это время постарел на годы.

Мы тронемся завтра, говорит Кидане. Оставаться здесь слишком опасно. Самых слабых придется оставить. Он чувствует боль в сердце, готовящую место для нового чувства вины. Он ерзает на своем месте. Он предал нечто большее, чем этого молодого солдата.

Я поговорю с Хаилу, говорит Кидане.

Аклилу встает, подбрасывает топливо в костер,

и на мгновение вся его скорбь расцветает перед ними, резкая, как стенания плакальщицы.

Хаилу сидит ссутулившись, укутанный темнотой, возле погасшего костра. Он вскакивает на ноги, увидев приближающегося Кидане. В предрассветном полумраке Кидане различает изящную и высокую фигуру, густые черные кудри, выросшие в непокорные космы. За его спиной раскрывается небо, отодвигая пласты ночи и обнажая глубокую голубизну гор.

Хирут ждет нас в пещере, говорит Кидане. Может быть, у нее есть что-нибудь от того, что оставила кухарка.

Морщины на лбу Хаилу становятся глубже, переходят на откосы лица. Мне уже нечем ему помочь. Он показывает на корзину у своих ног и откашливается.

Я бы хотел его увидеть, говорит Кидане.

Зачем?

Резкий тон Хаилу пугает Кидане.

Хаилу берет корзину и открывает ее. Внутри несколько маленьких пакетиков, зашитых намертво. Между ними натолканы рулоны бинтов. Он роняет корзинку на землю, ее содержимое едва не вываливается.

Я бы знал, что нужно делать, будь у меня сред-

ства. Кухарка, перед тем как уйти, показала всякие новые штуки, говорит Хаилу. Он с вызовом смотрит на Кидане. Этого не должно было случиться, тихо говорит он. Винтовка была старая, нельзя было давать ему ее.

Кидане только кивает, не доверяя своему голосу. Потом, не сказав больше ни слова, он проходит мимо Хаилу и шагает по тропинке к пещере Давита.

Хирут притулилась к камню у пещеры, смотрит на солнце, пробивающееся сквозь завесу тумана. Ее почти тошнит от усталости и запаха из пещеры: безошибочно узнаваемого запаха смерти.

Ты не входила туда, не помогала ему?

Хирут поворачивается. Это Хаилу, следом за которым на некотором расстоянии идет Кидане. Недужный утренний свет отражается от гор и обволакивает людей.

Хаилу проходит мимо нее и в пещеру. Кидане у входа прижимает лоб к камню, упирается в него ладонями, его потрясение настолько очевидно, что Хирут подается назад.

Из пещеры доносится голос Хаилу: Деджазмач, входите, он в сознании.

Не оставляй его одного, говорит ей Кидане.

Давит представляет собой истерзанную плоть,

удерживаемую в прежней форме лишь грязными бинтами. Он лежит на груде одеял, измаранных старой кровью. Одна его нога завернута в слои плотной хлопковой материи и в бинт, измазанный каким-то светло-желтым лекарственным средством, со следами свежей крови. Хаилу открывает корзинку. Давит шевелится, его веки вспархивают, но тут же быстро закрываются.

Принеси куркуму, говорит Хаилу, глядя на Хирут и вытаскивая горсть сушеных листьев. Потом он достает маленький кувшин с медом, завернутый в бинты. Он наливает мед на листья в своей руке, склоняется над Давитом.

Прости, говорит Хаилу. Ничего другого нет.

Хирут вынуждена отвернуться и затаить дыхание. Куркума не помогла ее родителям. И мед не помог. Не помогло ничто — ни один из листьев, принесенных жителями деревни, ни одна смесь, приготовленная странной женщиной, которая целый день провела в пути, чтобы помочь, ни один из священников, которые сначала произносили молитвы шепотом, потом выкрикивали их, потом принимались выть, ни одно из обещаний, которые она давала родителям, а потом богу. Все было бесполезно.

Давит испускает слабый вздох, вопрошающе

смотрит на Хирут, но вскоре переводит взгляд на вход в пещеру. Его глаза широко раскрываются. Деджазмач Кидане, говорит Давит. Тело его напрягается, противясь волне боли.

Хирут поворачивается и видит Кидане — он заходит в пещеру, опустив голову. И тут она видит ее — свою Вуджигру, винтовку ее отца. Она стоит, прислоненная к стене, затаившись, словно вор, в темноте пещеры. Спазм скручивает желудок Хирут, ее лоб увлажняется по́том, она быстро переводит взгляд на Хаилу, но его глаза, полные нежности, смотрят на Давита.

Потом Хаилу, разбитый и озлобленный, одолеваемый такой яростью, что лицо его кривится, поворачивается к Кидане.

Я видел такие раны и раньше, тихо говорит Кидане. Я видел рану от пули, которая попала в затылок и вышла через рот. Мой отец научил меня кое-чему, добавляет он. Но это. Он замолкает. Вся эта боль на его лице делает черты Кидане неузнаваемыми. Но это. Он кладет руку на плечо Давита, смотрит на парня. Мне следовало бы проверить винтовку, говорит он. Испытать ее, прежде чем давать кому-то.

Она была моя, тихо говорит Хирут.

Кидане откашливается. Давит, отважный сол-

дат, начинает он. Ты знаешь, что люди сегодня слагают о тебе песни? Ты знаешь, что они говорят о том, как ты бросился на итальянцев со старой винтовкой? Ты был как огонь, продолжает Кидане.

Громкий вздох исходит из груди Давита, и юноша закрывает глаза, дышит неглубоко и неровно. Хаилу кивает Кидане и показывает наружу. Он жестом просит Хирут собрать корзинку, потом поправляет одеяло под подбородком Давита и показывает всем, что они должны уйти.

Хирут дожидается рядом с Давитом, когда Кидане и Хаилу покинут пещеру. Он дожидается, когда Кидане уйдет подальше. Потом она берет свою Вуджигру, крепко прижимает винтовку к себе и выходит вместе с ней. Постояв, она поворачивается в сторону лагеря и обнаруживает перед собой Хаилу и Кидане. Они уже прошли какую-то часть пути до лагеря по той же тропе, а теперь смотрят на винтовку в ее руках.

Что ты такое? спрашивает Кидане. Что ты сделала? Под его болью, под поражением и усталостью, сверкает ярко зреющий гнев.

Хор

Девочка: она не видит обреченный путь, который с такой легкостью открывается перед

ней. Она не предвидит того, что всего лишь естественно последует за этим: что вся тяжесть вины Кидане повернется к тому открытому пространству, которое обнажается ее бунтарством, и вломится туда силой. Что это? повторяет он, таща ее от пещеры к центру лагеря. Что это? говорим мы, пусть она развернется и поставит винтовку на прежнее место. Но она не знает, что скорбь вскормлена грудью жестокости и жаждет большего, а она станет жертвой скорби. И вот она: он тащит ее все дальше вперед, про́клятый гарант обещаний. Она отмечает исчезновение тумана и верит, что причина тому ветер. Она не хочет замечать черных птиц, которые беспорядочно парят над ее головой. Она, движимая инерцией Кидане, просто приближается к этому погасшему костру, а ее старая винтовка висит у нее на спине.

У кострища: Астер ждет мужа, завернувшись в одеяло, ее лицо спрятано в складках. Сеифу и Аклилу в их *шаммах* послушно ждут своего командира. Она их не запомнит. Она не будет вспоминать о том, как съеживается Астер, увидев ее. Она не запомнит встревоженный взгляд Сеифу или трясущуюся руку Аклилу, дрожь которой тому приходится скрывать, сжав пальцы в кулаки. Она, вспоминая это мгновение, еще будучи

той, кем родилась, будет отмечать петляющую дорожку солнечного света, падающую по наклоненному дереву с плоской кроной.

Глава 17

Кидане замирает у кострища и поднимает кулак, сотрясая утренний свет. Его рот двигается, но она не слышит его слов. Она видит только бушующую ярость, которая искажает его лицо и делает из него незнакомца. Она спотыкается, сердце ее стучит как барабан. Кровь бросается ей в лицо, когда Кидане привлекает ее к себе, чуть не роняя на землю. Она, однако, знает, что должна сдержать удивленный крик. Она знает, что лучше прикусить зубами язык, чем поднять шум, она понимает, что любые сказанные ею слова будут лишены смысла, пока на ее спине висит эта Вуджигра.

Это не твоя винтовка! Что ты сделала?

Она отрицательно качает головой. Ее мысли — единая, цельная нить из ничего.

Она не ждет сильной пощечины, которая словно припечатывает ее лицо с обеих сторон одновременно. У нее нет времени разглядеть руки, которые словно сделаны из камня. В ее голове два ножа, которые затачиваются друг о друга, скрежет металла о металл, высокий визг ужаса. Хирут открывает рот, чтобы закричать,

но у нее перехватывает дыхание, она некрасиво сгибается под воздействием неестественной инерции. Когда она падает, из ее рта вырывается приглушенный стон, ее крик, сломанный ударом тела о землю.

Кидане резко опускается рядом с ней, упирается коленом ей в бок, дергает ремень винтовки. Он умирающий солдат, говорит он. А ты кто?

Откуда-то доносится голос Аклилу: Деджазмач Кидане, я отнесу винтовку назад Давиту, а ее уведу отсюда.

И тут вмешивается Астер: Кидане!

Несколько мгновений все дрожит в тишине.

Голос Аклилу: Деджазмач, давай найдем Хаилу и отдадим винтовку ему.

Заткнись! говорит Кидане.

Она слышит, как Кидане добавляет: Уйдите, все уйдите. Сейчас же!

После чего уходящие шаги.

Но грубые руки Кидане вдавливают ее в землю животом вниз, а потом Кидане уже на ней, дышит ей в ухо, его грудь двигается по ее спине, плоть расширяется, заполняет ложбины и изгибы ее тела, втирает ее в землю, она уже чувствует, как гнутся ее ребра. Она поворачивает голову, и острые камушки впиваются в ее щеку, и в густом

тумане ее заполненных слезами глаз ее отец печально качает головой.

Кидане шепчет ей в ухо: Что было у тебя в голове? Чего ты ожидала?

Его плоть затвердевает в щели между ее ног, и он втискивается в нее через ее платье, а ее разум вламывается в то пространство, где отсутствуют смыслы, где нет ничего, кроме смятения.

Это вина той женщины, повторяет Кидане. Это все она. Только она.

Это: Тело состоит из плоти и крови, и от распада его всегда отделяет один только удар. Этот мягкий живот, выгнутая спина, лягающиеся ноги, машущие руки, ее меченая плоть, все вместе это — предатель. Теперь Кидане резко встает с нее. Он становится на ноги, хватает Вуджигру и уходит. Хирут остается лежать на животе, он чувствует то место у себя между ног, где платье воткнулось в нее, плотно, словно еще одна кожа, и начинает плакать.

Интерлюдия

У всего есть свое место, Тэфэри, и есть некоторые люди вроде тебя, которые должны заучить это, чтобы уметь вести других за собой. Ты всего лишь мальчик, рас Тэфэри Мэконнын, но твоя судьба — быть царем среди царей. Все люди жи-

вут и умирают по воле божьей, в Его мире нет никакого хаоса. Тэфэри, ты веруешь? Да, отец. Что «да, отец»? Да, отец Самюэль, я верую. И рас Тэфэри Мэконнын, ставший теперь императором Хайле Селассие, знает, что даже сейчас это истинно, даже в этот день, когда он на краю беспамятства пытается найти путь к безопасности. Итальянцы перехватывали его послания, они знают, где будут атаковать все его северные части. Они знают, где располагаются его колонны на марше, и намерены найти их. Ему никогда не следовало доверять связи, никогда не следовало полагаться на инструменты, изготовленные человеком. Тэфэри, мы снова беремся за Симонида. Ты уже выучил Квинтилиана?[57] Память — божественный дар. Она громадна и запутанна. Представь себе, что она — дворец, здание со множеством комнат. Добавь в каждую комнату какие-то элементы. Найди для них подходящие места. Зажги свечу в комнате, ярко ее освети. Ничто никогда не исчезает. Оно всегда в пределах досягаемости. Отец Самюэль, я забыл, куда поло-

[57] Примечания: 57

Симониид Кеосский (ок. 557/556 — ок. 468/467 до н. э.) — один из самых значительных лирических поэтов Древней Греции. Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35 — ок. 96) — римский ритор, автор самого полного учебника ораторского искусства, дошедшего до нас от античности.

жил фотографию моего сына, не могу ее найти, а у нас идет война.

Тэфэри, представь Симонида в банкетном зале перед самым обрушением дома. Он готовится к произнесению своей речи, как когда-нибудь это будешь делать ты. Представь, что в этот момент его зовут куда-то под открытое небо, как раз перед тем как землетрясение уничтожит это здание. Родственники погибших находят его, единственного выжившего, и чего они хотят? Они хотят найти тела тех, кого потеряли, отец Самюэль. Поступи так, как поступил он, Тэфэри. Закрой глаза и расскажи нам все, что ты помнишь. Но они бомбят мой народ, отец, они сбрасывают яд на детей. Женщины умирают. Я привел их всех к гибели, и я не могу найти, куда положил фотографию сына.

Сначала он боится, потом новый удар: он не помнит, куда положил свою любимую фотографию, на которой запечатлен он сам и его сын Мэконнын, эту фотографию ему подарил американский журналист Джордж Стир. Этот человек пришел с визитом и вежливо ждал, когда император закончит заседание. В тот день на Стире была серая рубашка и синие брюки, из кармана его синего пиджака торчала авторучка. Хайле

Селассие взял фотографию и, довольный, горячо поблагодарил фотографа. Они сели и проговорили почти тридцать минут — говорили об Италии, о Вал-Вале[58], о северном нагорье и северном фронте и обороне. На элегантных серых носках американца были тонкие голубые полоски. Как только у Хайле Селассие появилось время, он нашел рамочку для фотографии и поставил ее у себя на рабочем столе. Она стояла у его локтя, фотография столь драгоценная, что он никому не позволял к ней прикасаться. А сейчас она исчезла, словно ее и не было. Словно итальянцы прокрались в его кабинет и нашли, ко всему прочему, и эту фотографию. Симонид реконструировал по памяти разрушенное здание. Он посмотрел на руины и понял, каким оно было. Он нашел способ воскресить мертвых, вспомнив, где сидел каждый. Он помог им найти путь назад к их скорбящим родственникам. Он вернул их к

[58] Примечания: 58

Один из эпизодов, предшествующих итало-абиссинской войне: строительство итальянцами, вопреки ранее достигнутым договоренностям, форта в оазисе Вал-Вал.

жизни, назвав их по именам[59].

Тэфэри, у нас нет ничего, кроме памяти. Все, что достойно жизни, достойно и памяти. Не забывай ничего. Хайле Селассие стоит в коридоре и смотрит на свой почти пустой кабинет, ощущение зыбкости одолевает его. Он должен покинуть Аддис-Абебу и отправиться в свой штаб в Дэссе. Он будет вести войну оттуда. Итальянцы наступают на Аддис-Абебу, и уже ясно, что они займут город, и страх мешает ему думать. Его стол вычищен. Картонные коробки стоят у двери. На полках не осталось книг. Все уложено на свое место, аккуратно помечено и упаковано. Всего несколько часов назад он стоял в своем кабинете и складывал остатки вещей в одну из этих коробок, потом он прошел по лучу света, лежащему на полу, словно ковер, и поднялся по лестнице отдохнуть. А теперь он не может вспомнить, что лежит в каждой из коробок. Не может вспомнить,

---

[59] Примечания: 59

Согласно легенде, Симонид однажды был приглашен на пиршество, во время которого ему сообщили, что с ним хотят поговорить двое молодых людей. Когда Симонид покинул пиршество, крыша зала упала и раздавила всех присутствующих. Симонида вызвали на раскопки завала и попросили распознать погибших. Поэту удалось это сделать, сопоставляя личность каждого погибшего с местом, которое тот занимал за столом. Симонид использовал этот опыт в разработке пространственной мнемоники, метода локусов (мест), системы, помогающей развитию памяти.

укладывал ли он фотографию. Он закрывает глаза и видит одинокую фигуру человека на руинах дома. За ним мужчины и женщины, согнутые горем, они показывают на фрагменты тел, лежащие в песке и камнях, и рыдают.

Симонид, шепчет он. Симонид, говорит он. Хайле Селассие прикасается к разлому в своей груди, удерживаемому грудиной. Именно там, в месте, куда не может дотянуться ни одна рука, чувствует он, как начинает сходить на нет его существо, чувствует, как враги постепенно, понемногу уничтожают его. Это и есть исчезновение, которое начинается вот так: с забывчивости и коробок.

Осторожный кашель у него за спиной. Хайле Селассие поворачивается и видит своего адъютанта с его непокорными волосами, кудряшками, которые начинают закручиваться сами в себя. Он бос, одет по-прежнему в тот же костюм, что носит уже два дня, галстук развязан и в пятнах. Он стоит, прижимает к груди, словно щит, стопку папок, лицо у него осунувшееся, под глазами темные круги. За его плечом чуть дальше в коридоре свет выхватывает из полутьмы граммофон — его с безупречной осторожностью упаковывает один из слуг.

Легковые машины и грузовики почти заполне-

ны, ваше величество. Водитель мне только что сказал. Места осталось совсем мало.

Скороходы? Спрашивает Хайле Селассие.

Адъютант кивает. Мы ищем Кидане, он будет знать, что они планируют атаковать его. Мы найдем его прежде, чем это сделают они. Адъютант поворачивается, смотрит на слугу, который упаковывает граммофон.

Император ждет. Он знает, что хочет сказать адъютант; молодой человек нашел самый вежливый способ повториться и не сможет противиться еще одной попытке.

На узком столе рядом со слугой Хайле Селассие видит новую коробку с граммофонными иголками, заказанную им из Джибути. Еще там стопка пластинок с частотой вращения семьдесят восемь оборотов в минуту, подаренных ему высокими сановниками: Вольфганг Амадей Моцарт и Эдвард Григ, американец Дюк Эллингтон, немецкий вокальный ансамбль «Комедианты-гармонисты», редкая японская запись. Он слушал эти пластинки один раз, может быть, два, чаще, когда война и поражение стали неизбежными. Он надеялся, что их незнакомые мелодии помогут заглушить бесконечные вульгарности Faccetta Nera и прочие ненавистные итальянские песни,

которые буквально заживо сдирают с него кожу.

Проследи, чтобы это погрузили, говорит император. Если места нет, пусть выгрузят какие-нибудь другие сумки.

Император чувствует подавленность адъютанта. Тот, кажется, не может понять, почему императору непременно нужен граммофон. Мы существуем во времени, в котором отсутствует логика, хочет сказать император. Мы сейчас совершенно иррациональны.

Адъютант внимательным глазом обводит кабинет, дом. Я проверю, все ли двери надежно заперты.

По склонам его столичного города, через реки и сухие саванны Кидане движется к засаде. Хайле Селассие почти слышит крики и вопли, которые вскоре будут эхом разноситься по холмам. Он приказал самым быстрым скороходам в стране спешить на север и найти там Кидане и его людей. Он разослал по городу барабанщиков, их взволнованный ритм сообщает о новой опасности, барабаны звучат так громко, что солнце темнеет от птиц: итальянцы вскоре захватят Аддис-Абебу, они войдут в город и сожгут его, объявят своей собственностью. Его глашатаи обошли развалины разбомбленных домов, чтобы

поднять тревогу: Джан Хой[60], наш император божественным промыслом, Хайле Селассие, наше путеводное светило, лично поведет своих солдат против дьяволов, он призывает всех солдат с севера собраться в единую силу и присоединиться к нему, с нами бог. Вставайте, солдаты!

Император может представить себе маршрут Кидане. Он думает теперь обо всех деревнях, мимо которых пройдет Кидане. Он знает все реки, которые Кидане перейдет вброд. Он может представить себе километры пересеченной местности. Он знает, что две любовницы будут рыдать, получив известия о смерти Кидане. Он знает, кто из его врагов вздохнет с облегчением. Он научился накапливать во дворце своей памяти бесчисленные подробности. Он распределил своих людей по отдельным комнатам, предоставил кровати их женам, окна детям, коврики любовницам. Он позволил каждой конкретной детали заявить о себе в этой комнате, предъявить претензии на пространство, и теперь может видеть все детали на своих местах: укорененные и обездвиженные, они ждут света, чтобы выйти вперед и быть занесенными в память. Он делал

[60] Примечания: 60

Хайле Селассие был известен эфиопам под разными именами, в том числе и Джан Хой (Джанхой в других вариантах).

это с тех времен, как стал расом Тэфэри, ритуал теперь настолько затверженный, что стал автоматическим, быстрее, чем мысль.

Сверху доносится тихий голос. Император слышит своего второго сына — младший, Мэконнын, зовет его: Аббаба. Аббаба. Ты ушел?

Я здесь, *лидже*, думает он. Но в Дэссе его штаб, и он должен подготовить сражение в Мейчеве, переговорить с еще бóльшим числом офицеров. У него нет времени быть отцом этого ребенка. Он слышит голос жены, Менен, она зовет мальчика. Он поднимает голову — хоть бы одним глазком увидеть возлюбленного сына, тезку его отца, его ребенка, запечатленного на ныне утерянной фотографии.

Потом он слышит еще один голос, воспоминание, покоящееся в уголке его разума. Зенебворк маленькой девочкой зовет его: Аббаба. Аббаба, не уходи. Он поворачивает голову, потому слуги не видят, как его передернуло. Он не может оставить ее, куда бы ни шел. Не он сам так устроил, он не хотел этого. Таков предопределенный баланс между этим и потусторонним миром. Между живыми и мертвыми.

Я готов, ваше величество. Его адъютант сжимает в руке аккуратно сложенные доклады. Мы

можем посидеть в конференц-зале, если хотите.

Адъютант говорит еще что-то, но император не обращает внимания. Он вспоминает свои школьные дни, своих учителей и их требование к нему — запоминать все в мельчайших подробностях. У него теперь исключительная память на мельчайшие детали сложных систем, о которых сообщается в докладах. А вот своего врага он не может запомнить. Он не может составить мысленный образ этого человека, которого его народ упорно называет Муссолони. Он не может четко увидеть его. Глаза не подчиняются ему, когда он предпринимает такие попытки, а потом он не знает, что еще ему делать — только слушать. За месяцы, прошедшие с того дня, как Бенито отдал приказ о вторжении, император не делал ничего, только покупал музыку итальянского народа, отправлял своих слуг поездом в Джибути, Судан, Сомали, Йемен и Эритрею для покупки ему семидесяти восьми пластинок. Теперь у него три тяжелые коробки, они, аккуратно каталогизированные, ждут отправки вместе с ним.

Пластинки, начинает Хайле Селассие.

Адъютант поднимает голову. Его плечи сутулятся. За его спиной замирает слуга, укладывающий граммофон в ящик. Горничная, подметающая за

занавесями, поднимает над полом метлу. И дети за его спиной будто тоже прекратили болтать, и только Зенебворк не исчезает, стоит, испуганная, и бросает ему вызов.

Ваше величество?

Мы, начиная с этого вечера и до нашего отъезда, будем слушать музыку этих итальянцев. Какую пластинку ты можешь предложить? У нас есть время на что-то одно, говорит император.

Ответ звучит мгновенно и твердо: Джузеппе Верди, опера «Аида».

Ему кажется, что он чувствует, как Зебенворк соскальзывает с розового куста и влетает в открытое окно. Она сидит, ссутулившись, в уголке слева от него, ее трясет. «Аида», говорит он. История, которая заканчивается смертью эфиопской принцессы. Он ничего не может с собой поделать — горло у него перехватывает.

Глава 18

Когда Кидане был мальчиком, отец предупреждал его: берегись скорохода с дрожащими ногами. Измеряй слова человека и взвешивай его послание. Оставайся спокойным и слушай. Никогда не позволяй ему увидеть, что его слова сгибают тебя. Стой высокий и неподвижный, пока он не уйдет. Он будет наблюдать за твоей реакцией. Он будет оценивать опасность впереди по морщинам у твоего рта. Будет прислушиваться — нет ли в твоем голосе дрожи, которая выдаст твое отчаяние. Он будет слушать послание, которое ты не произносишь вслух. Не позволяй ему увидеть ничего, кроме уверенности. Не позволяй ему услышать ничего, кроме определенности. Оставайся неподвижным, Кидане.

Оставшись наконец в одиночестве, Кидане уходит в палатку и опускается на кушетку. Курьер, Ворку, ушел передать в другой лагерь предупреждение о грядущей атаке итальянцев. Император приказал Кидане нанести упреждающий удар и возглавить наступление на лагерь Карло Фучелли. Дэссе подвергся бомбардировке, и император вскоре переезжает в Мейчев, он поведет свою

армию в решительное сражение против превосходящих его итальянских войск. Кидане приказано присоединиться к наступлению после его упреждающей атаки, хотя, если они вступят в открытое сражение с итальянцами, поражение почти неизбежно. Палатка словно сжимается, крыша опускается на его голову.

Атака на Фучелли, потом сражение в Мейчеве: это смертный приговор для многих из его людей. Кидане пытается успокоиться. Снаружи до него доносятся мягкие голоса женщин, несущих воду и топливо для костра. Он слышит вдали низкий вороватый рокот разведывательных самолетов. Где-то в лагере Астер по его приказу организует раздачу бинтов и провизии. Хирут с ней, она подавлена, но наконец-то укрощена. Кидане запускает руку в небольшую сумку у своих ног, вытаскивает фотографию маленького Тесфайе, вырезку фотографии с Хайле Селассие, медаль, которой император Менелик наградил его отца за отвагу на войне. Вернувшись домой, его отец избегал контактов с теми, кто сражался бок о бок с ним, отвергал приглашения на обеды и свадьбы, отказывался от посещения похорон, перестал ходить на ежемесячные собрания *мехабер*. Они призраки, сказал он как-то раз Кидане, они забы-

ли, как быть живыми.

Это был Ворку? Это Астер, говорящая через ткань палатки, он видит ее очертания.

Он может различить подол ее платья за клапанами палатки: накидки его отца на ней теперь нет.

Она входит внутрь без разрешения и останавливается перед ним, ее руки сложены на груди, ее рот представляет собой узкую взволнованную линию, которую он успел возненавидеть за прошедшие годы. Что случилось? спрашивает она.

Он начинает ей говорить, что ее это не касается, как вдруг видит за ней прижавшуюся снаружи к клапану палатки Хирут. Колени девочки слегка согнуты и прижаты друг к другу, и эта простая детская поза возвращает его на несколько дней назад, когда он увидел Хаилу, который сидел у костра с Вуджигрой в руках, скорбь так согнула его, что все его тело, казалось, готово расколоться от нерастраченных слез: так он сообщил о смерти Давита; Хаилу с того времени отказывается упоминать имя своего брата.

Ярость снова начинает закипать в Кидане. Для этого сейчас нет времени, говорит он. Подготовь все, мы выступаем против итальянцев — они расположились поблизости.

Астер хмурится и показывает на девочку. Но она видела колонну, говорит она. Они направляются в нашу сторону. У них танки, грузовики, полные провизии. Они готовятся к большому сражению, добавляет она. Ты хочешь атаковать этот лагерь, а не колонну?

Она ждет его ответа, а когда понимает, что он не ответит, начинает снова, говорит заговорщицким тоном.

Мы хотим помочь, говорит она. Она приглаживает волосы, откашливается. Я уже разделила женщин на тех, кто хочет сражаться, и тех, кто будет идти сзади. Немалое число и там, и там. Мы можем испытывать для тебя старое оружие, тихо говорит она.

Ему хочется вытянуть руку и ударить ее. Так просто обрушить угол его ладони на ее ухо. У нее на виске небольшое вогнутое место — он обнаружил это много лет назад. От удара у нее закружится голова и движения станут неловкими, и она упадет на землю уродливой кучей. Он давно, давно не делал этого. Он не выворачивал руку запястьем и не обрушивал на лоб жены таким образом со времени смерти Тесфайе. Он испытывал к ее скорби какое-то невыразимое сочувствие, исполнился понимания всех способов,

какими утрата может искалечить дух.

Вы пойдете в хвосте и будете ухаживать за ранеными. Соберите бинты и лекарства, говорит он. Скажи своим женщинам, что это их способ сражаться. Мы тронемся отсюда с рассветом.

* * *

Кидане смотрит на свои ноги. Ему кажется, он летит. Внутри у него все те же знакомые эмоции битвы: возбуждение и настороженность, страх и предвкушение, а под всем этим освобождающее ощущение движения, ускорения, его тела как инструмента силы. Пыль собирается в его глазах, и он моргает, чтобы видеть сквозь слезы. Он вытягивает перед собой руки и смотрит на форму, которую они образуют в беспробудной тьме. Они сильные, гибкие, они способны крепко держать винтовку и размахивать ножом, когда он ведет в бой своих людей. Это его судьба, думает Кидане. Вот к чему вели его все дни его жизни. Вот что будет ждать его в Мейчеве, после того как он разгромит этот итальянский лагерь и выполнит приказ императора.

В Мейчеве он встанет при свете дня перед лицом врага и будет сражаться, пока его не убьют. В Мейчеве он подтвердит свои права на наслед-

ство, права, передающиеся через кровь. Ошибка его отца состояла в том, что он остался живым: Кидане теперь понимает это с мучительной ясностью. Его отец нашел способ обмануть судьбу и умер несчастным человеком, призраком из костей и плоти. Кидане нужно только одно: атаковать лагерь этого Фучелли. Это закалит его людей и поможет им приблизиться к грядущему решающему сражению. Его сердце колотится, Кидане набирает скорость, отмечая, что его люди позади него перешли на быструю трусцу, слыша пыхтение солдат, которые изо всех сил стараются не отстать. Над ними стая черноперых птиц, рассекающих небо.

Астер собирает вокруг себя женщин. У подножья холма его люди готовятся к атаке. Итальянцы уже рядом, говорит она. Кидане рассчитывает, что мы поможем им оставаться сильными и храбрыми. Пусть ни один человек не отступит, а если кто побежит, встаньте перед ним, разверните его лицом к бою. Поднимите, если он упадет, оттащите его тело в сторону, если он умирает. Используйте ваш голос, ваши руки и ноги, превратите ваше тело в оружие, которое итальянцы никогда не забудут. Это будет не то же самое, что участие в сражении, снова и снова повторяет

она им, но поможет подготовить вас к переходу в первые ряды в следующей схватке. Это подготовит вас к виду умирающих, вы не будете терять сознание при одной только мысли об этом.

Хирут смотрит на Астер и отказывается опускать глаза. Остальной мир словно исчез, остались только они вдвоем на холме, который спускается к итальянскому лагерю. Не осталось места ни для каких мыслей, которые не начинались бы в глазах этой женщины. Потому что Хирут вспоминает теперь, что Кидане нашел ее Вуджигру по вине Астер. Она виновата в том, что теперь эта винтовка не принадлежит Хирут. Причиной тому ее ревность и подозрительность, а Кидане всего лишь шел на поводу у невысказанных требований злобной женщины. Хирут моргает, потом моргает еще раз, но никак не может разрушить чары. Поэтому она поднимает взгляд и видит, как яркое солнце хватается за крылья стаи темных птиц, кружится на них. Она продолжает смотреть, пока птицы не исчезают, пока не остается ничего, кроме неба, а когда она моргает еще раз, само небо теряет цвет: на нем нет ни облаков, ни солнечных брызг, ни глубинной и бледной голубизны. Остается только печальный, одинокий оттенок пепла.

Глава 19

Луч солнца по ломаной кривой проникает в долину, чтобы потом скользить по траве. Он легко касается клочка желтых цветов на склоне. Он изящно и без труда усаживается на кроны деревьев и исчезает в безоблачном небе. Ибрагим видит неуловимое мерцание: эфиопы прибыли. Его ascari напрягаются. Когда он поднимает руку, его люди строятся, и итальянцы за ними, видя их движение, выходят на позицию. Долина накрыта сгущающейся тишиной. Ибрагим смотрит на полковника Фучелли вверху на холме. Птичья стая парит, потом пикирует в ярком просторе за полковничьей головой. Стройная фигура полковника срослась с биноклем, она подается к ним, словно он собирается присоединиться к схватке.

Звук приходит из-за холма, его приносит ветер: рокот больших моторов, треск камней под обутыми в цепи колесами. Появляются танки. Люди Ибрагима рвутся вперед. Он хорошо их обучил: одних воодушевил похвалой, других сломал дисциплиной. Он сделал из них целостную боевую единицу, и все они знают врага, с которым будут драться. Они знают, что случится, если они

попадут в плен. Он не оставил ни малейшего сомнения в их головах, что лучше умереть в бою, чем сдаться эфиопам.

Над ними, высоко на плато, полковник Карло Фучелли смотрит в бинокль, он вдавил ноги в землю, он не позволяет своему разуму роскоши страха. Вон там стоит Ибрагим, повернулся в сторону сигнала от абиссинского боевого соединения. Ascari выстроились в идеальную линию, их точность — свидетельство бесконечной боевой подготовки под руководством Ибрагима. В них нет ни малейшей опасливости первых дней. Всякие признаки беспокойства исчезли. Они смотрят перед собой, неподвижные и собранные в ожидании знака своего командира, который ждет знака своего командира, который ждет, когда четкая и мимолетная вспышка света заявит о своей человеческой природе.

Кидане вжимается в землю, когда Амха снова проводит отраженным светом по долине. Свет ударяет по ясным голубым небесам, вспугивая черных птиц, их сердитое карканье пронзает висящую в воздухе жару. Кидане видел, как этот человек демонстрировал свой метод Аклилу и Сеифу, но Кидане так пока и не может понять, как он это делает, как он заставляет свет двигаться

таким неожиданным образом на огромных расстояниях и под невероятными углами. А теперь он снова удивил Кидане, настояв на том, чтобы он и Аклилу нашли способ спрятаться близ итальянских танков, пока остальные будут ждать сигнала Кидане к атаке.

Амха объяснял: Если ты позволишь нам идти следом за танками, то мы уничтожим их самое мощное оружие, передовая линия благодаря этому будет сильнее.

Никаких знаков почтительности от него Кидане не видел, никаких низких поклонов или опущенных глаз, обязательных у остальных во время разговора с Кидане. Одна только взволнованная настойчивость, поддержанная безмолвным, но очевидным согласием Аклилу. В конечном счете Кидане уступил, доверившись инстинкту Амхи. Как только он даст сигнал, Амха и Аклилу спрячутся среди холмов позади танков.

Амха смотрит в его сторону, и Кидане кивает — идите к танкам. Потом он прислушивается. Его сигнал к атаке эхом отдастся от холмов ревом рожка. Новенький рекрут, пожилой человек со странным именем Миним (Ничто), дунет в этот громоподобный инструмент. Некоторые из его людей ворчали по поводу выбора Минима. Зачем

какая-либо мать будет нарекать своего ребенка таким именем, если за этим не кроется что-то? спрашивали они. Он принесет нам неудачу, добавляли они. Аклилу, скажи деджазмачу, что мы думаем, скажи, нас это пугает, этот Миним, это ничто, может, он шпион. Аклилу вернулся к Кидане и просто сказал: Он не рожден для войны, но он хороший скороход, значит, умеет управлять дыханием.

Черные птицы над его головой снова выстраиваются, их крики не столь пронзительны. Рядом с Кидане замер Сеифу, только его глаза мечутся с одного конца долины к другому, выдавая его волнение. Все они ждут сигнала Кидане, но он ждет, когда Амха и Аклилу доберутся до места, а еще он ждет, когда женщины обоснуются на безопасном расстоянии от них, вдали от артиллерийского огня, но достаточно близко, чтобы добраться до раненых, которые наверняка будут. Как только Астер будет готова, она даст им знать.

Звук пронзает мягкое основание его черепа — стук, не более. Карло поднимает голову: звук исходит откуда-то снизу, потом набухает с обеих сторон от него, потом смещается и парит за его согнутой спиной, и он чувствует, как усиливается звуковая энергия. А он стоит на кладке

топлива для костра, смотрит на строгое лицо своего отца: Разве ты уже не большой мальчик, Карло, разве ты не вырос уже достаточно, чтобы не плакать? Прыгай, или я вытащу это полено из штабеля. Прыгай. А потом звук повсюду и нигде, примитивный и контролируемый, непонятный и знакомый. Ленто, лентиссимо, пиано, пианиссимо, говорит он себе. Но скачок электричества подавляет его сопротивление, смягчает его позвоночник. Страх — вещь постепенная, он проходит по нему, как запах, старые ужасы гнутся и распрямляются в непрочной клетке его сердца. Он чувствует, как сжимается у него горло. Стискивается грудь. Он вытягивает губы, чтобы сформировать имя Ибрагим. Он произнесет его, если придется.

Пауза, говорит он себе. Возьми бинокль, накинь ремешок на шею. Сверься с картой. Пауза. Lentamente. Tranquillo[61].

Его волнение стихает.

Звук горна исчезает.

Медленно возвращается тишина.

Он снова прислушивается: Ничего.

Пауза. Дыхание. Потом свет. Первые напряжен-

---

[61] Примечания: 61
Спокойно. Не волнуйся (*ит.*).

ные звуки — беспощадный рев горна. Этот рев разрывает горизонт. Небеса сотрясаются.

Карло почти сброшен с ног силой своей руки, поднимающейся и резко опускающейся вниз. Avanti, ragazzi![62] В атаку!

По сигналу Ибрагима ascari встают и дугой устремляются вперед, бегут, и не имеет значения, что в долине перед ними нет никакого движения. Не имеет значения, что они сломя голову бегут на поле, накрытое тишиной. Не имеет значения, что, когда soldati быстро наступают за ними, на огромном пространстве, кажется, нет ни одного абиссинца. Ничто из этого не имеет значения, потому что Карло уверен: скоро эти трепещущие стебли травы выпустят взрослых мужчин, и все невидимое заявит о том, что оно только прикидывалось невидимым.

А потом шум. Прожорливый и мучительный. Карло оказывается в образующемся вокруг него кармане, он слышит, как его люди выкрикивают его имя, вовлекают его в свой круг. Они крепко удерживают его, прямо и надежно, не имея никаких других мыслей, кроме полного подчинения. Именно этого они и ждали: когда он скажет им,

---

[62] Примечания: 62
Парни, вперед! (*ит.*)

что делать. Карло отступает от плато, пораженный мощью этого подчинения. Вот это и есть то, что оно означает, думает он. Он поднимает руки, резко опускает их и швыряет в долину свой голос: В атаку! Он выкрикивает эти слова, хотя услышать его невозможно. В атаку! Раздаются боевые кличи, ascari бросаются вперед, воздух густеет от пыли, голосов и рожка, и вскоре хаос прекращается. Он им управляет. Происходящее бодрит. Ascari несутся по полю, а он представляет себе надвигающееся столкновение колоссальным и симфоничным, возвышенным и трагическим. Карло снова подносит бинокль к глазам, смотрит, как разворачивается его сражение.

* * *

Смотри: множество сожженных хижин, Ибрагим, изумленный и бесстрашный, ведет своих людей по засыпанному обломками полю. Вот он, парит над камнем и соломенными крышами, проворный, как газель, несется по долине, которая все еще не желает раскрывать таинственный источник этих боевых кличей и пуль. Ибрагим, отважный сын Ахмеда, чудноголосого, быстроногого укротителя лошадей: смотри, как он бежит по этой выжженной земле, свободный от страха,

движимый теми, кто бежит рядом с ним, кто смотрит на гордое лицо их командира и нагибается против ветра, чтобы увеличить скорость. А где же те мужчины, где те мужественные души, потомки отважных сынов Адуа? Кто бросает эту дивную заостренную палку, украшающую своим полетом пыльное небо? Посмотри, как аккуратно она вонзается в горло испуганного ascaro. Посмотри, как Ибрагим отдает команду. Посмотри, как подчиняются ему ascari, как быстро останавливаются, целятся, начинают стрелять по невидимым людям. Вглядись в их ошеломленные лица. Эти идеальные, летящие по кривой копья. Посмотри на их руки, высоко закинутые в броске. На этот дрожащий луч света, описывающий дугу в воздухе над полем, словно некий бог бросает им насмешливый вызов. На падающего Фиссеху, последнего сына Самюэля. На то, как спотыкается Гирмей, единственный ребенок Мулу. На Хабте, который падает на колени с пронзенными легким и сердцем. Прислушайся к ветру, который вибрирует от летящего копья, и брошенного камня, и хриплых окриков, и мучительных воплей. А войско Кидане пока еще не более чем ожидание, взвешенная мысль без материи и формы, не более чем воздух.

* * *

Когда Ибрагим понимает, *что* они сделали, уже почти слишком поздно. Он уже несется навстречу этим копьям, когда осознает, что противник почему-то двигался назад, вверх по склону, по траве, невидимый, как воздух, а он со своими людьми сами неслись навстречу гибели. Ибрагим криками привлекает их внимание, он разворачивается и становится на пути его людей, которые начинают обегать его. Он лицом к лицу сталкивается с их нетерпеливым страхом и смятением. Сердце его замирает и сбоит, когда он видит это, и он дает себе обет: больше подобных дней никогда не случится, они больше никогда не застанут его врасплох, неподготовленным. Ибрагим поднимает руки и показывает в направлении, противоположном их атаке, и произносит единственное слово, достаточно веское, чтобы сорваться с его губ: Назад, назад, идем назад! Все назад. Он поднимает руки и видит Сулеймана, который не желает останавливаться, его испуганный взгляд прилип к холму, его рот открыт, он кричит что-то ему, но Ибрагим не может разобрать что, а потом слышит стук заостренной стрелы, ломающей кость в своих яростных по-

исках плоти. Ибрагим показывает своим людям — назад, назад! — и теперь они устремляются к безопасности через тела павших, через лужи крови, через поломанные копья, бегут к тому месту, откуда начинали атаку.

И тут полковник Карло Фучелли слышит танки. Вот они, дробят камни, трещит под их гусеницами сорванная кровля, они ревут яростью, которую превосходит разве что безутешная скорбь. Вот их вращающиеся жерла поворачиваются к врагу, к этим трусам, которые стреляют исподтишка и продолжают швырять копья. Эти танки сомнут высокую траву, раздробят здоровенные валуны, большие камни, за которыми прячутся эфиопы. Танки — его танки — раздавят их черепа, расплющат упавшие тела. Его танки будут безжалостны и бесчеловечны в своей атаке. Они не боятся ни копий, ни пуль, это механическое движение вперед не знает колебаний. Потом еще один ascaro падает перед самым Ибрагимом — его люди расчищают поле для машин. Карло наводит бинокль на ошеломленное лицо раненого ascaro, видит кровь, расцветающую на его груди. Неужели это и есть цветок юности? Неужели это они имели в виду? Он снова поднимает руку, давая знак танкам. И все же. Тем не менее. Несмотря ни на

что. Выстрелы не прекращаются. Копья не гнутся. Тук-тук-тук продолжается в неизменном оркестровом ритме, и Карло стоит в Абиссинии, а еще он падает с груды дров для костра, а еще прячется под своей кроватью, и все, что преследовало его в тех самых темных ужасах, остается невидимым для несовершенного человеческого зрения.

Кидане смотрит на приближающийся танк и повторяет то, что узнал об этой машине еще одну жизнь назад: люк, башня, жерло, ствол, грязезащитное крыло, боковая броня, ходовое колесо, гусеничное звено. Под ним дрожит земля, словно готовясь к этому новейшему насилию. Трава мнется и трещит в густых потоках дыма и жара. Над его головой ветер разносит пыль и крохотные камушки, которые летят ему в глаза и попадают в горло. Они сделали все, что могли, из укрытия. Они использовали территорию наилучшим для себя образом. Его люди оправдали его ожидания, совершили невозможное, не отступили наперекор всему. Они сделали все это, но дальнейшее выше их сил. То, что обрушится на них теперь, непобедимо. Он быстро пускает зеркалом зайчик, дает сигнал об отступлении и слышит, как по траве, по искалеченной земле распространяется крик Сеифу, несущий его приказ, и его люди начи-

нают ползком отступать вверх по склону холма.

Карло чувствует знакомый огонь своих детских кошмаров, серу, летящую из темных ладоней демонов. Этот шум, пыльная взвесь от раскалывающегося камня, дрожь древесных корней, поднимающаяся из чрева земли, — он знал все это в самых тайных своих страхах. Карло сильнее прижимает бинокль к глазам, смаргивает с них туман влаги и напоминает себе: но я же здесь. И мысли уносят его назад, к тому моменту перед началом марша в эту долину, когда он стоял на вершине горы неподалеку от форта и перед ним лежала эта величественная страна, ее сочные долины купались в солнечном свете. Он думает о счастливом случае, о божественном промысле и судьбе. Он должен был догадаться тогда, но теперь он не сомневается: его мгновение славы началось, и вот его первая ступень: зрелище, которое подтверждает исконную жестокость этого мира.

А потом одинокая человеческая фигура, маленькая, как у ребенка, ползет животом по камням, а все звуки войны поднимаются над горячей землей и переливаются, как жар над песком пустыни. А потом он видит еще одного абиссинца, скользящего по земле, призрак, которого он при-

моргал в окуляры бинокля. Эти двое появились ниоткуда, фигуры-близнецы, выпрыгнувшие из темного воображения, двигаются к его танкам, а долина, по которой отступают Ибрагим и ascari, оглохла от их боевых кличей. Но это какое-то рукотворное чудо, думает Карло, прикасаясь к шраму у себя на груди. Это невозможно, и в то же время он видит рукотворное чудо: выстоять под ударами и подняться после них живым и бесслезным. Человек, он и есть человек, но тем не менее он видит, как двое людей забираются на его танки, словно это просто горы из металла. И посмотрите, как этот похожий на ребенка человек воздевает руку, поднятый высоко меч, и кричит в люк водителю танка. Карло видит, как человек колотит в маленькую дверцу, его ярость не знает жалости, меняющаяся нота в долине, которая неожиданно погрузилась в тишину. Это голос, которому для того чтобы выразить себя, не требуется никакого языка, и теперь Карло падает на колени, его рука поднята, но крещендо не наступает, нет ничего, только этот голос, раскалывающий небо, и где все пули, где мои ascari, где мой Ибрагим, куда они все делись, потому что все словно исчезли и приглушили себя, чтобы стать свидетелями того, как открывается

крышка люка, такая послушная, и на свет божий появляется эта голова, а меч двигается с таким изяществом, с таким великолепием, описывает такую идеальную дугу, что у головы нет иного выбора — только последовать за ним.

Смотри: густые красные ленты крови. Смотри: вязкое солнце кривится на лоне неба, и все же, как бы то ни было, несмотря ни на что, он не может ничего, только смотреть, как второй абиссинец становится рядом с грязезащитным крылом, заглядывает в крохотное окно и стреляет внутрь, а потом они спрыгивают на землю, и больше ничего, больше нет ничего, синьор, о чем я мог бы доложить, мои люди делали все, что в их силах, но нас просто окружили.

Потом откуда-то доносятся нежные женские голоса.

Карло встает на ноги, с трудом выравнивается, бинокль снова у его глаз. Приближение и фокусировка, фокусировка, фокусировка, потому что эти танки — царственные павшие звери, потому что они — сталь, и резина, и амуниция, а человек — это чудо, но здесь нет места для женщины или песни. Это само по себе невозможно, думает он, глядя на окутанное дымом поле, на котором видит цветение белых платьев, юбок, трепещущих

на ветру. Они спускаются по склону холма так, словно сила тяжести не действует на них, словно острые камни и босые ступни не имеют значения, словно человеческое тело может перемещаться под невероятными углами и при этом сохранять такое непринужденное изящество. Он видит их, но не верит своим глазам. Он слышит их, но не может понять. Там, где он находится, в этом месте среди стали, резины, пуль и крови, не допускается никаких искажений и трещин. Они не женщины, решает он, они иллюзия. Они мираж, сверкание на этой вершине горы, что выходит на бурлящую долину. Реален только приближающийся издалека рокот самолетов. Если что и вероятно, так это атака, которая прольется на землю дождем пуль с его прекрасных летающих машин.

Но голоса не смолкают. Карло стоит прямо, опускает бинокль и медленно движется вперед, чувствуя, как осознание, холодное и безжалостное, окутывает его и он начинает понимать, что тело мудрее, чем он когда-либо догадывался. Оно говорит ему, чтобы он остерегался, прислушивался, оглядывался, внимательно всматривался, потому что даже женщина таит угрозу, и там, где идет она, там тоже смерть.

И тогда Кидане поднимается с травы, его сердце

превратилось в твердую массу, которая давит на легкие, проталкивает глотки воздуха через его горло, а Сеифе стоит рядом с ним и поднимает руку, давая команду солдатам подняться с земли и встать на ноги. Его трясет, когда он видит страшную картину полнокровной ярости. Он отдает приказ, и его люди бегут к танкам, окружают Аклилу и Амху, поднимают оружие убитых. В этот момент мысль о том, что его люди — двое его людей — смогли остановить танки, скорее ощущается им, чем воспринимается разумом. Он знает: то, что они сделали это одним мечом и одной пулей, будет переложено на слова, станет песней, навсегда останется в вечной народной памяти. Он обретает прежнюю твердость, глядя на спину Аклилу, подражая его движениям.

Над ними, словно дождь с небес, женщины начинают петь. Аклилу смеется, а Кидане кричит своим людям, чтобы они шли быстрее, продолжали движение, не останавливались, пока мы не победим. Они все вместе бросаются вдогонку за ascari, чувствуя только свои бьющиеся сердца, свой ровный бег, боевые кличи, которые яростными волнами выплескиваются из ртов их женщин, идущих на своих быстрых ногах сквозь туман висящей в воздухе пыли.

Хирут видит, как Астер поднимает руку: Громче, кричит она, Громче, чтобы они вас слышали. И все это такой всплеск тела, и дыхания, и песни, что в голове у Хирут одна только мысль: Громче, громче, громче, и она чувствует, как стены небес расходятся, и какофония смягчается до ропота, и долина невыносимой красоты открывается перед ней: зеленая и сочная.

Позднее она не сможет вспомнить, что случилось раньше: то ли она сначала услышала рев самолетов, то ли прежде увидела, как Бениам пытается перетащить себя через грязь. Было так, скажет она, будто все происходило в тишине, и происходило медленно, и происходило одновременно. Она будет делать вид, что случившееся было уж совсем слишком, что память, слава богу, даровала ей забвение. Она будет заявлять, что помнит деревья и ту стаю птиц, которая все еще упрямо цеплялась за небо. Она будет говорить, что ничего такого не происходило, пока вдруг не обрушилось на нее, пока эти самолеты не сбросили свой яд и им не пришлось бежать, чтобы спастись от удушья. Она будет повторять всем, кто спрашивает, что да, она в тот день была там, но нет, она мало что видела. Она будет юлить, обойдет воспоминание о Бениаме и будет говорить

вместо этого о том, что, когда исчезли самолеты, появился резкий запах соломы. Мы побежали, будет говорить она, на покрытых пузырями ногах, наши глотки рвались от крика. Я от боли не могла открыть глаз и двигалась вслепую.

Но: она сначала видит лужи крови на земле, пятна, которые въедаются в ее босые подошвы. Она видит фрагмент оторванной руки, разбухшую ногу, голову под необычным углом к телу. Вскоре она, чтобы не упасть, вынуждена перевести взгляд с просторного ландшафта впереди себе под ноги. Так она и наткнется на Бениама, словно он послание, брошенное ей под ноги, чтобы она могла поднять. А краем глаза она отметит, как другие женщины здесь и там опускаются на колени, тогда как остальные призывают всех идти вперед, потому что, как скажет она позднее, мы знали, что иного пути нет — только через это, спасения нет — только бежать к сражению, бежать к мужчинам, бежать, ни о чем не думая, к этим самолетам.

Хирут видит темные очертания Бениама и слышит стон, но думает: клубок одежды, грязные тряпки, чернильные пятна, комья грязи, и больше она ни о чем не думает, потому что как перед ней может вдруг оказаться парень, стоящий на

одном колене и глупейшим образом пытающийся встать на обе ноги, которые от бедра висят, словно тряпки? Какая логика позволяет парню болтаться тут перед ней, удерживать равновесие тощими руками? Она злится. Она позволяет ярости взять верх над нею, потому что в его усилиях нет никакого смысла. Она хочет крикнуть ему, что это бесполезные усилия и он должен найти другой способ освободить ей дорогу. Потом она видит кровь, видит небольшую лужицу вокруг него, такую густую, что на нее можно лечь, как на одеяло, и Хирут вспоминает Давита, она вспоминает Хаилу, и она понимает, что некоторые должны делать то, чего не могут другие. Поэтому она наклоняется и подхватывает его, когда он падает, и они оба валятся в траву, конечность переплетается с окровавленной конечностью. И когда его темные глаза находят ее глаза и его рот открывается, Хирут приближает свое лицо к его обмякающему молодому лицу, и чувствуя, как дрожит ее сердце, она вглядывается в его тускнеющие глаза и говорит ему: Кто ты?

Поскольку нет названия тому, что дрожит в ее руках, оно бесполезно тратит дыхание на то, чтобы произнести: Бениам, меня зовут Бениам. Нет названия для крови, которая, кажется, про-

сачивается через ее кожу. Нет способа понять, что это такое трясется, безымянное и почти бесформенное, в ее руках. А потом становится нечем дышать, только горячие брызги — они разлетаются, потом начинают душить, а потом дыхание у нее перехватывает, и больше не слышно ни песен, ни криков, только другой звук, который она не может разобрать за жалобными мольбами парня спасти его. Не может такого быть, думает она, чтобы так обжигало без огня, невозможно задыхаться вот так, среди бела дня. Невозможно дышать и задыхаться, быть живой и умирать. И она потом день за днем будет учиться забывать эту следующую часть. Она не запомнит его криков о помощи, она не будет вспоминать его пальцы, вцепившиеся в ее руку. Она заставит себя забыть, вернуться и стереть из памяти этот миг, когда кто-то по имени Хирут встала, оставила умирающего парня по имени Бениам и побежала.

* * *

Черные птицы. Потом неистовство деторождения, мертворождения, первых ночей, тела, появившегося незаконченным и расходящегося по швам. Женщины поддерживают свои живо-

ты, нагибаются к земле, смотрят в удивлении. Черные птицы, думают они. От бойни внизу поднимается пыль. Хирут глядит сквозь густой воздух, но это только самолет. Только два. Три. Так низко. Потом четыре. Пять. Потом эти птицы в строю, летящие так близко к голове Астер, что она видит смеющееся лицо внутри, открытый, ликующий рот.

И Астер смотрит в долину, ищет взглядом Кидане, но воздух опален пороховыми дымами, ощетинен жарой, влажен от едкой жидкости, которая сжимает им горло и обжигает глаза. Ее ноги прилипают к траве, вплавляются в почву, горящая кость освобождается от плоти. Она падает на колени и смотрит на руки, на увеличивающиеся в размерах пузыри, и все же находит способ вдохнуть и прокричать имя мужа, и Этторе говорит, Отец, вот в чем суть: Хрупок человек. Дерево и металл легко могут пронзить молодую шею. Икар упал сегодня, он падал раз за разом, а мы, которые остались в башне, можем только идти на ощупь в темноте и целиться в никуда. Видеть тут нечего, вот что я пытаюсь сказать, отец. Я не могу видеть солнце. Мои глаза обманываются, и люди невидимы, и мстительный хор женщин поет, когда нам приказывают подняться. Но то, что

они нам говорят, не имеет смысла, отец: надеть противогазы, развернуться и бежать.

Он смотрит, как абиссинцы бегут вверх по склону холма, крики поднимаются над ними, свинцовый рев самолетов, рев винтов преследуют их. Потом с этих низколетящих самолетов раздаются выстрелы, которые убивают тех, кто уже умирает, убивают тех, кого яд уронил на колени, убивают тех, кому повезло выжить в начале сражения, убивают тех, кто воскрес, как Лазарь. Лейтенант выкрикивает его имя. Марио зовет его последовать за ними. Фофи кричит, что его убьют. Ascari пробегают мимо него, под противогазами у них испуганные глаза. Даже Ибрагим пытается взять его за руку и тащить за собой. Но Этторе остается, не больше чем считаные минуты, но это целая жизнь, это вечность. Этого достаточно, чтобы понять, что значит быть солдатом. Но это была не война, отец, вот что я пытаюсь сказать. Это была бойня.

Они будут говорить, что этого не было. Что их самолеты не летали над войском Кидане и не выливали горчичный газ на бойцов, в реки, на землю. Они будут говорить, что не причастны к гибели детей, ожогам женщин, отравленной воде, к смерти задохнувшихся мужчин. Но вы

разве видели этот газ? будут спрашивать у Этторе журналисты. Вы видели, как он падал из этих самолетов? Тогда откуда вы знаете, что это случилось? И когда он будет показывать на свой противогаз, они будут отрицательно качать головами, показывать на небо и говорить: Это разные вещи, мой друг, мы здесь для того, чтобы сообщить о том, что вы скажете.

Хор

Узрите императора в тихом цветении отчаяния. Узрите его согбенным в голосе, разглядывающим небо, как залетная и впавшая в отчаяние птица. Его спина траурно ссутулена, его увенчанная короной голова наклонена. На печальном рту, который с возрастом обретет неколебимую твердость, появляются первые признаки сердитых морщин, эта парализующая мысль: войско Кидане было зверски уничтожено, погибло столько храбрецов. Мы в комнате, когда он снова ставит иглу на вращающуюся пластинку «Аиды». В самое начало оперы. Мы смотрим, как он убирает руки, тонкие и изящные, прижимает их к груди в безмолвной молитве. Слушаем, как ария заполняет пустое помещение, погруженное в полутьму, как молодая девушка шепчет о своей любви к воину, который удерживает в плену ее отца и

мечом покорил ее народ. Мы слышим хор рабов, твердую почву под ногами, которую они предлагают этой девушке-предательнице, убежище, которое они дают ее кощунственным тайнам. Этот император, стареющий не по годам, слушает пение и снова качает головой: О, Аида, доверчивая дурочка, какие новые способы найдешь ты, чтобы и дальше держать свой народ в рабстве, шепчет он. Неужели ты не знаешь о долге тех, в чьих жилах течет царская кровь?

Глава 20

Священник — молодой рыжеволосый парень из Милана с боксерским носом и шрамами на руках. У него широкие плечи, короткие ноги и пристальный взгляд хулигана с детской площадки. У него проницательные глаза, которые оглядывают длинную шеренгу солдат, ждущих, когда он выслушает их исповеди и даст благословение. Он, пытливый и взыскующий, осматривает их лица, все сильнее морща лоб, его крупное лицо обретает выражение твердости. Со времени сражения прошел всего один день, и появление священника снизило возбуждение предшествующей ночи, когда все могли только одно: сидеть вокруг костра и предпринимать слабые попытки шутить и петь.

Только Фофи хватило храбрости произнести вслух то, что чувствовали некоторые другие: Почему они не позволили нам драться? Я был готов. Он изобразил, что поднимает винтовку и прицеливается.

Падре произносит молитву над солдатом, который закрыл лицо руками, его плечи сотрясаются в рыданиях. На лице падре блаженное выражение.

Его грубые черты передают умиротворенность. Его губы двигаются, слабая улыбка растягивает уголки рта. Этторе чувствует, как пот скапливается у него сзади на шее, пробивается через слои пыли и грязи, впитывается в воротник рубашки. Он слышит своего отца: И ты позволил втянуть себя в это? Разве я не внушал тебе, что ты должен сомневаться в тех, кто хочет скрыть свои жестокие дела за каким-то невидимым богом? Этот мир был создан человеком, сын мой, мы сотворены по нашему собственному грубому подобию, нет никакой судьбы, никакого провидения, никакой божественной воли, есть только одно: знание. Этторе ловит себя на том, что непроизвольно трясет головой, и краем глаза с облегчением видит небольшое число soldati, которые собираются вне строя, непринужденно болтают. Он делает движение в их сторону, ощущая взгляды в спину.

Почта прибывает вскоре после того как священник заканчивает свою работу, и толпа быстро собирается вокруг почтового грузовика. Люди толкаются, чтобы пробраться в первый ряд, они выкрикивают свои имена, чтобы привлечь внимание почтальона, машут руками в воздухе, словно чтобы поймать письмо, которое он может бросить в их сторону. Этторе ждет на краю круга,

старяясь избавиться от беспокойной мысли, что и этот день будет без письма от отца. Молчание Лео растянулось на два письма, присланные матерью. Это вызвало воспоминания о тех случаях, когда он вызывал недовольство отца, не отвечая прямо на вопрос, не делая того, что от него ожидалось, и тогда видел, как его отец спокойно удалялся в свой кабинет и, не говоря ни слова, закрывал дверь, а потом Этторе мог умолять отца впустить его, чтобы попросить прощения, но дверь непреодолимой преградой стояла между ними.

Сколько лет ему было, когда его мать ворвалась в кабинет мужа и принялась кричать на него: У тебя нет никакой жалости? Ты не знаешь, что такое угрызения совести? О том, что произошло между ними, можно было догадаться, глядя на них, но то было частью другой истории, которую они оба давным-давно заперли от него. Его отец встал из-за стола, подошел к нему и опустился на колени, глаза его смотрели на Этторе с непривычной нежностью. Не говоря ни слова, он притянул Этторе к себе и накрыл его маленькую голову дрожащей рукой.

Я тебя люблю, сын мой, сказал он.

Наварра! Наварра! Давай быстрее, бери! Почтальон кидает конверт в сторону Этторе, а его

фамилия — Наварра, Наварра — рябью проходит по толпе.

Этторе хватает письмо и поспешно отходит в сторону, стремясь побыстрее найти укромное место, чтобы прочесть его.

Фофи выбирается из толпы. Он, радостный, машет своим письмом. От Сандры! Он целует письмо, прижимает его к щеке. Пойдем туда. Он показывает на маленькую группу в нескольких шагах — они сидят на земле и читают полученные письма, время от времени шутливо заглядывают через плечо в чужое письмо.

Ты иди, говорит Этторе. Там Марио, показывает он. Марио сидит чуть поодаль от группы, держит в руках письмо, вид у него ошеломленный. Узнайка, что там у него случилось, добавляет Этторе и спешит к своей палатке, руки его дрожат.

Письмо, которое он читает у себя, простое, но это любящие слова от матери, обычные слова: Мы в порядке. Мы тобой гордимся. Нино шлет привет. И все в таком духе. Письмо очищено от всякой информации, из него выпотрошено все, что может быть опасным, оно написано и переписано, чтобы пройти цензуру. Только много времени спустя, когда уже будет поздно что-то делать со знанием, только скорбеть, Этторе узнает, что Лео

тоже пишет письма сыну, только не отправляет их. Он пишет их с яростью, не давая себе отдыха, пишет целыми днями, непрерывно. Он сидит в своем кабинете, отпирает все ящики и опустошает их, избавляет их от секретного содержимого. Пока Габриэлла готовит обед, он собирает по кусочкам старую жизнь, проводит пальцами по швам прошлого, которое он хотел сохранить в целости и возвышенности. Он обнажает трещины, чтобы объяснить недоумевающему сыну, почему он не может написать ему.

Именно об этом Габриэлла пытается сообщить сыну, упоминая их карту, что висит в кухне. Именно это она имеет в виду, когда говорит: Твой отец скучает по тебе. Она хочет этим сказать, что Лео не может поступать так, как поступает она. Он не может писать всякие благоглупости, которые, по мнению почтового ведомства, поднимают боевой дух. Вместо этого он пишет все то, что никак не мог сказать, пока они жили под общей крышей. Он рассказывает ему о том человеке, каким он был до рождения Этторе, до женитьбы на Габриэлле, до того как он научился придерживать язык и обуздывать акцент. Он изливает душу на этих страницах, его мысль растекается на благостных мгновениях и сжимается

на воспоминаниях, которые он предпочел бы похоронить навсегда. Закончив, он встает перед Габриэллой с пачкой писем в дрожащих руках и говорит: Я готов.

* * *

Женщины выворачивают свои платья наизнанку, растирают грязь по лицам. Они рвут на себе волосы и воют на заходящее солнце. Они ходят медленными кругами вокруг тел мертвых, бьют себя в грудь, выкрикивая имена, их скорбь — медленный плач, который грозит уронить их, уложить распростертыми на землю. Они ходят вокруг накрытых одеялами тел, а Хирут заставляет себя слушать, опасаясь имени, которое может родиться в их глотках и вызвать Бениама, который ткнет в нее обвиняющим пальцем. Они будут работать, пока не оплачут каждого. Они будут повторять имена, и произносить благословения, и проклинать врага, который убил этих людей. Они столько раз пройдут вокруг этих тел, что в траве протопчется небольшая тропинка. А потом, когда они закончат, мужчины захоронят тела. Они оставят их в совершенно незаметных могилах, будто те, кто лежит в них, исчезли без следа. Они будут покоиться в заброшенных де-

ревнях и близ разрушенных церквей — новая разновидность обитателей, которые потерянно бродят по отравленной земле.

Хирут смотрит на корзинку с лекарствами в своей руке. Существует бесчисленное количество способов поставить живых на службу умирающих и мертвых, задернуть занавес за тщетностью всяких усилий. Глядя на продолжающих молиться женщин, она думает о том, что можно легко защитить себя, сославшись на то, что так было всегда, что мертвые сильнее живых. Что у мертвецов нет физических границ. Они живут в уголках каждого воспоминания и воскресают снова и снова, противясь нашим усилиям оставить их позади, позволить им упокоиться. Как иначе объяснить это ощущение его пальцев на ее щиколотках, на запястьях, пальцев, которые тянут ее, требуют, чтобы она наклонилась и заглянула ему в глаза?

Она слышит за плечом голос Астер, которая требует, чтобы ей принесли еще бинтов. Вполголоса говорят женщины, готовящие еду из скудных припасов. Она воображает, что слышит твердые шаги Аклилу и Сеифу, когда они проводят проверку круглосуточного наблюдения за территорией. Хирут выгибает спину, преодолевая

боль, и проверяет небо, прислушивается — не раздастся ли этот вселяющий страх гул моторов, не раздастся ли голос мальчика, снова и снова повторяющего свое имя. Множество раненых мужчин и женщин ждут, когда она вернется с лекарствами. Есть бинты, чтобы завязать рану, есть раны, которые нужно забинтовать, есть растения, которые нужно найти и сорвать. Она ни минуты не отдыхала с того времени, когда они бежали вчера от самолетов.

Она двигалась с головокружительной скоростью, почти не ела, ее тело грозит отказать ей в мгновения неподвижности. Она накладывала толченые листья и мед почти на все виды ран и молча надеялась, что это поможет. Она набивала открытые язвы куркумой и пеплом и держала дрожащие руки, пока боль не стихала. Она металась между павшими телами, ожоги и травмы мелькали перед ее глазами, мольбы смешивались одна с другой, и наконец она доходит до того, что каждый прирост времени, даже самый малый, обнажает ее полную беспомощность.

Она действовала с тщанием, которое ошибочно принимала за самоотверженность, повторяла свои действия от пациента к пациенту. Она позволяла одобрительным взглядам перерасти в

благодарственные шепоты, а когда эти шепоты переходили в громкие похвалы других женщин, Хирут просто кивала и продолжала делать то, что делала, надеясь, что это достаточное искупление ее вины, страшась, что ни одна рана, наверное, не обладает достаточной силой, чтобы стереть из ее памяти молодое лицо Бениама.

Интерлюдия

Каждый день после того как он покинул Дэссе и прибыл в Мейчев, император Хайле Селассие, забросив Библию и молитвы, слушал «Аиду». Он брал каждую арию и проигрывал ее три раза, потом еще и еще, заводил пружину граммофона, пока не начинала болеть рука, пока не начинала ныть спина от сидения внаклон к рупору. Каждое утро он просыпался в своей пещере, где оборудован его временный штаб, и прослушивал эти металлические, дребезжащие голоса, расшифровывал подсказки, сидящие между тщательно выверенными, растянутыми нотами. То, что никакой настоящий египтянин не производит таких звуков, — один из многих несущественных фактов, которые императору приходится не принимать во внимание, чтобы обнаружить то, что удавалось скрывать Аиде.

Теперь Хайле Селассие ждет, когда иголка до-

берется до первых нот. Это не лучшее занятие для времени, когда его армия готовится к наступательной операции в Мейчеве. Он должен до рассвета отправить послания и проинспектировать войска. Нужно распределить полученные пушки и гаубицы. Он должен собрать резервные войска и отправить их в горы, чтобы они ждали, пока его солдатам не понадобится подкрепление. Он должен раздать больше денег местным жителям, должен убедить всех сомневающихся, что он их истинный царь. Он смотрит на календарь, потом на доклады. Сколько еще нужно успеть сделать! Но он сидит согнувшись, слушает вступительные оркестровые звуки «Аиды».

Он пропустит вечерние молитвы, чтобы послушать музыку еще раз, прежде чем его советники придут обсудить планы на следующий день. Потому что только сегодня утром, когда до него дошли подтвержденные сведения об отравлении и кровавой бане, которую итальянцы устроили войску Кидане, смог он наконец понять суть истинного предательства Аиды: эфиопская принцесса не знала, в чем состоит долг разделенного на две части сердца. Она не могла постичь бремени, которым отягощена ее царская кровь. Это непростительное предательство. Ее мучениче-

ская невиновность заставляет Хайле Селассие замереть на месте: она словно забыла ярость и месть, она словно не знает других эмоций, кроме этой детской, глупой любви к человеку, который порабощает и убивает ее собственный народ.

И когда приходит известие о сокрушительных потерях, понесенных Кидане, Хайле Селассие вспоминает Рождественское наступление и искусную атаку Имру на силы Кринити. Он взвешивает унижение, подорвавшее боевой дух врага. Он думает о Десте, который собирает свои войска, чтобы продолжить сопротивление наступающему противнику на южном фронте. Наконец император встает перед пластинкой и чувствует, как укрепляется его решимость: они не ожидают наступления, а потому он сам пойдет в атаку. Они были приучены ко лжи, переложенной на музыку, а потому он будет атаковать их под боевые кличи его армии. Они воображают, что в этой стране полно Аид и впавших в отчаяние царей, готовых отдать свой народ в руки врага. А он покажет им, что в этой стране полно солдат и командиров, которые отступлению предпочитают атаку и скорее умрут стоя, чем станут жить на коленях рабами.

Его одолевает ярость столь сильная, что по его

телу в уединении пещеры проходит дрожь, Хайле Селассие поднимает звукосниматель и убирает пластинку с вертушки. Он отодвигает граммофон в сторону, берет пластинку в две руки. Смотрит на нее, на ее гладкий черный винил, аккуратные и ровные канавки, выцветший ярлык с названием АИДА большими печатными буквами. А потом он кидает ее через все помещение с такой силой, что она чуть не разбивается. Он смотрит на нее, на ее упрямую прочность и медленно берет себя в руки. Он расправляет на себе форму, поднимает пластинку, засовывает ее в конверт. Кладет ее рядом с Библией, открывает книгу на стихе, который читал каждый день с начала войны: «Горе земле, осеняющей крыльями по ту сторону рек Ефиопских»[63]. Потом он склоняет голову и молится о мести и великом гневе тысяч армий.

Он вызывает своих священников. Он поднимает голову, отрываясь от молитвы ровно настолько, сколько нужно, чтобы ответить на вопросы, отдать приказы, уточнить дислокацию войск на картах и доклады. Он отсылает своих советников, игнорирует их взволнованные просьбы сделать это сейчас, ваше величество, атакуйте сейчас,

[63] Примечания: 63
Исаия, 18:1.

единственное подходящее время. Он пишет письма жене и отправляет послания детям. Он отвергает сведения о строительстве итальянцами укреплений. Он подтверждает стратегию и назначает своих командиров атакующим колоннам. Он приказывает приготовить банкет в честь Дня святого Георгиса. Он чувствует сакральную мощь божества. Он ложится спать вечером, наполненный глубокой, неколебимой верой. Ему снятся царь Давит, голова Голиафа и тот единственный камень, выпущенный из пращи.

Вечером перед Днем Георгиса Хайле Селассие встает из-за своего рабочего стола. Надевает туфли. Разглаживает воротничок рубашки, подтягивает ремень. Он заводит граммофон, усиливает звук, становится по стойке смирно. Он слушает слова Аиды: O patria mia, O patria mia[64]. Он слышит гортанные звуки, издаваемые миллионом солдат, ворвавшихся во двор, чтобы забрать ее домой. Он слышит ветер, которые треплет пальмы, и хрип перенапряженного горла. Он слышит, как сотня вооруженных солдат издает оглушающий звук. Он слышит названия его возлюбленных городов: Адуа. Аксум. Мекелле.

---

[64] Примечания: 64
О, моя родина (*ит.*).

Гондэр. Харар. Дэссе. Аддис-Абеба. Они выстраиваются, как исполняющие свой долг солдаты, и целятся в его направлении, выкрикивая его имя. Хайле Селассие закрывает глаза.

O patria mia. Ora basta[65]. Ora basta. Император Хайле Селассие упирает руки в бока и стоит, широко расставив ноги. Он произносит это для себя, сначала на итальянском, потом на французском, потом на английском, потом на амхарском. Ora basta. Хватит. Достаточно. Прекратите. Смысл все тот же. Хайле Селассие прислушивается: Настоящий вождь — не камень, неподвижно лежащий на меняющемся приливе. Настоящий царь не прячется в себя, как зверь по ночам. Эта война не будет войной между двумя неподвижными силами. Это будет состязанием между божественной силой и безжалостной корыстью.

Ad atti Guerra risponderemo con atti di guerra! На военные действия мы ответим военными действиями!

В тусклом мерцании свечей в пещере император отслеживает собственную тень. Он крутится перед этой нечеткой фигурой и выставляет вперед челюсть. Он опускает подбородок. Он склады-

---

[65] Примечания: 65
Хватит (*ит.*).

вает руки на груди и двигает головой из стороны в сторону. Он хмурится и переступает с ноги на ногу. Он — постоянное движение. Он — раскручивающаяся энергия. Он — агрессия, воплощенная в человеческой форме. Он проговаривает в темноте то, что должно быть произнесено при свете дня: Теперь все и начинается. Он повторяет эти слова снова и снова, руки то сложены на груди, то опущены; ноги то расставлены, то вместе; грудь выставлена вперед, спина прямая; челюсти плотно сжаты. Теперь все и начинается.

Глава 21

Есть клятвы, которые не дают этому миру распасться, обещания, которые невозможно отменить или не выполнить. Существует связь между правителем и его народом, между народом и землей, между землей и солнцем и между солнцем и земледельцем. Существует этот бессловесный обет, который приводит реку к дереву, а дерево к его небу, небо к птице, которая летит в новые земли и к другим царям. Но эта птица: она сворачивает в сторону, уходя от облаков дыма, когда маленький мальчик смотрит с вершины холма и дивится всему тому, что натворил человек. Потому что все опустошено: горящие города и горы в огне, руины домов и обрушающиеся церкви, кипящие реки, отравленная земля и поваленные деревья, взрывающиеся бомбы, задыхающиеся люди, разорванные на части тела и проникающие в долину облаченные в военную форму колонны, многочисленные и бессчетные, их винтовки стреляют, их штыки колют, их голоса возвышенны в песне Giovinezza, Avanti, O patria

mia[66]. В хаосе и руинах император приказывает, приказывает, приказывает, и его солдаты встают, и падают, и снова встают, а ядовитые дожди все проливаются на пошедшую пузырями землю, а поскольку были даны клятвы, обещания и обеты, люди Хайле Селассие продолжают сражаться, хотя идут часы, напитанные кровью, а солнце медленно соскальзывает, чтобы укрыться за горизонтом, но император и его армия продолжают действовать, схватка, бросающая вызов смерти, продолжается, пока, наконец, не поступает приказ: Отступаем. Отступаем.

[66] Примечания: 66
Молодость, вперед, о, моя родина (*um.*).

Глава 22

В убийственном зное послеполуденного солнца бежит Ворку, его ноги как крылья, его сердце — распухшая боль, что растет в его груди. Где-то под голубым пятном неба земля пульсирует равномерным эхом от поезда, который уносит императора еще дальше от его народа. О чем Ворку скажет в первую очередь? О плачущих солдатах, стоящих в строю перед их императором, прямых, как лезвие ножа? Или о грустных царских внуках, которые держат свои маленькие чемоданы и покорно ждут команды их няньки? Может, о походке императора — такой размеренной и неторопливой — расскажет он в первую очередь, о том, как император шагал от царской машины до поезда, а его тяжелые туфли царапали землю? Император убыл. Джан Хой уехал. Тэфэри Мэконнын сел в поезд и покинул страну. Может быть, об этом он скажет в первую очередь, дыша обожженными легкими, перекрикивая вздохи удрученных ангелов: Наш величайший воин оставил свой народ после поражения в Мейчеве и кровавой бойни у озера Ашанги. Он уехал. Он нас оставил.

Книга вторая. Сопротивление

Глава 1

Кидане видит Хирут и Аклилу — два стройных силуэта, вытравленных в сером свете, они разговаривают, возражают друг другу с вежливостью недавних друзей. Кидане слышит проникающую сквозь полутьму переливчатость в голосе Хирут и более низкий ответ Аклилу. Они встряхивают одеяла, скидывают с них листья и землю, аккуратно накрывают раненых. Они выворачивают наизнанку *шамму*, чтобы сделать из нее более удобную подушку для одной из женщин. Они проверяют бинты на раненых. Они идут вдоль ряда, не прерывая разговора. В их ритмах не слышно напряжения, в жестах не видно нервозности, никакого страха, который обычно проявляет Хирут, находясь рядом с Кидане. И хотя он допустил, что поведение с ним Аклилу было честным и спокойным, он видит теперь, что этот человек всегда относился к нему с уважительной, но холодной сдержанностью и между ними никогда не существовало настоящей близости.

До того как Кидане был втянут в военные союзнические отношения, он и его люди любили друг друга, как братья. Они были людьми, которые

понимали его без объяснений. Друзья детства, которые знали, что такое оказаться в ловушке долга и ожиданий, и которые поддерживали все это, перемещаясь глубже в их знакомые круги, используя привилегии, поскольку все это доставалось такой высокой, невидимой ценой. Алкилу и Хирут не могут представить себе ничего этого. Они простые люди, земледельцы. У них нет ничего дорогого, кроме того, что находится непосредственно перед ними: пища, и вода, и основные средства, необходимые для выживания, а потому они не могут вообразить, что он наблюдает из-за дерева, где всего несколько мгновений назад получил послание от Ворку: *Речь императора в Лиге наций никоим образом не остановила итальянцев. Лига нарушила собственные обещания. Они оставили нас один на один с итальянцами в этой войне. Муссолини объявил о своей победе, но Эфиопия не собирается сдаваться. Не ждите помощи Британии или Франции, не ждите помощи Лиги. Эфиопия все еще принадлежит нам, Кидане. Сражайся.*

Грудь Кидане все еще стеснена. Ему трудно держать себя прямо. Все части его тела хотят свернуться в зияющей дыре, пробитой этим новым разорением: император бросил свой народ,

он оставил их одних: сражаться или сдаться. А еще его приказ Кидане — расположиться лагерем в этом месте на холмах постоянно. Он должен будет защищать эту территорию, пока император не соберет оружие и помощь из-за границы и не найдет способа изгнать этих итальянцев. Он не должен позволить Карло Фучелли закрепиться в этом месте, которое итальянцы, по их словам, уже контролируют. Сражайся и держись стойко. Верь и готовься к сражению.

Таков приказ, оставленный Хайле Селассие, и вот его суть: он предполагает покорность и преданность любой ценой. Кидане смотрит на Хирут, которая поднимает глаза и улыбается каким-то словам Аклилу. Она все еще на ранних подступах к женственности. Она все еще нетронутая, все еще уступчивая, лишь немногим старше Астер, когда он женился на ней. Он в первый раз воспринимает приказ императора таким, какой он есть: команда, отданная человеком, у которого есть сын, человеку, у которого сына нет. Это поспешные инструкции от человека, у которого есть место, куда он может отправиться, человеку, который оставил все, что у него было. Несколько директив, вылетевших из длинных гулких коридоров европейских зданий, от человека, который

все еще заявляет о своем праве в силу происхождения, человеку, у которого даже нет ребенка, чтобы передать ему свое имя. И Кидане понимает, что именно так и начинается исчезновение: с приказа двигаться навстречу опасности, а потом продолжать движение к забвению.

Хор

Вернись. Открой дверь спальни и отправь юную Астер вниз по лестнице. Подними жениха на ноги и вытащи его из кровати. Сотри кровь невесты с простыни. Встряхни простыню, разгладь морщины на ней. Сними ожерелье и верни его девушке, прежде чем она побежит к своей матери. Исправь то, что в ней было сломано, пусть оно опять закроется. Облачи его в свадебные одежды. Пусть только не будет света. Впускай в это рукотворное царство лишь тени. Посмотри на него в одиночестве в этой комнате. Посмотри на него, избавленного от отцовского внимания. Посмотри, как он уходит туда, где его не достанут руки старших и всех тех, кто остерегает подростков от проявления опасной слабости. Вот он — Кидане, стряхивает с себя невидимые путы. Вот он, дарует себе свободу трястись от страха. Все советы возвращены, и он более не жених, которому поручено взломать плоть, вызвать кровь

и довести девочку до земных криков.

Посмотри на этого человека в его мгновение слабости, перед тем как он берет свою жену. Посмотри, как он борется с первыми ростками пробивающихся эмоций. Пусть минуты длятся. Избавься от ожиданий отца. Избавься от увещевания ответить на вызов с достоинством и оставаться сильным. Отбрось право по рождению, привилегию знати, груз предков и крови. Сотри имя его отца, и имя отца прадеда, и всех в длинном ряду мужчин перед ними. Пусть он стоит в середине пустой спальни в свадебных одеяниях, в позолоченном головном уборе и с золотым кольцом — а потом уничтожь и его имя. Пусть он превратится в ничто, а потом посмотри, что проявляется добровольно, незапятнанное долгом или страхом.

* * *

Вернувшись к костру, Хирут и Аклилу останавливаются, удивленные красочной сценой перед ними. Мужчины и женщины образовали большой круг и танцуют близ женского лагеря, это спонтанное празднование после сообщения Кидане, что они будут отсюда вести войну против итальянцев. Они не будут совершать набеги

на другую территорию. Они будут сражаться на знакомой земле. Женщины подпрыгивают, лунный свет ловит их фигуры, пламя костра освещает их. Хирут прижимает руку к груди, у нее подкашиваются ноги от этого неожиданного удовольствия, ее головная боль исчезает. Аклилу улыбается ей, потом затаскивает в круг танцующих. Он становится перед ней, кладет руки ей на талию и кивает, когда мягкий *крар* начинает отбивать спокойную мелодию, которая постепенно ускоряется. Аклилу подается к ней, и у нее на миг перехватывает дыхание, она пленена его живостью и широкой ухмылкой. Он трясет плечами, первые движения умелого танцора *эскесты*[67], потом взглядом приглашает ее делать, как он. Хирут выходит вперед, ее грудь рядом с ним, и она отпускает себя на свободу, позволяет плечам двигаться, как они желают, позволяет им трястись так, словно веса костей и крови не существует. Они танцуют, оба высоко подпрыгивают, потом еще выше, их тела трясутся и подхвачены потоком одобрительного улюлюканья и криков. *Азмари* начинают петь о великом воине Аклилу и женщине, которая завоевала его сердце, и о них

[67] Примечания: 67

Традиционный эфиопский танец, для которого характерна интенсивная тряска плечами.

двоих, которые вместе пошли воевать за мать Эфиопию.

Улюлюканья взрываются, становясь еще громче, когда голос певца набирает высоту, дрожит от чувства, его тональность высока и приятна на слух. Хирут смаргивает слезы, чтобы лучше видеть тех, кто собрался вокруг нее, воодушевить их на дальнейшее одобрение. Это счастье, думает она, вот что означает быть свободной. Она танцует с Аклилу, ее ритм подчиняет себе его ритм, его ритм ускоряет ее, она чувствует, как слезы подступают к ее глазам, а потом не обращает внимания на то, что они катятся по ее щекам, а Аклилу видит, и кивает, и улыбается ей нежно, и притягивает ее к себе. Она подпрыгивает, ее сердце бьется беспорядочно, ноги остаются сильными и твердыми. Лишь раз ищет она взглядом Астер, но не находит и тогда теряется в группе, танцует, улюлюкает и поет под ярким лучом света, проникающего к ним сквозь кроны деревьев. Вот где собрался весь свет мира, думает она. Вот где он был все то время, что она боролась в темноте.

Аклилу закидывает назад голову и смеется, выставляет подбородок в сторону Сеифу, тащит его вперед, подпрыгивает так высоко перед ним, что другие замирают, раскрыв рты, и начинают

кричать. Хирут отступает, освобождая место Сеифу, и вместе они наблюдают за Аклилу. Он парит, плечи его двигаются с головокружительной скоростью величайших танцоров, тело опровергает собственную природу. Сеифу смеется, зачарованный ослепительным зрелищем, радость изменяет его черты, обнажая красивую улыбку. Он машет винтовкой, он поднимает руки, и его сын Тарику бросается в круг, становится рядом с отцом. Мать Тарику, Марта, становится рядом с ними и начинает танцевать. Мать и отец — отражения друг друга, а Тарику — молодая версия родителей. Сеифу имитирует быстрые режущие движения ножом, а Тарику как бы выставляет лезвие меча сверкать в лунном свете. Толпа ревет, *азмари* начинают новый стих о близнецах-львах, которые бродят по полю в поисках итальянцев. Хирут хлопает ладонями по груди, не сдерживает смеха. Она снова начинает танцевать, ее сердце бьется со всем откровением. Они танцуют самозабвенно, находя способы сочетать неуклюжие возможности тела с подвижным, непрерывным ритмом.

Хор

Первый голос:

Но ты ощутишь бдительное присутствие, даже ложась спать на ночь. Вот почему ты подоткнешь

под себя одеяло и сцепишь руки, пытаясь уснуть. Ты произнесешь одну за другой тысячу молитв, которые считаешь важными. Ты будешь делать вид, что не слышишь его, когда он приближается. Ты закроешь глаза и сожмешь рот, когда он низко наклонится над тобой. Ты замрешь, когда он возьмет тебя за плечо и повлечет за собой. Ты не будешь откликаться на свое имя. Ты вместо этого посмотришь и скажешь: Пожалуйста. Ты скажешь: Я не рабыня. Ты скажешь: Я дочка Гетеи. Ты скажешь: Я дочка Фасила. Ты повторишь сказанное, потому что не уверена, услышал ли он тебя в первый раз, Пожалуйста. И ты будешь повторять это слово, пока оно не превратится в стену, которой ты окружаешь себя, когда тебя вытаскивают из твоей постели в самую черную ночь твоей жизни.

Второй голос:

Я знаю, как он сделает это. Я знаю, как он скажет это. Я знаю, почему Хирут закроет глаза, когда она войдет в эту ужасающую яму. Она будет воображать, что сможет забыть то, чего не видит, что все исчезнет, когда солнечный свет прогонит ночь. Хирут. Я знаю, что она услышит свое имя, но не ответит. Она тоже сядет на корточки и найдет убежище в собственных руках, и проклянет

те силы, которые уготовили ей такую судьбу. Она прижмется спиной к стене и все еще будет слышать голос, который стучится ей в грудь. Он скажет ей, чтобы она назвала его по имени. Он, любимый сын Эфиопии. Она, не более чем пространство, которое он хочет заполнить. Он прикажет ей обнять его и изображать эмоции, которых она не чувствует. Он забудет, что то, что он порождает, будет гореть вечно, ненависть, чистая, как вода, гибкая и быстрая, достаточно малая, чтобы уместиться в самых крохотных изломах усыхающей жизни.

Третий голос:

О, благословенная дочь, ты, которая ходит медленными кругами. Ты, которая раскидывает руки и следует спиральным колебаниям земли. Как долго будешь ты поспевать за ней? Сколько времени пройдет, прежде чем ты поймешь, что больше идти некуда? Нет иного спасения, кроме того, что ты создашь собственными руками. Не внимай другим голосам: Пусть будет, как будет, станут шептать тебе они. Кто ты такая, чтобы противиться, скажут они. Он наш вождь, будут утверждать они. Оставь нас, мы будем спать, добавят они. Пусть Астер не спит в эту треклятую ночь. Пусть она спотыкается на узкой тропе,

сотворенной ею самой, пусть проклинает имя мужа. Дочь, ты, которая считаешь, что беспомощна и одинока в своей беде, выйди в поле и сражайся. Не проси более о милосердии.

Хор

Стань солдатом, каким ты и была создана. Встань, Хирут.

Глава 2

Кидане вытравлен в том же самом жестком свете, который обволакивает каменистую тропу между ними.

Он выставляет руку в ее сторону и манит ее. Это движение и начинает покражу. Именно это движение и закупоривает ночь. Рука, которая вытягивается, еще и нарушает установленный порядок вещей. Вот почему дрожь пробирает Хирут: вот сейчас она увидела, что мелькает в нововозвещенной тьме.

Хирут, иди сюда. Кидане превращает себя в грозную фигуру, кости, образующие мглистый кошмар.

Хирут закрывает глаза, обхватывает колени руками. Она крепко держит себя, потом ждет, дрожащая фигура, делающая вид, что спит, и слушающая, как мужчина называет ее имя.

Хирут. Он нашел тон между безмолвием и шепотом, который сокращает расстояние между ними.

Хирут смотрит в пасть леса. У этой ночи впереди еще часы и часы, столько неосвещенных троп, которые ведут лишь в еще бóльшую темень.

Маленькая, пойдем.

Что-то склоняет ее к покорности, словно она родилась только для того, чтобы служить.

Я не переживу эту войну, добавляет он. Я умру. Ты понимаешь, что я говорю?

Наступает продолжительное, чреватое неизвестностью молчание, оно растягивается между ними, бескрайняя земля, которая раскрывается, и Хирут летит, не в силах остановить это падение.

Маленькая, ты не понимаешь, но ты увидишь. Вставай.

Когда он снова произносит ее имя, оно приходит к ней теплым густым дыханием на щеке. Это новая непристойность, ползущая по ее коже. Он тянется к ее рукам, а она заглядывает в темный колодец его глаз. У нее уходит минута, две минуты, три минуты, чтоб понять, что они в шаге от близости, вызывающей у нее отвращение, но: тело, которое может умереть на войне, также может быть и покалечено, а она знает, что у тела есть уязвимые места, участки, не имеющие полной защиты, и из многих вещей, которым ее научил Давит, именно эта и была главным уроком: мужчины тоже могут истекать кровью по-разному. И потому, когда Хирут своим лбом бодает лоб Кидане, она всего лишь проверяет теорию, она

делает это неуверенно и нерешительно.

Вуджигра, шепчет она.

А когда он удивленно моргает, но остается рядом с ней, она делает это еще раз с силой камня, вылетевшего из пращи. Она ударяет своим лбом в лоб Кидане с такой силой, такой быстротой и точностью, что сокрушительный треск болью отдается в ее ушах. От удара у нее из глаз летят яркие искры, на миг ослепляют ее, и она пытается справиться с головокружением, а он опирается на нее, чтобы не упасть. И тогда Хирут, с ее новообретенным героизмом, но еще не избавившаяся от страха, находит в себе силы оттолкнуть его и подняться на ноги, чтобы бежать.

Она лишь с опозданием вспомнит: в тот момент не было слышно ни звука. Она отметит только то, что ночь закрывает ее, словно щит. Она набирает скорость и наполняет грудь воздухом, и тьма тоже отступает и позволяет ей бежать без препятствий. Хирут видит слабенькие проблески света на горизонте, запутавшиеся в деревьях, и думает: маяк, надежда, убежище. Она думает: безопасность. Она верит, что доберется до безопасного места, потому что оставила рабство позади и превратила себя в оружие, словно выпущенная пуля, которая ищет своего кровавого покоя. Но

он хватает ее за ноги и роняет на землю. После этого переворачивает на спину и ложится на нее, но даже и тогда Хирут не может осознать, что происходит. Она не может понять, почему не двигается к убежищу. Когда Кидане подтаскивает себя выше и заталкивает свой пах между ее ног, которыми она молотит воздух, Хирут все еще не перестает оглядывать холмы в поисках этого света.

И прежде чем Хирут успевает осознать, что происходит, Кидане берет обе ее руки, закидывает их ей за голову и обещает: Перестань, перестань, я не сделаю тебе больно.

Они являют собой крупную шевелящуюся массу, окутанную тусклым светом, неправдоподобную и одновременно знакомую, озверевшую от беспамятной ярости девушки.

Козу нужно оглушить, чтобы ее можно было убить, сказала ей как-то кухарка. Ударь ее по носу, в то самое место между глаз. Возьми за шею, потом повали на колени, у нее не будет выбора — только подчиниться.

Хирут лягается, дергается и кусается, и, наконец, ей удается встать на ноги. Она настолько поглощена поисками матери и кухарки, что не чувствует рук, которые швыряют ее обратно на

землю. Напротив, она считает, что это внезапное падение — доказательство ее чудесного взлета. Она воображает, что отделение ее ног от земли есть свидетельство еще большего подвига. И когда Хирут взлетает в воздух, удерживаемая безжалостной хваткой мужчины, она думает о тех мужчинах, которые превращаются в гиен, она думает об ангелах, выдающих себя за людей, она думает о Кидусе Гиоргисе и мече, которым он убивает дракона, и о коне святого, который поднимает копыта, чтобы раздавить зло. Даже когда земля бросается ей навстречу и очертания лица Кидане оказываются над ее лицом, Хирут все еще воображает полет. Очень скоро ей придется дать себе отчет в том, что происходит, но пока ее разум дает ей капельку милосердия: он возвращает ее в пещеру, где лежит Давит, его нога исцелилась, бинты сняты, дыхание нормализовалось. Он протягивает ей Вуджигру, кивком просит ее взять винтовку. В углу Бениам тянет руки для теплого объятия. О, храбрый солдат, говорят они ей, она слышит их голоса, несмотря на звон в ушах, несмотря на подушку благодатной тишины: Ну, стреляй же, чтобы мы гордились тобой.

Астер кричит в ночь, ее голос начинен ненавистью и мукой.

Хирут возвращается в себя: мягкая плоть, тонкие кости, нежные щели, и вдруг она становится девушкой, борющейся с забвением. Он начинает двигаться на ней, а она называет имя матери: Гетеи, Гетеи.

Я пытался помочь Гетеи, говорит Кидане. Благодаря мне она смогла выйти за твоего отца. Я дал ей дом, в котором вы жили. Я никому не позволял занять его. Он будет твоим, когда мы вернемся. Прошу тебя, прекрати сопротивляться.

Вспомни об этом в день своей смерти. Вспомни об этом и знай, почему я убила тебя, говорит Хирут.

Хирут способна говорить так смело, потому что некая ее часть все еще остается нетронутой. Голос ее достаточно громкий, чтобы слышал весь лагерь, потому что она пока еще не была насильно расщеплена. Она все еще верит в чудеса, потому что еще цельная, и оттого ей ни к чему следить за движениями его рук. Она становится бесчувственной к движениям его таза, она проклинает воздух, которым он дышит. Она становится глухой к его учащенному дыханию. Она не слышит, как Астер в полном и абсолютном одиночестве швыряет в темноту имя мужа. И она не может вообразить, что Аклилу стоит на плато

над ними, окостеневший от ярости. Вместо этого она чувствует, что Кидане замирает, и на миг в ней просыпается вера в силу ее ненависти.

Потом Кидане раздвигает ее ноги своими коленями, и она видит, как ее дух отделяется от ее нечистого тела и уходит.

* * *

Черная птица раздвигает складки тьмы и летит к солнцу. Неспешный ритм женских голосов скатывается вниз по склону холма. Острый запах свежей, только что приготовленной инджеры[68] висит в воздухе над ее головой, а в помятой траве у ее ног мышка спешит убежать подальше от неподвижной фигуры, лежащей на ее пути. Хирут моргает, она не отдает себе отчета, где находится и как здесь оказалась. Ветерок крутит пыльный вихрь у ее лица, когда она садится и пытается шевельнуть ногами. Они налиты свинцом, они — какие-то странные предметы, прикованные к земле. Она пробует еще раз — и снова безуспешно, потом еще. Она смотрит вниз. Ничто не мешает ей подняться на ноги и уйти. Нет никаких причин, которые не позволяли бы ей встать.

---

[68] Примечания: 68
Традиционное блюдо эфиопской кухни.

Дай я тебе помогу. Аклилу стоит сбоку от нее, он протягивает ей одеяло и ее Вуджигру. Возьми это, говорит он. Он кладет винтовку и одеяло рядом с ней, становится на колени. Его глаза полны сочувствия.

Она отворачивает голову. Я в порядке.

Я положил еду там, у дерева. Он заглядывает в ее глаза без смущения или осуждения. Я не уйду, пока ты не поднимешься, говорит он.

Ей приходится прикусить губу. Если она поднимется, то одно это движение разрушит ее спокойствие и ввергнет ее в стыд. Если она сдастся стыду, то начнет плакать, а если начнет, то никогда не сможет остановиться.

Я в порядке, говорит она.

Он отрицательно качает головой. Я помогу тебе встать. После еды мы уходим отсюда. И гляди, твоя винтовка снова с тобой. Аклилу смотрит на нее сверху вниз. Иного не дано. Астер ждет тебя, ты должна быть сильной.

Это она прислала тебя?

Меня никто не присылал. Он выдерживает ее взгляд. Я хотел быть здесь, когда ты проснешься.

Над ней низко плывет утренний туман на горизонте. Прохладная волна ветра поднимается с гор и соскальзывает вниз навстречу дрожащим

деревьям. Изменилось то, что находится здесь, эта девушка, которая пытается согнуть ноги, пошевелить ими. За плечом Аклилу серая птица подпрыгивает и клюет что-то на земле.

Я не могу шевельнуться, испуганно говорит она наконец. Она приняла это как нечто само собой разумеющееся, думает она. Один раз она как-то усилием воли заставила себя войти в комнаты, подняться по склону холма, перейти вброд реку, и это было так. Когда-то она верила, что принадлежит себе.

Аклилу набрасывает на нее одеяло, засовывает руки ей под мышки.

Хирут чувствует, что ее поднимают. Пытаясь сохранить равновесие на нетвердых ногах, она, прищурившись, смотрит на небо, где занимается рассвет, и глотает слезы, которые образуют узел в центре ее груди. Аклилу дает ей винтовку, и она берет ее, проводит пальцами по знакомым меткам, оставленным ее отцом.

Ты можешь идти?

Она кивает, у нее кружится голова, и она чувствует себя неловкой из-за своей недавней утраты.

Он наматывает угол одеяла ей на запястье и

ведет ее к дереву, где ее ждет *мессоб*[69] с едой.

Хирут волочит ноги рядом, смотрит на его руку, благодарная за материю одеяла, которая охраняет ее кожу от людского прикосновения. Она пока не может думать об этом жесте. Она только осознает сострадание в его поступке. Она не спрашивает, откуда он знает, что должен отвернуться от нее, пока готовит кусочек *инджеры* и *широ*[70]. Она не спрашивает, почему он ждет, когда она проглотит рыдание, и только после этого поворачивается. Он кормит ее так, словно делает ей *гуршу*[71], словно это праздничная еда, а его помощь — акт преданности, а не жалости. Она съедает немного инстинктивно, подчиняясь просьбе Аклилу пережевать все и не думать об этом, и тебе нужны силы, и ты должна быть смелой, и я тебе помогу, и я буду защищать тебя, и ешь, еще кусочек, съешь еще немного — и все. Она съедает и кусочек *гурши*, словно он хозяин, настаивающий на том, чтобы гость взял еще немного, потому что ее

---

[69] Примечания: 69

Традиционная эфиопская корзина для переноски еды.

[70] Примечания: 70

Блюдо эфиопской кухни из курицы.

[71] Примечания: 71

Знак любви и симпатии: когда один человек ест инджеру, другой отламывает от нее себе кусочек.

присутствие — это честь и ее любят.

Глава 3

Кидане читает послание от Ферреса: Карло Фучелли собирается построить новую тюрьму в районе, и ее будут строить не для того, чтобы содержать там пленных, сохраняя им жизни, нет, она будет копией самых жестоких лагерей, в которых он начальствовал в Ливии, подберись к нему поближе, не позволь ему начать, уничтожь все, что он строит, теперь вот и начинается настоящая война. Кидане пытается сосредоточиться, но у него на руках следы укусов. Шею жжет от царапин, которые сходятся к небольшому синяку в середине его лба. Засовывая записку в карман, он думает об одном: это не должно было случиться так, как случилось. Усталый, он трет глаза, потом быстро роняет руки. Ее запах прилип к его коже и ударяет ему в нос всякий раз, стоит ему шевельнуться. Это оскорбительно, он не может есть без того, чтобы этот едкий запах не поднимался ему в рот. Каждый кусочек *дабо*[72] сегодня утром вонял старым деревом и прогорклым маслом, страхом и юностью.

---

[72] Примечания: 72
Хлеб по-эфиопски, основные его ингредиенты — мука и курица.

Аклилу терпеливо ждет распоряжений на день у его палатки. Остальные его люди собирают вещи, пакуют провизию, нагружают ослов. Они работали без своих обычных поддевок. Никто не появился из женского лагеря, чтобы раздать остатки дневного пайка. Астер не вышла, как выходила обычно, чтобы спросить о развитии событий и новых планах. Тяжелая пелена опустилась на его лагерь, а потом усиливающаяся жара окуталась еще одним слоем — беспокойства.

Мне прийти попозже, деджазмач?

Голос Аклилу звучит натянуто, несмотря на всю вежливость. Кидане достаточно хорошо знает этого парня, чтобы понять: тот наверняка еще не пил утренний кофе, не ел хлеб. Он подождет, когда они закончат собирать провизию, а его бойцы поедят, после чего и он позволит себе сесть за стол.

Оставайся здесь, говорит Кидане. Ему приходится говорить так, чтобы ссадина в уголке рта не кровоточила. Мне нужны два человека провести разведку, добавляет он. Не из нашей охраны. Приведи их сюда. Объяви лагерю, что мы уходим выше в горы, переход будет не очень дальним. Скажи охране, что они должны обеспечить проход.

Сеифу уже отправлял Тарику в разведку, говорит Аклилу. Он хорошо умеет наблюдать.

Отправь Тарику и кого-нибудь еще, говорит Кидане. Давай. Он перечитывает послание Ферреса.

Никто пока не обнаружил, что Феррес — поразительно красивая женщина по имени Фифи, когда-то известная как Фавен. Даже лучшие шпионы императора не смогли обнаружить, где она находится. Ее послания появляются почти во всех уголках страны, распространяются скороходами ее брата Бирука, слепого ткача, который переходит с рынка на рынок, продавая свои изделия. Судя по слухам, Бирук сам никогда даже не слышал голоса этой неуловимой Феррес. Слухи сходятся на том, что ткач просто передает письменные послания — все они написаны плотным, аккуратным почерком, все буквы алфавитафидель[73]. Слухи намекают на то, что Феррес — итальянец королевских кровей, глубоко сочувствующий Эфиопии. Они не могут себе представить, что Феррес — женщина, которая предоставляет специальные услуги только самым богатым итальянцам по невообразимым ценам. Никто никогда не узнает, что когда-то,

---

[73] Примечания: 73
Одно из названий эфиопского письма.

перед тем как стать Феррес, Фифи в приватные моменты также доставляла удовольствие и маленькие радости Кидане.

Кидане отряхивает подол своей рубахи и обшлага брюк. Волосы у него клочьями торчат по всей голове. Глаза у него словно горят и определенно опухли. Острый глаз Аклилу не упускает ничего.

А Ворку? Ему нужно поесть, деджазмач.

В любой другой день Аклилу молчаливо подчинился бы приказу. Этим утром он никак не может сдержаться — задает вопросы.

Я сказал, накорми его! Голос Кидане дрожит, он складывает руки на груди, чтобы успокоиться, радуясь тому, что у него есть укрытие в виде палатки. Он снова смотрит на царапины у себя на руках. Когда дело было сделано, он позволил девочке сесть, сам сел рядом с ней, собираясь утешить, но она не плакала. Вместо этого она ушла без шума в ночь, разгладив юбку платья. Она исчезла, не дав ему ни шанса сообщить ей, что он и в мыслях не имел никакой жестокости. Кидане отирает лицо и выпрямляется. Он берет себя в руки и готовится выйти к своим людям.

Сеифу и Тарику сделаны из одних костей.

Тарику взволнованно кивает. Я это смогу,

деджазмач Кидане, говорит он. Я стоял на страже несколько месяцев. Я даже иногда по своей воле иду проверить, как дела вокруг. Тарику робко улыбается, стоя рядом с отцом. Ему я не всегда говорю, добавляет он.

Сеифу притягивает к себе сына, обнимает, он сияет такой чистой гордостью, что Кидане улыбается. В другой день он, вероятно, испытал бы зависть, но сегодня — лишь малую толику надежды.

Мы не отправляем тебя в одиночестве, говорит Кидане. Он кивает на стоящего в стороне человека постарше, чьи яркие глаза горят сосредоточенным воодушевлением. Он не переставая смотрел на холмы с того момента, как эти люди подошли к палатке Кидане.

Они направляются к скалам, говорит Сеифу.

Тарику кивает. Я вчера видел несколько грузовиков с лесом, а еще вооруженных рабочих.

Там ничего нет, говорит Кидане будто бы себе самому. И едва произнеся эти слова, он понимает, что Феррес была права: именно там будет находиться новая тюрьма. Мы должны точно узнать, где они начинают строительство. Держитесь подальше от солдат, ищите рабочих, найдите, где они хранят боеприпасы и оружие. Будьте

осторожны.

Никогда не забывайте, что они могут наблюдать за вами, говорит Сеифу. На его лице ясно видно беспокойство.

Тарику крепко сжимает руку отца. Я делал это и прежде, аббаба, говорит он, отводя с глаз длинные волосы. У него давно не стриженные кудри *арбегноча*[74], такой длины, что их уже невозможно содержать в порядке. В результате на голове у Тарику настоящие буйные заросли черных волос, как у его отца. Когда он щурится, он становится еще более пугающим благодаря неуступчивой решительности молодости.

Сеифу кладет руку на голову Тарику. Я тебя просил зачесать их назад, говорит он. Я заплету косички.

Тарику освобождается от отцовских рук. Мне нравится так.

Это опасно, говорит Кидане. Они увидят тебя издалека. Это хорошо на поле боя, но не на задании. Твой отец заплетет тебе косички.

Тарику переводит взгляд с Кидане на отца, он потрясен. Сеифу похлопывает его по спине, ро-

---

[74] Примечания: 74

Арбегночами (по-амхарски «патриотами») называли бойцов эфиопского сопротивления во время оккупации страны итальянцами в 1935–1941 годах.

дительским жестом кладет руку ему на плечи, и когда они смотрят на Кидане, утешенные присутствием друг друга, тот видит все, чего, вероятно, никогда не будет иметь сам.

* * *

Хирут становится позади колонны между провиантом, навьюченным на ослов, и арьергардом. Она чувствует, как поворачиваются к ней головы, когда она становится на место. Она смотрит вперед, во главу колонны, где Астер и Нардос идут так близко друг к другу, что можно подумать, будто они идут под руку. Ни одна из женщин не попыталась заговорить с Хирут, после того как за ней пришел Кидане. Она осталась одна собирать свои вещи, упаковывать бинты и порошки, потом нашла свое место в колонне. Она становится в ряд с другими слугами, с ящиками, вьючными животными и тыквенными бутылями с водой, с другими предметами, которые понадобятся для выживания другим людям.

Женщина перед ней поворачивается. Незнакомая — Хирут не видела ее прежде, новый рекрут, призванный из какой-нибудь ближайшей деревни. Знаешь, говорит женщина, я слышала, Астер сегодня утром даже не ходила в его палатку. Ни

одним словом не перемолвилась. На губах женщины появляется улыбка, потом она серьезнеет. Теперь тебе только остается надеяться, что ты ему не наскучишь.

Хирут смущенно молчит.

Как бы то ни было, говорит женщина, лучше уж он, чем какой-нибудь бедняк.

Хирут устремляется вперед, пока не находит место между двумя женщинами. Они смотрят на нее пустыми глазами, потом идут дальше. Она крепче прижимает к себе корзинку, поправляет Вуджигру на спине. Инстинктивно ищет взглядом Аклилу, потом переходит на новое место впереди. Ее всюду сопровождают новые взгляды и перешептывания. Хирут смотрит на свои ноги, стараясь не наступить на пятки тем, кто впереди. И на несколько минут вся колонна возвращается к нормальной маршевой рутине. Но потом Астер поворачивается, и колонна резко останавливается. Женщины расступаются, когда Астер шагает к ней. На Астер старая рубашка и бриджи Кидане, с ее узких плеч свисает накидка.

Хватит! кричит Астер. Я слышу всю вашу болтовню. Это ее вина. Она показывает на Хирут. Ее.

Хирут стоит одна в расширяющемся круге шепотков и тихого смеха. А потом они стоят лицом

к лицу. Под глазами Астер глубокие тени. Посередине лба проходит набухающая вена. Она тоже не спала ночь.

Он — мой муж. Ты понимаешь? Я знаю его, как не знает никто другой, говорит Астер. Она выравнивает на себе блузу, разглаживает смятые места, поправляет складки. Это один из признаков волнения, которые научилась распознавать Хирут. Именно так ведет себя Астер, когда пытается успокоиться.

Они стоят молча, и тишину нарушают лишь свист любопытной птицы, карканье ворона вдали, усталый рев осла.

Значит, теперь ты обзавелась сломанной винтовкой и считаешь, что можешь выкидывать какие угодно фортели? Астер хватает Хирут за плечи, сильно встряхивает; говорит она голосом тихим, а потому еще более угрожающим. Я видела, как ты на него смотрела.

Все другие женщины за Астер опустили глаза. Нардос подошла поближе. Ее руки беспомощно висят по бокам. Хирут делает шаг назад, ее руки уже не так крепко прижимают к телу корзинку. Винтовка соскальзывает с ее плеча. Мощные столбы солнечного света падают на вершины деревьев, создают иллюзию, будто на Астер наки-

нули марлю, углубляют осторожные морщинки вокруг рта женщины.

Я его убью, тихо говорит Хирут. Хотя ее голос звучит уверенно, эти слова опустошают ее.

Проблема в том, что ты считаешь себя единственной, вполголоса говорит Астер. Ты не подозреваешь, насколько ты заурядна. Потом она вытирает глаза тыльной стороной ладони. Если ты сделаешь что-нибудь во вред моему мужу, я тебя убью своими руками.

Она поворачивается спиной к Хирут и тащит за собой Нардос, марш возобновляется.

Глава 4

Пойманного эфиопа к нему ведут четыре бойца из охранения, четверо взрослых мужчин с трудом обуздывают изворотливого, непокорного пленника, который, кажется, верит, что сможет бежать, хотя его соплеменника застрелили на месте. Карло делает еще один глоток кофе, глядя, как бойцы идут по короткому подъему, отделяющему лагерь от этого высокого плато. Он приказал своим людям явиться к дереву с мощными корнями, стоящему в конце тропинки, которую его рабочие вскоре превратят в дорогу. Плато представляет собой плоское пространство на вершине горы, которую они заняли. На другой стороне поля два больших валуна возвышаются над головокружительной пропастью. Дальше виднеется клочок ровной земли, которую он приказал очистить от камней и где будет построена его новая тюрьма.

Карло вешает бинокль на шею и сдвигает солнцезащитные очки на голову, он чувствует накатывающую на него волну гордости. Он проверяет, застегнуты ли пуговицы на его рубахе, счищает пыль с ботинок. Проверяет, на месте ли пистолет. Одну вещь об Эфиопии он уже усвоил

довольно твердо: пленение абиссинца — это всегда нечто большее, чем пленение абиссинца: там, где есть один абиссинец, неизменно появляется и второй. А там, где их двое, там их великое множество. Тот факт, что он ничего не видит на этих холмах, вовсе не означает, что их там нет.

Кто-нибудь, скажите Наварре, чтобы присоединился к нам у дерева, говорит Карло. Он улыбается, думая об этом soldato, серьезном молодом венецианце, который явился в армию со своей фотокамерой. Потом он дает знак бойцам охранения идти вперед. Сюда, говорит он. И позовите Ибрагима, бросает он через плечо.

Эфиоп тщится порвать связывающие его веревки. Он моложе, чем предполагал Карло, но достаточно зрел, чтобы быть опасным. Он красив в косичках и белой рубахе: греческая статуя времен античности. Черный мрамор, обтесанный рукой опытного скульптора. Его жестоко избили, но костей не сломали, не видит Карло и колотых ран. Только распухший глаз и синяки на челюсти говорят о том, каким, вероятно, было знакомство этого эфиопа с бойцами охранения. Он улыбается, когда видит Ибрагима с остальными ascari и веревкой. Его солдаты двигаются быстро, выстраиваются в шеренгу. Наварра спешит занять

место рядом с ним, фотоаппарат висит у него на шее. Карло делает глубокий вдох. И вот — начинается.

Ибрагим отдает честь. Снабженческий грузовик скоро будет, синьор, говорит он. Ваша гостья тоже на подходе.

Пленный переводит взгляд с одного на другого, он больше не пытается вырваться. Он смотрит проницательным взглядом сначала на веревку, потом на лицо Карло, потом на дерево, потом на Ибрагима. Молодой человек глотает слюну, роняет голову. Он впадает в такую неподвижность, что охранники подходят к нему вплотную, крепче вцепляются в его руки, они готовы к неожиданностям.

Я готов, полковник Фучелли. Этторе Наварра быстро подходит к дереву, ремень камеры уже наброшен на его плечо, в руке катушка с новой пленкой. Потом он замирает, дыхание у него перехватывает, когда он видит веревку в руках Ибрагима.

Карло не торопится: у пленника поразительное лицо с прямыми скулами и проницательными глазами. Он смотрит в упор на Карло, вид у него вызывающий, непредсказуемый вид загнанного в угол боксера, бойца в ожидании решающего

удара. Карло подходит ближе к пленнику, сдвигает солнцезащитные очки на глаза. Он смотрит, наслаждаясь страхом и смятением молодого эфиопа; пленник ждет шума и насилия, он не знает, что ему делать с этим безмолвным, внимательным взглядом, изучающим его.

Наварра, говорит Карло. Ты немного научился амхарскому от ascari, вот тебе еще один урок: спроси у него, как его зовут. И помни, что я тебе говорил: если ты не можешь с ними говорить, то не можешь ими управлять.

У Этторе Наварры вид человека, который только что проснулся. Он делает глубокий вдох, оглядывает пленника, потом спрашивает на амхарском, потом на итальянском: Как тебя зовут?

Анбесса, отвечает без колебания молодой пленник. Симей Анбесса Новый.

Анбесса, говорит Ибрагим. Это означает «лев». Он, вероятно, из группы бунтовщиков, которые называют себя Движение сопротивления «Черный лев».

Карло снова смотрит на пленника. Сбоку на голове у него глубокий порез. И все же он полагает, что этот мачизм сработает. Жаль, говорит он Ибрагиму. Из некоторых могли бы получиться хорошие ascari, верно?

Пленный поворачивается к Ибрагиму и плюет на землю, он произносит слово, которое Карло понимает как «предатель». А может быть, оно означает «раб». Это слово часто повторяют эфиопы при виде ascari.

Ну, давайте кончать с этим, ragazzi, говорит Карло. Он берет у Ибрагима веревку, кладет ее себе на раскрытую ладонь. Он словно взвешивает ее в руке, наслаждаясь растущим страхом пленника, потом набрасывает на толстую ветку и смотрит, как она летит, потом наклоняется к бухте другой веревки на земле. Это длинная плотная веревка, способная выдержать вес человека, достаточно гибкая, чтобы завязываться в надежные узлы и обхватить худощавую шею. Карло улыбается, когда Этторе подходит поближе, чтобы сделать снимок, потом отходит в сторону. Поблизости в напряженном молчании стоят soldati и ascari. Болтающаяся веревка висит перед ними любопытным и тощим наблюдателем.

Когда Наварра заканчивает, на лицо Карло возвращается строгое выражение. Вы видите предотвращенное нападение, говорит Карло своим людям. Это означает, что где-то поблизости расположено целое подразделение, добавляет он. Если мы отпустим его, то тем самым будем

попустительствовать хаосу. Мы прибегаем к компромиссной мере. Насколько ты освоил их язык, Наварра? спрашивает у него Карло. Ты подходишь к местным и разговариваешь с ними, когда фотографируешь?

Я пытаюсь, синьор, но у меня плохо получается.

Эфиопы известны своей замкнутостью, ты это знаешь?

Они бывают несколько застенчивы, говорит Наварра.

С раны на голове пленника капает кровь, впитывается в плечо его рубашки, пятно увеличивается в размерах, словно знак различия. Его трясет, но он пытается скрыть это. Наварра не сводит с него глаз, и эфиоп сцепляется с ним взглядом, а Карло понимает, что кровь течет, потому что у эфиопа срезана часть уха. Ощущение тепла нарастает в желудке Карло.

Он кивает Ибрагиму. Будем начинать, говорит он.

Ибрагим и бойцы охранения подводят пленного к веревке. Белая рубашка абиссинца резко контрастирует с черной униформой солдат. Его травмы и сплетенные в косички волосы будут тонкой деталью, подчеркивающей дикость этих

людей. Наварра сделает немую сцену, в которой внимание зрителя будут привлекать синяки и кровь, намекающие на то, что еще грядет, ведь эта война далека от завершения. Карло достает свой пистолет, держит его в руке.

Слышно, как у молодого пленника перехватывает дыхание.

Ты знаешь, как управлять этими людьми, Наварра? спрашивает Карло. Одежда — важная подробность, soldato, говорит Карло. Они не боятся смерти, мы видели это в сражении. Они сами подставляются под пули, они думают, что мы в конечном счете опустим руки.

Молодой пленник откидывает назад голову и испускает протяжный, громкий крик, его голос разносится эхом и множится. Потом он весь свой вес переносит на бойцов, которые держат его, и те теряют равновесие. Он тянет их вниз, когда их уводит вперед, потом отрывает ноги от земли, и они превращаются в клубок костей и мускулов, отчаяния и смятения. Их ведет в сторону Карло.

Карло выбрасывает перед собой руку с пистолетом, прицеливается точно в грудь пленника, его палец уже на спусковом крючке, рот открыт, чтобы прокричать команду.

Colonello![75] Ибрагим отрицательно качает головой.

Карло делает шаг назад, по-прежнему крепко сжимая пистолет в руке. Это случилось так быстро, рефлекс, мотивированный одной старой атакой. Ужас, который никогда не оставит его, уверен Карло. Он улыбается, чтобы снять напряжение. Ты знаешь, что делать, говорит Карло Ибрагиму.

Ибрагим накидывает веревку на шею пленника. Эфиоп крепко закрывает рот, поднимает подбородок, начинает тяжело дышать через нос. Его грудь быстро сжимается и расширяется. В его глазах безумный свет, прилив паники, которая поглощает его, пока Ибрагим завязывает узел, он действует быстро и педантично.

Мягкие, нежные брызги солнца проникают сквозь листву, падают пленнику на плечи. Он моложе, чем казалось на первый взгляд. Молодой человек, все еще проходящий испытание на мужество.

Ascari испускают крик: Un soldato abissino! Абиссинский шпион! Они выкрикивают эти слова, как клятву. Un abissino! Абиссинец! Он пришел,

---

[75] Примечания: 75
Полковник (*um.*).

чтобы убить нас!

Этторе внутренне готовится к шуму и ярости. Пока ему удавалось сохранять спокойное лицо. Делать это теперь становится все труднее. В безоблачном свете неприкрытый ужас пленника привлекает soldati ближе к эпицентру зрелища. Вон Марио расталкивает толпу, чтобы пробраться в первый ряд. По пятам за ним следует, как зачарованный, Фофи, щеки его горят. Джулио двигается осторожно, его челюсти сжаты.

Полковник Карло Фучелли вытирает лицо платком, потом убирает его в карман. Наварра, сделай фотографию сейчас, говорит полковник.

Пленник словно по сигналу начинает кричать, голос у него на удивление низкий, он легко разносится по холмам. Этторе передергивает, он уверен: только что пленник четко произнес амхарское слово «отец» — аббаба.

Снимай, говорит Фучелли. Эти ребята не будут ждать долго. Его рот растягивается в язвительной улыбке, и он, довольный, складывает руки на груди.

Этторе щелкает затвором, осознавая, что пленник не смотрит в объектив. Он насмешливо смотрит на двигающуюся массу людей, требующих его смерти.

Фучелли без предупреждения выкидывает кулак в воздух. Ragazzi! кричит он. Сорок лет спустя после Адуа сыновья тех храбрецов вернулись! Он говорит громче. Для такого времени, как нынешнее, Soldati, Italiani, точно для таких времен, вот для чего мы здесь!

Глаза Фучелли горят гордостью. Этому должно быть свидетельство, говорит он Этторе. Он ждет, когда будет сделан снимок, после чего засовывает пистолет назад в кобуру. Фучелли берет веревку. Ибрагим, у тебя есть табурет? Этторе делает еще один снимок, а сигарета прыгает в уголке рта Карло.

Пленник обнажает зубы, а слова, которые он произносит шепотом, отяжелены проклятиями.

Переведи, Наварра, говорит Фучелли. Посмотрим, насколько ты хорош.

Он говорит, что убьет вас. Этторе удивлен тем, как легко слова становятся на свое место в его голове. Эти амхарские слова он узнал первыми: «Солдат. Я убить».

Бесполезный жест, тихо говорит Карло. Последние слова умирающего крестьянина, и он тратит их на меня. Хватит фотографий, двигаемся дальше.

* * *

Отец: когда тело поднимается само по себе. Когда оно тянется к небу и закидывает голову, чтобы поймать солнце. Когда ветер способствует восхождению тела и боги Олимпа склоняются, чтобы поймать бунтовской полет и остановить его. Когда мы, сильные, взяты в плен славой воскресения. Когда ни холод, ни жара, ни человеческий смрад не могут заставить нас отвести глаза. Когда темнокрылые птицы несут имя и опускают его на это обремененное дерево. Когда тело помнит свою вечную грацию и двигается против невидимых потоков. Когда оно поднимается из своей разбитой ракушки и отвечает на наш взгляд, все еще полный ярости и гордости. Это чудо, отец.

Глава 5

И вот они сидят в баре, который зарезервировал для них Фучелли, маленьком *тедж бете*[76] в центре Дебарка, здесь всего одна комната и крыша из рифленой жести. Несколько стульев и большой неустойчивый стол на земляном полу, поросшем лимонной травой, покрытом затрепанным ковриком. Конец долгого дня. Пленный все еще висит на дереве. Камера все еще висит на шее Этторе. Две экспонированные катушки с пленкой в кармане все еще царапают его ногу. Есть весомое свидетельство того, что он здесь, за пределами Гондэра, в этом *тедж бете* далеко от дома, все еще не может стереть из памяти образ отца, который заходит в бар в поисках ответов с пачкой фотографий в руке.

Этторе потирает голову. Он уже выпил несколько порций пива, и официантка приносит еще, но он слышит только голос отца. Тесный бар пульсирует властной энергией Лео Наварры и его голосом с акцентом, тем, которым он пользуется дома, где ничто не ограничивает его свободу

---

[76] Примечания: 76
Питейное заведение, специализирующееся на медовом вине.

слова, когда каждое слово из его рта — точно то, которое ему нужно:

Но разве ты ответил на мой вопрос, сын мой? Ты знаешь, что можно увидеть, если ты сидишь в темном баре без окон в центре африканского города и к тебе должна подойти девушка с бутылкой пива? Что ты увидишь, Этторе, если повернешься на своем стуле, а там Марио и другие, они манят эту официантку, которая идет к ним в своем эфиопском платье, опустив глаза. Скажи мне, это тело в тени или на свету? Помни, сын, что ты не дома. В этом месте нет поэзии. В этих стенах никто не смотрит благородным взглядом. Сын, ты, который здесь, в этом баре, наполненном солдатами, что сверлят глазами эту девушку, пока на дереве продолжает висеть молодой человек, что ты можешь сказать? Я скажу, что глаз удержит в себе образ освещенного тела лучше, чем образ затененного объекта. Я скажу, отец, что глаз имеет способность сохранять то, что видит, глаз алчен, глаз всегда будет искать и поглощать ту освещенную фигуру, которая стала видимой под воздействием хищного света.

Ты видел его? говорит Фофи. Ты видел, как он улыбался, даже когда я навел на него пистолет с земли?

Ты видел, как он старался казаться крутым и смотрел на меня, даже когда я тянул за веревку? говорит Фофи.

Ты снял меня рядом с его ногами, Этторе? говорит Фофи. Можно мы будем называть тебя Фото?

Все смеются, Марио громче всех, а Этторе кивает, он смеется, поднимает аппарат, наводит его на Фофи и говорит: Я теперь сниму мертвым тебя, и это забавно, отец, это шутка, и потому мы смеемся и проводим этот вечер за этим столом, шутим, корчим рожи, чтобы не слышать новых криков из деревень, их голоса — рябь, тянущаяся от горизонта до края земли. Потому что это война, отец. Это война? спрашивает Фофи, когда Марио покупает ему еще пива. Это даже не война, говорит Джулио, но он не смеется. И Этторе тоже заказывает пиво, и они смотрят, как официантка, двигая руками, балансирует с подносом, на котором стоят бутылки, а подойдя к их столику, она смотрит на фотоаппарат и говорит: Никаких фото, и Фофи снова смеется, показывает на Этторе и говорит: Никаких Фото, и они пьют пиво, а Джулио встает и идет к двери, осматривает улицу, и я был рад в тот день, отец, я был счастлив.

Когда они много лет спустя встретятся в Александрии, Этторе скажет знаменитому египет-

скому журналисту Хейраллаху Али, что каждое отступление от Дебарка в конце длинной, кровавой войны было облегчением. Он будет смотреть на блокнот, лежащий между ними в переполненном кафе близ порта, отрицательно качать головой и дрожать при мысли о том молодом пленнике, висящем на веревке, а Хейраллах наклонится к нему и скажет, но вообще-то вы мне почти ничего и не рассказали, мой друг, и возьмет свою авторучку и погрузится в ожидание. Этторе начнет сначала и повторит то, что говорил много лет: эфиопский пленник наводил на них страх, и иного выбора не было. Он жаждал убивать нас, хотя мы никому не желали зла. Это был инцидент, который мог плохо закончиться, но этого не случилось. Инцидент был крупнее одного пленника, или нашей части, или Фучелли. Мы должны были подавить мятеж, перемещавшийся из Годжама в Гондэр. Это могло закончиться схваткой. Хейраллах не записывает ни слова из того, что он говорит, а потому Этторе сделает паузу, а потом скажет тихо: Пленник наводил ужас, эти его глаза. Хейраллах взглянет на него и спросит: Правда ли то, что говорят про Фучелли? Он заставил вас делать фотографии этого эфиопа, пока сам многократно стрелял в него, чтобы

убить наверняка? И Хейраллах опустит ручку на бумагу и неторопливо будет выводить круги, держа голову внаклон и спрашивая: Или, может быть, то, что я слышал, — правда и в пленника стреляли вы?

Фото

Он — тело, висящее в неприглядной игре света. Фигура, деформированная послушными тенями. Он висит там в лучах умирающего солнца, удерживаемый деревом, клонящимся под его весом. Посмотрите на его голову, ее бутон курчавых волос, срезанное ухо, которое похоже на щербину в узкой челюсти. Вот что очевидно: жутко выгнутая шея, распухший хребет, сын матери, пришпиленный к зрелому предвечернему небу. Долина за ним сужается под жадными глазами облаченных в форму *ферендж*и. И кто они в конечном счете, если не другие сыновья других матерей и славное доказательство их бронетанковых амбиций? Вот что мы видим: мальчик на пороге зрелости, парящее в воздухе тело, взгляните, как он вытянулся на этой ужасающей веревке, обратите внимание на ноги, которые дергаются под собственным весом: узрите этот бунтарский силуэт, вращающийся на обжигающем солнце. И вот, увидьте его тоже: у самой кромки — автор

этой фотографии, вор, укравший это мгновение, вот он, почти вне поля зрения, видимый только по тени, тянущейся к висящим в воздухе ногам, темной фигуре человека в надежном фокусе, камера, направленная на это бесчестие.

Глава 6

Этторе смотрит на висящее тело, а другие продолжают веселиться у костра до следующего утра, на их веселье в этот раз присутствует полковник Фучелли. Этторе наводит объектив на голову и грудь повешенного в надежде уловить тот почти невидимый порог, который лежит между тем, что бросает вызов смерти, и тем, что ждет умирания. Распухшее лицо пленника обмякло. Шея согнута под неестественным углом. Из свежих ран на груди капает кровь. Его босые ноги вывернуты носками наружу, они слегка подергиваются в бездонном изгибе земли. На ветру кажется, что он вращается, пытается по спирали устремиться на небо. В нем нет ничего свирепого, но все же, когда Этторе становится на колени и делает еще одну фотографию, сердце его колотится так громко, что ему не разобрать слов Фучелли, который что-то громко кричит своим бойцам, чтобы им было слышно за нестройными звуками мелодий, издаваемыми различными гитарами и гармониями.

Чуть поодаль раздается нарастающий рев мотора. Грузовик. Музыка в лагере стихает.

Этторе встает и спешит назад в лагерь, видит

людей, смотрящих на грузовик «Фиат», который поднимается по петляющей дороге в гору. Грузовик двигается неспешно, почти лениво — странное вторжение, нарушающее безрассудный хаос. Фучелли проталкивается через толпу и становится впереди. Он оглядывается через плечо, его глаза горят, улыбка расползается по его лицу. Он зарумянился, чуть ли не сияет. «Фиат» приближается, и Фучелли салютует ему. На переднем сиденье два человека. Camionista[77] отвечает на приветствие с водительского места, из открытого окна высовывается его загорелая рука.

Водитель останавливается рядом с soldati. На пассажирском сиденье сидит эфиопка. Она потрясенно смотрит на дерево вдалеке, на повешенного пленника. Ее смятение видно даже сквозь блеск стекла.

Фифи, добро пожаловать, говорит Фучелли. Он подходит к пассажирской двери и открывает ее.

Все мужчины кланяются Фифи, когда она выставляет из машины свою длинную ногу, потом вторую. Она элегантно опирается на руку Фучелли, ступая на землю в своих черных кожаных туфлях. Она три раза, на традиционный местный

---

[77] Примечания: 77
Водитель (*ит.*).

манер, целует Фучелли в щеки, но не кланяется ему, как на глазах Этторе это делали многие гражданские местные. Ее спокойные черты тщательно выделены карандашом для бровей и губной помадой, она смотрит на него, словно оценивая на свой вкус, и в конце концов выставляет ему заработанный балл едва заметной улыбкой и кивком. Потом ее взгляд, минуя полковника и рассматривающих ее с открытыми ртами людей, снова останавливается на мертвом теле. Она умна и осторожна. Даже с того расстояния, которое отделяет ее от Этторе, ее поразительная красота очевидна.

Ты похудел, Карло, говорит она. Ее голос звучит мелодично, без усилий.

Но ты обо мне позаботишься, да? Полковник берет ее под руку и захлопывает за ней дверь машины. Он некоторое время медлит у грузовика, позволяя всем поглазеть на них.

Покрой ее платья подчеркивает достоинства ее фигуры — плотно обхватывает талию, свободно висит на бедрах и расширяется книзу. Платье изящно и свидетельствует о хорошем вкусе — платье женщины, которая уверена в своей красоте, но не чувствует нужды слишком навязчиво демонстрировать свои достоинства. Цвет платья

красный, насыщенный и сочный, эффектный, но без излишества. Платье дорогое, вероятно, пошитое на заказ, в декольте виден большой золотой крест, какие носят местные и не может себе позволить ни один итальянский солдат.

Мадонна. Голос откуда-то из группы глазеющих на нее солдат. До этого момента они разглядывали ее с безмолвным трепетом.

Фучелли, галантный и гордый, неторопливо идет с ней по полю. Он ведет ее к своей палатке, подальше от дерева, и она легко подстраивается под его шаг. Ее наманикюренные пальцы лежат на его руке в небрежной и в то же время собственнической манере. Утреннее солнце ласкает ее лицо теплыми лучами, гладит ее покатые скулы и заостренный подбородок. У нее большие глаза, такие светлые, будто наполненные слезами. Она в своем красном платье смотрит на них этими своими глазами и кажется слишком живой для этого места, чрезмерной во всем. Она самая красивая женщина, какую видел Этторе.

Soldato, una foto, говорит Фучелли, делая ему знак рукой. Он широко улыбается.

Когда Фучелли окликает Этторе, они с женщиной стоят спиной, чуть ли не прямо перед тем самым деревом, и, кажется, даже не замечают

этого. Этторе приходится изменить ракурс, чтобы в кадр не попали ноги, иначе будет казаться, что ноги висят прямо над головами Фучелли и Фифи.

Фифи соблазнительно приникает к плечу Фучелли, ее губы чуть искривляются, не обнажая зубов. Полковник стоит напряженно, его согнутая в локте рука словно перила для ее хрупкой ладони. Этторе наводит на резкость, подстраивает диафрагму к свету, но все равно знает, что женщина слишком ярка для простой фотографии. Она больше подходит для картины маслом на самом большом холсте.

На счет три, говорит Этторе. Он считает вслух, и когда он уже готов нажать на кнопку, Фучелли меняет выражение лица — улыбка исчезает, появляется строгий взгляд с прищуром. И уже сделав снимок, Этторе переводит взгляд с камеры на Фифи и видит легкое выражение недовольства на ее губах. Теперь она серьезна, даже рассержена.

Что происходит? спрашивает она. Кто это? Она смотрит на Ибрагима и других ascari, потом на Фучелли. Потом она поворачивается к пленнику. Ее рука взлетает к сердцу, потом ко лбу.

Фучелли наклоняет голову набок. Ты приехала одна?

Они обмениваются продолжительными взгля-

дами. Это вызов, думает Этторе, возможно, испытание со стороны Фучелли. Фифи смотрит на свое платье, разглаживает юбку. Она с трудом восстанавливает самообладание.

Моя горничная в грузовике, говорит Фифи. Она машет camionista, и тот подходит к заднему борту грузовика, чтобы выпустить женщину.

Горничная Фифи — ее полная противоположность. Она коренастая, у нее маленькая круглая голова, повязанная шарфом. Она не без труда выбирается из кузова, потом поворачивается, при виде дерева отшатывается назад. Она раскачивается из стороны в сторону, и от этого движения колеблется длинная юбка ее платья: сначала уплощается, потом раздувается на ее дородной фигуре. Руки горничной висят по бокам, у ног стоит сумка из мешковины. Она кивает, но не может оторвать глаз от тела.

Она откуда? Фучелли подозрительно разглядывает женщину.

Я недавно нашла ее на рынке. Фифи подходит к женщине, берет ее под руку. Потом подводит пальцы ей под подбородок, чтобы отвлечь ее внимание от дерева. Ее жесты мягкие, ласковые. Она прекрасная повариха, говорит Фифи, подводя женщину к Фучелли. Ты ведь хочешь, чтобы

я осталась у вас, а я не могу каждый день есть макароны.

Итальянский Фифи идеален, почти без малейшего африканского акцента. И говорит она на нем с удивительной легкостью. Горничная смотрит на Фучелли, но ее взгляд постоянно возвращается к дереву.

Скажи ей, пусть смотрит на него сколько хочет, тихо говорит Фучелли. А на тот случай, если у нее в голове есть какие-нибудь идеи, скажи ей, что так я поступаю со шпионами.

Она просто крестьянка, старая рабыня, говорит Фифи.

Их всех обучают, кем бы они ни были, говорит Фучелли. Крестьяне, рабы, фермеры, знать, шлюхи. У него на лице появляется жестокая улыбка. Я приказал поставить тебе отдельную палатку. Она будет не с тобой, ей я поставлю другую.

Потом они поворачиваются в сторону палатки полковника, служанка идет в нескольких шагах позади них, она время от времени поворачивается, чтоб посмотреть на мертвое тело и на ascari.

Поднимается слабый ветерок, закручивает пыльные вихри вокруг ног Этторе. Прохлада сгущается в воздухе. Еще час-другой, и начнет подкрадываться темнота, а у эфиопов появится

возможность отомстить.

Глава 7

Пленник висит там весь день, а когда солнце закатывается за горизонт, легкий ветерок принимается гулко стонать на холмах. Этторе нащупывает нож, вставляет в камеру новую катушку с пленкой. Фучелли приказал ему заснять дерево на фоне изменяющегося света и заверил его в полной безопасности. На дороге у подножья холма усилено охранение. Дополнительные часовые стоят на постах, наблюдают — не готовит ли враг в каком-нибудь месте атаку. Не считая восьмерых человек у дерева, в нескольких шагах от него расположились в качестве подкрепления еще четверо. Этторе опирается о бревно, которое притащил от кострища, и скрещивает ноги. Ландшафт пульсирует красками умирающего дня. У него в кармане лежит аккуратно сложенный лист бумаги, подготовленный для письма родителям, которое он собирается написать, когда для фотографирования станет слишком темно. Он попытается, не нарвавшись при этом на цензуру, расспросить о том, как идут дела дома. Не все письма проверяются, но немалое количество попадает на стол цензора. Он должен найти способ

спросить, правда ли, что отец может потерять работу, есть ли у них проблемы с подтверждением их итальянского происхождения, правда ли, что перепись собирается пересчитать всех евреев, живущих в Италии. И, мама, хочет написать он, как быть, если мы никогда не были религиозными людьми, если мы с папой верим только в то, что видим своими глазами?

Он работает, пока позволяет свет. Дерево он использует в качестве задника. Он смещается, чтобы выделить висящее тело, потом замыливает его за резкими очертаниями каски, поставленной на камень в виде реквизита. Он подходит так близко к телу, что в фокусе остаются только мертвые руки. Потом он делает фотографию, на которой в центре внимания мозолистые ступни босых ног. По мере работы его состояние меняется с неловкости и нежелания на тихую убежденную уверенность: это лучшие из фотографий, какие он когда-либо снимал. Он ни минуты не сомневается в этом, и на миг этого знания ему достаточно, чтобы не замечать охранение: солдаты смотрят в его сторону, озадаченные его дотошными действиями. Позднее яркая луна позволит ему завершить еще одну серию фотографий.

Из этого состояния забытья его выводит полков-

ник Фучелли, который, поднимаясь по короткому склону, закуривает сигарету. Полковник делает глубокую затяжку, а потом выпускает воздух с длинной нитью дыма. Он машет.

Ты это видел? Полковник Фучелли достает из кармана сложенную телеграмму. Они пытаются разделять итальянцев и местных даже за пределами крупных городов? Это что — мы не сможем жить с нашими женщинами в горах? Я не смогу совокупиться с местной женщиной под страхом тюрьмы? Он смеется. Пусть только попробуют. Фучелли смотрит на него и кивает, когда Этторе поднимается на ноги.

Я что-то слышал об этом, синьор, говорит Этторе. Он стряхивает землю с формы. Эта новость пришла из Асмары, слух, подтвержденный водителями грузовиков. В Массаву прибывает пароход, полный итальянских проституток. А еще было сообщение о грядущем увольнении из университетов профессоров-евреев и офицеров-евреев из армии, этот декрет объявляет вне закона всех иностранцев, ищущих итальянского гражданства, запрещает евреям появляться в общественных садах, на пляжах.

Новости из Италии тоже дурные, добавляет Этторе. Потом замолкает.

Фучелли смотрит в папку. Как только страна начинает строить империю, ей нужно определить, кто есть кто. Полковник разглядывает его так долго, что Этторе становится не по себе. Ты не причащался у священника, когда он приезжал, говорит полковник.

Не причащался, синьор.

Ты не ходишь на мессу, не молишься перед едой. Полковник улыбается, видя удивление Этторе. Я все замечаю, soldato, в особенности если речь идет о тех, кто играет важную роль в задании. Оба родителя евреи?

Этторе ошарашенно смотрит на него. Я не верующий, говорит он. И мои родители тоже. Мы просто итальянцы, и только.

Все во что-нибудь да верят, soldato. И мне все равно, что Рим решает делать в Италии, говорит Фучелли, мы здесь для того, чтобы победить в войне. Они начинают с местных, потом перейдут на нас, других итальянцев. Полковник стряхивает пепел с горящей сигареты. Тебе придется подходить к этому с умом. Мы должны держаться друг за друга.

Часовые ходят близ дерева. Их фигуры теперь превратились в стройные силуэты, что расхаживают по сгущающейся тьме.

У меня хорошие солдаты, говорит Фучелли, но то, что делаешь ты, — это кое-что другое. Он раскидывает руки отрепетированным, как кажется, жестом. Древние римляне оставили нам свои тексты и картины. Свои статуи. Мы оставим после себя фотографии и пленки. Он кладет руку на плечо Этторе, сжимает его. Фучелли смотрит на дерево, потом на часовых неподалеку. Возвращайся в свою палатку, Наварра, говорит он. Здесь больше делать нечего. Знаешь что, пойдем-ка вместе.

Шаги. Хрустят под ногами тонкие ветки. Других звуков нет. Карло опускается пониже в траву, он все еще скрыт темнотой и кустарником. Он смотрит в бинокль на трех эфиопов, которые уставились на тело, висящее на дереве. Это сильные, стройные мужчины, освещенные неяркой, окутанной облаками луной, облака погружают остальную часть территории лагеря во мрак и дают ему безопасность. Часовые по его приказу ушли передохнуть. Выставленная им дополнительная охрана отпущена на ночь. И только полковник Карло Фучелли отваживается сидеть один на этом клочке земли неподалеку от превосходящих его по численности врагов. Карло сильнее вжимается в землю, пытается выбро-

сить из головы память о ливийских сражениях, бенгазийских всадниках и боевых кличах, от которых у всех офицеров в Триполи мурашки бежали по коже.

Один из эфиопов держит тело за ноги, другой залезает на плечи третьего, чтобы перерезать веревку. Нож аккуратно рассекает воздух, длинное серебряное лезвие сверкает в лунном свете. Тело тяжело оседает в руки человека с ножом. Тишину пронзает слышимый ох — человек с трудом удерживает тело, прижимает к себе, словно ребенка, а тот, что внизу под ними двумя, прогибается и чуть не падает под возросшим весом, потом выравнивается с помощью товарища. Они действуют эффективно, бесшумно, наконец тело оказывается на земле, шея все еще растянута в ее ужасной петле. Они становятся на колени вокруг тела, двое из них склоняют головы. Третий проводит рукой по лицу мертвеца, целует его шею, кладет свою голову на неподвижную грудь, словно желая услышать биение сердца. Потом он обнимает пленника, раскачивается с ним, наконец его мучительный стон переходит в звук плача взрослого человека.

Глава 8

Спасибо, Карло. Им необходимо было его похоронить, говорит Фифи, сидящая на табуретке рядом с его кушеткой. Она обнимает свои колени, ее голова закрыта согнутыми в локтях руками. Это первые слова, которые она сказала ему с того момента, когда после приезда повернулась к нему спиной и вошла в его палатку, нарушив их давнее соглашение о том, что она никогда не будет входить в его рабочее место без него. Она раскачивается туда-сюда, ее колено ударяется о его ногу при каждом ее движении. Карло отстраняется и смотрит на нее. На ней традиционная одежда. Волосы сплетены в косички, как у местных женщин. Помада и карандаш вокруг глаз стерты. Он видит в ней крестьянку, какой она была прежде: Фавен из Гондэра, поразительная красавица с северного нагорья. Молодая женщина, которая пришла в Асмару, чтобы стать *шермутой, вишимой* — проституткой: Фифи, необыкновенно красивая дама, пользующаяся успехом у некоторых из умнейших, храбрейших итальянских офицеров, каких когда-либо знала Италия.

Карло расшнуровывает ботинки, усталость высокой, тяжелой волной накатывает на него. Он стонет от облегчения, шевеля пальцами ног, потом поднимает взгляд, отмечая краем глаза какое-то движение. Женщина, сопровождающая Фифи, сидит, ссутулившись и накинув на плечи одеяло, неподалеку от его палатки, ее призрачный силуэт действует на него раздражающе.

Пусть она перейдет в свою палатку. И почему она все время молчит?

Я здесь не в безопасности, говорит наконец Фифи. Ты повесил этого… этого пленника, а это означает, что эфиопы будут готовить атаку на тебя. Ты знаешь, что они сделают со мной, если поймают. Она закрывает голову руками, словно защищаясь от удара. Ты нарушаешь закон, приглашая меня. Местная женщина с итальянцем… я не могу остаться, Карло.

Он вытаскивает рубашку из брюк, слыша пение снаружи, а служанка продолжает сидеть, как туша, укрытая одеялом, она слушает каждое слово.

Тебя будут охранять, говорит он, понижая голос. Я обеспечу твою безопасность. А Рим слишком далеко от нас, чтобы его декреты имели здесь какое-то значение. Он снимает носки и начинает расстегивать рубашку, потом снимает ее

и аккуратно складывает, разглаживая рукава и воротник. Он выворачивает носки наизнанку, вытряхивает из них грязь, потом выворачивает назад, кладет их на рубашку. Потом он стаскивает с себя нательную рубашку, сначала разглаживает, потом тоже складывает. Он находит утешение в этой ежевечерней процедуре, хотя его одежда и грязна. Купаться или мыться в реке небезопасно, и его люди остаются пленниками лагеря, пока он не будет уверен, что очистил район.

Ты не знаешь этих *арбегночей*, говорит Фифи.

О, я их знаю, говорит он. И они бунтовщики на итальянской земле. Он смотрит на нее, сидя с прямой спиной на краю своей койки, его ладони плоско лежат на коленях, на нем остаются только брюки.

Она медленно поднимается на ноги, оглядывает его стол, беспорядочную груду бумаг на нем, несколько патронов, бинокль. Лицо у нее осунувшееся, глаза красные и распухшие. То, что ты позволил им похоронить тело, не отменяет нападение. Только оттягивает его, говорит Фифи.

Он опирается на руки, откинувшись назад. Скажи этой женщине, пусть идет к себе, и смотри на меня, когда я говорю.

Она встает, разворачивается и выходит, ее

движения тщательны, неохотны. Она говорит с женщиной куда как более нежным голосом, чем он когда-либо слышал от нее прежде.

Старшая женщина отвечает ей вопросом, тон у нее ровный, с ноткой неодобрения.

Фифи улыбается и кивает, потом говорит «да» по-амхарски с типичной эфиопской модуляцией, отчего это слово становится меньше похожим на слово, а больше — на резкий вдох.

Кухарка тяжело поднимается на ноги и уходит. Теперь Фифи становится перед ним, усталость снова оттягивает вниз ее рот, ее руки, сжатые в кулаки, висят по бокам.

У тебя твои телохранители, у меня — она, говорит Фифи.

Даже без карандаша и помады ее красота излучает сияние, но за этими прекрасными глазами — мысли, которые она тщательно скрывает. Он воображает их сотнями, тысячами, все эти летучие клочки информации, которые могли бы помочь ему разгадать разум местных.

Не думаю, что от нее может быть много проку. Карло закидывает назад голову и смеется. Как, ты говоришь, ее зовут? К тому же здесь ничего не происходит без моего ведома, добавляет он. Я могу обеспечить твою безопасность. Он ложится

на кушетку, закладывает руки под голову. Слабый свет пробивается через полотно, заблудшая звезда, думает он, или пробившийся луч луны, но никак не вражеский сигнал к атаке.

Она просит, чтобы ее называли просто кухаркой, говорит Фифи. Она проводит рукой по лицу, задерживает пальцы на щеке, выглядывая наружу. Он видел этот жест у многих местных женщин, этакая недолгая пауза перед измученным вздохом.

Я не понимаю.

Il cuoco, говорит Фифи. Кухарка. Я понимаю, это странно. Она говорит, что ее похитили ребенком, заставили работать на одну семью. Она не пожелала назвать им свое имя. Так что она просто кухарка.

Тебя зовут Фавен, а теперь ты Фифи, говорит он. Каждую вторую официантку в Эритрее и Эфиопии зовут Мими. Что такое с твоим народом и их именами?

Я не могу оставаться здесь, Карло, после того, что ты сделал. Она стоит между его ног, ленивая натренированная улыбка стирает заботу из ее глаз. Она ногой откидывает в сторону его ботинки и наклоняется к нему. Целует кончик его носа, потом прижимает свои мягкие губы к его. Они

будут атаковать, я в этом не сомневаюсь.

Ты остаешься, говорит он, обхватывая ее за талию и прижимая лицо к ее животу. Я обеспечу твою безопасность. Я предоставлю тебе лучшего телохранителя, какого ты выберешь сама.

И, кстати, этот бесполезный закон говорит, что я отправлюсь в тюрьму, если нас поймают. Не ты. Только итальянские мужчины. Он усмехается. Ты в безопасности. Я приставлю к тебе десять ascari, чтобы охраняли тебя.

Она издает короткий, быстрый смешок. Ascari? Кого именно? Твоего верного Ибрагима?

Он заглядывает ей в лицо. Он сделает то, что я ему скажу.

Она снова наклоняет свою голову к его, и он чувствует в ее дыхании коричный запах чая, который она любит пить. Я уезжаю, повторяет она. Она устремляет взгляд на пятно близ ее ноги, ее рот обретает те самые недовольные очертания, которые были у него, когда она вошла сюда. Одна ее рука — в волосах, рассеянно расплетает концы косичек. Молчание тянется и начинает досаждать им, притягивает его ближе к ней. Я не могу здесь оставаться, говорит она.

Может быть, все дело в том, как она сутулится, уходит в себя, сидя рядом с ним на кушетке. Или

в беспорядке, в котором пребывают ее косички. А может быть, в том, как она скрещивает руки, кладет ладони себе на плечи, словно ей стало холодно и страшно одновременно. А может, дело в странной яркой луне, лучи которой проникают через ткань палатки, делая всю обстановку внутри видимой для ночи. Карло не может объяснить, что заставляет его обнять ее и снова прижать к себе. Он не склонен к таким проявлениям нежности, но он делает это автоматически, управляемый одним только этим жестом. Он не знает, что скажет, если она попросит его объяснить теплое чувство, растущее в его груди, когда она кладет голову ему на плечо, потом переносит свое лицо вплотную к его, щека к щеке, ее жар переходит на его лицо и обосновывается в центре его головы, и у него не остается никаких воспоминаний о других ночах до этой.

Она встает, отходит от него на шаг, снимает с себя платье через голову, роняет рядом с собой. Она делает это молча, словно они пришли к пониманию. Словно он точно знает, что делать, когда женщина, которая только что отказывалась подчиняться ему, снимает с себя платье и стоит недвижно, словно изящное дерево, укорененное в тихих водах. Карло берет ее платье и прижимает

к груди. Он вдыхает ее запах, грубовато-едкий, с оттенком парфюма, и его желудок закручивается узлом. И только тогда он поднимает глаза.

Даже почти год спустя после того дня, когда он впервые увидел ее в офицерском клубе в Асмаре и решил, что готов потратить любые деньги, чтоб купить ее время, он все еще теряет голову, видя ее, это сияние коричневого и золотого, играющее на ее коже. Он хочет опустить глаза, словно не видит ничего особенного, словно злится, словно она не стоит перед ним нагая, а ее стройное тело не выбрито до последнего волоска, если не считать волос на голове. Он должен вести себя умно и отказывать ей, пока она не скажет, что остается. Он понимает, что́ она делает, но он уже много недель, много месяцев не смотрел на других женщин — только на нее. Он избегал местных борделей и отказывался от услуг итальянских проституток, присланных из Рима. Он отворачивался от безупречных и оглушительных эфиопок, эритреек, сомалиек, суданок и египтянок в офицерских клубах между Массавой и Аддис-Абебой. Он ждал Фифи, потому что нет никого, подобного ей, нет никого, кто вел бы себя так, словно она не предоставляет услугу, а оказывает любезность. Нет никого, кто сидел бы

всю ночь и говорил с ним на итальянском, равным его собственному. Ни одна другая женщина не осмеливается спорить о деталях оплаты так, словно она на дипломатических переговорах. И в то же время за этим лицом, за этими линиями, за этими гибкими мышцами есть еще и острый ум, который скрывает больше, чем показывает.

Она говорит на своем языке, сообщает ему что-то на свой ласковый лад, и ее голос напоминает песню. Он пытается ловить те слова, которые успел узнать, изучая амхарский. Он слышит только одно: «дом», *беит*, casa.

Ты куда-то уплыл, говорит она, улыбаясь. Она рисует крохотные кружочки на его затылке, потом опускает руку, чтобы помассировать чувствительные места у основания его черепа.

Воздействие моментальное и сильное: он чувствует, как напряжение покидает его, вихрем выходит из его головы, вытягивая за собой все мысли, кроме мыслей о женщине перед ним. Он соскальзывает на колени, проводит руками по ее талии. Он заводит руки ей за спину, чтобы прощупать ямочки на ее пояснице, потом обхватывает ее ягодицы. Он медленно заводит руку между ее ног, потом вводит в нее палец. Он поддается иллюзии, будто эта женщина стоит в середине

его ладони, в его власти. Он поднимает взгляд. Ее голова откинута назад, из ее горла доносятся тихие стоны.

Один из моих людей будет всегда сопровождать тебя, говорит он. Ты нужна мне здесь.

Он закрывает глаза и воображает, как она ведет его в Аддис-Абебу, показывает на горизонт, предупреждает о знаках приближающейся атаки. Он воображает, что она лежит под ним, выдает ему коды и секреты, делает это так, чтобы ее слова были понятны только ему. Он воображает, как они поднимаются по ступеням в Риме, в Венеции, в Брешии, в Калабрии под восторженные крики толпы. Он воображает вспышки камер, микрофоны, кинохроники с его портретами. Она трется о него, принимает его все глубже, голова у него кружится, он впадает в исступление. Вскоре он перейдет в состояние оцепенелой эйфории, он не воспринимает ничего, кроме звука ее голоса, называющего ее имя, он готов ко всему, включая атаку.

Он берет себя в руки, прогоняет туман из головы. Ты остаешься со мной, говорит он. Он резко встает на ноги, нажимает ей на плечи, он делает это грубее, чем нужно.

Она падает на колени перед ним с удивленным

вскриком. Он хватает ее за волосы, притягивает ее лицо к своему животу, потом еще ниже, чувствует ее губы, ее тепло. И входя в ее рот, он чувствует этот восторг, знакомый прилив воли, могущества и силы, принадлежащих ему. Он не в силах остановиться, он отдается наслаждению, его охватывают трепет, восторг и экстаз, наконец ноги перестают его держать, он падает на кровать, увлекая ее за собой, они двигаются вместе.

Глава 9

Хирут возится с одним из раненых, когда лагерь погружается в тишину. Она поворачивается. Сеифу, Аклилу и Хаилу поднимаются по склону холма со своей ужасной ношей. Рядом с Сеифу идет Марта, прижимает руку Тарику к своему животу. Все согнуты грузом скорби и усталости. И когда Кидане и Астер бросаются к ним, настаивая на том, чтобы заменить родителей, Хирут ставит свою корзинку, готовясь помочь и пытаясь преодолеть собственную усталость. Она работала без перерыва — ухаживала за ранеными в отсутствие Хаилу. Она не спала две ночи, бинтуя раненых и замешивая порошки. Она присутствовала при последних вздохах тех, кто был слишком испуган и не мог отпустить ее руку. Она поддерживала тех, кто не мог выносить мучительную боль своих ран. Все это начисто лишило ее каких-либо эмоций, погрузило в яму изнурительной усталости. Но ничто из этого не подготовило ее к встрече с безутешной матерью, прижимающей к своему чреву мертвую руку.

Вдали бомба взрывает горизонт, врываясь в надвигающуюся ночь. Когда группа, несущая

Тарику, проходит мимо нее к пещере Сеифу и Марты, Хирут поворачивается назад к раненому, которого перевязывала. Она должна закончить с этой раной, прежде чем присоединится к ним. Она пытается противостоять накатывающей волне головокружения. Она накладывает свежие бинты, глотая воздух, чтобы прогнать грызущий ее голод. Изнеможение отупляет ее, и она, закончив, плетется к скорбящим, обнимает Марту за плечи. Она произносит короткую молитву о Тарику, потом отпускает Марту назад — в объятия Сеифу, а потом направляется к своей кровати, чтобы поспать и затем снова взяться за работу.

* * *

Хирут резко просыпается, чувствуя прикосновение к плечу, потом руку у себя на спине.

Потом его голос: Маленькая, вставай.

Кидане тащит ее, наконец ей не остается иного выбора — только встать. Хирут тянется к своей Вуджигре, но он отталкивает винтовку ногой. Он накрывает ее рот рукой и шепчет ей в ухо: я тебе не сделаю ничего плохого. Не шуми, Хирут. Не шуми, закрой свой рот. Закрой его.

И вот почему она плетется в лес безмолвная и с пустыми руками. Он быстрым шагом идет

впереди, держит ее за руку, тащит за собой, сворачивает в одну сторону, в другую, швыряет ее на землю, когда она изо всех сил пытается вырваться. Она ничего не видит сквозь эту темную путаницу, сквозь эти кусты, сквозь листья, бьющие ее по лицу. Он останавливается, только когда они оказываются перед грудой листьев, и тогда поворачивает ее и прижимает к себе в объятии.

Маленькая, говорит он. Тебя трясет. Чего ты боишься?

Она не может говорить. Слова не имеют веса, нет языка достаточно крепкого, чтобы спасти ее. Она ничего не может сделать.

Я не сделаю тебе ничего плохого.

Он нажимает ей на плечи, давление все усиливается, пока не подгибаются ее колени, она теперь вынуждена сидеть на земле и смотреть на него.

Все в порядке. Его голос повисает в этом колодце кошмара. Все в порядке, прекрати плакать, все хорошо. Он становится перед ней на колени, берет за руки. Видишь, я же не делаю тебе ничего плохого? Он целует ее запястья, потом упирается ей в плечи, пока она не падает навзничь, после чего он взгромождается на нее.

Ее платье вздернуто выше бедер. Его дыхание

учащается. Сова выворачивает шею в другую сторону, чтобы не видеть их. А потом она не слышит ни одного звука, который убедил бы ее в том, что она жива. Вот почему она смотрит на его окаменевшие черты и открывает рот: потому что больше ей делать нечего, больше ей ничего не остается. Даже речь бежала, освободилась от нее. У нее не осталось ни тела, ни сердца, ни языка, ни дыхания. Только огонь, бурлящий внутри, дрожащий, как сжатый кулак, бьющийся ей в горло, ползущий в ее голову, вытягивающийся в ней так, что прошлого не остается. Будущего не остается. Нет времени вне этого места. И вот почему Хирут берет в руки его лицо: чтоб держать что-нибудь, не принадлежащее ей. Чтобы развернуть что-нибудь в свою сторону. Вот почему она сильнее сжимает его лицо ладонями и впивается ногтями в его голову.

Он замирает и говорит: Назови мое имя, скажи мне мое имя, произнеси его.

Хирут, лишившаяся слов, вместо этого пытается нырнуть в волну безразличия. Она делает это потому, что он не оставляет ей ни выбора, ни шанса, ни надежды, ни выхода, а еще потому, что у нее никогда не будет верных слов, чтобы проложить себе путь прочь из этого мгновения.

И поскольку сказать ей просто нечего, никаких слов не осталось, Хирут открывает рот. Поначалу это издевка над самой собой, над своей пустотой, но потом ее рот раскрывается шире сам по себе, из глубины горла в ее голову поднимается пузырь. А потом она зевает. Это одновременно нелепо и роскошно. Шок и потрясение. Это кулак, раскрывающийся и расширяющийся в ее теле, долгое, протяжное дыхание, опаленное и выкованное ненавистью.

Он охает, словно оступившись. Словно он вдруг сломался и теперь сгибается пополам. Словно этот открытый рот и пузырь воздуха начали убивать его. Хирут видит его удивление, видит, как оно оставляет след в его глазах. Он так перепуган, что его нижняя челюсть отвисает, а дыхание прекращается, и пока все, что он может сделать, — только охнуть еще раз. Хирут в недоумении моргает и щурится. Она вытягивает губы, готовит их, потом медленно открывает рот и видит, как его передергивает, словно от отвращения. Она закрывает рот, потом снова открывает: это заряженная винтовка, которой она машет перед ним.

Перестань, говорит он, смущение коробит его лицо. Он закрывает глаза, но слишком поздно. Он

уже обмякает.

Она ослабляет челюсть и снова открывает рот. Он теряет твердость, выходит из нее, но не может найти способа разъединиться с ней. Он оказался в ловушке собственной страсти, которая привязывает его к ней, в капкане временного стыда удивления.

Она делает глубокий вдох, выгибает шею назад, она скрывает свое изумление тем, насколько послушно ее тело, как оно строго выполняет любую команду.

Хватит, говорит он, но это слабый приказ, неуверенный в себе.

Хирут, вдохновленная, пытается скинуть его с себя, но он лежит на ней тяжелым, упрямым грузом. Он неловко прижимается к ней, снова обретая уверенность, и начинает все сначала. Она смотрит на него, на стреляющие глаза, расслабленный рот, сомнение, заползающее на сильные плоскости его лица. Она немеет. Она в ужасе. Она беспомощна. Она в ярости. Она вмещает в себя все эти свойства, которые находят путь наружу и превращаются в пузырь, начинающий раздуваться. Она делает еще один глубокий вдох и на сей раз без труда позволяет зевку, округлому и жесткому, вырваться наружу. Этот зевок раздвигает ее че-

люсти, заставляет закрыть глаза. Он расцветает сладостным отдохновением среди ужаса.

Он пытается проникнуть в нее, но уже слишком поздно. Он не может не замечать полного безразличия на ее лице, а Хирут отказывается отворачиваться. Потому что теперь она видит: трещинки в твердости, крошащаяся основа обнажает его слабости, которые все время были в нем, только ждали, когда она их обнаружит, он всегда хотел от нее только сопротивления, еще одного сражения, которое он может выиграть.

Кидане вскакивает на ноги. Он лягает ее, осыпает проклятиями, натягивая брюки. Ты еще пожалеешь, что родилась, говорит он.

Хирут садится, она ждет, когда ее ноги перестанут дрожать, когда живот перестанет вздыматься, когда высохнут слезы, когда к ней вернется речь. Она упрашивает себя встать перед ним и объявить себя солдатом, найти слова, которые дали бы ей твердую почву под ногами. Но она окоченела, беспомощная, она онемела, ей не раскрыть рта. И она сидит, пока он собирается, отирает лицо, еще раз проклинает ее, а потом уходит прочь. Она сидит там в грязи собственного тела, испуганная и разозленная на него за его настойчивое стремление выживать. Наконец она встает

и идет назад, спотыкается и взмахивает руками на грани паники. Выхода нет. Она не может выбраться из этого — только через сражение. У нее нет иного выбора — только стать солдатом, взять свою Вуджигру и навести ее на врага, и надеяться на милосердие собственной смерти.

Глава 10

Им придется поступить с Тарику так, как они поступали со всеми другими мертвыми телами: похоронить его без церемонии, в темноте, на неприметной земле. Церкви стали легкой добычей самолетов. Кладбища бомбят преднамеренно. Могилы у Тарику не будет, его похоронят на неосвященной земле. Все придется делать так же, как делается многое на этой войне: быстро и эффективно.

Они сдались, говорит Кидане, показывая в сторону последней деревни, которая отказала им в проведении похорон Тарику на своей земле. Он кладет руку на плечи Сеифу, а Сеифу хватает за руку жену. Они сидят вокруг костра и смотрят, как Хаилу подбрасывает ветки в огонь. Кидане продолжает: Они решили, что лучше спрятаться и жить, как трусы. Он мечет взгляд на Хирут, произнося эти слова. Я не могу в это поверить. Он роняет голову на руки. Где мы его похороним?

У них за спиной Миним, опираясь на большой камень, играет скорбную мелодию на своем *краре*. Этот кроткий музыкант вел процессию к месту захоронения, он же шел впереди, когда они

возвращались в лагерь, и ни разу его инструмент не дал сбоя.

Они испуганы, тихо говорит Аклилу. Они боятся репрессий. Они устали хоронить близких, они не хотят, чтобы их близкие исчезали, потому что эти итальянцы обвиняют их в том, что они прячут и кормят нас. Они не чувствуют себя в безопасности, и они не вооружены, а эти *ференджи* платят им, чтобы они сражались с нами. Им нужна наша помощь, но получается так, что помощи просим у них мы.

Аклилу опускает глаза, избегая встречи со взглядом Кидане. Несколько мгновений Хирут думает, что Аклилу сейчас скажет ей что-нибудь, но он вместо этого подвигается к ней поближе и откашливается, когда Кидане смотрит на них обоих и хмурится. Она чувствует его озабоченность, крепнущую силу его молчаливого отказа оставить ее, несмотря на то что его место всегда было ближе к Кидане. Над их головами гуляет прохладный ветерок, плывет непрерывное треньканье *крара* Минима. Он дергает струны так легко, что те издают звук, подобный мучительному шепоту.

Что ты мне сказал? голос Кидане звучит пугающе тихо. Мы их не защищаем как следует? Ты это

мне говоришь?

Давайте убьем этого Фучелли, и точка, говорит Сеифу, протирая глаза и держа жену за руку. Чего мы ждем?

Марта прижимается к нему, лицо ее искажено страданиями. Он обнимает ее, теснее привлекает к себе, и на мгновение утрата так переплетает их, что они кажутся Хирут одним телом, которое распухло от скорби.

Кидане поднимается на ноги, становится над Аклилу.

Издалека доносится шум еще нескольких приближающихся самолетов, звук нарастает, потом начинает затихать.

Вот почему Хирут поначалу даже не замечает Кидане. Но потом он разводит руки и наклоняет голову, пока не превращается в фигуру, которая сваливается в темную бездну, летит против сильного ветра. Она прижимается к Аклилу и чувствует, как он приникает к ней. Равновесие.

Скажите мне вот что: я свободен? Он делает разворот, оглядывая всех, потом останавливается. Почему ты мне не скажешь, храбрый Аклилу, я свободен?

Все взгляды снова устремляются на Аклилу. Кидане постукивает себе в грудь согнутым пальцем

и снова задает этот вопрос. Хотя на его лице все еще вопросительное выражение, она чувствует в его взгляде намек, обвинение, которое он кидает и ей.

Что делает меня рабом этих *ферендж*и? Кидане ударят себя ладонью в грудь. Как я могу быть их слугой в моей собственной стране? С чего вы взяли, что капитуляция — вещь приемлемая? Мы — эфиопы! Он широкими шагами идет к Аклилу.

Аклилу и бровью не ведет, и это пугает Хирут больше, чем ярость Кидане.

Император уехал, деджазмач Кидане, спокойным тоном начинает Аклилу. Для них на этом все кончается. Они не могут сражаться без лидера.

Что кончается? Что кончается, если человек не может даже как полагается похоронить своего сына? Если мать не может проститься с ребенком без надлежащего благословения?

Астер с резким звуком втягивает в себя воздух.

Кидане наклоняется и тычет пальцем в грудь Аклилу. Он швыряет слова ему в лицо: Что кончено?

Кидане кипит от гнева. Он готовится дать полную волю своей ярости; он выпускает на свободу гнев, который выпустил бы на Хирут, если бы не подвергся унижению. Он рычит себе под нос

с глубоким отвращением, которое должно оставить отметину на ближайшей цели.

Деджазмач, они покончили со смертью и убийствами, говорит Аклилу. Он говорит с тем более упрямой настойчивостью, тем неподвижнее становится, чем ближе к нему наклоняется Кидане. Он сидит так прямо, что его спина едва ли не выгибается. Они убивали и умирали, когда верили в сражение, спокойно продолжает он. Но они не верят в вас. Или кого-то другого. Аклилу смотрит перед собой, над плечами людей, он вглядывается в горизонт, затянутый туманом. Они верят в императора. Мы никогда не вели войны без нашего лидера.

За плечом Кидане Миним прижимает к груди свой *крар*, слушая Аклилу, как зачарованный. На нем его потрепанная, плотно завернутая *шамма*. Он перестал играть, и в тишине, спустившейся на это взволнованное собрание, раздается вой одинокого волка; они смотрят на Кидане, ждут, что последует дальше. Аклилу лишил их душевного спокойствия.

Императора здесь нет. Кидане отшвыривает ногой лежащий на земле прут, потом подбирает его. Ломает и крутит в руке. Мягкий серый свет ложится на его черты и обволакивает его сосре-

доточенный взгляд. Но я здесь. Мы здесь.

Но нас недостаточно, говорит Аклилу.

Кидане поворачивается к Миниму и смотрит на далекие холмы, в сторону места, которое обрушилось в длинную линию горизонта. Облака разносятся ветром, и на мгновение яркая луна накрывает их всех яркими лучами света.

Ну ты же должен знать, правда? говорит Кидане, не глядя на Аклилу. Ты наверняка читал это.

Он вытаскивает из своей сумки старую газету. Разворачивает ее и нежно разглаживает лик императора на ладони. Он протягивает газету Аклилу, и Хирут сразу же догадывается, что это за газета. Она видела, как Кидане смотрел на эту самую фотографию, когда сидел дома у себя в кабинете. Эту газету он когда-то хранил у себя в столе вместе с картами, газета была развернута, и серьезное лицо Хайле Селассие смотрело на все, происходящее в этих стенах.

Аклилу подносит газету ближе к глазам, чтобы получше разглядеть лицо императора. Вы же знаете, деджазмач, я не умею читать. Я воин — я родился воином.

Хирут наклоняется, чтобы еще раз увидеть фотографию. В руке Аклилу голова императора

кажется маленькой и хрупкой, складки газеты искривляют его нос и рот. Она столько раз видела эту фотографию, когда убирала дом, что ей кажется, она могла бы нарисовать каждую черту, каждую ямочку лица Хайле Селассие. Он посторонний, но знакомый, словно блудный родственник, возвратившийся из долгих странствий.

Миним начинает играть в напряженной тишине. *Крар* медленно заявляет о себе, заглушает голос Марты, которая шепчет имя сына. Музыка *крара* становится громче, когда повышается ее голос, потом, когда она роняет голову на плечо Сеифу, стихает. Хирут, как зачарованная, смотрит на Минима. Он отвлек их внимание от разгорающегося конфликта, этот тихий человек, который редко говорит, который носит свой инструмент так, словно это его единственный спутник. Она смотрит на него, ее заворожила мелодия, взлеты, которые он делает, когда ноты скачут вверх, а потом падают, скатываются в горловой стон. Она его толком и не замечала прежде. Он был просто Миним, тихоголосый человек со странным именем, означающим «ничто».

Она отмечает его тонкий, длинный нос, изящество скул, которые придают ему хрупкий

и благородный вид. У него удлиненное лицо, широкие скулы и заостренный подбородок под длинными густыми кудрями, которые падают ему на лоб, закрывают уши. Он человек, знакомый ей. Знакомый и незнакомый. Она быстро переводит взгляд на фотографию в газете, потом снова на Минима.

Он похож на него, шепчет она Аклилу. На Джана Хоя.

Что? Аклилу оглядывается.

Он похож на него, на Джана Хоя, на императора, повторяет она и показывает на Минима. Она замолкает, когда Кидане сердито поворачивается к ней, и вздрагивает.

Кидане выхватывает газету, подносит к глазам. Потом отводит на расстояние вытянутой руки и прищуривается. Потом складывает газету так, чтобы осталось только лицо императора. Он подходит к дереву и, наклонившись, смотрит на Минима.

Миним поднимается на ноги, прижимая к себе свой *крар*. Его нервный палец проходится по струнам, и нестройные звуки падают, словно раненое животное.

Кидане разглаживает фотографию и подносит ее к лицу Минима. Переводит взгляд с фотогра-

фии на Минима, с Минима на фотографию.

Что? спрашивает Астер. Что там?

Кидане, ошеломленный, наклоняется над испуганным Минимом. Посмотри хорошенько, говорит он.

Аклилу внимательно смотрит на Минима. Я не понимаю, говорит он наконец.

Поговорим у меня в пещере, говорит Кидане. Приведи его.

* * *

Миним, говорит Кидане, голос его звучит благодушно, как в тот день, когда он говорил Хирут, что ему нужна ее Вуджигра. Ты похож на императора, тебе кто-нибудь говорил об этом? Кидане великан рядом с хрупкой фигурой Минима.

Хирут чувствует волну жалости к Миниму, а когда он садится на корточки, она без размышлений бросается к нему и прикасается пальцами к его руке.

Все хорошо, говорит она.

Миним просовывает палец в дыру в своей поношенной рубахе. Пламя свечи отбрасывает его тень на стену позади него. Когда Кидане подходит к Миниму, чтобы поднять его на ноги, его собственная темная тень преобразуется в угро-

жающую фигуру, сливающуюся с Минимом.

Он испуган, деджазмач, тихо говорит Аклилу.

Ты что думаешь, я собираюсь его бить? голос Кидане звучит пугающе громко в тесном пространстве.

Но что мы можем с этим сделать? спрашивает Сеифу. Какое отношение это имеет к Фучелли?

Кидане отталкивает Хирут в сторону и обнимает Минима за плечи. Начинает говорить с ним утешительным тоном. Мои отец и мать рассказывали мне истории о царских тенях, говорит он. У императрицы Зевдиту, когда она вела свои армии, даже была ее собственная, царицына тень. Наши вожди не могли одновременно находиться в разных местах, поэтому у них были двойники.

Он? говорит Астер, показывая на Минима. Он простой крестьянин.

Миним отрицательно качает головой. Пожалуйста, деджазмач, могу я идти?

Кидане теснее прижимает его к себе. Ты поможешь нам выиграть эту войну, говорит он. О тебе сочинят истории, которые будут рассказываться грядущими поколениями. Лицо Кидане оживилось от возбуждения, стало ярким и нетерпеливым. Он сделался выше, прежняя ярость ушла.

Но что он умеет? Он не солдат, говорит Астер. И ты еще женщинам не разрешаешь сражаться. Она горько смеется.

Кидане кивает Сеифу. Нам нужна одежда, оружие, все, что сможем найти. Астер, ты знаешь кого-нибудь, у кого могли остаться вещи Джана Хоя?

Господи боже, ты всегда делаешь то, что хочешь. Но она подходит к Миниму, измеряет пальцами ширину его плеч, потом расстояние от плеч до талии, потом становится на колени и измеряет расстояние от талии до щиколотки. Она делает это быстро и старательно, подражая движениям портного. На свадьбе Зенебворк, говорит она, император был почти моего роста, может, чуточку ниже. Она кивает. Они приблизительно одного роста.

Аклилу смотрит на Хирут. Ему понадобится телохранитель, говорит он. Человек, которому можно доверять. Может быть, такой человек, который сумеет вдохновить кого-нибудь из деревенских помогать нам, вдохновить женщин. *Веизеро* Астер, продолжает Аклилу, Хирут с этого момента может оставаться при нем. У нас сейчас недостаточно мужчин. Он смотрит на Хирут, потом на Астер. Ей нужно будет переехать поближе

к нему.

Девушка? Но потом Астер неуверенно кивает. Конечно, говорит она, потом прищуривается и смотрит на Кидане. Она будет с ним. Потом еще раз смотрит на Минима и газету. Я не верю, тихо говорит она. Не могу поверить.

Глава 11

Еще до рассвета мальчик будит Хирут и Минима и ведет в новую пещеру, в которой, как сказал Кидане, они теперь должны оставаться. Хирут с трудом успевает за ними. Ноги Хирут словно вывихнулись, разбалансировались после ее недавней схватки с Кидане. Она все время была не в себе после того первого раза, когда он пришел за ней. Ее тело не принадлежало ей, и она временами не могла понять, что двигает ею от зари до темна. Теперь она пытается спешить, смущается, когда Миним останавливается, чтобы она догнала его.

В пещере Аклилу Астер и Кидане смотрят на стопку одежды у своих ног. Короткая свеча дает слабый свет. В тусклом мерцании Хирут различает красный зонтик из бархата с золотой вышивкой, цвет у него яркий, как от прикосновения солнца. В идеальный плоский квадрат сложена форма цвета хаки, она лежит на камне рядом с парой кожаных ботинок и черной фетровой шляпой. Кидане держит черную накидку и идеально выглаженную рубашку. Даже в этом тусклом свете рубашка отливает такой белизной,

что Хирут может смотреть на нее, только быстро моргая. Воротник и манжеты выглажены в острые треугольники, глянцевые, как ножи.

Нам это дал советник императора в районе. Некоторые из вещей, которые он оставил в Дэссе — вероятно, он предполагал вернуться, говорит Аклилу. Он берет военную форму и начинает раскладывать ее. Потом протягивает Миниму.

Миним садится на корточки и отрицательно качает головой. Его внимание приковано к большой накидке, которая раскачивается на руке Кидане, словно от потустороннего дуновения.

Он не может сидеть вот так, говорит Астер. По-крестьянски. Она делает движение рукой в его сторону. А говорить он умеет?

Мы должны сделать это, прежде чем проснутся остальные, говорит Кидане. Когда мы будем готовы, она проведет его по Дебарку. Потом, если все получится, мы перейдем в Дабат и двинемся дальше. Он говорит с Аклилу через голову Астер. Его челюсть напряжена, глаза прищурены, он разглядывает Аклилу, ищет чего-то, и это заставляет Аклилу распрямить спину. Смотри, чтобы она все не погубила.

Аклилу встряхивает форменный мундир, потом прижимает его к груди. Плечи у́же, чем у него,

стройные, мальчишеские. Он кладет мундир, поднимает брюки, прикидывает их размер, потом протягивает Кидане. Все подойдет, говорит он. Это невероятно, как подарок судьбы, добавляет он. Без твоей идеи все это было бы невозможно, Хирут.

Аклилу кивает Хирут и смотрит на нее с таким воодушевлением, что ей приходится опустить голову.

Подготовь его, говорит Кидане Астер. Ты хочешь быть солдатом — вот что это значит. Он кидает брюки в ее направлении и выходит, Аклилу идет следом.

Астер смотрит на Минима. Надень его, говорит она Хирут. Я подожду снаружи.

Хирут, не очень понимая, что ей делать, выглядывает из пещеры — не летят ли черные птицы в пепельное небо, в утренние облака, тонкие, как дымка. Она ощупывает тонкий материал брюк, ощущает их легкость, видит, как плоско лежат мастерски прошитые швы. Странно выглядят форменные брюки в ее руках со шрамами, с грязью под ногтями, с царапинами, происхождения которых она не помнит. Накидка лежит на мешковине на земле, поверх нее лежит поражающая своей белизной рубашка с многочисленными пу-

говицами. Она боится прикоснуться к чему бы то ни было, боится оставить пятно, которое выдаст ее и Минима как самозванцев. Она протягивает брюки Миниму, и какая-то часть ее опасается, что сейчас сюда войдет император и прикажет арестовать ее за измену.

Миним прижимает брюки к груди, обводит их нервным взглядом. Он ласкает брюки цвета хаки, он приходит в трепет от их совершенства.

Это не для меня, говорит он наконец. Он отрицательно качает головой и смущенно смотрит на нее. Не мне это носить.

Она видит, как за входом в пещеру рассеивается туман на горизонте, обнажая росистую траву. Высокие кактусы и кустарники с белыми цветами образуют на поле асимметричные фигуры. За ближайшим холмом ревет осел, а маленький мальчик криками приветствует своих коз. День начинается, и на мгновение все так, будто ничего не изменилось.

Это вам, говорит она и отступает на шаг. Никто другой не может это сделать. Я виновата, добавляет она. Это была моя идея, но я никак не думала…

Но я не смогу это сделать, говорит Миним. Я приму избиение, все, что он решит сделать со

мной. Я это приму. Но это я не могу. Он стучит себя по груди. Я знаю, кто я, добавляет он. Я Миним.

Мы должны исполнять приказы. Она делает глубокий вдох и выпрямляется. Мы солдаты, добавляет она.

Я знаю, что случилось, выпаливает он. Он привел тебя близко к тому месту, где я сплю. Я знаю.

Сердце у нее ёкает.

Мы солдаты, повторяет она. Ее губы дрожат.

Я всего лишь музыкант. Моя мать назвала меня Ничто, Миним. Ты знаешь почему? Потому что у меня был старший брат, он умер, а после него что осталось? Я всего лишь музыкант, ничего больше. На этом месте он резко замолкает, пытается взять себя в руки. Потом он показывает на шрам на ее шее. Это он? тихо спрашивает Миним.

Она опускает глаза, чтобы он не проник в ее тайны. Вы должны одеться. Должны, иначе я вернусь на прежнее место. Она замолкает и смотрит в его глаза, на нежность и сострадание в них. Пожалуйста, говорит она.

Наконец он кивает и начинает облачаться в царские одежды.

Миним бездвижно сидит на лошади Кидане, красный зонтик сложен и лежит поперек его богато украшенного седла. От его вида в форме

дух захватывает, его накидка черна, как ночь, его полированные ботинки так сияют, что чуть ли не кажутся влажными. Он копия выцветшей фотографии, император Хайле Селассие явился к ним с отросшими волосами, лохматой бородкой и плечами, сутулящимися в вогнутую грудь. Он являет собой образ человека, побывавшего в боях и вернувшегося к жизни, помятого и чуть выцветшего, но сохранившего твердость, его сопровождают солдаты по имени Астер и Хирут, они стоят по бокам от него, пример для всех эфиопских женщин.

Все будет в порядке, шепчет ему Хирут, но при этом смотрит перед собой, туда, где Аклилу и Кидане погружены в разговор, показывают то на Минима, то на долину внизу.

Скажи ему, пусть сидит прямо, говорит Астер Хирут. Напомни ему о том, кто он теперь.

Миним ерзает в седле и вздыхает. Его так трясет, что медали на его мундире раскачиваются.

Вам нужно только сидеть в седле, говорит ему Хирут. Ей приходится напомнить себе, что нужно перестать похлопывать его по руке. Мы все будем стоять в тени вашего света, добавляет она и повторяет то, что сказала ей Астер: Находиться в присутствии императора — все равно что стоять

перед солнцем. Ты должен уважать его власть даровать тебе жизнь и сжечь тебя заживо. Сидите прямо, Миним.

* * *

Лошадь Кидане, Адуя, галопом скачет из Дебарка в Дабат, из Дабата в Гондэр, из Гондэра в Азезло, в Ворету и в Годжам, белый всплеск на разбомбленном, разоренном ландшафте. Слухи начинаются с секретного письма, отправленного Кидане священникам, в письме сообщается, что лошадь — знак скорого прибытия императора. Из сорванных церковных дверей новость распространяется по всем рынкам и домам, набирает силу истины: едет император. Император никогда нас не покидал. Он появится перед нами и объявит, что победа близка. Жители деревень каждое утро выходят из своих лачуг и пещер поискать взглядом на горизонте белую лошадь. Пастухи и фермеры показывают на мерцание солнца и перья тумана как на доказательство божественной помощи. Собираются толпы, перешептываются, взволнованно ждут появления императора.

Хирут проводит рукой по сплетенной в косички гриве Адуи. В лошадиный волос вплетены

красные бархатные нити, на которых болтаются янтарные камушки. Они улавливают утренние лучи, когда животное трясет головой, они пускают теплые зайчики на новую форму Хирут, подражая созвездиям ярких звезд. Хирут оглядывает себя и в очередной раз удивляется тому, что видит. Она одета как боец из Кебур Забанги[78], боец элитной императорской армии. Ее мундир и брюки были вручены ей Астер с необычным для той радушием, они сидят на ней как влитые. Винтовка, которую Аклилу взял у убитого итальянца, висит у нее на плече, чистая и отполированная. Она готова присоединиться к процессии, которая представит Минима жителям деревень, собравшимся в долине Ченнек, окруженной горами Сымен; известие о скором приезде императора распространилось за два дня с помощью скороходов и барабанов, небеса вибрируют от ритмичных хлопков исступленных рук.

Она прикасается к своей груди, ощущает биение сердца, которое бешено колотится под мундиром цвета хаки. Последние дни она жила, трясясь от страха, не могла уснуть, она так боялась не выполнить свой долг, что маршировала всю ночь,

[78] Примечания: 78

Кебур Забанга — в переводе с амхарского «Почетная Гвардия» — императорская гвардия в Эфиопской империи.

пока Астер спала. Она тренировала походку с высоким подъемом ноги, как у императорской гвардии, пока ноги у нее не начали болеть. С каждым шагом она угловато размахивала руками. Она научилась резко поворачивать голову в одном направлении, потом в другом, повторяла это снова и снова перед суровой и безжалостной Астер, пока та наконец удовлетворенно не кивнула. Астер не отходила от нее с самого начала этой миссии, она вся отдалась обучению Хирут правильному протоколу и манерам, и даже Аклилу и Сеифу приходили по вечерам посмотреть, зачарованные тем количеством мелочей, которые она должна была выучить.

И все это для одного человека? сказал Аклилу. Но разве он не такой же человек, как мы? прошептал он в какой-то момент, но гневный взгляд Астер заставил его замолчать.

Утреннюю тишину взрывает восторженное улюлюканье. Адуя натягивает поводья, громко ржет, пытается вырваться из крепкой хватки Хирут, которая ждет, когда появятся Аклилу и Сеифу, когда барабанщики и певцы займут свои места, когда начнется марш на вершину холма, чтобы она могла провести императора, держа его красный зонтик, защищая от солнца, которому

далеко до этого человека.

Вот все, что возможно, думает Кидане, ошеломленно глядя на Минима, который прямо и высоко сидит на Адуе. Ему приходится напоминать себе, что перед ним не император. Кидане низко кланяется ему и поднимает голову к небу. Он закрывает глаза от сверкания утреннего солнца. На мгновение ему кажется, что он видит очертания лица мертвого сына, парящие где-то за пределами его видения, облако, исчезающее под напором раннего ветерка. Он хочет протянуть руку и сказать ему: Сын мой, мой Тесфайе, я не знал, что это возможно. Я не знал, что мы можем переходить эту узкую тропу между живыми и мертвыми. Я не понимал, что мы можем вызывать человека туда, где раньше было просто пустое пространство. Тесфайе, *лидже*, мы можем заделать эту брешь между мертвым и божественным, найти способ сделать их одним целым.

На вершине холма, где у него за спиной терпеливо ждут Аклилу, Сеифу и Астер, Кидане хочет протянуть руки, взять в ладони лицо мальчика и просить у него прощения: Я не знал, шепчет он. Кидане берет винтовку и держит ее перед собой. Он салютует Царю Царей. Он выкрикивает все имена императора, чувствуя, как земля трясется

под ним, когда жители деревни в долине внизу подаются вперед, чтобы лучше видеть. Он вполголоса говорит призраку своего сына: Я все это время думал, что потерял тебя, что воссоздать тебя невозможно ни в какой форме. Я все это время думал, что для меня нет надежды. Затем Кидане поворачивается, чтобы распахнуть руки высоко на вершине холма, и этим жестом он собирает вместе всех своих людей и удерживает в одном объятии.

Он здесь, наше солнце, наш император, говорит он им.

Кидане смотрит на поле, видит, как падают на колени жители. Император едет на белом коне, которого ведет его женщина-гвардеец. Кидане оценивает ее форму, ее гордую выправку, ее яростный вызов — и видит свое искупление.

* * *

Хирут не может охватить взглядом всю толпу разом. Они повсюду — на окружающих холмах, на крутых склонах, они рассеялись по другим плато. Их тихие молитвы то звучат, то смолкают равномерными волнами, усиливающийся глухой рокот голосов в ожидании становится все напряженнее, и все это время от времени пронзают

взрывы криков. Аклилу и Сеифу рядом с ней, они выглядят впечатляюще в своей форменной одежде, заполненные патронташи красуются на груди. На Кидане его головной убор и накидка, на лице свирепое выражение. Рядом с ним Астер кивает собравшимся, на ней форма с пистолетом в кобуре на поясе. Они окружают Минима, они его охрана, и когда Кидане отходит в сторону, давая возможность императору выехать вперед, толпа охает.

Потом на долину опускается тишина.

Они хотят, чтобы мы верили, будто наш император оставил нас, говорит Кидане. Они хотят, чтобы мы верили, будто они убили всех наших воинов.

Утренний свет ровно падает на его лицо, обнажая яростную энергию его глаз.

Они хотят, чтобы мы оставили надежду и отдали им нашу землю. Они хотят думать, будто вы, которые остались, старики и крепкие телом женщины, не можете противостоять их армиям без нашей помощи.

Кидане поворачивается и широким жестом словно привлекает Хирут к себе. Посмотрите, кто здесь, чтобы сражаться вместе с вами. Обратите внимание на его охрану, этих женщин, кото-

рые к тому же воины, солдаты, дочери нашей императрицы Таиту, которая когда-то вела сорокатысячную армию против этих *ференджи*, когда они в первый раз вторглись в нашу страну сорок лет назад. Неужели вы забыли вашего благословенного вождя, дочери Эфиопии?

Хирут кидает мимолетный взгляд на Минима и приструнивает лошадь. Миниму неловко, стыдно, его голова опущена. Поднимите, говорит она, поднимите голову.

Миним делает вдох, его глаза закрыты, но он выпрямляет спину. Он поднимает подбородок, откашливается, а когда снова открывает глаза, Хирут обнаруживает, что смотрит на императора, и ей приходится уронить голову и отвернуться, чтобы избежать его царственного взгляда.

Хирут, говорит Кидане голосом, который разносится по всей долине. Покажите им, кто охраняет императора. Пусть они увидят, что женщина будет вести в бой и сражаться, как и все остальные.

Хирут выходит вперед, отказываясь встречаться взглядом с Кидане. Она смотрит в долину и говорит вполголоса, Я солдат, благословенная дочь Эфиопии, гордый телохранитель Царя Царей. Она снимает винтовку с плеча и поднимает

над собой.

В тот день не ужас, а радость сотрясает деревья. Не ядовитый дождь, а невыносимое благоговение заставляет кричать подданных императора. Когда император поднимает руку, чтобы благословить своих возлюбленных подданных, они выкрикивают его многочисленные имена: Джан Хой, Аббатачин, Хайле Селассие, рас Тэфэри Мэконнын. Они переплавляют звуки в ритм радостной молитвы под взглядом Минима в образе Царя Царей. Хирут, безмолвная и потрясенная, возвращается на свое место рядом с ним, она чувствует, как переполняется ее грудь, она покорена этим проявлением преданности и страсти.

Было так, скажет она позднее, будто они любят и меня.

Глава 12

Карло снова наполняет свою чашу вином и устраивается на кушетке, тупая боль поднимается по его позвоночнику в голову. На кровати разбросаны новые карты, на которых показаны недавно построенные или строящиеся дороги. На коробке рядом с ним лежит расписание поездов, а на нем — ждущая его немедленного внимания тревожная телеграмма, в которой его просят подтвердить слухи о возвращении в Эфиопию Хайле Селассие, о возвращении на те самые холмы, где разбит лагерь Карло.

Тебе принести кофе? спрашивает Фифи через дорожку, которая разделяет их палатки.

С того места, где он сидит, хорошо видно ее и ее служанку — они пьют кофе перед ее палаткой.

Он качает головой и подается назад на тот случай, если и она его видит. Спасибо, не надо, говорит он, продолжая наблюдать за ними.

Они представляют собой неожиданную пару: Фифи, яркая и роскошная красавица, и эта угрюмая женщина в бесформенном хлопковом платье с тряпкой на голове. На ее лице та лоснящаяся гладкая патина черной кожи, которая появляется,

когда человек слишком много времени проводит под солнцем, морщины почти не видны. Возраст ее, как и у многих местных, определить трудно, только глаза, настороженные и усталые, выдают ее годы. Он смотрит на телеграмму. Рим озаботился этой крестьянской выдумкой о возвращении императора. Только недавно появилась его фотография в его английской резиденции в Бате. Эти слухи не имеют под собой никаких оснований. А вот что действительно случилось и на что следует обратить внимание, так это сообщение о нескольких нападениях на строительные площадки близ Азезо. Железнодорожные пути, ведущие в Аддис-Абебу, снова были разрушены, причем далеко на севере — близ Аксума. И все это происходило на общем довольно спокойном фоне — никаких бунтов ни в одном из этих районов. Эта страна полна призраков, а его просят вести с ними войну.

Карло отирает пот сзади на шее. Его волосы чрезмерно отросли. Он чувствует, как начинает зудеть его зачаточная борода. В последние два дня местные жители против обыкновения не приносили тыквенных бутылей с водой, и он не позволял своим людям купаться в реке, опасаясь атаки. Усиливающиеся запахи начинают рас-

пространяться по лагерю. Он берет телеграмму и теперь видит, что к ней прикреплена еще одна — напоминание всем офицерам, что бланки переписи, которые вскоре будут присланы, должны быть заполнены и отправлены назад как можно скорее. Карло швыряет вторую телеграмму на подушку — напоминание поговорить с Наваррой; его опять раздражает эта назойливость последних действий Рима. Здесь, в Африке, есть только два типа людей: местные и итальянцы. Все прочие различия только создают помехи, но эти бюрократы хотят осложнить жизнь переписью, которая только вызовет разлад среди его людей.

* * *

Этторе подходит к границе лагеря, идет дальше по территории, где располагаются ascari, он игнорирует любопытные взгляды, неожиданное прекращение разговоров и смеха. Он идет все дальше, папка с заполненными бланками переписи оттягивает руку; наконец он понимает, что держит путь к мертвому месту, где прежде висел пленник. Этторе уходит в сторону от дерева и садится на краю плато, он машет строительным рабочим, закладывающим неподалеку фундамент будущей тюрьмы. Громадные рулоны

колючей проволоки лежат в пространстве между двумя крупными камнями, за которыми открывается глубокое ущелье. Доски и груды соломы ждут, когда их превратят в стены. Он приникает спиной к камню и собирается с мыслями. Полковник Фучелли предупредил его о грядущей переписи. У него нет выбора — только заполнить бланк максимально полно. Я могу тебе гарантировать, что в бланке не будет графы «атеист», сказал ему Фучелли. Для меня ты итальянец. Заполни как надо и верь мне, добавил полковник. Верь моей любви к этой армии.

Он достает камеру и видит, что у него остался один кадр, а потому смотрит в видоискатель на долину, потом на холм. Он поворачивается со своей камерой и видит горничную Фифи, которая подходит к дереву и садится. Веревка-душитель все еще свисает с высокой ветки. Служанка наклоняется, словно не осознает, где она, и начинает выдергивать траву и цветы, нюхать их. Она ищет что-то, разглядывает корни выдернутого, она ничего не замечает вокруг. Свет падает на нее плоским серым полотнищем, выровненным по краям дымкой тумана, и он точно отмеряет расстояние, кадрирует ее на фоне дерева, находит ракурс, чтобы не было видно веревки, ловит тра-

ву вокруг нее и каменистую землю за ее плечами. Он поднимает камеру достаточно высоко, чтобы было видно присутствие бескрайнего неба. Затем он щелкает затвором и видит, как она вскидывает голову, потревоженная почти неслышимым звуком. Он предполагает, что она встанет на ноги и повернется в его сторону, а когда она не делает этого, он облегченно вздыхает и продолжает наблюдать. Она выдергивает траву с комьями земли, тщательно все просеивает, ищет что-то, заставляющее ее морщить лоб.

* * *

Она только делает вид, что не замечает его. Она, которая знает, каково это, когда тебя не замечают, когда отодвигают в сторону, чутко ощущает давление взгляда, хищную руку наблюдения. То, что она сидит под этим деревом, отнюдь не чистая случайность. Тут остался кусок веревки, который висит, раскачиваясь в тумане. Она осознает прежний вес, груз, который держала на себе эта веревка: имя, которое теперь возродилось в ее памяти. Она сидит, потому что ее постепенно охватывает ярость, которая знает о своей беспомощности. Тарику, шепчет она. Сын Сеифу и Марты, живи вечно в памяти. Но

еще она ищет корни, и просеивая землю, она повторяет эти имена, потому что еще она знает потребности и желания мужчины, знает, сколько объятий и ночных визитов может вынести женщина, прежде чем ее тело затяжелеет. Она знает о процентах и о вероятности, о месячных циклах и неизбежности. Она понимает переменчивость случая. Она точно знает: то, что взято у одного дня, не прибавляет ничего к следующему. Правая рука необязательно раскроет то, что прячет левая. Кровь может, злоумышляя, давать жизнь или забирать ее, может убивать и благословлять, подтверждать каждый месяц место женщины в мире или отрицать его. И потому она срывает и собирает травы, чтобы Фифи могла покончить с тем, что растет внутри нее, и восстановить равновесие.

Глава 13

Две пожилые женщины облачены в черное. На головах у них черные шарфы, и они медленно бредут в лагерь, сгорбленные годами и подпираемые посохами.

Фучелли, мы должны увидеть Фучелли, говорит одна из них дрожащим голосом, ее слезящиеся серые глаза оглядывают лагерь, поле, приближающихся *аскари*. Нам было видение, и оно о мертвом мальчике. Где он?

Этторе замирает на своем пути в столовую за еженедельным пайком. Они представляют собой странное зрелище, которое кажется тем более странным, что они хотят увидеть полковника. Они могут быть близнецами, их лица рассечены одинаковыми морщинами, которые оттягивают тощие щеки и одинаковые, словно затянутые пленкой, глаза.

У нас были сны о Фучелли и мертвом мальчике. Он должен делать то, что мы скажем, чтобы избежать проклятий, повторяет старуха. Она кашляет и показывает пальцем на одного из нескольких *аскари*, которые бросаются к ним из любопытства и страха.

Эмама, говорит высокий *аскаро*, кланяясь ей. Наш вождь сейчас придет, подожди. Он дает знак остальным отойти, и даже soldati, которые начали собираться, предвидя спектакль, освобождают место. Почему ты здесь? Ты колдунья, *тенкуай неш*?

Женщины теперь в середине сужающегося круга, мужчины протискиваются к центру, от зачарованности и страха у них замирает дыхание.

Мы знаем, его зовут Тарику, этого мертвого мальчика, говорит старуха. Она смотрит на свою спутницу, та задумчиво кивает. Тарику, который также называет себя Анбесса. Ибрагим подходит к толпе, он напряжен. Тарику, повторяет он. Они сказали Тарику? Это имя рябью проходит по толпе.

Искра вспыхивает в глазах Ибрагима. Этторе подходит к нему и передвигает камеру себе на грудь. Он чувствует смятение Ибрагима, что-то скрывается в этом наползающем напряжении, что-то важное и резкое, отчего он вздрагивает и поворачивает голову.

Что тут за разговор про Фучелли? спрашивает Ибрагим. Возвращайтесь в свою деревню, мы не верим в такие штуки.

Был мальчик, который умер здесь, и он не на-

ходит себе покоя. Это нехорошо, говорит старуха. Она кивает своей подруге, которая качает головой и поднимает на Ибрагима такие же бледные, как у ее спутницы, глаза.

Сын Ахмеда, ты знаешь, за нами правда, говорит вторая женщина. Она протягивает руку, чтобы прикоснуться к его щеке, но он отступает, явно потрясенный.

Кто им сказал? Ибрагим обводит взглядом своих ascari. Кто назвал им имя моего отца?

Мы здесь, чтобы увидеть Фучелли, повторяет первая женщина. Твой вождь *ференджи* забрал Тарику, и он должен обрести покой.

Несколько ascari смеются и переводят другим. Вокруг Этторе гулко звучат несмолкающие голоса, и вскоре в круг прорываются другие итальянцы, некоторые проталкиваются, чтобы встать за спиной Ибрагима и посмотреть получше. Один из них толкает Ибрагима сзади, и ascaro поворачивается и смотрит угрожающим и храбрым взглядом в глаза ухмыляющемуся солдату.

Кидане смотрит на происходящее в бинокль с вершины холма. Он прячется вместе с Аклилу и Сеифу, смотрит, как итальянцы собираются вокруг местных женщин, которых они одели в черное, чтобы отвлечь лагерь. Женщинам расска-

зали все, что смогли сообщить другие местные: Фучелли по утрам остается один в своей палатке, а его доверенный ascaro — сын человека из Керена по имени Ахмед, хороший человек с честным сыном. Хирут и Астер должны не спускать глаз со старух, которых они ждут в нескольких метрах от лагеря. Они придут им на помощь, если начнется какая-то заваруха. Они пробьются в этот растущий круг и вытащат оттуда женщин, изобразив удивление: и как это две их впавшие в старческий маразм тетушки добрались сюда с рынка?

Они не учли Ибрагима, его всегдашнюю сосредоточенность, которая позволит ему вскоре разоблачить любую ложь. Ему только нужно следовать сбивчивым мыслям в головах женщин — и это заставит его посмотреть через плечо, на холмы, где он увидит Сеифу и других.

Что это? Ибрагим кричит так громко, что эхо разносит его голос. Убирайтесь отсюда, говорит он, отталкивая женщин. Уходите!

Чары рушатся, когда женщины разворачиваются и спешат прочь. Земля теперь разбухает шумом. Поднимается ветер. Ибрагим ошеломленно слушает.

Что это? Он кладет руки на голову, поворачивается к палатке Фучелли, откуда доносится

пронзительный голос, вторгающийся в хаос: Ибрагим! Ибрагим!

* * *

Это всегда присутствовало в центре всех его расчетов: зверь сильнее всего в тишине, он в первую очередь хватает за горло самого себя, и все те люди, которые ищут присутствия этого зверя в предательском звуке, будут уничтожены тем, что безмолвно ждет в ярких уголках. Это существо порождается не бойней. Именно тишина пожирает мясо с его костей, а потом посылает убивать. Много лет Карло припадал ухом к угрозам худших его страхов, говорил себе, что нужно к ним прислушаться. Он никогда не забывал о своих кошмарах. Он приучал себя готовиться к неожиданному. Он выкручивал свои допущения досуха и выворачивал их наизнанку. Он принуждал свои фантомы обретать плоть, придавать очертания врагу. Так он и оставался живым. Он ускользал из света и нырял в тень, оглупляющую и опасную.

И потому, когда ascaro врывается в его палатку, не спросив разрешения, первая мысль Карло: его нужно наказать. Но ascaro не останавливается и никаких извинений не приносит. Просто его тело

влетает на полной скорости в неподходящий момент, сталкивается с Карло с такой силой, что тот падает на спину, и дыхание у него перехватывает. Карло рассматривает все способы, какими он заставит ascaro заплатить за содеянное, но внутри полутемной палатки мелькает серебро клинка, и он слышит свое имя, перемолотое ртом незваного гостя. Оно начисто лишено уважения, в нем не слышно ни почтительности, ни дисциплины, и он знает, что перед ним враг-абиссинец. Карло смотрит на человека, который наводит на него ужас. Он само порождение тьмы. Он сама месть, выкопанная из чрева земли, ощетинившаяся мышцами и шумом. Время замедляется, потом ускоряется. Вся память катится назад.

Острый нож пронзает уязвимую кожу на его шее, врезается в плоть, теплая кровь орошает воротник его рубашки.

Все в порядке, говорит он. Несуразная фраза. Мальчишеская фраза. Ряд слов, которыми он всегда пользовался, чтобы заполнить пустоту между ужасом и признанием: Все в порядке, папа. Мама, все хорошо. Все в порядке, синьор.

Карло лежит на спине, сверху его удерживают сильные руки и ноги, а еще есть клинок, он ищет что-то и, кажется, не может найти под щетиной

его кровоточащей шеи. Его рот знает, что нужно открыться, но все слова оставили его, кроме одного — его имени:

Карло. Это шепот, беспомощный и бесполезный, и все в порядке, синьор, все в порядке.

Мозолистая рука накрывает его рот, вместо воздуха он теперь получает вонь и пот. То, что было снаружи, заползло внутрь. То, что было человеком, стало зверем. Он, который прежде вел солдат к победам, теперь в одиночестве, смотрит на тысячу черных ночей, облаченных в связки и кожу. Именно чернота обволакивает все его мысли. Она гнет время, она сгущает воздух до такой степени, что он не в силах повернуть голову. Он не может ничего, только слышать звуки своего имени, падающие из этого жесткого рта, как расколотая кость, из которой высосан мозг.

Фучелли, говорит незваный гость. Он смотрит на него почти со скукой. Глаза холодные, как камень, яркие, как река, в красной оправе, и в них смерть.

Фучелли.

Карло закрывает глаза. Потом открывает. В палатку прокрадывается еще кто-то, одетый в белое, ростом не больше ребенка. Грубые руки разводят в стороны его ноги, одновременно раз-

водят в стороны и его руки, прижимают к земле. Сколько рук? Сколько человек? Он воображает привидения и призраков, вспоминает свои беспорядочные кошмары и бесконечные сны. Но это люди, напоминает он себе, наделенные плотью, костями, кровью, заточенные ненавистью. Они — дикари, вскормленные всем тем, от чего мир всегда отказывался.

Пояс на нем ослабляют, брюки расстегивают, с него сдергивают трусы. Он пытается вырваться, и тут ему в бедро вонзается нож, это происходит так быстро, что сталь не успевает согреться, когда кончик клинка извлекают из его тела. Клинок ползет по середине его живота, с любопытством опробует мягкое тело над волосами. Он сползает к чувствительному треугольнику лобка. Он обнюхивает раздвоенную кривую его ягодиц, потом подбирается к его анусу. Карло замирает, он взят в заложники, и его охватывает дрожь дурного предчувствия. Из какого-то места в его голове, где нет ни одного слова, в этом пространстве, предназначенном только для самых особых из безмолвных ужасов, он осознает, что чужая рука тянется к основанию его пениса, тянет его, а другая рука проскальзывает под его подбородок и откидывает назад его голову, чтобы он не видел,

что сейчас случится, и не мог подготовиться к жестокому отсечению ножом. Потому что именно это и случится.

Он сопротивляется этой руке, опускает подбородок с такой силой, что начинает задыхаться. Полощется черный занавес. Слезы. Пожалуйста. Пожалуйста. *Аиютами*. Помогите мне. Ему безразлично, что он молит их. Ни одно слово не имеет значения. Любое движение бесполезно. Любое воспоминание блекнет перед лицом этой циклопической, лихорадочной болезни, пожирающей его, прогрызающейся наружу из каждой его поры. То, что он обмочился на руку, водящую клинок у основания его пениса, что его заднепроходные мышцы сокращаются, и от него теперь воняет, что его выворачивает наизнанку, что он дрожит и умоляет, выстанывая свое имя, что оно отскакивает от потной ладони назад в его горло, что он вынужден глотать свои собственные мольбы — все это Карло предпочтет забыть. Он будет говорить, что все это случилось с другим человеком, который и не человек вовсе.

Потом абиссинец соскальзывает с его груди, и на мгновение бесконечный ужас отступает, потому что разве может человек сотворить что-то страшнее этого?

Тарику, говорит человек.

Эта паника — оторвавшаяся ресничка в глазу Карло, назойливое предупреждение о том, что если он не сделает чего-то, то получит то, что имеет сейчас: привязанные руки и раздвинутые ноги, брюки на коленях, он, изгвазданный собственным дерьмом пленник ножа, который начинает свою скрупулезную работу. Узрите мужчину, посмотрите, как он съеживается и дрожит, какой он беспомощный, словно девушка в руках насильника.

Огромный и древний груз отяжеляет его голову. Он чует кровь. Он чует свой стыд. Он предчувствует кровавую расправу, которая сделает его трофеем и жертвой, представлением и символом, чем-то другим, что уже нельзя назвать живым человеком. И теперь этот жесткий кулак снова и снова молотит по его голове. Смотри: черные птицы. Смотри: умереть легко. Если захочет, он может покончить с этим. Он может затворить слух и позволить им закончить начатое, пусть делают, что хотят. Но смогу ли я вернуться? Он повторяет это в грязную ладонь и ждет ответа сквозь нескончаемый шум в голове.

Откуда-то: Фифи называет его имя. Но Карло нет, а потому нет и имени, нет ничего, что удер-

живало бы его цельным в этом изувеченном трещинами мраке. Он призрак; он метафора, сломанная кожура умирающего. Камни падают с деревьев. Плоды прорезаются из земли. Как это просто — пройтись по долине неба. Правое становится левым. Вверх означает об землю. То, что творит человека, теперь может его и растворить. Пистолетный выстрел. Непреходящая боль во всем теле. Тяжелые ноги пробегают мимо его головы. Прикосновение к его лбу. Он закроет глаза и заснет, а когда проснется, все это пройдет, как не было.

Карло. Она говорит на этом пугающем языке.

Он слышит: Фавен?

Он слышит: Пожалуйста, Сеифу.

Потом он открывает рот, удивленный своей свободой, открывает глаза и видит мир, забрызганный каплями слез и крови.

Он позволяет ей повторить: Карло. Он позволяет ей прижать его тело к ее. Позволяет ее руке поднять на нем брюки и скрыть его стыд, прижать материю к его шее. Она делает все, только не рассеивает его унижения, и на полпути его распада происходит это: ужас вырывается на свободу и плывет бесконтрольно, ничем не сдерживаемый. И по мере того как ужас раскручивается внутри

него, он начинает выкрикивать имя: Ибрагим! Ибрагим!

Глава 14

Пусть живет. Это все, что говорит Сеифу, стоя перед Кидане, усталый и измотанный. Я его отпустил. Его лицо — перекореженное полотно эмоций столь пугающих, что Хирут боится их расшифровывать.

Хирут уходит в тень к самой дальней стене рядом с Минимом, она не в силах оторвать глаз от происходящего. Аклилу и его люди расположились на холмах, готовятся к операции возмездия, помогают жителям деревень переместиться в окружающие горы. Женщины, старики, дети уже начали путь от дома, они несут воду, корзинки с едой, спешат, чтобы уйти от бомбежек и рейдов.

Кидане опять недоуменно качает головой. Мы убили всех его телохранителей, говорит он. Мы избавились от некоторых из другой banda, никого не осталось, чтобы вам помешать. Ты получил ту возможность, о которой просил. Из-за тебя Аклилу и другие рискуют теперь жизнью. Даже те две старухи сделали то, что им было сказано. Он уже в третий раз повторяет подробности налета и провала Сеифу.

Если бы я его убил, нас бы уже сейчас атакова-

ли, говорит Сеифу.

Кидане подбирает кнут, свернутый и лежавший в ожидании у его ноги. Он медленно раскручивает его, хлещет им, проверяя траекторию. Звук резкий и жестокий, как шипение змеи. Марта падает на колени. Астер опускается, чтобы прижать ее к груди, молча качает головой.

Мне все равно, деджазмач, делайте что считаете нужным, говорит Сеифу и снимает рубашку, кидает ее на землю. На его груди множество шрамов, которые образуют сетку из торчащих мускулов от одного плеча до другого. Рядом с его сердцем неестественно натянутая кожа размером с кулак: заживший ожог.

Делайте что считаете нужным, повторяет Сеифу. Вы не первый богатый человек, который пытается поставить меня на место.

Астер вытирает лоб краем шали, потом закрывает нос и рот, видимыми остаются одни глаза. Остановись, Киду, шепчет она. Она бросает мимолетный взгляд на Хирут.

Хирут встречает взгляд Астер и не может сдержаться — тянется рукой к шраму, который не может скрыть никакая форма. Астер передергивает, она спешит отвернуться.

Я не покончил с Фучелли, говорит Сеифу. Он те-

перь бесполезен для армии. Он слишком унижен, чтобы рассказать о том, что с ним случилось. Этот человек обделался, как ребенок, он умолял. Он бесполезен. Он не годится для войны.

Кидане отступает, он разозлен, он щелкает кнутом. Кнут рассекает воздух под углом и впивается в спину Сеифу.

Сеифу делает резкий вдох и сгибается. Кнут возвращается к Кидане, разбрасывая по пути капли крови.

Астер наклоняется, прижав руку к животу. Хватит, говорит она, он один из наших лучших воинов.

Кидане швыряет кнут и отирает руки о землю. Если ты еще раз проявишь непокорность, говорит он дрожащим голосом, я закончу на тебе то, что ты начал с этим итальянцем. Клянусь могилой Тесфайе.

У входа в пещеру появляется Аклилу, он отирает свой нож. Мы нашли еще нескольких — искали тут, говорит он. Я взял форму, некоторые другие тоже взяли, нам она понадобится позднее. Воротник его формы ascaro испачкан кровью. Его фигура в одеянии врага выглядит странно, создает впечатление дисгармонии. Он кидает взгляд на кнут и на кровь, стекающую по спине

Сеифу, а когда переводит взгляд на Кидане, в этом взгляде отсутствует обычное уважение. На его лице отвращение.

Хирут опускает голову, чтобы избежать вопроса на его лице.

Сеифу поднимается и надевает рубаху. Кровь просачивается через его униформу ascaro и разветвляется по ней, пуская ветки, как покореженное дерево.

Ты всех нас подверг опасности, говорит Кидане. Он подавляет дрожание подбородка, вытянув губы. По его лбу катится пот.

Сеифу прикладывает руку к груди. Я умру на этой войне. Наказывать меня бесполезно. Недостаточно просто убить этих *ференджи*, говорит он. Некоторые нуждаются в медленном наказании.

Кидане недовольно смотрит на кнут, постепенно костенеет, потом уходит, едва не задев по пути Аклилу.

* * *

Прошло уже три дня, а Карло так никого и не впускал в свою палатку. Он ни с кем не говорил после атаки, только сказал Фифи, когда пришел в себя, чтобы она уезжала. Фифи внимательно

посмотрела на него, сердце колотилось у нее в груди, ненависть в глазах Сеифу все еще оставалась свежей раной. По бледности кожи Карло, по темной пустоте его глаз было видно: что-то ушло навсегда, твердость его взгляда надтреснута. Она хотела было испытать его, узнать, что он понял из ее мольбы, обращенной к Сеифу, но он закрылся от нее, встал, остановился перед своим радиоприемником: поведение человека, уже погрузившегося в одиночество собственных мыслей. Она ожидала слез, какого-нибудь выражения боли того, кто побывал в шаге от смерти. Но вместо этого резкое урчание помех в радиоприемнике, которые оседлали тишину и обволокли их обоих, когда он отшвырнул запачканную одежду и остался голым. Из тошнотворного запаха палатки возник бесформенный страх.

Позови сюда свою служанку, чтобы навела порядок, сказал он, натягивая на себя чистую форму и пинком направляя комок грязной в ее сторону. Когда я вернусь, тут все должно выглядеть так, словно ничего не произошло. Потом он посмотрел на нее с отвращением.

Фифи проводила его взглядом, она в первый раз по-настоящему боялась его.

Выпей кофе, Фифи. Это кухарка, она держит в

руках выстиранную форму Карло. Пятна наконец ушли, говорит она, принюхиваясь. Твое платье сохнет, добавляет она. Пришлось его вымачивать.

Фифи смотрит на свое голубое шифоновое платье. В ярком солнечном свете видно, что его золотая отделка безвкусна, вульгарна. Она плотнее кутается в *шамму* на своих плечах, накручивает ее себе на ноги. Если оно почти сухое, я его надену, говорит она. Оно лучше этого.

Ты носишь его, когда с *ферендж*и?

Фифи улыбается. Долго же ты не спрашивала меня про мою работу. Она кивает. Им нравится, в особенности мужчинам.

Кухарка пожимает плечами. Дело, конечно, не мое. Она замолкает ненадолго. Но они знают, что ты абиссинка. Зачем же носить платья *ферендж*и? Разве они платят не абиссинской женщине?

Фифи бросает на нее мимолетный взгляд. Я тоже так думала, но они платят больше, когда я подражаю их женщинам.

И потому ты выучила итальянский, говорит кухарка.

Не для них. Фифи берет у нее форму, кладет себе на колени. К чему эти вопросы сейчас?

Кто это был? Кухарка кидает взгляд на холмы.

Фифи старается сохранять сдержанное выражение. Я не знаю, говорит она, сегодня столько разных групп объединяются в большие отряды.

Для них ты предательница. Эти *арбегночи* убили бы и тебя, если бы могли, говорит кухарка. Она говорит без обиняков, без осуждения.

А ты разве не предательница, раз работаешь на меня?

Старшая женщина отрицательно качает головой, внимательно смотрит на нее. Я для итальянцев никто, и я никто для них.

Подходит Ибрагим, держа руку на кобуре. Он двигается медленно, без обычной своей суровости. Его обыкновенно безукоризненная форма на груди испачкана кровью.

Он кивает кухарке. Он так и не вышел? Есть не просил? Ничего не просил?

Кухарка отрицательно качает головой.

Ибрагим кивает. Если он появится, то я у священника и имама, готовим похороны, говорит он. Он замолкает и смотрит себе под ноги, потом качает головой, глядя на кухарку. Эфиопы сумели провести несколько атак на лагерь прошлым вечером, говорит он удивленным голосом. Это были женщины, добавляет он. Я думал, деревенские. Потрясение и сожаление одновременно

слышатся в его голосе. Мы их не можем найти, деревни стоят пустые.

Продолжай делать вид, будто меня здесь нет, тихим голосом вставляет Фифи. Словно ты какой-то другой, не такой, как я.

Ибрагим замирает, и на мгновение его лицо искажает гримаса, и все следы сочувствия уступают место неприязни. Скажи ему, мне нужно его увидеть, говорит он кухарке и уходит.

Фифи смеется: краткий, горький звук. Яркие облака скользят по небу, и на мгновение порыв прохладного ветра поднимает и разбрасывает пыль. Кухарка вытягивает ноги, кривые и усталые; живость, которая обычно покоится за ее умными глазами, превращается в осторожность. Она осматривает все вокруг, поворачивает голову на любой звук.

Ты думаешь, это правда? говорит Фифи кухарке. Что мы будем в безопасности, если будем верить в бога?

Они убивали монахов и монахинь, разве нет? Кухарка стряхивает пыль с платья. И что бог — делает что-нибудь с этим? Она кидает взгляд через плечо, потом прищуривается, глядя на небо. Я боюсь того, что будет, когда они вернутся, потому что они вернутся.

Ты откуда? Фифи старается смотреть перед собой, а не на кухарку.

Кухарка отгоняет муху. Оглядывает холмы внимательно, настороженно. Этой деревни больше не существует, говорит она наконец. Все ушли.

Ты была там, когда это случилось?

Суровость наползает на лицо кухарки. Она кивает. Потом меня взяли в Йифаг и продали.

Фифи хочет прикоснуться к руке женщины, но кухарка отдергивает руку и поправляет шарф на голове. Вокруг ее ушей видны маленькие седые кудряшки, но когда ее волосы скрыты шарфом, кажется, что у нее нет возраста.

Кухарка тихо добавляет: Ты должна быть осторожной.

Вдали похоронная процессия спускается по склону холма, ведомая имамом и священником, за ними идет Ибрагим и другие ascari. Рядом по обеим сторонам идут облаченные в черное женщины. Они профессиональные плакальщицы, их головы с выразительными лицами закинуты назад, они молотят себя кулаками в грудь.

Он теперь станет хуже, говорит кухарка. Он будет более жестоким со всеми, и в особенности с тобой. Уходи отсюда, давай уйдем сейчас.

Фифи трет лоб, вытирает глаза. Я не могу уйти,

говорит она. Она прикасается к локтю кухарки и оставляет там свою руку, видя, что женщина не противится. Уходи, уходи лучше и найди себе безопасное место.

Кухарка отрицательно качает головой. Куда можно пойти в этой стране? Где для меня есть место?

Глава 15

Этторе ждет у палатки полковника Фучелли, сжимая в руках камеру, которую принес по его приказу. Он откашливается и смотрит на шестерых телохранителей, которые разглядывают его с обеих сторон палатки. У этих солдат устрашающий вид, все они итальянцы в форме чернорубашечников, он таких не видел до того момента, как они приехали на грузовике три дня назад и тихо расположились у палатки Фучелли. По слухам, они наемники из Асмары, а родом из Массавы, говорят, они и в самом деле бывшие чернорубашечники, но отчислены за чрезмерную даже для самого злобного подразделения армии жестокость. У них злобные физиономии, мощные челюсти киношных негодяев, у одного из них длинный шрам сбоку на шее, у другого татуировка женской ноги, выглядывающая из рукава.

Наварра, ты там стоишь? раздается голос из палатки, резкий и хриплый.

Этторе входит внутрь, чувствуя, как охранники чуть-чуть сдвигаются в его направлении, наблюдая за его входом. Он подается назад от запаха,

который приветствует его: едкий, как свернувшееся молоко. Он висит во влажном и теплом воздухе палатки, как еще одно тело. Фучелли прямо сидит на своей кушетке, перебирает стопку бумаги. Его мундир застегнут на все пуговицы, а по мятому воротнику расползается пятно пота. Его горло плотно забинтовано, на бинтах пятна йода и розовая полоска крови. Приглушенный свет окрашивает все светло-желтым.

Полковник поднимает взгляд на Этторе и кивает. Не то чтобы я этого не ожидал, говорит он. Может, это было неизбежно. Фучелли отталкивает от себя стоящую рядом табуретку. Садись, Наварра, нам нужно поговорить. Глаза у него красные, опухшие. Я хочу, чтобы ты посмотрел кое на что. Фучелли достает фотографию из стопки бумаги. Он пододвигает фотографию Этторе, и тот чувствует сильный запах одеколона. Не спеши, говорит он. Над губой Фучелли тонкая пленка пота.

На фотографии крупный план пожилого эфиопа, его морщины прорезаны глубокими канавками, собирают складки вокруг его блеклых глаз. Несколько крохотных родинок образуют круговой рисунок на одной щеке. С другой стороны родимое пятно размером с ноготь большого

пальца, темная луна, плывущая по костлявым ущельям его тонкого лица.

Наконец Фучелли говорит: Ты понимаешь, что ты никого не собираешься убивать. Ты не пытаешься защищать землю, или форт, или что угодно, за что тебе прикажут сражаться. Ты просто пытаешься выжить, пока все это не кончится. Потому что когда-то это кончится.

Фучелли показывает на фотографию. Они принадлежат к определенным типам, все они. Легко поддаются систематизированию. Дыхание полковника пахнет кофе и сигаретами.

Этторе кивает. Да, синьор.

Ты изучаешь их язык и не знаешь? Фучелли хватает фотографию. Да ты посмотри на него хорошенько. Типичный тыграй[79], говорит он. Ты видишь этот нос? Глаза? Фучелли кидает фотографию на колени Этторе. Посмотри на эту, говорит он, доставая еще одну фотографию из той же стопки бумаг. Афар[80], это очевидно по прическе. Он достает еще одну. А этот, говорит он, тряся фотографией перед Этторе, просто великолепен, правда? Фучелли говорит быстро, он

---

[79] Примечания: 79
Одна из народностей, населяющих Эфиопию.

[80] Примечания: 80
Полукочевой народ, обитающий в Восточной Африке.

достает одну фотографию за другой, бросает их на землю, ничуть не заботясь, сможет ли Этторе их увидеть.

Наконец полковник останавливается и смотрит на бумажный хаос у себя под ногами. Тебя называют Фото, верно? спрашивает Фучелли. Очень умно. Но скажи мне, что мы упускаем из виду. Фучелли достает из кармана сигарету, сует в рот. Они двигаются, как крысы, поймать их очень трудно, говорит он. Это единственный способ остановить одного из них. Сфотографировать. Понимаешь? Он показывает на фотографию пожилого человека.

Да, синьор, говорит Этторе. Он смотрит на фотографию, все еще лежащую у него на коленях. На ней молодая женщина сердито смотрит в камеру.

Вот эта, говорит Фучелли. Рим хвастается приобретением новой колонии, а мы с трудом удерживаем Аддис-Абебу. Зона военных действий все еще повсюду, и эти люди, кажется, готовы сражаться, хотя их император сбежал. Впрочем, я уверен, до тебя тоже дошли эти слухи.

Этторе откидывается назад, хотя полковник ничуть не приблизился к нему.

Этторе выдыхает тонкую струйку дыма и смот-

рит, как она светлеет и рассеивается перед ним. Я жду подкреплений, медленно говорит Фучелли. Мы строим тюрьму чуть подальше, повыше в горах, и мы построим ее как полагается. Нас будут атаковать еще не раз, но мы готовы. Вскоре у нас будет больше пленных, а ты — не я — фотограф. Я ясно выражаюсь? или тебе нужно все разложить по полочкам?

Я думаю, что понимаю, синьор, говорит Этторе.

Встретишь мой конвой, когда прибудет. Мы начнем документировать эту тюрьму с самого начала. Мы все будем фиксировать. Они запомнят, что мы сделали, чтобы построить империю. Ты свободен.

Да, синьор. Этторе встает и отдает честь.

Завтра с самого утра жди у подножья холма, говорит Фучелли. Сюда из Аксума ведет только одна дорога, ты их не пропустишь.

* * *

Для старика Джембере soldato, который поднялся на вершину ближайшего холма и теперь наводит объектив камеры на дорогу внизу, являет собой еще одно странное зрелище в стране, изнемогающей от хаоса. Тяжело дышащий после восхождения soldato поднялся сюда после

восхода, зигзагами шел по узкой тропе, где он, Джембере Кефьялев, снова ждал врага, чтобы остановить его. Джембере пришлось стащить с дороги свой велосипед, чтобы *ферендж* мог пройти, он оскорбился про себя, когда итальянец никак не отреагировал на его салют, отданный со всем полагающимся этикетом победоносного воина. Что он знает о том, чего стоит выиграть войну, думает теперь старик, глядя на soldato, который подался вперед и навел объектив на пустую дорогу. Если он посмотрит, то не увидит ничего, кроме старика, стоящего рядом со своим хлипким велосипедом. Этот *ферендж*, как и большинство *ферендж*и, слишком самоуверен и невежествен, он не знает, что здесь Джембере Кефьялев, преданный слуга покойного императора Менелика, верный солдат покойной императрицы Таиту, гордый воин, который пришел выполнить свою давнюю клятву никогда не отдавать Эфиопию в чужие руки.

Каждый день со времени вторжения Муссолини Джембере надевает свои лучшие одежды и выходит, чтобы остановить продвижение *ферендж*и. Он ждет конвоя в темноте и видит, как солнце разливает свои лучи по долине. Он располагается на вершине самого высокого холма,

чтобы увидеть итальянцев издалека и прикинуть расстояние до них. Многие утра его ожидания были тщетны, но он знает, что так и случается на войне. Иногда он видит самолеты, они летят низко над деревьями, парят над холмами и хижинами. Сначала он принял их за драконов и упал на колени, чтобы молитвой прогнать нечистую силу. Но даже тогда Джембере Кефьялев, преданный слуга императора Менелика, верный солдат императрицы Таиту, гордый воин Эфиопии, не подвел, он держит клятву обеспечить безопасность страны. Он стоит, прямой и неподвижный, а самолеты описывают медленные круги над его землей. Он отказался трястись. У него не дрогнул ни один мускул, когда они бросились на него, радостные в своей злобе. Он даже головы не наклонил, чтобы избежать удара предательским ныряющим крылом. Он просто зарядил винтовку одним из своих патронов, прицелился, потом позволил им, испугавшимся его спокойной мощи, улететь. Сегодня конвой придет, он теперь уверен в хорошо проявившей себя схеме: сначала эти самолеты, потом грузовики, потом soldati в их нескладных кожаных ботинках, топчущих эту дорогу, которая когда-то была частью земли, принадлежавшей его сыну по праву рождения. Один

следует за другим, словно в неловком танце, и он снова будет готов.

* * *

Конвой заклинило. Колонны на марше остановились. За оседающей пылью трудно что-то увидеть, но старик в старом костюме и ржавый велосипед видны хорошо. Он стоит перед остановленным рядом грузовиков, колонна которых растянулась перед ним, словно лента стали легла на землю. В долине разыгрывается безмолвный спектакль. Этторе выгибает шею, чтобы получше разглядеть, что там, впереди. Сердитые camionisti высовываются из окон. Некоторые из них начинают гудеть.

Ну же, шевелись. Давай отсюда. Vai via![81] Джембере, катись отсюда к чертовой матери!

От машин исходит устойчивая волна тепла, насыщенная дымом, пылью и шумом.

Этторе оглядывается, он напряжен, ищет признаки возможного нападения, но на холмах никакого движения, оттуда не доносится ни звука. Густые участки зарослей поблизости не колышутся. Деревья стоят мирные и живописные.

---

[81] Примечания: 81
Катись (*ит.*).

Лишь одинокая птица парит высоко в небесах над бездвижным ландшафтом, изящный воздушный змей, скользящий в лучах раннего утреннего солнца. Все спокойно, если не считать обескураживающей сцены, что разворачивается внизу.

Старик являет собой пугающее зрелище. На нем фрак и шерстяные брюки, выцветшие до тускло-серого цвета. Его хорошо скроенная рубашка имеет высокий воротник, который когда-то аккуратно стоял вокруг его стройной шеи. Лишь одна пуговица осталась на его фраке. Рубашка пожелтела от возраста, а там, где должен быть галстук-бабочка, висит тонкая черная ленточка. Вместо пояса брюки на идеальной высоте поддерживает веревка — они закрывают его лодыжки и останавливаются ровно над подъемом его босых ног. Он — привидение из забытой эпохи, милый призрак на грани исчезновения. Прямо перед ним из своего грузовика выходит крепкого сложения человек в обвисшей футболке, его ботинки незашнурованы, его носки собрались жгутом на щиколотке. Еще несколько человек выпрыгивают через задний борт других грузовиков, они проходят вперед посмотреть, что случилось. Старика начинают обступать большим кругом.

Этторе поднимает камеру, чтобы сделать фото-

графию, но замирает. Его внимание привлекает не старик, а женщины в стороне, наблюдающие за происходящим. Облаченные в белое и строгие, как охранники, они стоят ровным строем в нескольких шагах над хаосом. Их никем не замеченное появление на холме кажется едва ли не подарком, это шанс уловить то, что пытался объяснить ему в палатке Фучелли. Этторе снова поднимает камеру, и водитель, первым вышедший из машины, замечает его и отдает честь.

Он машет Этторе. Ты знаком с моим старым другом Джембере? Он усмехается и достает носовой платок из кармана, чтобы отереть лоб.

Этторе соскальзывает с холма вниз и подходит поближе.

Я знаком с большинством журналистов здесь, говорит водитель. У него добрые глаза, мягкие линии рта. В общем, можешь снять фотографию, если хочешь, а я его пока отодвину.

Старик из числа тех местных, которые прячут свои года за тоненькими морщинками и яркими глазами. Его кожа тонка, как бумага, ладные складки облегают его изящные кости. Он непроницаем для бурлящей вражды, окружающей его. Этторе делает шаг вперед и поднимает камеру. Старик прищуривается и недовольно смотрит

на него. Он распрямляет плечи, ставит ноги одну подле другой. Рука на руле старого, ржавого велосипеда сжимается крепче.

Джембере, amico mio, не пугай народ! Водитель усмехается.

Солнце — нежное полотнище света, падающего на плечи аборигена и оставляющего серебристые искры в его непокорных волосах. Этторе кивает, проматывая пленку. Джембере не отвечает, он даже глазом не моргнул. Этторе, подняв камеру и подойдя на шаг ближе, чтобы сделать максимальное подобие одной из фотографий Фучелли, видит ярость, кипящую за строгим выражением лица. Здесь нет ничего, что говорило бы о слабости и беспомощной старости. Произойти может все, что угодно. Абориген может наброситься на него. А потом мысль: А что если этого старика подослали эфиопы, чтобы отвлечь их внимание?

Он поворачивается к водителю. Вы не боитесь нападения?

Водитель смеется. Да его винтовка даже не стреляет. Он снова достает платок и протирает лицо. Потом обращается к старику: Джембере, *ибакот*[82], говорит он, а потом продолжает неуве-

---

[82] Примечания: 82
Вежливое обращение к пожилому человеку (*амхар.*).

ренно на местном языке. Он кладет руку на плечо Джембере. Как-то раз мне пришлось отнести его с дороги. Идем, amico mio. В его голосе слышится нежность. Они как дети, не забывай этого, добавляет он. Он берет велосипед и Джембере и толкает его к краю дороги.

Этторе стоит, наблюдает за ними. Потом оглядывается и видит, что женщины ушли, исчезли за холмом так же неслышно, как появились.

Джембере в последний раз смотрит на солдат и грузовики, потом идет с дороги, чтобы взять велосипед у водителя. Полы его фрака полощутся на ветру, он идет с прямой спиной.

Глава 16

Полковник Фучелли направляет Этторе поближе к большим камням, стоящим на краю скалы. Полковник аккуратно ступает в середину V-образного пространства, смотрит вниз, потом разворачивается. За его спиной обрыв, менее чем в одном шаге. Только пространство шириной в детскую стопу, а дальше — пропасть, падение.

Они готовят нападение на нашу колонну, говорит Фучелли. Они хотят разрушить то, что мы строим. То, что мы возводим, они будут пытаться уничтожить. Рим хочет, чтобы я обращался с ними, как с обычными бандитами, но они будут сражаться, как черные сыновья Аполлона. Мемнона[83] защищал Зевс, почему Рим этого не понимает? Он снимает солнцезащитные очки.

На небе собираются облака, прохлада жмется к горам. Черные птицы ежатся и каркают на плоских вершинах невысоких деревьев.

Этторе старается не смотреть на Фучелли. Его форма скрывает неестественную полноту. Мун-

---

[83] Примечания: 83

Мемнон — в древнегреческой мифологии эфиопский царь, участник Троянской войны, убит Ахиллом.

дир, который он не снимал с начала дня, слегка вспучен в середине. Ходят слухи, что он теперь носит два пояса. Нападение сделало его настолько мнительным, что он не спит по ночам. Некоторые ascari начали перешептываться — говорили, что он мобилизует тайный отряд, наемников-бандитов, которые грабят и терроризируют и эфиопов, и итальянцев. Они начали говорить, что его madama обучена убивать ядом, похожим по вкусу на пиво и вино. Что ее кухарка знает, как подмешивать этот яд в еду. Что они ждут приказа Фучелли испытать яд в их пайках, выбрав тех, кто, по мнению Фучелли, готов его предать.

Наварра, посмотри сюда. Фучелли кладет руку на один из камней. Он вытягивает другую руку, пытаясь коснуться камня с другой стороны. Ты можешь сделать такой снимок?

Свет за ним бледный и ровный, выбеленный облаками и высотой.

Вид довольно впечатляющий, говорит Этторе. Он отступает на несколько шагов. Полковник Фучелли — крохотная фигура, умаленная грандиозным ландшафтом. Открывающийся вид — это волнообразные горные хребты, горизонт, исчезающий в темных облаках. Верхняя часть панорамы расширяется между этими двумя

громадными, циклопическими камнями, позволяя небу влиться в это пространство. А еще выше в небесах величественно парят на ветру две птицы.

А теперь, soldato, посмотри по-настоящему, говорит полковник после нескольких кадров.

Этторе становится рядом с полковником, ощущает ветер, хлещущий его по лицу, угрожающую силу, которая может сбросить его вниз, если он встанет под определенным углом. У обрыва есть какое-то магнетическое свойство, засасывающая сила каменистой пропасти. Он кладет руки на камень, чтобы побороть ощущение, будто его ведет к краю. Он отваживается поднять глаза. У этого ландшафта нет конца. Он тянется дальше, чем может видеть Этторе, один округлый пик уступает место другому. При мысли о том, чтобы посмотреть, как далеко вниз уходит пропасть, у него подгибаются колени. Он снова потеет, несмотря на прохладу.

Сколько, по-твоему, Наварра, нужно времени среднему эфиопу, чтобы добраться до дна?

Спуститься можно только по острым камням, торчащим до самого низа. Легкого пути нет.

Они хорошие скалолазы, синьор, говорит Этторе. Они двигаются быстро, знают, как нужно

вести себя на таких горах, но все же я думаю, что это займет немало времени.

Фучелли кладет руку ему на плечо и пододвигает поближе к себе, его ногти больно врезаются в кожу Этторе. Подумай, Наварра. Если мы будет сталкивать их, то сколько уйдет времени? Сколько человек мы успеем столкнуть за день? Вот в чем вопрос. Твой отец наверняка учил тебя проводить подобные расчеты. Кстати, он все еще на прежней работе? Ты знаешь, что происходит дома? Ужасные, ужасные вещи.

Синьор? Новости из Италии просачивались — о новых законах, об ограничениях для евреев, о запрете принимать их на работу, но его родители ничего такого ему не писали. Он вообще не получал писем в последнее время.

Ветер приглаживает волосы Фучелли, придавая ему хищный вид, его узкие глаза смотрят теперь с ненавидящим прищуром. Он отирает руки о рубашку, потом засовывает их в карманы. Ты мог бы сделать снимок в падении? спрашивает полковник.

* * *

Лео Наварра своему сыну Этторе Наварра в день его отъезда на войну:

Царь Минос говорит: Дедал, мой верный слуга, построй лабиринт, из которого невозможно выйти. О, великий разгадыватель загадок, сделай его таким, чтобы могли ловить и удерживать там как человека, так и зверя. Великий Дедал, твой ум не знает пределов, займись этим петляющим лабиринтом. Пусть никто не ведает, как найти тот выход, который ты придумал. Пусть это будет тайной для всех, даже для мальчика, который сидит рядом с тобой и смотрит, чьи руки зудят от желания надеть крылья и прыгнуть на солнце.

И когда Дедал строил этот лабиринт, как мог он предвидеть собственное заключение? То, что мы взращиваем, мой сын, губит нас. Построй в Африке то, что хорошо. Построй то, что хочешь всегда носить с собой вот здесь, и отец стучит Этторе по облаченной в форму груди, а гудок «Клеопатры» надрывается, и ликующие толпы ревут и машут на прощание своим уходящим солдатам.

* * *

Сколько лет прошло с того дня? Этторе отворачивается от хребта за местом строительства тюрьмы, где группа местных жителей смотрит в тихом недоумении на то, что делают рабочие внизу. Он пытается сосредоточиться на написа-

нии письма родителям, игнорируя давление на ногу фотоаппарата, который постоянно напоминает ему обо всех снимках, которые он не сделал сегодня и которых ждет от него полковник Фучелли. Папа, они строят тюрьму, в которой будут содержаться пленные. Они собираются швырять людей в небо без крыльев. Они хотят испытать законы гравитации и ужаса и заказывают мне фотографии подъема и падения. Мы собираемся создать Икара и зашвырнуть его на солнце.

Этторе делает паузу, смотрит, как два рабочих балансируют на деревянной доске на последних ступеньках крутого склона к плато. Участок земли был очищен под фундамент, и груда камней и рулонов колючей проволоки для укрепленной стены лежит рядом с этой площадкой, неестественной в своей ровности. Он должен будет являться к Фучелли каждый вечер с катушкой пленки, чтобы полковник отправил ее в Асмару на проявку. Но сегодня, на четвертые сутки этого задания, еще и день рождения его отца, и Этторе с растущей тревогой ждет новостей из дома. Но никаких писем для него нет.

Он слышит резкий свист над головой и смотрит вверх. Один из водителей грузовиков показывает на горный хребет, где стояли эфиопы, и

бешено жестикулирует. Теперь там никого нет. Этторе стоит, держит камеру, засовывает ее в сумку и бросается к camionista. Они слишком расслабились, даже охранники, которых Фучелли посылает наблюдать за строительством, сидели в той тени, которую сумели найти, утомленные многодневной монотонностью своего занятия.

Они ушли, просто взяли и ушли, говорит водитель, он щелкает пальцами, вытирает лицо подолом своей грязной футболки. Он испуганно озирается. Нам уходить? Он водружает кепку себе на голову, потом снимает ее, засовывает в задний карман. Ты слышал, что случилось в Аддис-Абебе?

Все только об этом и говорят: новые репрессии за участившиеся атаки на железную дорогу и линии связи, на ничего не подозревающих офицеров, которые зашли выпить в бар. В городах по всему нагорью бушевали пожары, некоторые длились по три дня. Гражданским и soldati было разрешено делать все, что они сочтут нужным, с любым эфиопом, которого они увидят на улице. Поля заполняются массовыми захоронениями и сожженными телами, тюрьмы переполнены, все военные базы по стране получили просьбы взять некоторых пленных и найти возможность

как можно скорее привести в исполнение вынесенные им смертные приговоры. По нагорью каждый день отправляются в путь грузовики с пленниками, их везут в лагеря в Данане и других местах, не обозначенных на карте.

На каждой военной базе царят хаос и паранойя. Обстановка сравнима с тем абсолютным террором, который захлестнул страну после попытки убийства Родольфо Грациани[84]. Возмездие со стороны Грациани всему населению Аддис-Абебы и за ее пределами было настолько жестоким, что из Рима поступило предупреждение. Подробности бойни в Аддисе и монастыре в Дэбрэ-Либанос до сих пор передаются шепотком вокруг костров и в барах по всей Эфиопии и Эритрее. А теперь партизаны набирают силу. Число их атак растет. Люди передают сообщение о приезде к ним императора. Они не боятся.

Этторе качает головой, пытаясь успокоить водителя. Полковника Фучелли это не обеспокоило, говорит он. А он всегда учитывает все опасности, добавляет он.

Ах, уж эта страна, продолжает водитель, качая головой. Ах, уж эта страна, не могу дождаться, ко-

---

[84] Примечания: 84

Родольфо Грациани (1882–1955) — итальянский военный и государственный деятель, маршал Италии.

гда отпустят домой. Они просто раз — и исчезли, повторяет он. Потом он замолкает, качает головой, словно озадаченный какой-то загадкой, и идет к группе рабочих, смотрит на них на поляне — не чувствуется ли признаков тревоги.

Интерлюдия

Император чиркает спичкой и поднимает голову к облачному небу над этим новым домом в английском городе Бате. Он сужает купол ладони вокруг пламени. Он заставляет себя держать руку в таком положении, хотя пламя лижет ладонь и посылает волны боли в позвоночник. Он бормочет заклинание, чтобы сбить растущую боль. Но потом уже ничего не может с собой поделать и отдергивает руку, признавая свое поражение. Он качает головой, благодарный за эту минуту наедине с собой. Каково это — сжечь целиком человеческое существо? Этот вопрос разбудил его в предрассветный час нового дня. Каково это — слышать крики из охваченного огнем дома и стоять с винтовкой, убивая всех, кто пытается бежать? Какой это бог создает подобных людей? Какое чудо может остановить такое бесконечное зло и отправить этих иностранцев по их гнусным домам?

Его дом в Бате большой, построен из камня и

дерева, богат запахами ржавчины и умирающих цветов. Здесь много комнат с панельными стенами и лестница, ведущая к его спящей семье. На большой лужайке перед домом, где он стоит теперь и смотрит на холмы, которые напоминают ему холмистый пейзаж Харара, ему трудно убедить себя, что он здесь, в Англии, и так далеко от дома.

Его страна гибнет. Его народ безжалостно убивают и военные, и гражданские итальянцы. Ему кажется, что до него даже с такого расстояния доносится запах гари. Он слышит звук моторов: грузовики тащат за собой еще живые тела, привязанные веревками, пока те не умирают. У него за спиной на подоконнике маленький английский словарь с примятыми страницами, на которых он пытался найти слова, которые наилучшим образом передают его ужас: парализующий, тиранящий, оскорбительный, ошеломляющий, одурманивающий. Убить: сделать мертвым, погасить жизнь, прикончить. С предыдущего вечера призрачные привидения проходили мимо него, звали назад в Эфиопию: Хайле Селассие, Джан Хой, Тэфэри, мы ждем. Куда ты пропал? Тэфэри, Хайле Селассие, возвращайся.

Холмы, отвечающие на его взгляд в Бате, безжа-

лостно смотрят на него. Дом там и здесь. И каждое утро в этой стране было как первое, бесконечная спираль в уныние, солнечный свет — тусклые брызги за упрямыми облаками. Он просыпается в большой кровати по одну сторону пропасти, отделяющей его от жены. Он встает, стараясь не разбудить ее, и оглядывает эту запасную комнату. Он читает Библию, произносит молитвы, потом одевается, набрасывает *шамму* на плечи, чтобы защититься от вездесущего холода. Он входит в каждый день, зная, что ему предстоит: та же прохлада, тот же слабый свет, те же тяжелые дождевые капли, которые тычут в него, как обвиняющий перст.

Его бойцы переместились глубже в горы. Карло Фучелли строит странную новую тюрьму, его лагерь распух от избытка артиллерии и подкреплений. Рядом с ним разбил лагерь Кидане. Его люди продолжат сражаться с той же стойкостью, что и всегда, но им необходимо оружие, им необходима твоя помощь, они недоумевают? где вы, ваше величество, Хайле Селассие, Тэфэри, где вы?

А он вот где: нагнулся над своим радиоприемником, из которого радио «Лондон» сообщает о резне в Аддис-Абебе. А еще он вот где: присел на

корточки в облаках дыма и криках, готовясь дать отпор наступающему врагу. Он одновременно и там, в его горящем городе, пробирается между разрушенных домов и массовых захоронений, оставленных этими мясниками. В Бате, в своем доме, который называется Фейрфилд, император Хайле Селассие не нуждается в помощи, чтобы вообразить уничтоженные огнем хижины и здания, деревья, расщепленные бомбами, поля теффа и сорго, отравленные и выжженные газовыми пара́ми. Но он никак не может представить себе, что итальянцы делают с человеческими существами, с его народом, его подданными, с детьми поколения, рожденного, чтобы поднять его страну. Вскоре его императрица, его дети и его советники соберутся вокруг этого радиоприемника, будут наклонять к нему головы и слушать, словно их тела могут впитать каждую шипящую подробность. Но он, император, Джан Хой, Хайле Селассие, Тэфэри Мэконнын, хочет одного: встать и перебраться в другое место, пересечь океан и войти в свой порт, пробраться по нагорьям и рассказать людям, что он вернулся, чтобы сражаться. А он вместо этого сидит здесь, где нет солнца, где все, что дышит, выживает в тени.

Глава 17

Подготовка Минима набирает ход: Кидане учит его стоять и сидеть, ходить и поворачиваться. Он прижимает локти Минима к бокам, выставляет его ладони вперед и соединяет большие и указательные пальцы, чтобы получалось некое подобие треугольника. Астер внимательно наблюдает, вносит поправки, кланяется Миниму и ждет его сигнала — разрешения поднять голову. Вместе супруги поддерживают его подбородок, оттягивают назад плечи, пресекают его взгляды украдкой назад — на Хирут. Они контролируют его улыбки, учат его правильным манерам обращения с молодыми подданными и ранеными солдатами, снова и снова напоминают ему, как нужно вести себя с солдатами, крестьянами, со знатью.

Вы наш отец, говорят они ему. Страна полна вашими детьми. Вы — солнце, и мы живем в свете вашей благодати. Не забывайте этого, не приуменьшайте себя. Вы должны быть нашей единственной надеждой.

Он начинает ходить прямее, делать более размеренные и ровные шаги. Он расправляет

плечи, поднимает подбородок, учится моргать так, будто всегда стоял под палящим солнцем. Миним теперь просыпается по утрам и с важным видом ждет, когда Хирут принесет ему кофе. Он поворачивает голову, когда она приближается, и кивком доводит до нее свое одобрение. Они начинают двигаться вместе: один — на поводке безмолвных указаний другого, второй — следуя малозаметным условным знакам первого, показывающим, в каком направлении они должны двигаться. Им не требуется никаких слов для взаимопонимания, никаких звуков, чтобы дать понять, чего желает тот, кто впереди, от того, кто его охраняет.

По мере поступления сообщений о новых репрессиях и телах, оставленных разлагаться на итальянских виселицах, Хирут и остальные мужчины и женщины перебираются выше в горы, тренируются по ночам. Они кидают ножи на бегу, целясь врагу в горло. Хирут держит в руках свою винтовку, скача на лошади Кидане. Она закидывает за спину руку с копьем, когда Адуя несется по полю, а когда Аклилу бросается к ней, чтобы сбросить на землю, она выкидывает ногу с ювелирной точностью рядом с его челюстью, отчего он удивленно вскрикивает. Они продолжают

заниматься ночь за ночью, ночь за ночью, пока Хирут не чувствует, что страх отпустил ее. Рутина притупляет страх. Она настолько привыкает к упражнениям по метанию ножа с разворота, что иногда ловит себя на повторении правильных движений и при свете дня: когда собирает топливо для костра, когда идет за водой, когда подает кофе и приносит императору еду. Ее тело приспосабливается к новым требованиям, ее ум обучается новой преданности, и происходит это почти естественным образом, и в конечном счете ей уже ничего не стоит представить фигуру врага, которая спотыкается на бегу и падает на землю. Она новая и незапятнанная, она не боится крови и не знает страха. Она представляет себе лицо Кидане, освещенное лучом света в темноте. Она воображает его в плену у сотни изворотливых теней. Она взвешивает нож в умелой руке, слыша его мольбы об освобождении. Она всаживает нож по кривой в его горло, а когда он поднимается благодаря чуду, благодаря ее неточности в броске, благодаря недостаточной силе, Хирут, отбросив колебания, вонзает нож еще, и еще, и еще, горя жаждой идеальной мести.

Книга третья. Возвращения

Фото

Тюрьма: тесная деревянная коробка, окруженная колючей проволокой: без окон, без воздуха, без благодати света. Неподалеку, стоя между двух больших камней за короткой тропинкой, ведущей в небытие, Фучелли показывает на темную фигуру в небе, его рот открыт, на лице гримаса ликующей жестокости. Над его головой испуганная птица устремляется вверх, к солнцу. Зловещие фигуры soldati и ascari, изваянные темнотой, провожают взглядом летящую фигуру пленника, утяжеленную отчаянием. Два грузовика стоят по бокам сцены, словно два караульных поста, их лобовые стекла и покрышки заляпаны грязью, брезент с кузова снят, и в нем видны еще два человека, связанные веревкой и обездвиженные ужасом в ожидании полета.

Фото

Маленький мальчик с костлявыми плечами и большой головой дрожит на ярком солнце. Его губы растрескались, рот открыт, глаза смотрят бессмысленным взглядом с тощего и голодного

лица. Тонкий палец поднят к лицу — жест, просящий терпения, времени, милости, надежды.

Фото

Женщина, опирающаяся на посох, ее парализованная нога волочится под длинным платьем. Ряд косичек, которые на конце разветвляются веером в густые темные кудряшки. На линии горла до самой челюсти декоративная татуировка. Синяки у глаз, у рта, около уха засохшая ниточка крови. Она что-то говорит, ее язык виден между зубов, облегает потерянное навсегда слово.

Фото

Молодой человек, обуянный яростью и гордостью, его нечесаные волосы свободно развеваются на ветру. Острые скулы, тонкий подбородок, узкие глаза без страха смотрят на фотографа. Указующий перст, обвинение, вечное проклятие.

Фото

Двое. Молодая женщина прижимает к груди старика. Ее изящные черты искажены страхом, лицо распухло от избиений. Рот перекосило от удара, кровь запеклась в волосах. Заляпанное кровью грязное платье. Старик: копия женщины в мужской ипостаси, лицо, зачерненное солнцем, черты окоченевшие, потрясенные, тонкий порез

уходит по шее к затылку, кровь капает на его разорванную футболку, давно уже нечистую.

Альбом мертвых

Близнецы, связанные спиной друг к другу. Молодой человек в движении, черты размазаны, только распахнутый рот виден четко. Мальчишка, долговязый и широкоплечий, руки сцеплены в мольбе. Старуха, непокорная, неподвижная, подбородок поднят, глаза сверкают. Мужчина с избитым до неузнаваемости лицом, распухшим, изломанным. Супружеская пара: жена, цепляющаяся за мужа, лицом зарылась в его плечо, его разорванная рубашка обнажает длинную красную ножевую рану. Два молодых человека: буйные волосы густым покровом лежат на шее, они стоят лицом к лицу, держась за руки, глаза обращены только друг на друга. Молодой человек, суровый, как солдат, копна темных кудрей вокруг яростного и красивого лица. Молодой человек, отличник с виду, в очках, дрожит, трясет головой, отчего черты размазаны. Молодой человек, руки связаны на спине, плечи мучительно выступают, стройная шея вытянута вперед, губы раскрыты для плевка. Девочка. Молодая женщина. Монахиня. Двое попрошаек с дряблыми ртами. Три священника, длинные бороды, спокойные глаза.

Девочка. Еще одна. Молодой человек, его брат, его отец, похожие лица, измененные побоями, одинаково распухшие. Девочка, согнутая страхом, ее голова, лицо, перекошенное болью и смятением. Девочка, женщина, молодой человек, старик, мужчина с женой, семья из трех человек, непокорный старик, брат и сестра, крепко держащиеся друг за друга, женщина с согнутой спиной, высокий, стройный мальчик. Слепец, матовые глаза. Еще близнецы, связанные спиной друг к другу.

Подпись: *Ettore Navarra, soldato e fotografo*

Подпись: *Colonello Carlo Fucelli, Ricordi d'Africa*[85]

[85] Примечания: 85
На память об Африке (*um.*).

Глава 1

Для этого не требуется ничего особенного — только покинуть толпу, отойти от почтового грузовика, и Этторе может вообразить себя дома за кухонным столом с отцом, они вдвоем склоняются над чистым листом бумаги, пока мать готовит, рука отца держит его руку, и обе их руки держат только что заточенный карандаш, сердце его быстро бьется, боится, что он сделает ошибку. Дай-ка я проверю твой почерк, figliolo, мой дорогой сын, как ты пишешь свой алфавит. Отец Этторе берет его за руку, ведет ею по бумаге, ставит по букве в каждую клетку, линии тонкие и прямые, кривые раздуты, как воздушные шарики. Представь себе, что форма земного шара повторяет форму мысли, Этторе. Пусть твоя рука течет, как вода течет по руслу реки. Не сдавайся. Ты научишься следовать за своими мыслями, ты будешь искать свои мысли в почерке, который должен быть ясным и всегда сильным.

Этторе смотрит на конверт. Все годы ожидания давят на него. Колени подгибаются. Он потеет, несмотря на прохладный ветерок. Он не может сосредоточиться, хотя и протирает глаза до боли.

Он смотрит на свои руки, его ладонь открыта: это первое письмо, полученное им от отца с того дня, как он сел на «Клеопатру», отправляясь на войну. Все послания до этого приходили отфильтрованными в письмах матери: отец скучает по тебе, отец купил карту Эфиопии, отец говорит, что любит тебя, отец спрашивает, правда ли, что атаки возобновились, он произносит твое имя каждый день, перед тем как лечь спать.

Этторе спешит в столовую, прижимается к зданию: почтовый грузовик с работающим двигателем, скрежещущий шум в голове, пары бензина, от которых все плывет перед глазами. Он оглядывается, но никто не обращает на него внимания. Все остальные не отрывают глаз от почтальона и большого полотняного мешка, откуда он достает пачки конвертов, а потом выкрикивает имена. Этторе склоняется над письмом: имя матери в верхнем левом углу, но почерк отца. Никто, кроме него, не пишет письма так, словно спешит перейти на обратную сторону листа. Скорость письма Лео Наварры всегда была чудесным подтверждением его поразительного ума. А вот и его имя — жирными буквами точно по центру конверта. КОМУ: моему сыну Этторе Наварре. Штампа цензора не видно.

Он ощупывает края конверта, проводит пальцами по твердым, уверенным линиям букв, составляющих его имя. Этторе осторожно открывает конверт, разрывает его по длинной стороне. Потом разворачивает письмо, боясь разгладить складки на листах, читает.

Мой дорогой сын, есть одна вещь, которую ты должен держать в голове, когда будешь читать это: я никогда не был чужим для самого себя. Я точно знаю цену моим решениям и хорошо понимаю, кто в результате пострадал от них. Надеюсь, настанет день, когда мы сядем рядом и мне хватит мужества все тебе объяснить. А пока я пишу, чтобы сказать тебе наконец вот это: до того как ты меня узнал, я был другим человеком. До тебя у меня была семья, другой сын и другая жена. Ты — мой второй ребенок, первенец твоей матери. Я никогда не рассказывал тебе о моей предыдущей жизни, потому что приучил себя верить, что имеет значение лишь то, что существует. В счет идет только то, что видимо. Но ты даже не знаешь моего имени, сын мой. Моя первая жена,

Аня, хотела бы, чтобы я сообщил его тебе. Моя вторая жена, твоя мать, Габриэлла, понимает мои меры предосторожности. Она знает, сколько всего может содержаться в одном слове.

Вот что я могу тебе сказать: моя прежняя жизнь закончилась одной ночью в Одессе под светом таким мягким и рассеянным, что ты мог бы сфотографировать в нем тени призраков. После потери первого сына я перестал понимать, что я такое. Как называют отца без сына? Если бы я нашел такое название, я бы сменил Лео на него. Когда мне было почти столько же, сколько сейчас тебе, я оставил город на Украине, в котором родился, и переехал в Одессу, куда меня привела любовь. Потом я был вынужден оставить и это место — не мог жить в городе, который столько всего разрушил. Я оставил Одессу евреем, а в Венецию прибыл атеистом. Когда я бежал, я пытался сделать только одно: уйти как можно дальше по суше пешком. Один. Я заставлял свое тело выносить все боли и лишения, какие оно могло вынести. Так я пытался наказать

себя. Я искал прощения за то, что остался жив. Ты, вероятно, слышал разговоры твоей матери про погромы 1905 года. Нужны ли тебе подробности? Что я могу рассказать тебе об этом, кроме того, что они возвращаются и мне не удалось тебя защитить?

Есть люди, судьба которых состоит в том, чтобы всегда быть разделенными со своей семьей, мой Этторе. И я — один из них. Боюсь, что и ты. Мы обречены бросать свои семьи, пересекать границы в поисках места, где найдутся щедрые души, которые поймут нас и придут в наше уединение. Твоя мать сделала это для меня. Она каждый вечер позволяет мне брать ее за руку в темноте. Она держит меня, пока я не засыпаю. Она не засыпает, пока я не удостоверюсь, что никакой запах дыма не проникает в наш дом. Разве есть бóльший знак любви, чем этот? И разве есть бóльший акт эгоизма, чем ежедневное принуждение ее к этому с моей стороны?

Я говорил тебе об этом: всякое видимое тело окружено светом и тьмой. Мы двига-

емся по этому миру, всегда раздираемые между ними. Я знаю, ты никогда меня не понимал. Ты считал, что мои наставления строги и безжалостны. Но ты жил, не зная страхов, а потому всегда считал, что имеешь право судить. Я принимал это как доказательство того, что я поступал правильно. Твой отец построил семью и новую жизнь, не склоняя головы. Он воспитал сына, который видел перед собой лучшее будущее. Этого было достаточно.

Этторе, запоминай все, что происходит. Сделай жизнь своим актом сопротивления. Фиксируй все. Делай это упорно, с теми упрямством и точностью, которыми ты так похож на своего отца. Вот для чего я купил тебе твою первую камеру. Не позволь этим людям забыть, чем они стали. Не позволь им отвернуться от их собственных отражений…

…почему я говорю тебе это? Это не слова умирающего отца. Что ты понимаешь из того, что я сказал?

Мой дорогой сын, твоя мать сидит на кухне, а я у себя в кабинете. Она тоже пишет тебе письмо, потом положит его в коробку, которую мы храним для тебя. Мы пишем тебе отдельно, потому что ты теперь стал хранителем наших тайн. Мы с твоей матерью слишком много знаем друг о друге. Мы больше не можем быть хранителями нового знания. Мы не можем воспринять иную истину. Она не сможет смотреть на меня, если будет думать, что у меня есть еще один слой, о котором она не знает. Я говорю тебе об этом, потому что ты нас больше не увидишь. Я знаю это наверняка, так же как я знаю, что в этом кабинете горит свет, что я не увижу моего младшего сына, брата призрака, сына фантома. Не возвращайся, Этторе. Что бы ты ни слышал, не повторяй истории твоего отца в том месте, которое он когда-то называл своим домом. Оставайся в Абиссинии. Найди того человека, каким ты станешь. Это не последнее мое письмо, но самое правдивое. Я всегда тебя любил.

Твой отец Лео

* * *

У него боль в груди. Голова кружится. Его бесконтрольно трясет в ритме уродливом и безжалостном. Этторе смотрит на подпись отца, буквы резкие и рваные, поспешные и наклонные. Он возвращается к началу письма. Мой дорогой сын. Мой дорогой сын. Он прислоняется к стене столовой, прижимает голову к твердой поверхности. Он пытается проследить логику отцовской мысли, подоплеку его вопросов: *Что ты понимаешь из того, что я сказал? Нужны ли тебе подробности? Как называют отца без сына?* Этторе снова возвращается к письму, заставляет себя прочесть его, заставляет себя позволить этому грузу лечь на все его воспоминания об отце, и его жизнь проседает под всеми фактами и допущениями, которые он принимал как сами собой разумеющиеся. Потому что он не может уйти от этой бескомпромиссной подробности: он не знает своего отца и, вероятно, никогда не знал.

* * *

И вот почему он остается в столовой и ждет

ежедневного завоза пленных. Он хочет быть среди тех, кто растратит всего себя, а потом, как прах, улетит в забвение. Он будет фотографировать их в тот момент, когда они будут вынуждены пересечь границу. Он будет искать себя в их искореженных фигурах, размахивающих руками и ломающихся в полете. Этторе останавливается на краю дороги, которая поднимается в скалы, ждет, когда грузовик заползет наверх. Машина останавливается. Мотор недовольно работает вхолостую. Водитель высовывается в окно, машет перед собой, потом лениво убирает голову назад в кабину. И только теперь Этторе замечает служанку Фифи. Она блокирует продвижение грузовика, идет вперед, размахивая корзинкой. Она медленно, уверенно подходит, кивает водителю. Просовывает руку в открытое окно, потом идет к заднему борту и ставит на бампер круглый, плоский *мессоб*, какие носят аборигены.

Она достает вязанку листьев и быстро распределяет их между пленниками. Потом смотрит через плечо, а когда замечает Этторе, становится так, чтобы он не видел ее руку, которую она опять запускает в корзину, а потом в укрытый брезентом кузов. Ее движения такие быстрые — трудно разглядеть, что она делает. Она останавливается,

снова оглядывается, потом поворачивается и взволнованно говорит что-то. Слушает, что отвечают ей пленники. Кивает. Потом она уходит, неся корзинку перед собой. Она не смотрит на Этторе. Легко предположить, что она прочла им молитву и выслушала их исповеди. Но сегодня Этторе знает, что здесь происходит нечто другое, еще одно нарушение естественного хода вещей.

* * *

Кухарка передает каждому пленнику по небольшому мешочку с порошком, завернутым в листья ката. Будьте готовы находиться в постоянном контакте со смертью, говорит она. Вы умрете, но не показывайте им своего страха, говорит она. Не просите.

Руки и ноги пленников связаны, но они тянутся к ней, как могут, в ужасе смотрят на залитую солнцем долину за ее плечами. Регулярно через день привозят не менее пяти человек. Машина приходит между двумя и тремя часами дня. К тюрьме рядом со скалой они подъезжают ровно в три тридцать дня. До четырех часов их всех фотографируют. Потом их снова связывают, срезают с них нескладную одежду. Их сталкивают со скалы между пятью и половиной шестого, для soldato

Наварры это наилучшее время — самый подходящий свет. Все это происходит под наблюдением часовых, которым *фереджи* любят подчиняться. Кухарка теперь пытается встречать всех задержанных, чтобы убедить их отказаться от наивной надежды и принять действительность такой, какая она есть.

Съешьте это сейчас же, говорит она теперь новым пленникам. Пережуйте хорошо и проглотите, тогда вы станете ангелами, умеющими летать. Она отказывается говорить шепотом, хотя и знает, что Наварра смотрит на нее; Фифи подкупила водителя и других охранников.

Глядя в кузов машины, она видит: мужчин и мальчиков, женщин и девочек, все они испуганы, все они сбиты с толку, все они не готовы прыгать в воздух, когда их сталкивают в пропасть.

Избежать этого невозможно, говорит кухарка. Но вы можете сами перепрыгнуть в другой мир. Возьмите это. И она подает еще один мешочек, кусает губу, чтобы не дрожала.

Я умираю за Эфиопию, говорит один из молодых людей.

Я ничего не сделала, почему я здесь? спрашивает девушка.

Передайте моей матери, что видели меня, умо-

ляют все они.

Кухарка отрицательно качает головой, протягивает руку, кладет ее на ногу ближайшего человека — старика, дрожащего в своей драной футболке. Ты умрешь без всякой пользы, аббаба, говорит она. Ты умрешь ни за что, потому что ты невиновен, и никто не запомнит твоего имени.

Она оглядывает остальных. Но скажите мне, кто вы, говорит она. Говорите медленно и повторяйте три раза, и я постараюсь, чтобы вас не забыли. Я сделаю вас воспоминанием, достойным этого падения. А теперь называйте мне ваши имена. И называйте свои имена, когда вас будут фотографировать. Называйте их, когда будете прыгать в воздух и учиться летать. Не позвольте им забыть, кого они убили.

После этого она уходит и передает эти имена Фифи, которая запишет их в журнал, взятый у Карло Фучелли, а потом они вместе закопают его в землю в палатке Фифи, потом поставят сверху кушетку, а когда война кончится, они вытащат журнал и назовут имена одно за другим.

* * *

Этторе дожидается, когда исчезнет кухарка, потом подходит к заднему борту грузовика. Он

стучит пальцем по бамперу, привлекая внимание camionista. Я только посмотрю, говорит он.

Он засовывает голову под брезентовый верх, моргая от неожиданной темноты, ему тут же ударяет в нос запах пота и дерева, земли и засохшей крови. Этторе отворачивается: он никогда не смотрел впрямую на пленников. Он видел их только через видоискатель камеры, и то с единственной целью — передать их в идеальном дневном свете: их ценность измерялась балансом тени и резкости. Он нашел способы оставаться глухим к их мольбам и проклятиям, когда они поворачивались, замирая, словно танцоры, на краю скалы для его последней фотографии — их предсмертное изображение, может быть, единственная фотография в их жизни. Каждая фотография стала нарушением им клятвы, которую он дал самому себе, проломом в защите, которую он воздвиг, чтобы игнорировать свое превращение в того, кем стал: архиварием непристойностей, собирателем ужаса, свидетелем всего того, что вспарывает кожу, взламывает решительность и делает человеческие существа мертвецами.

В кармане его рубашки лежит письмо от отца: оно через материю обжигает его сердце, когда он заглядывает в кузов грузовика и видит то,

что должно расстаться с собой, связанное нечто, которое вынудили признать эфемерность собственного бытия. На него накатывает волна сострадания к пленникам, которые смотрят на него в смятении и отчаянии. Ему хочется дотянуться и пожать руку ближайшему к нему старику, найти слова, объясняющие, что он никому не желает зла. Тело имеет ограниченные возможности — он хочет напомнить об этом старику. Мы все сотворены природой смертными. То, что случится с вами сегодня, в конечном счете ждет нас всех. Вы полетите вниз и погибнете, но тогда вы уже больше не будете ничего должны этому миру.

Мой собственный разлад с самим собой, добавил бы он, если бы имел надежду быть понятым, был медленным, ускоряющимся полетом на дно. Это было бесконечным падением, которое началось со слов: Сделай фотографию, soldato.

Вместо этого Этторе молчит и отирает лоб, жара сегодня такая же невыносимая, как всегда. Он дает возможность глазам привыкнуть: они ничем не отличаются от других, мужчины, женщины разных возрастов, мальчик, цепляющийся за руку отца. Жесткий лучик света падает на рубашку мальчика: она в травяных пятнах, словно

он упал на бегу, зацепился за что-то, споткнулся на полной скорости, а отец не успел его подхватить. Все они что-то жуют, их рты двигаются в неторопливой синхронности, зубы тщательно пережевывают что-то, потом следует здоровенный глоток.

Что это? спрашивает он. Он удивлен грубостью своего голоса, тем, как легко он становится тем soldato, который нужен Фучелли. Как естественен этот переход к жестокости. Как легко озлобиться сообщениями о грядущей переписи, о том, что евреи теряют работу, о тех, кому запрещено пользоваться радио, о владельцах магазинов, которые больше не могут соблюдать шаббат в Ливии и Эритрее или свободно гулять по своим городам. Как просто было полковнику Карло Фучелли напомнить ему, что он чужой. Что он не итальянец.

Отец мальчика показывает на свой рот и пожимает плечами, глаза его щурятся и словно подернулись пленкой. Это лекарство, говорит он.

Одна из женщин роняет голову и улыбается.

Мальчик показывает на Этторе и кричит: Viva l'Italia! Его плечи сотрясаются от сдерживаемого смеха, другие пленники присоединяются к мальчику.

Этот звук раздражает Этторе. Он делает шаг назад, пораженный неуместностью смеха, его вульгарной легкостью. Пленные ждут его реакции, они смотрят с издевкой и презрением, эти нелепые существа еще не знают своей судьбы. Что есть чудо человека, если не эта темная решимость перед лицом ужаса? Ему было бы просто развернуться и пойти в свою палатку, сидеть там, пока не придет время подняться на холм и делать снимки. Было бы просто сделать вид, что этот день ничем не отличается от других. Но Этторе смотрит на безмятежные выражения лиц пленников, позволяет своим глазам вглядеться в их апатичные черты, грязные одежды, неухоженные волосы, и то, что он видит, есть подтверждение слов отца, сказанных давным-давно: Есть только один путь, сын мой, и это путь вперед. Это единственный настоящий выход.

Фото

Мальчик в грязной рубашке прижимается щекой к высокому камню, словно это грудь отца. Он смотрит в объектив камеры своими выразительными и любопытными глазами, его губы оттопырены пищей, набитой в рот, поток слов, крик о помощи, взрыв смеха. Одна ладонь лежит на жесткой поверхности камня, палец поднят и

показывает вдаль, жест обвинения и мольба о терпении. Его маленькие ступни нависают над краем пропасти, его широкие пальцы ног отчаянно цепляются за землю. То, что простирается за его спиной, величественно и поразительно: бескрайний ландшафт высоких гор и безжалостных камней, зияющая пропасть, дна которой невозможно увидеть, от нее захватывает дух, это заметно даже по остекленевшему взгляду. Его лицо — смазанное сочетание нежных черт, трясущаяся голова, которая двигается быстрее, чем работает затвор камеры, оно мечется налево, потом направо, потом снова налево, на нем выражение вызова и ужаса.

Вот что невозможно передать на фотографии: пока не начинается свободное падение, он повторяет свое имя — Зерихун, Зерихун, Зерихун, и эхо его голоса представляет собой скорбный плач земли, суши, закаляющей свою жестокость.

* * *

Они называют свои имена и требуют, чтобы он назвал свое. Они тащатся к краю, потом падают на землю, одержимые бессмысленным смехом. Свет колышется вокруг их медлительных фигур: вихлявые тела, пропадающие в дымке. Этторе

подается вперед, приглядывается, приказывает ascari угомонить их, но сделать четкий снимок никак не получается. Последний толчок полон отчаяния. Это мольба о нормальности, возвращение к контролю и управлению. Пленники делают шаг в пропасть с размягченными костями, с облегчением и без изящества, и Этторе удается снять только неловкие согбенные фигуры, делающие шаг в пустоту, выкрикивающие свои имена в бездну, которая множит их голоса, превращая их в монотонный оглушительный хор. Они шагают в пропасть, словно ныряют под воду, тонут и пытаются схватить ртом воздух, переходя из экзальтированного сна в парализующий кошмар: призрачные формы непроизносимых слов, темные отметины на небе.

Глава 2

Много лет спустя в кафе портового города Александрия Этторе будет объяснять Хейраллаху Али, что в полученном им отцовском письме на самом деле ничего толком не было сказано о жизни отца. Когда Хейраллах Али спросит его про Леонардо Наварру, он заставит себя признаться, что он мало знает о нем. Мой отец всегда был чужим для меня, скажет он. Я знал о нем по его вопросам, а не по его ответам. Этторе признается также после напряженной паузы, что он иногда спрашивает себя, были ли еще письма, которые не дошли до него, другие письма от его отца, потерянные в транзите. Мой отец был человеком немногословным, а вот смыслов носил в себе множество, добавит также Этторе. Но я уверен, что были и другие письма, которые рассказали бы мне больше. Не в его характере было задавать так мало вопросов.

Отчасти Этторе прав: Лео Наварра и вправду написал все о себе своему сыну в многочисленных письмах. На самом деле Лео удивил себя и нарушил молчание, чтобы рассказать Этторе обо всем, что с ним случилось в жизни. Этими письмами

он оживил себя. Как то свое прошлое, о котором он предпочитал умалчивать, так и другое, оставленное для мертвых. Писал Лео с неистовством. И в те моменты, когда ему хотелось исчезнуть, снова оставить все это позади, он продолжал писать. Когда он закончил и не мог больше сказать ничего, не повторяясь, он уложил все эти письма в коробку. Потом он и Габриэлла убрали коробку и принялись ждать возвращения Этторе. Именно эту коробку Хейраллах Али и передает Этторе в Александрии много лет спустя после войны. Коробку ему доставил друг из Венеции, имевший поручение найти журналиста-египтянина, знающего, вероятно, знаменитого итальянского фотографа, чьи родители были схвачены немцами и отправлены в Ризьера-ди-Сан-Саббу[86], а оттуда в Аушвиц. Ту самую коробку, которую теперь периодически открывает Этторе и принимается искать другие письма.

И все же именно в ту ночь, когда Лео был уверен, что он и в самом деле почувствовал дым, который поднимается над принявшей его страной Италией, он встал с кровати, прокрался в комнату Этторе и вытащил все письма из короб-

---

[86] Примечания: 86
Нацистский концентрационный лагерь в Триесте.

ки. Он прошел на кухню, вытащил из шкафчика ножницы. Дождался, когда стихнет дрожь в руках. Потом он стал брать листы бумаги один за другим и разрезать их острыми серебристыми лезвиями. Он уничтожил все последние письма, делал это тщательно и педантично, потом подмел пол. Он провел за этим занятием несколько часов, чувствуя, что Габриэлла в халате стоит в дверях, раздавленная горем, а потом принялся за новое письмо. Потом он опустил это письмо, адресованное сыну, в почтовый ящик и улегся спать — проспал он до обеда.

Вот почему, когда Этторе видит письмо своего отца в Эфиопии, он отчасти понимает, что перед ним сломленный человек. Свидетельством тому мелкий, идеально ровный шрифт: Лео Наварра приложил усилия, чтобы лишить свой почерк его обычной пышности, и уничтожил все эмоции, которые могли рассказать о нем больше, чем он хотел. Он пытался снова стереть себя из прошлого и оставить только то, что необходимо в строках письма. А еще Лео фактически оставил сыну последнюю свою загадку. Он спрятал себя между слов, заполнивших все пустоты и поля, написал так, что все еще слышна мольба: найди меня, спаси меня, подержи меня — хоть раз — в

рассеянном сиянии нежного света.

Краткая история Леонардо Наварры

Он не знал, каких тем он не должен касаться. Он не понимал со всей ясностью тех фактов, которые подлежали передаче посредством логических рассуждений, и тех подробностей, которые могли быть трансформированы только в звук. Лео Наварра, урожденный Лев Найман, появившийся на свет 19 апреля неопределенного и вполне обычного года, даже не был уверен, что оставшееся несказанным в его записках заслуживает такой чести. Точно так же не знал он, пойдет ли озвучивание на пользу тому, что он озвучил. Он всегда глубоко чувствовал бесконечную дистанцию между двумя этими полюсами выражения. Он видел многочисленные ошибки опущения и бестактные включения в разговорах родителей. Их слова, те, что скрыты в безмолвных жестах, и те, что вылетают из кричащих ртов, витали на периферии его видения, когда он был мальчишкой, ждали, когда он споткнется.

В тот день, когда Лео, урожденный Лев Найман, сын двух усталых родителей, живущих в покосившемся деревянном доме, начал говорить, его первые слова, как сообщила ему потом его мать, звучали не так, как должны звучать, когда

их произносит неопытный язык младенца. Она убеждала друзей, что ее маленький, но очень активный сын, сидевший на ее бедре, в один прекрасный день заглянул ей в лицо и просто сказал: Мы все должны понести наказание.

Когда усталый отец Льва, Максим, вернулся как-то раз вечером домой и услышал, как его сын повторяет эти слова, он сел за стол, положил голову на руки и пробормотал: Он родился в Изюме, но когда-то город назывался Изюмчик, а еще раньше он назывался иначе, но это название потеряно для нынешнего поколения. Он не понимает, что, как землю ни назови, она землей и останется. Он воображает, что слово может изменить форму. Но ты должна объяснить ему, моя любимая, что это та самая земля, в которую ложатся наши страдания, когда мы умираем. Неизменное остается без изменений, как бы мы себя ни называли. А имел он в виду, как узнает впоследствии Лев, вот что: только земля запомнит, кто мы такие, ничто, кроме нее, не имеет такой силы нести бремя памяти. Чтобы стать неизвестным, недостаточно поменять имя: человек должен пойти туда, где земля всегда была чужой тем, у кого общая с тобой кровь.

Лев Найман, он же Леонид Новски, он же Лео-

нардо Наварра, муж красавицы Ани (21 марта 1881 — 19 октября 1905), отец маленького Бориса (25 ноября 1902 — 19 октября 1905), в последний полный день жизни спавшего на коленях перепуганной матери, пока его отец добирался с работы домой, звал их с охваченных огнем улиц Одессы, бежал вверх по заполненной дымом лестнице, пока ни воздух, ни слово уже не могли вырваться из его рта. Лео, отец Этторе, муж Габриэллы, гордый итальянец, вечный атеист, человек, твердо верящий в факты и подробности, неколебимо убежденный в том, что то, что видимо, обязательно должно быть истинным, написал письмо своему единственному живому сыну и излил полускрытую жизнь на этом листе бумаги. Он сделал это в фанатичной уверенности, что оно будет найдено и расшифровано. Но, как узнал Хейраллах Али, этого не случилось.

Глава 3

Само по себе это действие не имеет смысла, такая мелочь, как поступок отца, который ставит маленького сына на высокую кладку дров и вытаскивает из нее нижнее полено. В приказе, который Карло Фучелли отдает Ибрагиму, нет сентиментальности: Достань мне это письмо, от которого Наварра, кажется, не может оторваться, хотя уже две полных недели прошло. Немедленно добудь мне его, чтобы я его прочел, прежде чем он поймет, что оно пропало. Так ведут себя мужчины по отношению к тем, кто находится у них в подчинении: они давят, и гнут, и смотрят, сколько времени нужно, чтобы парень наконец сломался. Они ведут себя так, потому что могут. Они ведут себя так, потому что после этого отвлекшийся от дела парень снова становится податливым и впечатляюще покорным. Фотографии пленников поступали не с той регулярностью, с какой следовало бы. Этторе Наварра делает недостаточно фотографий. Ascari сообщают, что, пока они сталкивают пленных, он проводит время, сидя у толстенного дерева на некотором расстоянии от скалы.

Ибрагим приносит ему письмо ночью, вручает и ждет, когда он закончит читать. Карло не спрашивает, как Ибрагиму удалось незамеченным пробраться в итальянскую зону. Он доверяет способностям Ибрагима, его исключительной исполнительности в том, что касается приказов. Карло вынуждает Ибрагима ждать, пока он перечитывает письмо, — с тем же результатом: предложения ясны, но эмоции ускользают от него с каждой точкой, каждая новая мысль дробится к тому времени, когда он доходит до следующей точки. В письме нет ничего такого, что он мог бы зафиксировать и обездвижить, чтобы изучить досконально. Это письмо, в котором смысл всплывает на поверхность в тусклом свете, потом исчезает, личное послание отца сыну, отца самому себе.

Карло Фучелли садится за свой стол, отодвигает письмо в сторону. Он берет срочную телеграмму, в которой сообщается, что команда «Люче Ньюс» прибывает в то самое время, когда Хайле Селассие приказал Кидане организовать нападение на его, Фучелли, лагерь. Эфиопы будут атаковать завтра, и он должен позволить операторам запечатлеть все на пленку. Карло трет глаза, размышляя о своем следующем шаге. Наконец, когда Ибрагим

осторожно покашливает, он прерывает свои размышления и возвращает письмо Наварры. Карло чувствует себя странным образом опустошенным, он не находит нужных слов, и когда он кивает Ибрагиму и смотрит, как тот разворачивается и уходит, для него это не более чем шелест крыльев в ночи.

Карло выходит из своего кабинета на следующий день, чтобы встретить команду Люче Ньюс. Приказ из Рима требует, чтобы он предоставил команде полный доступ к солдатам, позволил им снять столкновение, обеспечивая их безопасность. Италия не должна до сих пор сражаться с этими бунтовщиками. Уже было сообщено о том, что дуче победоносно закончил войну. К этому времени сопротивление на северном фронте должно быть подавлено. Пусть камеры заснимут мощь Италии. Карло проверяет пуговицы на своем мундире, поправляет каску на голове, протирает солнцезащитные очки, сует сигарету в рот. Нужно учесть все детали — от его внешнего вида до его действий: он должен сыграть роль, о которой мечтал всю жизнь, показать ту суть лидерских качеств, которые он старался продемонстрировать в Эфиопии. Он должен быть героическим лидером, безжалостным врагом,

бесстрашным командиром во главе победоносного войска.

Что-то в письме Лео Наварры задело его память. Словно этот человек писал послание ему, Карло, потерянному им сыну-призраку, человеку, восставшему теперь из пламени и праха, чтобы сражаться с врагами. Лео Наварра познакомил его с чем-то новым: с родительской любовью, в которой нет ни малейшего намека на издевку или разочарование.

Сегодня эта подробность кажется ему поразительно впечатляющей, возможно, даже роковой накануне сражения: есть вещи, которых он никогда не понимал во взрослых, в тех, кто наблюдает за мальчиками, что растут и становятся мужчинами. Это неведение похоже на вяло протекавшую болезнь, обнаруженную слишком поздно, инфицированную рану, которая все глубже поражала ткани, когда ему казалось, что это все просто зуд. Его отец был трудным человеком, жившим в плену собственных агрессивных наклонностей, но Карло Фучелли пришел к заключению, что так ведет себя большинство отцов. Увидеть мучительное умолчание в напоминаниях Лео Наварры сыну означает увидеть любовь и почитание слишком сильные, такие, что их невозможно

выразить обычными словами. Означает увидеть то, чего ему не хватало всю его жизнь.

Вот почему Карло настаивает, чтобы камера надолго задерживалась на нем, когда он будет стоять перед тюрьмой в полной форме, гордый и бесстрашный. Это предназначается для тех, кто похож на его покойного отца, путавшего страх с трусостью, принимавшего слезы за слабость и коривщего мягкое сердце за невысказанную ненависть, которую учился вынашивать его сын, пока не пришло время покинуть дом и отправиться в Триполитанию[87]. Это для них, для ragazzi, хочет сказать Карло съемочной бригаде, для всех тех, кто сомневается в легендах, которые мы сотворим в этот день, для всех тех, кто отказывается верить, что простой человек может заслужить героическую память. Этот день для всех тех, кто не считает, что можно возродиться после полного фиаско и встать, как прежде, на две ноги.

Снимите Карло Фучелли крупным планом, пока его люди строят баррикады. Медленно панорамируйте снизу вверх. Сделайте общий план тюрьмы, потом переходите вправо, чтобы в кадр

---

[87] Примечания: 87
Триполитания — историческая область и бывшая провинция Ливии.

попал обрыв. Съемка с перспективы пленника. Снимите общую панораму ландшафта перед атакой. Абиссинцы уже в пути, и мы защитим нашу страну так, как вы никогда не видели. Я покажу вам сражение, достойное Римской империи, достойное великой Троянской войны. Я не стану посылать танки или пушки, чтобы уничтожить их до того, как они приблизятся. Я не стану вызывать самолеты, чтобы полить их ядом, пока они еще одеваются к сражению. Мы сделаем это так, как делали древние, и одержим победу во славу Италии винтовками и голыми руками. Наводите на резкость, делайте крупные планы, стабилизируйте кадр. Приготовьтесь к чудесным проявлениям храбрости. Смотрите! Вы уже видите врага по пыли, поднимающейся на горизонте. Оцените их мощь, но не обманывайтесь: они идут, как Мемнон шел за Ахиллом. И умрут так же, как Мемнон.

Глава 4

Вот как начинается сражение: медленным появлением тени монарха из-за высокого горного пика. Неотчетливым образом императора, уловленным пощелкивающей и жужжащей камерой, отраженным блеском объектива, посылающего его в тумане на склоне холма. Отряд Кидане готовится разделиться на группы, которые окружат итальянцев, Царская Тень и его охранник-женщина заходят на самый высокий гребень и смотрят вниз. Отряд смотрит вверх и погружается в молчание, приведенный в трепет видением императора Хайле Селассие, потерявший дар речи при виде его охранницы, великолепной в своей форме.

Шепот: Он вернулся. Он здесь. Джан Хой освободит свой народ. Он пойдет с нами в атаку, поубивает врагов и вернет себе трон. Он здесь!

Они не боятся усиливающегося урчания, разносящегося по долине со стороны итальянского лагеря. Шумы не имеют значения. Они смотрят на Хирут, на их новый символ матери-Эфиопии, представляющий всех женщин, которые выжили в войне, чтобы поднять оружие и сражаться или

бежать на поле боя, чтобы выносить раненых. Отряд падает на землю. Они прижимают лбы к земле. Они проклинают те слухи, которые сообщали, будто император бежал в другую страну. Они благодарят Всемогущего за то, что их великий вождь пришел, чтобы вести их в бой. И они клянутся сражаться до последнего вздоха.

Хирут смотрит на Минима, который медленно исчезает из виду за гребнем холма, чтобы быть подальше от воинов, которые пойдут в атаку первыми. Отряд рассеялся, занял позиции, и никто не знает, что император исчез из виду. Почти невозможно различить его стройную фигуру в нечетком облаке пыли, которое развевается, словно накидка, за его спиной. Хирут, которая смотрит ему вслед, пробирает дрожь. Вынести это почти невозможно: душевный трепет и ужас, зов и риск, честь и обязанность. Она смотрит на Аклилу рядом с ней и чувствует себя уверенной, успокаивается под его бестрепетным взглядом. Она кивает ему, а он улыбается ей в ответ, потом они оба смотрят на бойцов внизу, она находит взглядом Кидане. Он хватает за руку Сеифу, кивает Амхе, оглядывается на Астер в такой же, как у него, форме. Большинство остальных женщин, которые будут сражаться рядом с ним, облачены

в платья. Хирут воображает, что ей слышны слова Кидане, обращенные к Сеифу, потом к Астер, а потом — что Астер передает другим женщинам: Итальянцы подготовились. Это будет не неожиданный налет, а настоящее сражение.

Подготовься, шепчет Аклилу в оглушающую тишину. Следуй за мной и держись рядом, добавляет он. Он сжимает руку Хирут — давление, которое унимает ее дрожь.

Когда Кидане подаст знак, они бросятся в атаку на итальянцев, а тем временем другая группа во главе с Амхой обойдет холм в сторону лагеря строительных рабочих, проколет покрышки, украдет инструменты и оружие, перережет линии связи. Они сожгут палатки и убьют тех, кто им попадется. Они подожгут эту ужасную тюрьму и сбросят в пропасть колючую проволоку.

Хирут берет себя в руки. Долина расширяется. В ушах у Хирут звон. Она потеет. Им предстоит пробежать по долине, а потом подняться на холм по склону, после чего начать атаку. Они должны преодолеть немалое расстояние, и по пути с ними может случиться что угодно, с ними может произойти все.

Спокойней, спокойней. Голос Аклилу как касание прохладного ветерка. Будь сильной, бравый

солдат, я рядом с тобой.

А потом резкая вспышка света, упавшая звезда, луч, играющий на поверхности воды.

Кидане разворачивается и бежит в сторону врага, потом бросается вниз по склону холма, изящный и легкий в своих движениях, его ноги как крылья, убийственная корона его длинных кудрей полощется на ветру. Отряд поворачивает в его сторону, подается вперед и беззвучно бросается следом, долина внизу все еще дрожит в предвкушении.

Аклилу тащит ее, и вскоре Хирут оказывается в хороводе облаков пыли; вокруг нее, вплотную к ней, рядом другие толкают ее, спеша добраться до врага. Ей кажется, что она бежит одна, одинокая фигура, пытающаяся сохранить равновесие на скользких камнях. Потом она перебегает на траву и оказывается беспомощной пленницей собственной инерции. Она чуть не падает, но выравнивается. Ее толкают сбоку, и со спины, и спереди, и она не видит Аклилу. Она вытягивает руки, несясь вниз по склону, но его нигде не видит.

Подожди, тихо говорит она. Подожди меня.

Она ничего не видит, кроме земли перед собой, и ноги несут ее вперед. Она знает, что бежит, она

знает, что не издает ни звука, но она не может сообразить, как ей это удается, когда внутри она вся парализована. Она пытается выкрикнуть имя Аклилу, пытается подать голос и пронзить тишину, пронзить эту странную немоту, эту неконтролируемую инерцию, но она издает лишь тихое гудение, проходящее через ее голову, потом по позвоночнику, отчего у нее перехватывает дыхание, а весь этот мир медленно раскрывается перед ней. Стреляй, говорит она себе. Стреляй по врагам. Но она ослеплена и оглушена этой странной внутренней какофонией, а мир превращается в свои тусклые очертания, пульсирующие в пыли.

Хирут бежит на шум. Она бежит от шума. Она несет себя в дым и вихри, исходящие от него. Она слышит свое имя, потом не слышит ничего. Она прыгает на линию огня и резко сворачивает в сторону. Она чует запах пролитой крови и удушающий аромат новых цветов. Она крутится в хаосе, ведомая инстинктами, направляемая чем-то, находящимся вне ее. Я поднялась внутри себя, *эмама*, слышит она собственный голос, я поднялась и бросилась на врага, как солдат, и увидела, что там никого нет, увидела, что я убила их всех без единого выстрела. Потом Хирут закручивается в вихре, созданном ею самой, она

одержима яростью и страхом, одинокая фигура, плетущаяся по теперь пустому склону вдали от действия, в удалении от своего отряда, она двигается к отдельному, другому сражению.

* * *

Она едва не натыкается на него, ей приходится балансировать руками, чтобы остановиться, потому что двигается она очень быстро. Она представляет себе узловатый прут, потом кучу затвердевшего навоза, оставленного выбеливаться под солнцем. Круглолицый *ферендж* откидывает назад голову, чтобы посмотреть на нее, он настолько ошарашен ее неожиданным появлением, что у него нет времени подняться и натянуть брюки. Его винтовка лежит у его ног, как выброшенная рубашка, в руке он сжимает горсть листьев. Он аккуратно балансирует на носках среди запаха, висящего вокруг него, вонь такая резкая, что Хирут приходится закрыть рот рукой.

Она делает несколько коротких шагов назад, ее винтовка косо висит на спине, а он смотрит с отвисшим от неожиданности ртом, он неспособен ни на что, кроме того извержения, к которому уже приступил, он беспомощен, застигнутый во время отправления естественных потребностей.

Я уйду, бормочет она, но не может оторвать от него глаз. Она всегда считала, что *ференджи* какие-то ненастоящие. Эти иностранцы — таинственные животные-убийцы, лишенные доброй воли и сострадания, бессердечные, бескровные машины.

Он роняет листья и хватает винтовку, его действия медленные, неуверенные. Он кричит, и его мягкий розовый рот открывается, его гланды шевелятся под панику слов.

Она делала это много раз в своих снах: выхватывала винтовку из-за спины, целилась и стреляла в Кидане. Она топила единственную пулю в его груди, нагибалась, чтобы убедиться, что он мертв. Она убивала его много раз, день за днем, ночь за ночью, в пути, во сне, во время еды, ухаживая за ранеными. Она научилась противостоять тупой силе кишечника. Она нацарапала черточку на стволе — знак уничтоженного врага. Она столько раз тренировалась делать это с Аклилу, когда ложилась спать и когда видела сны, что ее тело знает, как себя вести. Она представляет себе Кидане и нажимает спусковой крючок. Бабах, говорит она одновременно с выстрелом. Бабах.

Потом она отступает, чтобы он не задел ее дергающимися ногами, кровь лужицей собирается

на листьях, появляется новый запах — мочи, запачканной формы и ботинок. Бабах. И она берет его винтовку, набрасывает себе на спину и бежит.

Хирут несется на шум, на крики боли. Она подгоняет себя, пока у нее не остается никаких ощущений, и она только может не отставать от этого послушного тела, несущегося по холму, жаждущего окончательного разрешения. Чем ближе подбегает она к занавесу пыли, тем громче клацают винтовки на ее спине. Они ударяют ее по позвоночнику, стукаются друг о дружку, создают шум, эхом отражающийся от холмов.

Хирут! Сюда, сюда. Осторожно!

Аклилу стоит в шаге от этой какофонии, он подзывает ее к себе, грудь его рубашки забрызгана кровью. Он размахивает руками, проводит грязным рукавом по лбу, чтобы убрать падающие ему на глаза волосы: они слипаются от крови, текущей из раны близ уха. Он смотрит на нее взглядом, полным паники, прикрытой суровым блеском жестокости, эмоций, которые схлестываются в крике во весь его распахнутый рот, когда он выкрикивает ее имя. Он отходит от клубка тел: в форме и белой одежде, в касках и простоволосых, и Хирут на мгновение кажется,

что он раскрывает ей свои объятия, зовет, чтобы крепко обнять, защитить от смерти. Потом ее взгляд ловит Астер в переплетшихся телах, на ней грязь и кровь, она то поднимает, то опускает руку, то поднимает, то опускает, клинок сверкает с ужасающей скоростью.

Помоги мне! Астер являет собой ярость и страх, вплетенные в одно простое тело, узел бешенства, склоненный над бездвижным и сломленным человеком.

Аклилу показывает, что она должна держаться подальше от схватки, а Астер зовет ее вперед. Хирут тянет к безопасности, но одна из винтовок соскальзывает с ее спины и оказывается в крюке согнутой руки, и она, у которой не осталось ничего, что по-настоящему принадлежит ей, понимает: другого пути у нее нет. Она кивает Астер, роняет лишнюю винтовку и бросается в клубок тел, кричит, закрыв глаза.

Она спотыкается о две ноги, падает на локоть, ударяется подбородком о грязный ботинок. Чей-то локоть находит ее челюсть, голова у нее дергается, Хирут слепнет от удара. Она вытягивает руки, старается понять, где она, как далеко упала. Целые тела разглядеть невозможно. Есть руки и ноги, торсы и колени. Она пытается встать,

но Астер, которая тщится вырвать винтовку у ascaro, всей своей массой ударяется о ее спину. Астер осыпает солдата проклятиями, превращая звук в стену, и Хирут чувствует, что прижата к земле, распластана, и она знает, что так и умрет: придавленная множеством ног. Она выкидывает вверх свою винтовку, пытается высвободить ее, потом чувствует, что не может дышать, начинает ловить ртом воздух, ощущение удушающее и знакомое: темная ночь, она прижата к земле тяжелым телом Кидане, лежащего на ней. Хирут охватывает паника. Грудь ее стеснена, она начинает работать локтями, толкаться, лягаться, потом ее хватает чья-то рука и тянет, а она позволяет себя тащить, потому что девушки вроде нее ничего не знают о бунте, потому что девушки вроде нее ничего не знают о сопротивлении, потому что девушки вроде нее не знают ничего, кроме как жить, подчиняться и помалкивать, пока не придет время умирать. И потому она ничуть не удивляется, когда, подняв наконец голову, видит Кидане в пропитанной пóтом форме. Он притягивает ее к себе, к своей груди, схватив ее за руку на тот знакомый ей манер. Хирут подается назад, видит его смущение.

И когда он снова берет ее за руку, показывает,

что она должна уйти подальше от этого месива сражающихся тел, и говорит, А если ты носишь ребенка? Ты должна находиться в безопасности; Хирут чувствует, как ее охватывает свежий безупречный ужас, и она воображает себя абсолютно бессильной и достойной немедленной смерти.

Другого языка, кроме этого, нет:

Бабах, говорит она. Она поднимает винтовку, лежащую у ее ног, стучит себя в грудь и изображает нажатие на спусковой крючок. Бабах. Убей меня. Она отирает слезы со щек и произносит эти слова: Застрели меня. Бабах.

Волна облегчения уже накатывает на нее. Тугой узел, давно завязавшийся в ее животе, начинает развязываться. Чувство такое сладкое, что она не может сдержать улыбку, а потом начинает смеяться, она отворачивается от Кидане, видя, что он возвращается в схватку. Бабах, бабах, пожалуйста, застрели меня. Она достаточно близко от него, чтобы видеть его раскрасневшиеся щеки, руки в шрамах, пот на его шее, темные кудри, падающие на лоб. Она не знает, куда исчезла Астер. Она не может думать. Она здесь, где и должна быть, в центре мира, она свободна наконец-то.

* * *

Укрывшийся за баррикадой Этторе — его винтовка направлена на пустой холм за узкой полоской земли перед ним — видит эфиопа, который быстро приближается к ним. Испуганный этим зрелищем, он оглядывается на других soldati: все они ждут приказа хлынуть в долину внизу. Фучелли отправлял их волнами, удлиняя сражение для кинооператоров, растягивая атаку, разбрасывая группы по полю, разобщая точки соприкосновения. Полковника предупредили, что подкрепления эфиопов появятся в центре сражения, и теперь Этторе видит, что они будут обеспечивать кинематографический задник для ряда стычек, происходящих в долине.

Этторе устраивается у своей винтовки, наводит ее на бунтовщика. Он разглядывает эту пугающе одинокую фигуру, приближающуюся к ним, ощущает невероятность происходящего. Это наверняка актер, которого Фучелли послал на камеру, символическое напоминание о силе итальянцев.

Марио прижимается к винтовке, вены на его руках надуваются от усилия, которое требуется, чтобы сдержать дрожь в руках. Потом он мед-

ленно поднимает голову. Бог мой, говорит он, бог мой.

Группа абиссинцев на лошадях с яркими цветастыми седлами на вершине холма по другую сторону долины. Они на полной скорости несутся вниз, взрыв света и цвета: дюжина воинов с буйными волосами, их крики напоминают нестройный греческий хор. Намного опережает их та самая невероятная фигура с незащищенной от пуль грудью, она перепрыгивает через камни и траву, совершенно невероятная. Даже прекрасная.

Потом появляется еще дюжина воинов на лошадях, несущихся вниз по склону, они грозят поглотить этого грациозного бунтаря, а потому одинокий солдат вынужден освободить им дорогу.

Это взаправду? спрашивает Марио. Или все это для камеры? На лице, которое он обращает к Этторе, прежде чем повернуться назад, удивленное и испуганное выражение.

Глухой удар копья — и soldato в конце строя за баррикадой кричит от боли. Солдаты подаются вперед, они напряжены и ждут приказа Фучелли открыть огонь. Они целятся в сторону холма, в обескураженного и обескураживающего солдата,

который уворачивается от лошадей и всадников.

Но новые абиссинские воины все появляются с другой стороны долины, некоторые из них пешие, они бегут в атаку на них, но никакого приказа от полковника по-прежнему не поступает — ни приказа стрелять, ни приказа делать вообще хоть что-то, только ждать этих людей, сотни молний в человеческом обличье.

Не стрелять! Этот приказ проходит по рядам. Пусть подойдут поближе.

Фофи двигает винтовку слева направо, справа налево, голова его низко опущена. Он дышит сквозь зубы, шипящий звук, поток, журчащий над ними. На soldati надвигаются облака пыли и крещендо копыт. Они вздрагивают, слыша боевой клич эфиопов, который постепенно набирает силу, поднимается ввысь на эхах, бьет их по ушам. Этторе покачивается, вытянувшись вверх на носках. Каждый его мускул натянут до предела. Во рту сушь. Волны шума колотят его по голове, он моргает, чтобы прогнать туман из глаз, но то, что он видит, происходит в реальности.

Не стрелять! Огонь не открывать!

Что это? Этторе так быстро поднимает голову, что его каска откидывается назад. Кто она такая?

Одинокий солдат — девушка в форме с изящны-

ми чертами лица: одинокая абиссинка, плывущая над травой, без всяких усилий двигающаяся между всадниками, пленительная и фантастическая.

Фофи бросает винтовку и обеими руками сжимает каску на голове, отчего по лбу у него идут глубокие морщины. Санта Мария, она сумасшедшая.

Над этим несуразным видением открылось небо, и о ее схождении на землю возвещает заводь света. Всадники за нею подались назад. Они теперь выстроились в шеренгу, великолепные в своих белых одеяниях, их копья указуют вверх, они смотрят на молодую женщину.

Soldati ждут. Они стоят, а она излучает в долину тревожную тишину. Из соседней долины за холмом доносятся отдаленные звуки сражения — крики, выстрелы, но здесь, где плоская, поросшая травой земля лежит между двумя неровными пиками, не происходит ничего, только одинокая фигура замедляет ход, недоуменная, переходит на шаг. Наконец она оказывается в нескольких метрах от них, прямо перед Этторе, она показывает себе на грудь и говорит Бабах.

Она снова ударяет себя по груди. В ее движениях есть какая-то бесшабашная отреченность, игривость, которая наводит на мысль, что она вот

сейчас перепрыгнет через баррикаду и схватит его за горло.

Уходи, говорит Этторе, потому что не знает, что еще ему сказать. Уходи. Vatene. Спеши, пока тебя не схватили. Он делает движение, будто прогоняет беспризорную собаку, словно есть какая-то мысль, которую он пытается выкинуть из головы. Он делает это еще раз, трясет головой.

* * *

Она стоит там, как дар божий, словно залитая солнцем тропа, которая только появилась под ее ногами, просит Карло Фучелли сделать этот шаг к истинному и вечному величию. Карло, стоящий на холме выше своих бойцов, улыбается и машет кинооператору, который расположился так, чтобы в поле его зрения были долина и баррикады. Я вам говорил, гордо кричит он. Я вам говорил, что мы покажем нечто новое. Потом он отдает приказ: Задержите ее и приведите ко мне.

Хор

Пойте, дочери одной женщины и одной тысячи, тех множеств, что пронеслись, как ветер, чтобы освободить страну от ядовитых тварей. Пойте, дети, о тех, кто был до вас, кто проложил тропу,

по которой вы идете к более теплым солнцам. Пойте, мужчины, о доблестной Астер, и яростной Хирут и их ослепительном сиянии, освещающем всю окутанную тенью землю.

Пойте о тех, кого больше нет,
Пойте о гигантах, которые еще среди вас,
Пойте о тех, кто еще не родился.
Пойте.

Глава 5

Хирут бредет по пустоши, все дальше и дальше уходя от всех тех мест, что она знала, и наконец она становится чужой самой себе, превращается в неизвестную фигуру, бредущую по бесконечной выжженной земле, обугленным останкам далекой прошлой жизни. Останавливается она, только когда веревка ударяет ее по переносице, а потом сползает к ее ключице. Хирут недоуменно смотрит на веревку, а та начинает затягиваться на ее шее. Она не успевает повернуться, как тяжелый ботинок ударяет ее сзади по ногам. Она падает, падает неловко, уродливо. Бледный потный итальянец парит над ней, соединяя то пространство, где она находится сейчас, и холмы, где должна находиться. У него мясистое лицо, темная щетина, глаза маленькие, как булавочное острие. Лопнувший сосуд залил один глаз красным. Он смеется, глядя на Хирут. За ним слышатся другие голоса, гортанные, мужские.

Хирут сворачивается. Она упирает подбородок в шею, сводит вместе ноги и закрывает глаза. Если она будет сопротивляться, ее убьют. Если она останется в таком положении, ее убьют.

Итальянцы творят ужасы с девушками, но никто не предупредил ее о том, что происходит в промежутке между пленением и смертью, между осознанием и атакой, в этом промежутке времени возможно все, и все уязвимые части тела находятся под безжалостным светом.

Другой человек склоняется над ней, смертельно бледный, с тенями под голубыми глазами. Нижняя часть его лица искривляется в неторопливой улыбке. Он хватает ее за предплечье рукой в носовом платке, сильно дергает. Вставай, говорит он по-амхарски. Говорит он спокойно, но его спокойствие обманчиво. Он едва сдерживается, готов взорваться.

Хирут испуганно поднимается на ноги, ищет глазами свою винтовку, но та исчезла. Она смотрит на мужчин вокруг, улыбающихся и страждущих, любопытных и жестоких. Она сутулит плечи и закрывает глаза. В этом нет ничего нового. То, что она видит сейчас, всегда там и было: бескрайняя долина, зеленые холмы и каменистые плато, примятые белые цветы, которые ей хочется сунуть в рот и пережевать вместо еды.

Bella soldata, говорит он. Голос у него тихий, странно высокий. Он проводит пальцем по ее щеке, сдвигает ее подбородок в одну сторону. Он

поднимает ей одно веко, заставляя ее смотреть на него.

Меня зовут Карло Фучелли. Ты слышала мое имя? спрашивает он. Потом он замирает и кричит через плечо: Ибрагим!

Хирут поворачивает голову, чтобы скрыть мгновенный страх, который вызывает у нее это имя. Это тот офицер, который убил Тарику, и тот, которого Сеифу оставил живым. Фучелли, Мясник Бенгази. Тот человек, который сбрасывает эфиопов с небес.

Подходит высокий ascaro, отдает честь. Фучелли говорит ему что-то, тот кивает, переводит на нее взгляд, потом снова смотрит на итальянца.

Мы взяли твою подругу, говорит Ибрагим. Где лагерь Кидане?

Она смотрит на Ибрагима, потрясенная, и отрицательно качает головой. Этого ответа достаточно для Фучелли. Он кивает Ибрагиму, и ascaro берет ее под руку и тащит через толпу итальянцев, которые жмутся к ней, трогают ее волосы, спину, руку, талию, все те части, которые принадлежат пленному, а не солдату. Он ведет ее мимо рядов палаток, из которых при ее приближении выходят *ферендж*и. Она отмечает, как они смотрят на нее и кивают, а потом идут за нею. Процессия

растет — по одному итальянцу зараз, пока не выстраивается длинная, петляющая колонна, движущаяся по серпантину к другим палаткам, из которых на нее с ухмылкой на лицах смотрят другие ascari, а потом присоединяются к колонне, и та тянется за ней, словно вторая веревка, Хирут чувствует, что пальцы Ибрагима крепче впиваются в ее руку, тянут ее вверх по крутому склону, слышит, как за ее спиной на ругательном амхарском звучит непроизносимое слово, называющее то, чем она стала за несколько часов — чем-то новым, что меньше, чем пленный, меньше, чем Хирут, чем-то вырванным из контекста, существом без языка, без народа, без семьи, без любви, чем-то из промежуточного мира, не вполне человеком, не вполне животным, чем-то, имеющим лишь складчатую плоть, которую нужно разъять и использовать, а потом выбросить по своему усмотрению.

* * *

Она смотрит на напоминающую уродливый шрам колючую проволоку вокруг небольшого квадратного здания. Она переводит взгляд с ворот, запертых навесным замком, на головокружительный обрыв в нескольких шагах. Она

чувствует, как ее качает при виде убийственного продолжения V-образного прохода, голова у нее кружится, хотя ноги твердо стоят на земле.

Фучелли щелкает пальцами, солдаты перед ней расступаются, и то, что она видит перед собой, нарушает всякую логику: Астер. Но Астер вынута из себя самой, из своей армейской формы, оголена до неузнаваемости. Она ничто. Она никто. Она сорвалась с якоря, она потеряна, она не принадлежит никакой семье, никакому имени, никакому роду. Она лишена благородной крови, вываляна в грязи, окружена облаченными в форму людьми в кожаных ботинках, вбивающих однообразный ритм в мертвую траву.

Хирут закрывает лицо руками, но Фучелли кричит что-то, и Ибрагим ударяет ее по рукам, опуская их.

Пленная, говорит Фучелли и показывает на Астер. Он показывает на Хирут: Пленная, повторяет он.

Какой-то soldato протискивается из стоящей с раскрытыми ртами толпы и начинает неумело танцевать рядом с Астер. Он подражает жуткой, жестокой версии *эскесты*, из-под его потной рубашки проступают тонкие ключицы. Мужчины свистят и улюлюкают. Он переполнен нетерпе-

нием, его тонкие губы вытянуты, его бледные и узкие черты искажены острым голодом. Астер поворачивается, она переносит тяжесть своего тела с пятки на носок, с носка на пятку, она пытается увернуться, когда другой солдат впрыгивает в круг и обхватывает ее рукой за талию. Его движения расхлябанные и уродливые. Он хватает Астер за груди, закидывает ей голову вверх. Глаза Астер заплыли от побоев, нижняя челюсть отвисла, а вдоль изящной кривой ее ключицы видны глубокие фиолетовые синяки. Солдат поднимает ее руку и машет ею Хирут, это вызывает всеобщий смех, который прокатывается над их головами, сваливается в пропасть и умножается эхом.

Астер! Хирут бросается к ней, к морю мужчин, воющих в пропасть, и веревка на ее шее натягивается под подбородком, пресекает ее дыхание и крики. Она кашляет, хватает ртом воздух. Пустите меня, говорит она. Пустите меня к ней.

Потому что в этом мире есть милосердие, которое должно быть даровано тем, кто жил безупречной жизнью. Есть негласные правила для тех, кто родился, чтобы продолжить великие истории и благородную кровь. Мир должен жить по правилам, чтобы все оставалось в неприкосновенности, и девушки со шрамами должны

понимать свое место по отношению к тем, кто оставляет на них эти шрамы. Хирут подается вперед, от шока, и отвращения, и глубинных эмоций, которые распарывают ее, как острое стекло, она теряет связь с реальностью. Потому что, если такое может случиться с Астер, женой Кидане, возлюбленной дочерью Эфиопии, то что может ждать ее?

Астер! Хирут выкрикивает это слово, как имя, связанное с тайной. Я здесь, хочет сказать она. Я здесь, и мы живы, хочет добавить она, но она более не уверена, что понимает значение слова «жить». Она подозревает, что жизнь может оказаться одной из форм смерти.

Хирут протягивает руки, но Ибрагим туже затягивает петлю на ее шее. Затягивает с такой силой, что веревка обжигает ее кожу.

Прекрати дергаться, шепчет он. Прекрати, или он разозлится еще сильнее.

Она как может опускает голову. За Астер какой-то человек в гражданской одежде со странной камерой смотрит сквозь линзу. За их плечами ниже по склону стоят палатки. Хирут ищет глазами Кидане или Аклилу, ищет мерцание света, которое возвестит о ее приходе, но не видит ничего.

Хор

Мы пытаемся встать перед Астер. Мы пытаемся говорить, чтобы она услышала: Дочь Эфиопии, благословенный солдат, возьми руку, которую протягиваем мы, и учись жить. Но она все еще девочка, все еще молодая невеста, оставленная одна в спальне ее нового мужа, она прижата спиной к стене. И потому, когда ей говорят Иди, Астер, потанцуй с нами, что может делать Астер, если не танцевать? Мы видим ее. Мы видим эту женщину, которая стала той молодой невестой, что выросла из своего свадебного платья. Мы видим, как она пытается стоять, с разбитым лицом, и не только лицом, с поднятыми кулаками и дрожа от ярости. Посмотрите, как она в темноте размахивает своими узловатыми руками, с вызовом закидывает назад голову, выкрикивая имя Кидане. Приглядитесь, как она смотрит на себя, смущенная тем, во что превратилась. Послушайте, как она осыпает проклятиями то, что привело ее сюда, как она проклинает давно забытые имена. Как она смотрит в огромный гулкий зал, где ее отец готовит очередной свадебный тост, — и она проклинает и его тоже. Там она видит свою мать и других женщин с согнутыми спинами, с прижатыми к животам руками, и она слышит их шепот, похожий на богохульные обеты:

Она привыкнет к этому, как привыкли и мы.

Она научится любить его, как пришлось научиться и нам.

Она научится покорности как способу выживания.

Она видит кухарку, отрывающую взгляд от тарелки с едой, которую она ставит на стол. Она видит, как кухарка поворачивается, покачивает головой и говорит: Другого пути нет. Выхода нет, кроме того, что ты создашь сама. И невеста, бывшая прежде солдатом, поворачивается к лестнице, поднимается по ней, входит в спальню мужа, ложится в кровать, раздвигает ноги и говорит себе: она будет знать, что ей нужно делать и что сделать ничего невозможно, и она позволяет себе исчезнуть, и вот уже на этой кровати с кровавым пятном не останется ничего, кроме девочки, которая в приступе ярости переделывает себя на новый лад.

Интерлюдия

Хайле Селассие снова смотрит на фотографию, подносит ее к свету. Ему нужно собираться — семья едет в Брайтон, но он видит нечто невероятное, что невозможно выразить средствами ни одного из языков, которые он знает. Он откладывает в сторону рубашку, которую хотел было

уложить в свою маленькую дорожную сумку. Тут все налицо, но он не верит своим глазам: связанный человек, распластанный под солнцем, смертный, пытающийся совершить полет, какой под силу только ангелам, он обречен со своими земными сухожилиями и мышцами, его предают кости и плоть, его удерживают только веревка и безжалостный ветер. Это новая жестокость, которая выволакивает себя на свет божий и ложится тяжестью на его плечи, вторая кожа, которая загоняет его в ловушку непроходимой и пахучей бессмыслицы. Хайле Селассие ставит сумку на пол, выходит из своей спальни в коридор, спускается по лестнице, чтобы встретиться со своими советниками, которые должны сообщить ему последние новости.

Внизу лестницы он сворачивает в гостиную, а через нее выходит в сад. Он стоит под мелким дождиком, и ему кажется, что небо плачет. Он делает вдох, наполняет легкие влажным воздухом, поднимает голову. Некоторые люди имеют склонность к полетам, думает он. Некоторые люди — ангелы, которые тоскуют по бескрайнему небу. Некоторые жаждут освободиться от земных уз гравитации. Разве не того же хотел Икар? Разве его отец, великий Дедал, не сделал для

него крылья, чтобы придать сыну его истинную форму? Разве только гордыня погубила Икара, а не его неестественная склонность к полетам? Но притворяться бесполезно: его люди падают с небес. Их толкают, сбрасывают, и они гибнут, ударившись о землю внизу.

А кроме того, в последнем послании присутствует эта мелкая пугающая подробность от Феррес, повторение того, что он читал в предыдущем послании две недели назад и тогда отмел как несущественное, а сегодня он непременно должен разобрать этот вопрос на совещании: Пленники заявляют, что они видели императора, готовящегося к крупному сражению. Перед падением они выкрикивают его многочисленные имена в дополнение к своим собственным. Жители деревень отказываются верить, что Хайле Селассие оставил свой народ и уехал в чужую землю. Они настаивают на том, что видели его. Мы видели его своими глазами, и наши враги погибнут.

Советники подготовили ему итальянский киножурнал, состряпанный пропагандистской машиной Люче. Его стул поставили перед экраном, а остальные, для себя, расположили полукругом за ним. Они встают, когда он входит, и формально

кланяются, они все явно встревожены. Ваше величество, говорят они, и в их голосах он слышит едва заметную неуверенность, они словно спрашивают, на самом ли деле он — это он. Он садится и кивает, кто-то выключает свет, и он видит на экране яркий белый квадрат в начале журнала. Он позволяет глазам затуманиться при виде знакомых изображений — каменистый ландшафт и Нил, его солдаты, поднимающие свои старые винтовки, итальянские корабли и марширующие колонны, церкви, освещенные ярким солнцем. А потом… Он словно смотрит на медленно поднимающуюся реку, его изображение подергивается, двигаясь, сначала искаженное, потом знакомое.

Что это? спрашивает он, но вопрос его словно повисает в пустоте, в спертой атмосфере комнаты не раздается ни звука, кроме потрескивания проектора, бросающего на стену собственное изображение императора. Он наклоняется к экрану. Видит себя. Он видит лицо, такое же, как у него, лоб такой же высоты, свою бороду. И форма его, его накидка. Он смотрит, как стоит на вершине холма, на котором он никогда не был, поднимает руку так, как учили поднимать руку его при обращении к подданным. Съемка велась издалека, но это определенно он. Что это?

спрашивает он еще раз.

И тут вперед выходят его телохранители, по одному с каждой стороны его двойника, камера берет крупный план, картинка зернистая, неустойчивая, земля словно соскальзывает со своей оси. Император моргает и трет глаза. Это невозможно: Женщина? Нас охраняет женщина? Потом журнал заканчивается, экран чернеет. Еще раз, сначала, говорит он.

Император Хайле Селассие сидит, словно прирос к стулу, боится еще раз смотреть на изломанный свет, бродящий по его стенам. Но он видит себя, какие-то его части появились в виде ущербного двойника. И он начинает сомневаться в том, где реальность и может ли он на самом деле находиться в Эфиопии, пока некий император-самозванец, которого любят высмеивать итальянцы, сидит в настоящий момент на стуле, в комнате, точно повторяющей другую комнату, заявляющую о своей подлинности в Эфиопии. И император, сидящий в фальшивых стенах этого кабинета за этими фальшивыми шторами, спрашивает себя, а не заменили ли и солнце на двойника? Не стал ли и весь мир фальшивым, если все истины в нем вывернуты наизнанку? Он чувствует это даже в этом кабинете, который

воистину принадлежит ему, чувствует, как он, император, странным образом начинает исчезать, как его вытесняют со сцены фальшивые личности, притворяющиеся его союзниками.

Хайле Селассие достает из кармана ключ от своего кабинета в Аддисе. Он сжимает ключ в руке, и его ощутимость, острые зубчатые края, которые врезаются в плоть, успокаивают его. По ночам он кладет ключ рядом с Псалмами и своим английским словарем. Дополнительные комплекты его одеяний лежат у него в сундуках. У него несколько портфелей с копиями документов. Он подготовился к немедленному отъезду, но ничто из того, что он делает, не может стереть то, что он уже сделал, и переделать во что-то иное. Полет. Лететь. Парить. Оторваться от твердой земли и отдаться воле ветра.

Хайле Селассие приходится противостоять накатывающим на него волнам одиночества, которое обитает в нем. Он встает, свет в кабинете включается, а он подходит к своему окну, чтобы выглянуть наружу и понять, где же он на самом деле. Он прижимает ладонь к запотевшему стеклу. Потом убирает ее. Рисует крест внутри изящных очертаний своей ладони. Когда-то было сказано, что для своего народа император Эфио-

пии подобен солнцу. Но последние дни доказали, что мы живем и умираем среди теней, думает император. Мы делаем только одно: удерживаем власть надо всем, что обитает в тени и тумане. Все остальное — иллюзия, фальшивая видимость, призрачный двойник, который идет по нашим следам, жадный до каждого нашего вздоха.

Глава 6

Она не знает толком, как долго они находились в этой тюрьме на одну камеру. Она потеряла представление о прошедшем времени и его длительности, о том, как минуты перетекают в часы и смешиваются с ночью. Здесь так темно, так холодно, и ее глаза ослабели с пугающей быстротой. Она едва различает сутулые очертания Астер. Она не знает толком, дышит ли она или даже живы ли они обе. Хирут медленно моргает, ждет, когда ее глаза приспособятся.

Астер закуталась в разодранные остатки своей формы, сидит на кромке солнечного света, который широким золотым лучом проникает в крошечное оконце над их головами. Она сидит на корточках, согбенная фигура под бременем исчезающего света.

Астер, это я, говорит она. Хирут знает, что прикасаться к ней нельзя. И потому садится у двери. Я тоже здесь. Они и меня поймали. Она кладет ногу на ногу, опирается на руку. Давление успокаивает. Она боится рассыпаться и исчезнуть, боится и того, что ее уведут, и того, что ее оставят: тело, избиваемое руками снаружи, умирает внутри.

Астер?

Но Астер неподвижна, даже когда лучик света ползет по ее согнутой спине на пути прочь из этой тюрьмы.

* * *

Когда солнце встает, Хирут еще бодрствует. Снаружи сменяются охранники. Их разговор и приветствия дружеские, так разговаривают близкие люди. Один из них стучит по гофрированному листу алюминия в воротах. Именно туда поставил ее soldato по имени Наварра, чтобы наспех сделать фотографию. Ворота держатся на двух толстенных металлических столбах и закрываются на навесной замок. По периметру поставлена деревянная ограда с четырьмя рядами колючей проволоки. Убежать невозможно. Она уже пыталась. Начала копать деревянный пол, но только наткнулась на бетонный фундамент внизу. Она встала и прошлась по тесной комнате в поисках слабых мест в деревянных стенах, проломов в конструкции, тайных ходов, но безрезультатно.

Хирут прижимается затылком к стене. Она всю ночь просидела в этом месте у двери, опасаясь, что, когда Астер проснется, она еще будет спать.

Астер ушла в себя, так и сидит, свернувшись, дышит она так тихо, что Хирут несколько раз подавалась поближе к ней — не умерла ли.

Один из охранников свистит и стучит в дверь. Еда. Кофе. Хватит вам обеим. Он бегло, естественно говорит по-амхарски.

Она позволяет ему уйти. Она хочет извести себя голодом, сойти на нет, просочиться в землю и выскользнуть из этого места. Она трет глаза. Она не помнит, когда спала в последний раз, и голова у нее идет кругом.

Кидане, бормочет Астер. Кидане. Она стонет, молотит ногами, подхваченная фабулой сновидения. Слабый свет восхода просачивается внутрь, он все еще завернут в тьму ночи. Он обволакивает дрожащую фигуру мягкой дымкой. Астер, шепчет Хирут. Ты со мной. Она сжимает руки Астер. Она знает, по каким местам бродит разум в темноте. Она знает, как легко сойти с ума, когда у тебя слишком много времени для пребывания в этих уголках. Она прощупывает шрам на собственной шее, чувствует огрубевшую кожу, которая обтягивает ее ключицу. До вчерашнего дня она не знала, что существуют разные виды наготы. Она не понимала, пока не увидела Астер, что есть разные виды обнажения, и один из них

— непристойный и унизительный. Не знала, что некоторые тела не могут выносить унижения, что это делает их слабее, а не сильнее, они не в силах противостоять тому, с чем другие, вроде нее, живут день за днем, словно и нет ничего.

Астер поднимает голову. В ее голосе слышится дрожь. Кидане? Астер медленно распрямляется. Я поведу. Она прощупывает воздух. Где моя винтовка, глупая ты девка?

Мы в тюрьме, говорит Хирут. Нас поймали, я не знаю, где все. Ее подбородок дрожит, слезы просятся в глаза; произнесение этих слов вслух еще раз подкрепило их справедливость.

Заткнись. Астер прислоняется к стене, оглядывается, потом смотрит на себя и охает. Она складывает руки на груди. Ожерелье — разве он не надел его на меня? Потом она прижимает ухо к стене. Они подслушивают, да? Пожалуйста, отведи меня домой.

Мы в итальянской тюрьме.

Астер обхватывает дрожащими руками свое лицо. Она прикасается к своим плечам, заплывшему лицу, трогает промежность. Что они сделали? Это случилось? Она прижимается спиной к стене. Это была я? То была я?

Ее руки взлетают в воздух, потом падают ей на

колени. Она смотрит на них, пытаясь сморгнуть потрясение. Где мой муж?

Лицо, которое Астер поднимает к грубому потолку, являет собой полотно царапин, подсвеченных ранним солнцем. Она крестится, потом застегивает рубашку на оставшиеся пуговицы. Потом она делает глубокий вдох, потом еще один, и последний выдох обессиливает ее. Она опускается на землю. Где мой Кидане?

Хирут отворачивается. За дверью еда, говорит она, вставая на ноги. Я попрошу одеяла.

Они не имеют права держать нас здесь. Почему мы здесь? Астер поворачивается к стене и начинает тихо плакать.

Хирут встает у дверей, руки ее висят по бокам. Она боится открыть дверь и впустить солнце. Она не хочет видеть, что сидит перед ней, отражая то, чем была она всю предыдущую жизнь. Она осторожно поворачивает ручку и выходит, глаза ее горят и слезоточат на неожиданном свету. Она покачивается на ногах, неустойчивая и дезориентированная, наконец охранник показывает на поднос с едой сразу за оградой: ломти сухого хлеба и две чашки холодного кофе. За ним стоят два других охранника, держат ее под прицелом.

Хирут смотрит дальше — за спины этой тройки:

тут есть еще охранники, они идут тропинкой, которая ведет в лагерь внизу. А в нескольких шагах — два больших камня, которые словно простерли к небу руки в мольбе.

* * *

Внутри палатки кухарки: необычная и громкоголосая дрожь. Фифи смотрит на нее через отверстие в клапанах. Женщина выхаживает туда-сюда в тесном пространстве, ее верная ложка колотит ее по ноге, ее бормотания раскручиваются и проникают через ткань протяжным взволнованным вопросом. Фифи снова стучит снаружи, ждет, когда кухарка заметит и впустит ее, она не может понять, что нашло на женщину, которая обычно так пунктуальна в своих дневных обязанностях, что даже одна пропущенная еда дает основания для тревоги.

Сегодня кухарка не вышла из своей палатки и не принесла ей кофе. Она не подала ни инджеры, ни хлеба, не предложила посидеть с ней и поесть, прежде чем начать день. Она не выходила из своей палатки после того, как они закончили обед вчера вечером, сидела ссутулившись над *мессобом* в палатке Фифи, почти не говорила, настораживалась при каждом шуме со стороны

тюрьмы и новых пленных.

Прошлым вечером Фифи отважилась спросить ее: Ты знаешь этих женщин, которых они взяли в плен?

Кухарка сидела, уставившись на поднос с едой. Потом, после долгого молчания, сказала: Не позволь ему убить их. Рот ее продолжал дрожать. Он будет жестоким, но ты можешь помешать этому.

Кто они? спросила Фифи.

Кухарка отрицательно покачала головой. Я знаю, что он делает. Я знаю, что он за человек. Хватит, добавила она. Всему есть предел.

Я войду, говорит Фифи теперь, постукивая в клапан палатки.

Кухарка движением руки приглашает ее. Они стоят лицом друг к другу в маленькой палатке и не знают, что делать.

Что они сделали со старшей? Почему она была голая? Кухарка смотрит на ложку в своей руке и, словно поняв, с какой силой она сжимает ее, осторожно кладет ложку на кушетку. Она сердито, быстрыми и яростными движениями трет руки о ноги. Что случилось?

Фифи качает головой и садится на кровать. Ты сама знаешь, говорит она. Зачем мне тебе об этом говорить? И после их появления я не видела

Карло. Он со мной не хочет общаться. Я знаю, он забрал их форму, дал им пока абиссинские платья. Это все, что я знаю.

В палатке жарко, в ее тесном пространстве стоит густой запах куркумы и корицы. Кухарка смотрит вниз, на что-то рядом с ногами Фифи, потом вытаскивает из-под кушетки маленькую корзинку. Передай это им, говорит она. Передай это девочке, она будет знать, что с этим делать.

Фифи отрицательно качает головой. Я не смогу к ним подойти, тихо говорит она. Ты же их знаешь. Она ждет, когда кухарка скажет что-нибудь в ответ, возразит, согласится, но кухарка выпрямляется и ждет, когда продолжит Фифи. Я ничего не могу поделать, добавляет Фифи. Если я попытаюсь что-то сказать Карло, то сделаю только хуже.

Ты всегда можешь что-то сделать. Кухарка потеет, а в ее глазах горит испуганный и безумный свет. Ты столько всего делаешь, говорит она, не скрывая сарказма.

Фифи складывает руки на груди и подходит вплотную к кухарке. Она довольно высокая, и кухарке приходится поднять голову. Я тебя не боюсь, говорит она. Я не боюсь, и мне не стыдно. Ты считаешь, что твое занятие ниже твоего достоинства, продолжает она. Я знаю свое место.

Кухарка отступает от нее на шаг и смотрит на свои руки. Я не это имела в виду. Я говорю, что ты можешь делать все, что тебе захочется. Ты красивая.

И взгляд, которым женщина смотрит на Фифи, полон настороженной ревности, которая хочет утверждать и отрицать свое существование, и теперь настает очередь Фифи отступить на шаг, приготовиться к зависти, которая наверняка не заставит себя ждать, к негодованию, которое ведет к потере доверия и дружбы, потому что это уже столько раз случалось в ее жизни с самого детства, и она молча клянет себя за надежду на то, что с кухаркой будет иначе.

Кухарка продолжает: Ты свободная, и ты можешь говорить с ним так, как не может никто. Он будет вести себя так, будто не слушает тебя, но слушать он будет.

Фифи качает головой и роняет руки. Она разглаживает на себе платье и идет к выходу. Останавливается на пороге. Ты ошибаешься в том, что я обладаю властью над этим человеком.

Он тебя любит, тихо говорит кухарка.

Фифи смеется. Значит, ты не знаешь, что такое любовь.

И она тут же жалеет о сказанном, сожалеет

о рваной боли, которую эти слова причинили кухарке, об этой вспышке злости и негодования, которые полностью овладевают ее круглым лицом.

Кухарка, не сказав ни слова, наклоняется, чтобы вернуть на прежнее место корзинку, которую она вытащила из-под кушетки. Когда она распрямляется, на лице ее маска. Сделай что-нибудь, говорит она.

Глава 7

Фифи наливает себе кофе и ставит *джабану*[88] на пол у их ног. Ей необязательно смотреть на Карло, чтобы понять, что на нем опять два пояса. Он медленно расхаживает по небольшой складской постройке, которую стал использовать как свой кабинет, шаги он делает неловкие: ему мешает крохотный нож, который он носит на щиколотке. У него под глазами темные круги, красные линии проходят по кривой его густых ресниц.

Когда ты ел в последний раз? спрашивает она и оглядывается. В комнате всего одно окно — за его столом. Когда он садится, то смотрит прямо на дверь. Один стул задними ножками приставлен к стене, словно для того, чтобы блокировать дверь, когда Карло находится здесь. Другая маленькая дверь ведет, по-видимому, в складское помещение.

Он достает сигареты, закуривает. Ты взвинчена, говорит он и улыбается сквозь облако дыма.

---

[88] Примечания: 88

Традиционный северо-восточноафриканский кофейник, используемый в том числе в Эфиопии.

Шторы в его кабинете еще закрыты, но мягкий теплый свет уже просачивается в комнату. Свет обволакивает его лицо, выравнивает резкие линии его новой худобы.

Твои солдаты взбудоражены появлением новых пленных. Она ставит чашку на поднос и кладет в кофе крохотную ложечку сахара. Иногда даже не уснуть, добавляет она.

Шумы в лагере усилились после того, как были взяты пленные. Мужчины стали вести себя громче. Их смех стал более грубым и резким, даже походка у них изменилась — стала более веской, более волевой. Лагерь изменился, приспособился к новым пленным, все дали себе немного больше свободы.

На них была итальянская форма, говорит Карло. И оружие. Он подается к ней. Что это за женщины? Кого вы выводите в этой стране?

Он открывает вторую дверь и затаскивает Фифи во вторую комнату. В комнате кушетка, короткая книжная полка со стопками его папок, невысокая лампа и металлический стул. Комната без окон, тесная, настоящая каморка. В ногах кровати лежит футболка, на полу пара грязных носков. На спинке стула висит сложенная газета.

Он стягивает с кушетки тонкое одеяло и садит-

ся. Подтягивает ее ближе к кушетке и прижимает ее руки к своему рту. Целует ее ладони. Ты знаешь, сколько ваших убито на прошлой неделе всего в нескольких километрах отсюда?

Фифи смотрит на пистолет, торчащий из его мундира. Она уверена, что под подушкой у него нож — он с ним спит. Другой нож привязан к его икре. Его телохранители дежурят перед домом. Я тебя давно не видела, говорит она. Она вытаскивает свою руку из его и трет его лоб.

Он зарывается лицом в ее живот. Ты скучала? Он поднимает голову. Или тебе просто любопытно? Он выпрямляется.

Берет газету со спинки стула. Аккуратно раскладывает ее и кладет ей на колени. Крохотная статейка, втиснутая между двумя историями о новых телефонных линиях, соединяющих военные посты: «Хайле Селассие возвращается?» А под заголовком краткое сообщение о ликующих деревенских жителях, которые заявляют, что видели императора, Негуса[89]. Карло засовывает руку под кровать и извлекает оттуда плоскую стальную шкатулку, в которой хранит свои вещи. Защелка на шкатулке открыта, крышка

[89] Примечания: 89

Царский титул в Эфиопии. Часто титул «негус» употребляют по отношению к императору Эфиопии.

поднята. Он протирает днище, прежде чем поставить шкатулку на кровать. Вытаскивает оттуда Библию в кожаном переплете, написанную на геэзском[90], с рисунками ангелов, смотрящих большими, проникновенными глазами. Фифи требуется несколько мгновений, чтобы узнать книгу. Карло раскрывает ее. На первой странице ее имя, данное ей при рождении, написанное ее рукой. Он переворачивает страницу, еще одну, его действия взвешенные, вся его растревоженная энергия уходит на ровное удержание книги на своей неподвижной ладони.

Она знает, где прятала эту книгу с момента своего приезда. Она знает, Библия лежала на дне ее сумки с ее европейской одеждой и парфюмерией. Это личное напоминание о ее прошлой жизни, путь назад, к трудным дням, к ее прежнему «я» — Фавен из Гондэра, красавица-дочка торговца, сестра талантливого слепнущего художника.

Ты умеешь читать. Ты умеешь писать, говорит он. Он кладет Библию на пол, откидывает газету. Вы примитивный народ, продолжает он с дрожащими губами. Вы считаете себя такими цивилизованными, но не можете избавиться от

---

[90] Примечания: 90
Древнеэфиопский (классический) язык.

своих суеверий и истерических видений. Вы вызываете своих колдуний, и они предсказывают, что мы в вашей стране продержимся всего пять лет. Он замолкает, чтобы рассмеяться. А теперь вы заявляете, что видели человека, которого только что сфотографировали в Англии. Глупые, дикие, невежественные рабы, все вы. Его трясет. Он протягивает ей книгу, потом ухмыляется, морщины у его рта становятся глубже.

Она выпрямляется. После того нападения на тебя… Она замолкает. Я тебя спасла. А не твои верные охранники и солдаты. Я. Если бы не я, говорит она, тот эфиоп убил бы тебя.

Значит, твой народ считает, что Хайле Селассие участвовал в нападении Кидане? Так? Он между своими встречами в Англии может волшебным образом возвращаться в Эфиопию? Маленький мускул близ его правого глаза подергивается. У тебя столько книг в Асмаре, а ты ни разу ни слова про них не сказала, говорит он. Ты мне никогда не говорила о том, что ты читаешь. Ты хочешь делать вид, что ты обычная шлюха. Ты, вероятно, думаешь, что я глуп. Или что я тебя люблю. Она коченеет. Что ты знаешь о любви, Карло? Она видит, как он смотрит куда-то за ее плечо, не в силах встретить ее взгляд. Она проводит рукой

по поверхности верхнего ремня на его талии, замечает, как он отдергивается, а потом заставляет себя не двигаться. Она постукивает по ремню. Ты остался жив только благодаря мне, шепчет она ему на ухо. Что с тобой происходит?

Она расстегивает первые несколько пуговиц его рубашки. Проводит пальцем по шраму на его груди, чувствует крохотные волоски вокруг раны. На нем маленький деревянный коптский крест, о котором она не знала, у нее похожий, почти такой же и у кухарки. Она роняет руку.

На самом деле ты знаешь гораздо меньше, чем думаешь, говорит он.

Фифи соединяет руки, ждет, что дальше. Она слышит снаружи громкие голоса и свист; солдаты начинают очередные свои забавы с пленницами. Вскоре они соберутся вокруг тюрьмы и начнут травить их непристойными выкриками. Она слышала это из своей палатки, выйти из которой ей не позволило недреманое око охранника. Именно кухарка позаботилась о том, чтобы расположиться как можно ближе к тюрьме, она скрытно наблюдала за солдатами, а потом сообщала обо всем Фифи, дрожа от необычайного страха.

Он хватает ее за руку, его прикосновение теплое и влажное. Я знаю, что делают мои люди. А ты

знаешь, как реагируют пленницы? Они смотрят на них с каменными лицами. Вы все одинаковые. Непроницаемые.

Карло засовывает руку ей под юбку, гладит ее бедро. Сними его.

Фифи стягивает с себя платье через голову.

Он прижимает руку к ее груди. Замирает, внимательно смотрит на нее. Почему у тебя сердце так колотится?

Он прижимает ухо к ее сердцу. Она чувствует, как ее сердце набирает скорость, громко стучит. Тело выдает все наши обманы, оно находит способ знать все: ее брат сказал ей об этом в день, когда признался, что ослеп полностью.

Фифи отталкивает его голову. Я умею читать, но ты это знаешь, всегда знал. Я не пыталась скрыть то, что у тебя прямо перед глазами. Что бы ты ни искал, ты ищешь не там. Я тебя спасла. Твои люди просто позволили бы тебе умереть. Ты думаешь, они тебя защищают из любви? Ты думаешь, ты что-то значишь для Ибрагима? Да, я прочла все книги, которые ты видел у меня на полке. Данте, Аристотель, Псалмы, Дюма. Они мне все нравятся, но с кем я могу поговорить о них теперь, когда ты купил все мое время? С тобой? Она смеется. С моей кухаркой? Она отрицательно

покачивает головой. Я от многого отказалась, чтобы быть здесь.

Он хватает ее за подбородок и вдавливает большой палец в нежное место, где челюсть встречается с ухом. Боль такая сильная, что голова у нее начинает кружиться.

Ты все прячешь, как и твои соотечественники, что спрыгивают с холмов, выскакивают из травы, бог знает откуда еще. Нападают на нас отовсюду, ваши ведьмы проклинают нас и творят заклинания. Ваш император то появляется, то исчезает. Он отирает шею сзади, его лицо раскраснелось. Вы — народ лжецов, полный лжи и мифов.

Фифи кивает. Значит, ты подослал ко мне в палатку кого-то, пока я спала, медленно произносит она. И кто же это был? Твой верный Ибрагим? Она поворачивается к нему, придвигает свое лицо вплотную к его. И с чего бы кому-нибудь из нас не уметь читать, Карло? Почему нет? Упоминание об Эфиопии есть в древнейших книгах. Мы древней этой вашей римской культуры, которой ты так гордишься. Мы существовали до вас, когда вы были крестьянами, даже не народом.

Он облизывает губы. Я мог бы прямо сейчас отправить тебя в тюрьму.

Карло, спокойно говорит она, Карло, зачем ссо-

риться? Она высвобождается из его хватки, все еще голая, руки висят по бокам. Она стоит перед ним. Неужели ты и в самом деле собираешься включить это в свой следующий доклад в Рим: что твоя абиссинская шлюха умеет читать? Ты не думаешь, что некоторые из тех, кто читает твои доклады, были когда-то моими клиентами? Ты собираешься сообщить им, что император атаковал твой лагерь, а ты хочешь поместить меня в тюрьму? Она смеется хрупко и тонко. За что? Это ведь ты нарушаешь закон, когда спишь с местной. И все книги в моем доме, которые ты видел, я прочла, некоторые дважды. Я могу читать по-итальянски, могу по-амхарски. Я умею читать с детства, и один из ваших добросердечных священников давал мне книги в обмен на толику любви. Одинокие мужчины, все вы. Вы такие же, как все, Карло. Покажи мне что-нибудь, чего бы не делали они.

Он разворачивает ее и опускает на колени, потом находит ртом расщелинку чуть выше ягодиц, его губы сухи, как наждак. Он покрывает поцелуями ее поясницу, потом упирает большие пальцы в ее тело по обе стороны позвоночника, остальные его пальцы обхватывают ее талию, мнут живот.

Она даже не успевает сообразить, что он делает, когда он вонзает свои большие пальцы в самое чувствительное место ее поясницы. Боль такая сильная, такая режущая, что красная вспышка проносится по ее спине в голову, а оттуда в живот, она вскрикивает, а он обхватывает ее за талию одной рукой и нажимает в то же место, теперь одним пальцем. От боли у нее кружится голова, дыхание перехватывает.

Ты столько читала, а этого не знаешь. Старый римский трюк, чтобы обездвижить врага. Он прикладывает рот к тем местам, к которым прикасался. Ни одна из твоих умных книжонок и ни один из твоих одиноких мужчин не научил тебя этому? Он мнет костяшкой пальца ее плоть.

Перестань, говорит она. Ее лицо искажено болью, голова пульсирует от боли более глубокой, чем кость. Это первобытное ощущение.

Он отпускает ее и снова садится на кровать. Притягивает ее ближе. Его пальцы переплетаются с ее. Он целует ее запястье, потом щеку. Постукивает ее пальцем по носу — игривый жест, вдруг ставший пугающим.

Я всегда буду знать больше, чем ты, говорит он, потом ложится обратно на кровать и ждет ее.

Глава 8

Этторе, войдя, тихонько закрывает дверь и отдает честь полковнику Фучелли. Вы вызывали меня, синьор?

Комната словно заряжена, Этторе чувствует это слабое напряжение, которое заставляет его нервничать. Фучелли смотрит в окно, потом снова на Этторе. Два его телохранителя стоят по стойке смирно по обе стороны его стола. Еще два — у стола. Этторе знает, что есть еще и ascari по углам здания, но это никак не объясняет напряжения, которое он чувствует, стоя перед полковником. Фучелли поворачивается и движением руки приглашает Этторе сесть. Его лицо с одной стороны красное, словно он только что проснулся. Этторе опускается на холодное металлическое сиденье.

Полковник отправляет ему через стол папку. Посмотри, что здесь.

В папке полно фотографий обнаженных и полуобнаженных женщин. Итальянки и турчанки. Гречанки и француженки. Некоторые другие непонятной национальности, похожи на арабок. Все женщины соблазнительно смотрят в камеру. Их имена напечатаны спереди: Белле,

Джульетта, Дивина, Надя, Мари. Этторе смотрит на маленькие недвусмысленные фотографии. Это студийная съемка. На двух фотографиях один и тот же шезлонг, мягкий свет придает некоторым снимкам мечтательную атмосферу. На задней стороне всех надпись мелкими буковками: carta di visita[91].

Мальчишкой я думал, что все женщины одинаковы, говорит полковник Фучелли. Он опирается подбородком на руку. Знания мужчины о женщине определяются степенью его зрелости, как ты считаешь? Я полагаю, твой отец не особо посвящал тебя в этот предмет. Я прав? спрашивает он, в упор глядя на Этторе.

Да, синьор, не посвящал, говорит Этторе, чувствуя, как краска ударяет ему в лицо. Он поправляет ремень сумки у себя на плече, подтягивая его повыше.

Фучелли берет у него папку. Раскладывает фотографии в три ряда по четыре в каждом ряду. Потом берет фотографию женщины в шезлонге в полупрозрачном белом нижнем белье. Люди все еще говорят о Хайле Селассие? спрашивает он.

Говорят, синьор. Этторе кивает. Потом добав-

---

[91] Примечания: 91
Визитная карточка (*ит.*).

ляет: Некоторые опасаются, что две пленницы — только часть женского отряда. Они говорят, что у Хайле Селассие даже телохранитель — женщина. Этторе качает головой, подражая скептическому выражению на лице Фучелли. Они называют их амазонками, синьор, продолжает Этторе. Они говорят, что женщины пришли, чтобы соблазнять и убивать нас и ascari. Это все преувеличения, синьор, добавляет он. Потом он выпрямляется, кладет руки себе на колени. Откашливается.

Фучелли выдерживает его взгляд. Большинство из них неграмотны, продолжает он, они склонны к суевериям. Они боятся всяких вещей. Он делает паузу. Знаешь, это интересно, продолжает Фучелли. Мы сражаемся с их мужчинами, но боимся женщин.

Он подталкивает к Этторе еще одну фотографию. Женщина с голой грудью лежит на шезлонге, закинув руки за голову. На ее животе шелковая ткань, стыдливо прикрывающая нижнюю часть ее тела. Тебя это пугает? спрашивает полковник.

Нет, синьор. Этторе улыбается, но напряжение вернулось в комнату.

Люди начинают верить, что все, слышанное

ими про этих абиссинцев, правда. Фучелли сцепляет руки перед собой и подается вперед. Ты знаешь историю Пентесилеи[92]? Ты более образован, чем большинство. Он машет в сторону двери.

Этторе ерзает на стуле, разглядывая фотографию. Это женщина, которая сражалась против Ахилла. Но ее убили.

Но она хорошо сражалась, и неужели кто-то из этих людей считает себя Ахиллом?

Полковник постукивает себя по лбу. Так что ты понял из того, что я сказал?

Этторе снова ерзает, в этих вопросах он слышит отзвуки тех, что задавал ему отец, а потому чувствует себя не в своей тарелке. Наши люди боятся этих абиссинских женщин, медленно произносит он. Они придумывают о них истории и верят в них, добавляет он.

Краска заливает щеки Фучелли. Уши у него ярко-красные. Продолжай.

Мы считаем, что они отличаются от наших женщин, потому что ничего о них не знаем, продолжает он. И это пугает нас, синьор. Этторе

---

[92] Примечания: 92

Пентесилея — в греческой мифологии царица амазонок, дочь Ареса и Отреры, успешно сражалась на стороне троянцев во время троянской войны, но была убита Ахиллом.

делает паузу — пристальное внимание полковника, его явный интерес к каждому услышанному слову заставляют Этторе нервничать.

Наши люди должны научиться верить во что-нибудь другое, медленно говорит Этторе. Они должны поверить, что они Ахиллы.

Полковник кивает. Они должны поверить, что они Ахиллы, повторяет он. Лицо у него раскраснелось, над его верхней губой собрался пот. Возьми свою камеру и отправляйся работать, Фото. Ты не фотографируешь женщин, ты творишь Ахиллов. Он начинает засовывать фотографии назад в конверт.

Да, синьор. Этторе встает, собираясь уходить.

Ах да, Наварра? Начинается перепись, бланки появятся на следующей неделе. Когда заполнишь свой, принеси мне. Ясно? Глаза полковника испытующе смотрят на него. Не сомневаюсь, перед твоим отцом сейчас стоит точно такая же проблема. Он качает головой и добавляет: Позор.

Этторе поспешно кивает, слишком поспешно, ему едва удается отдать честь, наконец он разворачивается и спешит к двери, заглатывая полный рот воздуха.

* * *

Этторе опирается спиной о дерево на краю плато и смотрит на Хирут. Он смотрит через плоское пространство земли, ведущее к тюрьме, и пытается понять, что значит просыпаться каждый день за колючей проволокой вокруг крепкой ограды. Он расстегивает пуговицы рубашки, вытаскивает ее из брюк, ему хочется снять ее совсем, освободиться от этой формы, от ее предательства. Он делает вдох, еще один — пытается успокоиться. За тюрьмой тропинка к тому самому предательскому обрыву, и он пытается представить себе первое мгновение после прыжка, тянущееся мгновение перед свободным падением. Он трясет ногами, прогоняя окоченение, смиряя дрожь, которая поднимается к его груди и челюсти. Он хочет окликнуть Хирут, спросить, как она делает это, как ей удается жить в этой тюрьме: вот она стоит спиной к стене, словно это самая естественная вещь в мире — стать пленницей.

Она равнодушно смотрит в сторону горизонта, в сторону широкой расщелины между двумя большими камнями. Она не шелохнулась за те часы, что стоит там. Фучелли приказал наблюдать за двумя пленницами несколько дней и

документировать их действия, но сейчас уже середина дня, а документировать нечего. Над головой нещадно палит солнце с неба, мешая ему оставаться неподвижным и сосредотачиваться. Он уже два раза доставал письмо отца и пытался понять, что отец пытался донести до него, этот человек, который раскрыл так много и совершенно недостаточно. Этторе встает, накидывает сумку на спину. Он надевает ремень камеры на шею, чтобы эта Хирут увидела ее и подготовилась. В горле у него оседает неприятный вкус. Он теперь понимает, почему его отец так рассердился, когда он пошел в армию: Лео знал истинную цену формы, он давным-давно узнал, что она почти никого не может защитить. Он знал, что увидеть можно только то, что наиболее очевидно: кровь, рождение и родину.

Он медленно приближается к ней, кривит рот в слабой улыбке. Когда он достигает колючей проволоки, к нему подходят охранники. Он магнит в центре их орбиты. Они наводят винтовки на грудь Хирут и начинают по очереди поворачиваться то в сторону тюрьмы, то в сторону холмов, охваченные новой тревогой. Это происходит без слов, хореография отлажена с такой безукоризненной точностью, что Этторе ощущает вернувшийся

трепет перед всем, чего смог добиться полковник Фучелли вместе со своими солдатами, и перед всем, что он обещает сделать для него.

Индеминеш[93], говорит ей Этторе. Он садится прямо перед Хирут, кладет ногу на ногу. Как дела? *Индеминеш*?

Этот вопрос не имеет никакого смысла. *Ферендж* повторяет его еще раз, потом произносит ряд слов — неразборчивый ряд без контекста или вступления. Потом его голос, мучительно спокойный, смолкает. Хирут, неподвижная и прямая, смотрит на горизонт. Она выходила каждое утро после пленения, сидела на этом месте у стены и искала признаки появления Аклилу. Она заставляла себя не двигаться, даже пот не вытирать и от мух не отмахиваться. Здесь нечего делать, сказала она Астер, только быть солдатом и продолжать подготовку. И хотя Астер только подняла голову, потом опустила, все еще зовя Кидане, Хирут знает, что, прежде чем планировать побег, нужно понять, куда бежать.

Вот что она узнала: ascari работают парами и общаются только знаками. Они меняются каждые два дня, а их дежурства продолжаются по

---

[93] Примечания: 93
Как дела? (*амхар.*)

шесть часов. Они отдыхают по очереди, и никогда пара не уходит одновременно. Они не говорят ни с солдатами, ни с рабочими, которые все время двигаются вверх и вниз по склону, удлиняя дорогу внизу. Та пара, которая охраняет тюрьму, ничуть не чурается убийства, они устали от отсутствия насилия. Другая четверка находит способы, чтобы украдкой поглядывать на нее — иногда с любопытством, но чаще с отвращением. Все они жестоки. Любой из них застрелит ее, если поступит приказ. Она с Астер не в безопасности. Монотонность этих дней — дело временное, период обманчивого спокойствия перед началом новых ужасов. Она должна найти возможность бегства.

Индеминеш? Как твои дела? *Ферендж* снова пытается привлечь к себе ее внимание.

Хирут отказывается поворачивать голову, отказывается делать что угодно, кроме как оставаться настороже — постоянно ищет сигнала от Аклилу. Мысль о нем заставила ее теперь сесть прямее, она представляет его рядом с нею, он подбадривает ее, просит оставаться сильной. И она знает, что с ним Сеифу и где-то Кидане идут по этим холмам, ищут способа прийти за Астер и освободить их. Еще есть Хаилу и его старание сохранить жизни

всем раненым. Есть еще Нардос, и Абебеч, и все те женщины, которые бежали рядом с ней, когда они шли в атаку вниз по склону. Есть еще Миним и император, оба сведены воедино в теле одного хрупкого человека. Есть еще Бениам, Давит и Тарику и те бесчисленные другие, кто похоронен в безымянных могилах. Она чувствует, что все они собираются вокруг нее, строят из себя стену, которая не пропустит исковерканный амхарский этого *ферендж*а, отвратит его взгляд от нее. Эти итальянцы — машины в человеческой коже, они лишены эмоций, какого-либо ума, что позволяет им двигаться по Эфиопии благодаря одной только звериной хитрости. Гиены — так когда-то назвала их Астер, они перемещаются стаями и убивают с помощью обмана, настанет день, и они пожрут сами себя.

Вот почему Хирут не поворачивает голову в сторону *ферендж*а, даже когда он называет ее имя. Она даже не моргает, когда один из ascari бросается к колючей проволоке и грозит избить ее, если она не будет отвечать этому солдату. У нее не изменяется дыхание, не напрягается тело, не оседает безжизненно, когда тот же ascaro распахивает ворота, склоняется к ее лицу и выкрикивает ее имя, пока у нее не начинает

мучительно звенеть в ушах. Но она только смотрит ему в лицо, раздувшееся от тщетной ярости, и спокойно ждет, что последует за этим. Потому что ни ascari, ни Фучелли, ни этот глупый soldato, который глазеет на нее с раскрытым ртом, никогда не узнают, что она Хирут, дочь Фасила и Гетеи, наводящий страх телохранитель Царской Тени, и она больше не боится того, что мужчины могут сделать с такими женщинами, как она.

* * *

Он докладывает Фучелли о каждой минуте этого взаимодействия, а когда полковник говорит: Возвращайся, Этторе возвращается на следующий день и еще на следующий, а когда снова приходит доложить Фучелли о том, что происходит, полковник кивает, словно ничуть не удивлен, и говорит ему, чтобы он продолжал.

Говори и дальше, не останавливайся потому, что они не могут догадаться, что ты делаешь, говорит Фучелли. Представь, что ты приручаешь зверей, тупых и пугливых собак. А потом полковник добавляет: Бланки переписи привезли в Африку, пришло извещение из Асмары.

Идет уже четвертый день, а Хирут по-прежнему не отвечает. Астер так и не выходила из тюрьмы.

Его фотоаппарат все еще висит у него на шее, так и не использованный и бесполезный, а кассеты с пленкой, которую ждет Фучелли, лежат в его сумке неэкспонированные. Он знает, что ascari начали посмеиваться над ним на свой молчаливый манер. Он чувствует, что их злость на Хирут сменяется недоумением, потом и разочарованием в нем. Он знает: они ждут, что он ее принудит к покорности, накажет ее нахальство с большей силой и жестокостью, чем смогли бы они. Он знает, soldati слышали, что он проводит час перед этой девицей, проверяет на ней выученные им амхарские фразы, выкладывает их перед ней, как хрупкие предметы, требующие ее внимания. Он выучил всякие разные глаголы, которые предлагает ей в надежде, что один из них сдвинет ее с мертвой точки.

Быть. Спать. Есть. Стоять. Проснуться. Служить. Готовить. Чистить.

Список становится все длиннее. Насмешки над ним множатся. Шутки у костра становятся более язвительными. Они не понимают, сколько всего меняется, когда глаз к чему-то привыкает. Как знакомые контуры лица могут стать дорожкой к непроницаемому разуму. То, что говорит рот, не имеет никакого отношения к тому, что имеет

в виду человек. Говорит именно лицо. Тот факт, что он не смог увидеть в ней ничего, кроме своевольной и упрямой девчонки, свидетельствует о незнании этой эфиопкой самых очевидных и естественных вещей. У нее нет координат, которые пересекались бы с его координатами: ни мифов, ни притч, ни идей в науке или философии. Она невежественная и неискушенная, неграмотная и ограниченная. Незнающая и потому непознаваемая. Ей не хватает воображения, чтобы понять существование за рамками ее координат: эти горы, ее деревня, хижина, в которой она родилась. Что скрывается за этим лицом и в этой голове, так это крепкие, твердолобые мысли о выживании и рутине, а больше ничего.

* * *

Умереть — вот что нужно ей сказать, думает он наконец на восьмой день. Он повторяет это слово на амхарском, потом на итальянском. Умереть, *мемотих*, morire. Он замечает, что ее руки на коленях чуть дрожат. Он продолжает: Я умереть. Ты умереть. Мы умереть. Они умереть. Хирут, говорит он: Они умереть. Мы умереть. Ты умереть.

Пространство между ними открывается, и хотя она по-прежнему отказывается поворачиваться

в его сторону, он видит: его слова раскручивают что-то внутри нее, как она ни пытается не допустить этого. Он садится прямее, стараясь не утратить сосредоточенности, прогнать все мысли о переписи: Почта прибудет завтра. Этторе поднимает камеру, откидывается назад и фотографирует ее в профиль, ее влажные глаза, солнце, горящее на красочном горизонте, который на пленке будет черно-белым. Он ждет, что она шевельнется, чтобы отвести его взгляд в сторону и остаться одной. Он на мгновение дивится ее самообладанию, ее военной непреклонности, которая может поспорить с любой солдатской. Она смаргивает влагу с глаз. Теснее прижимается спиной к стене. Прижимает колени к груди, обхватывает их руками. А потом снова погружается в свою пугающую, упрямую неподвижность.

Он не знает, почему достает фотографию своих родителей в день их свадьбы. Он хранит ее рядом с письмом Лео, словно одно предлагает ключ к другому. На фотографии его отец, суровый и мрачный, в черном костюме и крахмальной белой рубашке. Он словно спешит в университет, словно его время в фотостудии — короткая остановка, хотя ему и присесть некогда в этот день. На Габриэлле изысканное белое платье, кружева

вокруг шеи и на рукавах — изящные брызги на нежных костях. Ее платье на стройной фигуре элегантно нисходит на талию и почти до пола. Она сидит на стуле с прямой спиной, подбородок чинно опущен, глаза чуть скошены, чтобы хоть краешком видеть ее новоиспеченного мужа. Лео опирается рукой на спинку стула, словно без этого не удержится на ногах. Он будто вернулся из длительного путешествия и даже в этот день, в день своей свадьбы, выглядит усталым. Этторе в первый раз замечает, что его отец гораздо старше невесты, чем на те четыре года, которые, как они оба говорили, отделяли их друг от друга. Глядя сейчас на фотографию, он замечает также, что его мать немного испугана, страстная молодая женщина, да, слегка влюбленная, но больше испуганная. Его отец мужествен и добропорядочен, вокруг его глаз изнеможение, которое придает ему вид измученного поэта.

Этторе снова повторяет эти слова, тихо, почти для себя: Умереть. Morire.

Она смотрит на фотографию, потом на него, потом сцепляет руки и снова смотрит на фотографию. Он чувствует, что она напряглась, свернулась в себя, и потому он показывает ей на отца и решает признаться на итальянском в

самой трудной для него вещи, потому что она никогда не поймет, что он сказал: Вот так я и удерживаю отца в неподвижности. Так я смотрю на него, и при этом мне не нужно отвечать на его вопросы. Этторе хочет добавить на амхарском: Может быть, мои родители мертвы. А может быть, они живы. Но ему не позволяют это сделать недостаточный словарный запас, сложности употребления модальных глаголов, способ выражения мысли, который всё переводит в гипотетическое, в воображаемое существование, которое может быть, а может и не быть истинным. Все возможно одновременно. Я мог умереть. Он мог умереть. Она, может быть, умерла. Мы умираем вместе.

Она знает, что он показывает ей на своего мертвого отца и просит ее сочувствия. Он повторяет слова, чтобы вызвать какую-то ее реакцию, словно это так просто. Словно смерть — вещь необыкновенная, словно только он один в мире пережил смерть отца. Она вспоминает Бениама, Давита, Тарику и всех остальных, которых помог убить этот *ферендж*, оставив сирот или лишив родителей их детей. Она думает о своих матери и отце, о своей Вуджигре, об Астер, свернувшейся, как ребенок, в тюрьме. Она думает о Кидане и о

том, что она могла бы до сих пор оставаться целой, если бы не эта война. Если бы только не пришли эти *ференджи*. И Хирут, перебирая многочисленные способы, какими была пресечена жизнь многих, кто был разорван на части и искалечен из-за таких итальянцев, как этот, чувствует закипающую в ней ярость и такую сильную горечь во рту, что у нее нет никаких сомнений: он догадается, как сильно ей хочется перебраться через эту колючую проволоку, выкрасть его винтовку и направить на его чванливое и тупое сердце. *Иннатеина аббате мотевал*, шепчет она. Моя мать и отец мертвы. Она роняет голову, ей приходится смаргивать слезы. Она напрягает мышцы, чтобы успокоиться. Она обхватывает руками колени, чтобы загнать свою ярость назад, внутрь себя, чтобы снова замереть в неподвижности: солдат на посту, дожидающийся знака от ее армии.

Умереть, говорит он. Вот только он не знает, как правильно сказать «я умираю». Он неправильно произносит «он умирает», а когда переходит к «мы умираем», Хирут слушает его, поворачивается и говорит тихо: Мы не умрем. И она видит, как он глуповато моргает, словно его тронул звук ее голоса. Потом она еще раз поворачивает голову и смотрит на горизонт, ищет вспышки света, а его

камера щелкает: крохотный стеклянный зубчик вгрызается в ее щеку.

* * *

В эту ночь Этторе видит сны: Лео прижимает к груди бланк переписи. Он спешит вернуться домой, прежде чем его сердце вырвется наружу через эту бумагу. Он чувствует, как все сжимается внутри. Натяжение его кожи ослабевает, и вскоре он выйдет из своего физического «я», его кости двигаются быстрее него, проталкиваются через вены и кровь, связки и мышцы, чтобы оставить все это позади. Он должен найти уголок. Он должен встать между камнями и взять себя в руки. Но он слишком медлителен. Слишком методичен. Он забыл детскую спешку, мечту полета. Он прячется в щели между двумя домами, ищет Габриэллу. Он сдается темноте за створками ставень. Несколько мгновений он длинный, тощий и цельный. Потом Лео сдирает с себя кожу, аккуратно складывает ее. Она лежит идеальным прямоугольником во вращающемся мире. Он теперь только мышцы и кости, его вены взрываются, как сверхновая звезда. Он опять прижимает бланк к груди. Он пытается удержать то, что необходимо сохранить. Он читает стра-

ницу, и его сердце выскальзывает наружу. Оно подпрыгивает и подкатывается к его ногам. Он читает еще немного, и его легкие отказывают. Он приближается к концу, и его желудок завязывается узлом. Начинает пожирать его. А Лео произносит себе под нос имя своей возлюбленной жены, протягивает руку. Потом он идет домой, а его кости трутся о кости.

Глава 9

Сегодня день его рождения, и полковник Карло Фучелли, отдавая честь своему отражению в зеркале, начинает свой персональный праздник. Он расстегивает мундир и кладет ладонь на два ремня, которые стал носить после того ужасного нападения. Он все это время полагал, что та атака ущемила его мужское достоинство. Он всегда считал, что нет настоящей защиты или восстановления после любого физического насилия, которое демонстрирует мужчине его главные слабости. Он не знал, как ему избавиться от этого калечащего унижения, которое изменило его походку днем и прикончило его ночи. То, что эти абиссинцы продемонстрировали Карло Фучелли, сыну Доминико Фучелли, то, что он через них понял о себе, касалось гораздо большего, чем самых интимных его частей. Они расстегнули на нем брюки и вырвали из Фучелли сам его дух, а потому с того дня он отправлял свои рутинные обязанности с оцепенением, которое можно уничтожить только самыми злонамеренными проявлениями власти и мести. Его пленники научили его вот чему: человек может отряхнуть прах и пепел со

своих ног и шагать дальше полностью обновленным. Все возможно. С этой мыслью Карло снимает с себя лишний пояс, застегивает мундир и выходит из своего кабинета, чтобы представить себя, обновленного, своим солдатам.

Его солдаты ждут его на ровном участке земли между тюрьмой и скалами. Они выполнили его приказ и построились на рассвете, готовые к сражению. Вокруг тишина, если не считать шороха ветра в высокой траве и кронах деревьев, и все, что возвещает об этом новом начале, стоит, замерев, в ожидании его прибытия. Карло чувствует, как расширяется его сердце. Он устроит для них представление в этот свой юбилейный день рождения. Он научит их быть сильными, не используя кулаков. И, приближаясь к тюрьме, полковник Карло Фучелли, сын Италии, покоритель Бенгази, вдыхает аромат нового свежего утра и ждет, когда начнется это мгновение. Возможно все, говорит он себе, тронутый тихой покорностью его людей, стоящих перед ним ровными рядами по стойке смирно. Возможно все, потому что сегодня возможен я.

В стороне стоят Фифи и ее служанка — безмолвный хор из двух, встревоженно смотрящих на него. Он кивает Фифи, которая поворачивает го-

лову, она обеспокоена, но не в силах ослушаться его приказа быть здесь. Небо над их головами медленно расцветает голубизной, солнце являет собой далекий всплеск, не имеющий твердых очертаний в этом просторе, который становится все ярче и ярче. Цепочка облаков нарушает чистую линию далекого горизонта. Туман цепляется за неровные горные вершины и плывет между холмов. Все остальное — это трава, камни и сельскохозяйственные угодья: открытая земля, ждущая, когда ее востребуют. В этой огромной и пустой стране достаточно места, чтобы разместить всю Италию, вот о чем он скажет своим солдатам через мгновение. Карло закрывает глаза и кивает. Он засовывает сигарету в рот и расстегивает нижние пуговицы мундира, чтобы навсегда рассеять слухи: он больше не носит два ремня. И никогда не будет носить. У него нет нужды в символической защите. Он победил своих демонов, и сегодня он поставит их на колени.

Карло Фучелли прижимает руку к груди. Он подается вперед к своим солдатам и кричит громким и четким голосом по-итальянски, потом по-амхарски, потом по-тиграйски, потом по-сомалийски: Есть те, кто рожден для восхождения, а есть те, кто рожден для падения!

Этторе Наварра оглядывает друзей, стоящих поблизости, потом поворачивается к Карло, он ошеломлен, и Карло знал, что так оно и будет. Карло хочет напомнить ему: Нас создают не наши отцы, Наварра. Мы рождаемся с нашими возможностями. Есть те, кто рожден для восхождения, а есть те, кто должен мириться с последствиями нашего выбора. Этим он хочет сказать молодому солдату: я могу быть свидетелем моего собственного возрождения и похоронить того человека, на которого напали те налетчики.

Но Карло поворачивается к Фифи. Аида, молодая дева, подчиняющаяся законам любви, рабыня своего вожделения к врагу отца, Facceta nera[94], подойди сюда. Возьми меня за руку.

Пока Фифи медленно приближается к нему, он широко раскидывает руки — это жест доброй воли по отношению к его солдатам, и на мгновение его переполняют любовь и благодарность к ним за их верность, их верность его амбициям.

Они дробили скалы, перемещали камни, взрывами прокладывали дорогу в горах. Они работали на обжигающей жаре и тряслись в холодные ночи. Они не имели отдыха, если не считать пере-

---

[94] Примечания: 94
Чернокожее личико (*ит.*).

рывов в работе, когда прибывают новые пленные и летят со скалы. Законы о расовой сегрегации запрещают им вступать в сношения с местными женщинами, но он не останавливал их, когда они, рискуя нарваться на засаду, отправлялись в местный бар. Он сочувствовал им, что говорить, он приказал своим ascari каждый раз охранять их поездки. А потому, когда Карло вытягивает руку и дает Фифи знак выйти вперед, он прекрасно знает, какого зверя выпускает на свободу. Он знает нрав этого животного, которое собирается разбудить.

Faccetta nera, cara Aida, vieni qua[95]. Подойди ко мне, моя черноликая радость. Подойди, дорогая Аида. Карло кладет руку на плечо Фифи, притягивает к себе. Она дрожит, сжимает руки в замок перед собой, ее тело напряжено.

Прекрати, говорит она ему.

Карло наклоняется к ее уху, говорит, царапая ее щеку зубами: Обрати внимание, как рождается мужчина. Потом он отталкивает ее. Carissima[96] Фифи, Фавен из Гондэра, сколько имен нужно одному человеку? Он кивает Ибрагиму.

---

[95] Примечания: 95
Чернокожее личико, дорогая Аида, подойди сюда (*ит.*).

[96] Примечания: 96
Дражайшая (*ит.*).

Ибрагим кричит что-то через плечо по-арабски, и из строя выбегают два ascari.

Карло улыбается снова и показывает на тюрьму, в которой находятся две пленницы, безмолвные и ничего не подозревающие. Карло хватает Фифи за руку и крепко держит. Давай, Наварра, говорит он. Приведи их, чтобы мы могли начать.

Я, синьор? спрашивает Этторе у полковника Фучелли. Его трясет.

Фучелли сдвигает солнцезащитные очки на голову. Он стоит, уперев руки в бока, и только его рот, твердая линия на лице, выдает медленно растущее напряжение между ними. Какую часть из того, что я говорю, ты понимаешь? спрашивает полковник. Потом смеется. Приведи пленницу, Наварра, ту, которая моложе. Если ты не боишься девчонки.

Этторе слышит, как тихий смех рябью проходит по строю. Он смотрит на солдат, потом на сияющее лицо полковника, злость начинает уходить из его нутра, хотя стыд гложет его все сильнее, а поскольку он ничего не может сделать и многого не знает, а есть и такие вещи, которые, опасается он, никогда не будут объяснены или обнаружены, Этторе разворачивается к ограде с колючей проволокой и кричит ascaro, чтобы

тот ему открыл. Он дергает дверь, пока кто-то не открывает ее. Потом он проходит внутрь, ищет тот шов в земле, который разошелся и обнажил его унизительную слабость.

Хирут вскакивает на ноги в поисках места, где она могла бы спрятаться. Вторжение Наварры ошеломляет ее. Хирут протягивает руку к Астер, произносит ее имя, но она видит только прежнего soldato, который размахивает перед ней своей винтовкой и требует на ломаном амхарском, чтобы она вышла. Он дрожит всем телом в приступе жестокой мстительности, вытаскивая Хирут.

* * *

Хирут бешено моргает на ярком утреннем солнце. На нее нетерпеливо смотрит целая армия, но она может смотреть только на Фучелли и его женщину. И кухарку. Хирут пятится, голова у нее кружится при виде этой женщины, чье исчезновение она стала принимать как мучительный факт в этом сумасшедшем мире. Она прижимается спиной к тюремной стене и оседает. Она одета, но она голая. Она зрелище, но она невидима. Она девушка, которую расщепили, а то, что стоит здесь, — одновременно плоть и тень, кость и очертания, не более чем воздух, наполненный

дымом. И кухарка. Кухарка. Кухарка.

Хирут смотрит на эту женщину, но кухарка качает головой, и ее рот дрожит, и не нужно слов, чтобы понять, что она говорит Хирут: не показывай, что ты знаешь меня, не смотри сюда, ты сама должна искать путь к бегству.

Наварра внутри проволочной ограды, он держит фотоаппарат, как щит. Где-то рядом с ней Бениам, тащит ее за ноги. Кидане подбрасывает ее в воздух и роняет на землю. Астер поднимает кнут и рассекает им ее мысли. Время растворяется и вращает ее до бесчувствия в этом переломаном месте, где кухарка может стоять по другую сторону тюремной ограды и смотреть оттуда, не предлагая ей помощи. Хирут закрывает глаза, втягивает голову в плечи. Она протягивает руку воображаемому Аклилу, позволяет Бениаму ухватить ее за щиколотки, позволяет Вуджигре удобно устроиться на ее спине.

Этторе смотрит на Хирут, которая сидит на корточках, прислонясь к тюремной стене, и дрожит всем телом, он чувствует, как его ярость стихает, уступая место раскаянию и жалости. Она в конечном счете не более чем местная жительница, не более чем девушка, привычная к суровости жизни. Ее тело не сломлено рабством и приказами.

Это девушка, которую вдохновляет бесконечное желание служить. Вот она передо мной, отец, сидит на земле, как умирающее животное, ждет, что я предложу ей облегчение.

Ascari! говорит Фучелли, показывая на двух охранников. Заставьте ее встать. Наварра, приготовься!

Но Хирут отказывается шевелиться, даже когда ascari поднимают ее голову и опускают плечи. Она по-прежнему так склоняет голову на грудь, что Этторе видит ее позвонки.

Ибрагим, скажи ей, если она не встанет, то я лично сброшу ее в пропасть со скалы, говорит полковник Фучелли. Потом он щелкает пальцами и поворачивается. Фифи, bell abissina, послушай меня. Приведи свою рабыню. Ибрагим, ты знаешь, что делать.

Фифи и ее служанка медленно выходят вперед. Этторе замечает, что Хирут настолько встревожилась при виде этих двух женщин, что даже не протестует, когда к ней приближается Ибрагим, приподнимает ее платье вверх за плечики, а потом рывком опускает его до талии. Материя рвется. Хирут в оцепенении смотрит на себя, потом на двух женщин, и то чувство, которое одолевает ее, становится для нее невыносимым.

Ибрагим отходит назад, его лицо как камень, а Хирут начинает громко говорить что-то на амхарском, говорит так быстро, что Этторе не понимает ни слова.

Что она говорит? спрашивает Фучелли у Фифи, руки его сложены на груди.

Имена, говорит Фифи. Я думаю, она перечисляет тех, кого потеряла. Потом она поворачивается к Фучелли, прикасается пальцами к его руке. Прошу тебя, Карло, говорит она. Отпусти ее.

Фифи краем глаза кидает взгляд на Этторе, и на короткое мгновение их взгляды встречаются, и то отражение, которое он видит в ее глазах, наполняет его новым стыдом. Этторе еще на шаг отступает от Хирут. Он больше не хочет смотреть на нее. Он не хочет находиться внутри колючей ограды, слушать бормотание этой охваченной ужасом девушки. Он смотрит на полковника, на точно выверенный восторг, жесткие черты, гордость, а между ними поднимающаяся, как граница, колючая проволока.

Взрыв криков и хлопков от soldati и ascari: Il Duce! Viva l'Italia! Faccetta nera! Их голоса висят над головами, как низколетящие самолеты, рокот, бесконечным эхом разносящийся по холмам. Этторе стоит внутри ограды с девушкой, в ужа-

сающем одиночестве вращается вместе с этой аборигенкой в своей собственной вселенной.

Солдаты собираются в тесные группы. Madama полковника и ее служанка уходят в себя, стоят, одинаково сложив руки на груди. Ни одна из них не может заставить себя посмотреть на девушку. А девушка теперь не может оторвать от них взгляд. Она смотрит на двух женщин, ее дрожь становится все более заметной, когда ее рот открывается, чтобы слепить слово, которое она не в силах произнести.

Полковник, держа руку на кобуре пистолета, подходит к Этторе. Наварра, начинает он. На прошлой неделе наша часть в Коссейе была почти полностью уничтожена в результате нападения. Мы знаем, что бунтовщики Кидане прячутся в этих холмах. Мы знаем, что часть из них — женщины. Делай снимок, soldato.

Девушка покачивается, ее лицо поднято к небу, шрам на ее ключице поднимается с каждым ее глубоким, дыбящим вздохом.

Скажи ей, чтобы сидела спокойно, говорит полковник. Ты что — не итальянец? Он поворачивается к Фифи. Имейте в виду, вы оба, если это будет продолжаться, ей же будет хуже.

Фифи выпрямляется, она взволнована, ей

неловко, она разглаживает юбку своего длинного платья, потом постукивает свою служанку по плечу и подталкивает в спину, чтобы распрямилась. Они берутся за руки и обе смотрят на Этторе с явным отвращением на лицах.

Наварра, делай свою работу.

Вот что видит Этторе, глядя на девушку: он видит умирание, которое происходит в живом теле. Он видит сползание в небытие, которое происходит, когда мы все еще способны на движение. Хирут не может перестать моргать и произносить беззвучное слово. Она покачивается и клонится к земле. Одна ее рука медленно поднимается, показывает на Фифи, потом тяжело падает вниз. Она повержена.

Ragazza, ti prego[97], стой спокойно, подними голову. Этторе поднимает собственный подбородок. Чувство, похожее на боль, поселяется в его груди. Он протягивает руку к девушке, но та не смотрит на него, и он впервые думает, достоин ли ее. Этторе поднимает камеру к глазам, и ему становится легче. В видоискателе она — маленькая одинокая фигурка не в фокусе, но он наводит на резкость и собирает ее воедино.

---

[97] Примечания: 97
Девушка, пожалуйста (*um.*).

Ascaro, полковник показывает на Ибрагима, который стоит с другими ascari в нескольких шагах. Скажи ей, что случается с теми, кто не подчиняется. Расскажи ей, если хочешь, чему я тебя научил.

Ясное утреннее небо проливает бледный свет на Ибрагима, когда он подходит к ограде, устрашающий и великолепный в своей форме. Он медлит. Его губы сжаты не так сурово, как всегда. Он что-то шепчет ей так тихо, что издаваемые им звуки не громче дыхания.

Улыбка играет на губах Фучелли. В Ливии было полегче, правда?

Непокорность Хирут исчезает. Она встает на ноги, сцепляет руки за спиной, упирается ногой в стену. Она смотрит на Этторе глазами, полными ненависти. Она хочет запустить себя с этого места, думает он, хочет стать пулей, чтобы, крутясь, прилететь к нему, ударить его в грудь.

Он делает снимок, прокручивает пленку. Готовит камеру к новому кадру. Она не двигается, и он делает еще один снимок. Потом он ждет, а Ибрагим бормочет что-то неслышно. И у него за спиной из земли поднимается сплошная толстая стена тишины, такая непроницаемая, что солнце не может светить, и он на скале над пропастью,

смотрит вниз в бездонную даль. Она по-прежнему не двигается, и он делает еще одну фотографию, точь-в-точь как предыдущая, а потом еще и еще. Потом он останавливается, не зная, что делать дальше, в нем постепенно нарастает паника.

Карло, это бессмысленно, говорит Фифи. Она цепляется за свою служанку, прижимает ее руку к своей груди.

Заткни пасть, говорит Фучелли. Он кладет руку на пояс, постукивает пальцами по пряжке, а его голова тем временем опускается, дыхание становится неровным. Он словно накручивает себя внутри, загнанное в угол животное, готовое драться до смерти, прыгнуть и атаковать девушку.

И тогда Фифи становится перед ним и кричит: Хирут! Она стоит с прямой спиной, высокая, а когда Хирут смотрит на нее, Фифи отдает ей честь, у нее выправка эфиопского солдата.

Soldati ахают. Ascari подаются вперед. Фучелли без перерыва моргает. Девушка поднимает подбородок. Она роняет руки по бокам. Она смаргивает всякое выражение со своих глаз, и они смотрят пустым, темным и холодным взглядом. Она становится прямо и отходит от стены. Она соединяет ноги. Поднимает руку ко лбу одним

живым, изящным движением. Она становится по стойке смирно — солдат.

Полковник Фучелли проходит мимо Ибрагима в ворота. Он отталкивает в сторону Этторе. Он отшвыривает Хирут от стены, обходит ее по кругу, пока наконец не нависает над ней, глядя прямо ей в лицо.

Хирут смотрит мимо него, словно он невидим, словно он не имеет значения.

Они стоят так настолько долго, что Этторе приближается и фотографирует Хирут. Он опускается на колени, направляет объектив на ее пыльные ноги и стройные щиколотки. Потом он встает, ловит в кадр ее шею с переходом в позвоночник, красивую голову, которая отказывается кланяться. Он фотографирует ее лицо, щелкает еще раз, и еще, и еще.

Он не чувствует, когда Фучелли подходит к нему, но у полковника сжаты кулаки, и Этторе идет к Хирут, которая стоит неподвижная и бесстрастная. Она смотрит в сторону Фифи и служанки — единственное свидетельство того, что она испытывает гордость, впрочем, это может быть и издевкой.

Этторе подходит ближе, подталкиваемый Фучелли. Он знает, что сфокусировать кадр на

малом расстоянии, на которое затолкал его полковник, невозможно, но Этторе все равно снимает глаза Хирут крупным планом, зная только, что он увидит, как ненависть легко колеблется между стыдом и страхом. Я делаю то, что мне приказано, отец. Я животное, связанное обязанностью подчинения. Я существо, вдохновленное призывами служить.

И теперь очередь Астер. Если Хирут вела себя тихо и вызывающе, то старшая женщина — это движение и шум. Она — тело, рвущееся из сдерживающих ее рук, она крутится с такой бешеной скоростью, что Этторе никак не может сделать снимок. Когда верх ее платья стягивают, она тут же поднимает его. Когда ее толкают к стене, она сползает на землю. Когда полковник подходит, чтобы рывком поднять ее, она хватает его за ноги, пытается уронить. Она выкрикивает имя, от которого Ибрагима передергивает, и ascari медлят, и даже Фучелли говорит: Теперь у меня есть твердое доказательство того, что они работают на вожака бунтовщиков Кидане.

Хирут, измученная, прислоняется к двери, она с дрожащим ртом и прижатыми к лицу руками смотрит на Астер. И чем яростнее Астер отказывается смириться, тем больше начинает

двигаться Хирут. Она распахивает руки, крутит ладонями. Она выкручивается из воображаемого захвата. Она — красивые движения, сведенные до их наиболее существенных элементов. Этторе отворачивается от Астер в сторону Хирут. Он настраивает диафрагму, темнит тени. Он делает фотографию стройной девушки, пытающейся найти свой ритм и остановленной в чахлом пируэте, изящном и печальном.

Глава 10

Когда привозят бланки переписи, полковник Фучелли просто вручает Этторе конверт и говорит: Наварра, проследи, чтобы все итальянские солдаты заполнили бланки. Вернешь их мне через два дня. Он прикладывает палец к губам. И свой, конечно, тоже заполни, хотя мы здесь поступим иначе. Потом Фучелли качает головой, чтобы пресечь любые вопросы, и отдает ему честь. Можешь идти, soldato.

Этторе выходит из кабинета, не понимая, с чего ему начать. Он стоит на краю широкой дороги, ведущей к другим soldati. День уже клонится к вечеру, почту уже привезли, и большинство из них разойдутся по своим палаткам читать письма и готовить ответы, обмениваясь сплетнями о доме или общими воспоминаниями о домашних блюдах. Они будут говорить, как всегда говорили с ним или без него, а он присутствовал нередко бессловесно, слушал и кивал, смеялся к месту, не зная историй, чтобы рассказать им в ответ ради дружбы и товарищества. Он всегда был там и не там. Он чувствовал, что его история может привести к вопросу, на который он не сумеет

ответить: А откуда родом твой отец? А твои бабушки-дедушки?

Солдаты здесь со всех частей Италии — из Милана и Турина, из деревень, приютившихся на холмах близ Флоренции и Сиены, из портов и с каменистых холмов, окружающих Палермо и Калабрию. Несмотря на годы, проведенные вне дома, несмотря на их пребывание в этом месте, где скука насыщена мгновениями напряженного страха и паранойи, они полны веры и преданы империи, которую сами и создают. Некоторые образованны, как Этторе, хотя многие бросили учебу, уйдя работать в поля или семейный бизнес. Но ничто не говорит об их различиях так, как язык.

На трескучем итальянском говорят миланцы. Журчащая элегантная версия языка, приправленная придыхательным h — на губах флорентийцев. А сицилийцы говорят на итальянском, который, кажется, бунтовски перекручивается во рту, перед тем как выйти наружу одновременно с напором и фрагментированно, его изящество покоится на тонком равновесии между произношением и пением. Каждый итальянец говорит со своим акцентом, любовь моя, сказала как-то раз Габриэлла мужу, не подозревая, что Этторе

слушает их спор из кровати. Мы — много стран в одной, что тут скрывать?

Он идет от палатки к палатке, считает людей, считает число бланков. Он раздает их пачками, кивает, роняет в раскрытые ладони, оставляет на застеленных одеялах, отворачивается, прежде чем начнутся вопросы и понимающие взгляды. Чтобы не видеть прищуренные глаза, смотрящие на него и, кажется, недоброжелательно изучающие. На стройке рабочий, которого он не знает, пожимает плечами и говорит ему, чем скорее мы избавимся от этих antifascisti ebrei, тем лучше, и он улыбается, глядя на Этторе словно с облегчением. Некоторые другие замолкают. Иные начинают гоготать. Некоторые берут бланк из его рук и идут к одной из групп, сидящих у кострища, где сразу же начинают передаваться новые слухи и сплетни. Он находит Фофи и Марио, они вместе ждут его у палатки Марио. Он видит обвинение в их глазах, слышит враждебность в вопросе, который вырывается у Фофи: И что Фучелли собирается сделать для своего Фото теперь? Этторе молчит, идет дальше, потом, прижав последний бланк к груди, ищет местечко поукромней.

Имя: Этторе Наварра. Место рождения: Венеция, Италия. Дата рождения: 20 июля 1913 года. Имя

отца: Леонардо Наварра. Имя матери: Габриэлла Басси Наварра. Место рождения отца: Неизвестно. Дата рождения отца: Неизвестна. Имя бабушки по матери: Лорена Басси. Имя дедушки по матери: Мауро Басси. Имя бабушки по отцу: Неизвестно. Имя дедушки по отцу: Неизвестно. Религиозная принадлежность: Отсутствует. Где родился твой отец, Этторе? Ты можешь рассказать классу о своей семье? Давайте поучимся писать эти слова. Я не знаю, маэстро. Иди домой, спроси его, завтра нам расскажешь. Папа, где ты родился? Моя жизнь началась, когда родился ты, сын мой.

* * *

Ты принес бланки? спрашивает Фучелли: он наклонился, чтобы отрегулировать настройку радиоприемника. Он смотрит на свои часы, а комната наполняется слабым шумом помех. Бывают дни, когда почти можно поймать радио «Лондон», тихо говорит он. Он быстро поворачивается. Но мы ничего не будем сообщать в Рим, правда? Он улыбается и качает головой. Это единственный способ узнать, что происходит на самом деле. Он выпрямляется и протягивает руку. Давай. Он одобрительно кивает. Ты все сделал в рекордное время.

Этторе открывает свою сумку и дает ему конверт.

Полковник открывает конверт и извлекает оттуда бланки. Где твой?

Этторе показывает на нижний.

Фучелли достает бланк и читает, его глаза прыгают от строки к строке, периодически останавливаются. Ты ничего не знаешь про своего отца, говорит он, складывает бланк Этторе пополам и кладет его в одну из папок у себя на столе. Почему?

Я не знаю, синьор. Этторе качает головой. Не знаю, повторяет он. Что будет с моими родителями, синьор? Голос его осекается, обожженный этой мыслью.

Полковник Фучелли качает головой. Завтра прибывает автомобиль, чтобы забрать всех солдат и рабочих евреев. Ты должен быть в каком-нибудь другом месте, когда это случится. А пока — ты приготовил мне пленки? Я отправлю их в студию. Его глаза на мгновение наполняются непривычной добротой. Это война, soldato, говорит он. Никто не может выйти из нее без единой царапины.

Они больше не могут писать мне письма, да, синьор?

Полковник роняет голову и задумывается на секунду. Почему бы тебе не отправиться в какой-нибудь бар завтра? Тебя проводят ascari, они тебе дадут знать, когда ты сможешь вернуться. Он засовывает руку в карман, вытаскивает сложенный конверт. Возьми, говорит он, протягивая конверт. Я откладывал на другой случай, но возьми их, спроси, где найти Мими. Если их будет две или три, выбери из них самую высокую. Она будет знать, что делать. Он неожиданно улыбается мальчишеской улыбкой. Это приказ. Ты свободен, soldato.

* * *

Этторе сидит в одиночестве в крохотном переполненном баре и ждет официантку. Снаружи сопровождавшие его ascari расположились неподалеку от входа, пьют пиво, терпеливо ждут его, как приказал Фучелли. В баре всего одна официантка, идет по темному бару, глядя на Этторе и лавируя между столиками. Другие клиенты, в основном итальянские рабочие, тянутся к ней, но официантка пробирается сквозь шум и легко отделывается от них, от их рук, выгнутых шей. И вот она почти перед ним, на ее полных губах замерла улыбка, глаза пустые и внимательные,

понимающие. Этторе задерживает дыхание. Она само изящество в этом месте, вовсе не предназначенном для таких хрупких созданий.

Она замедляет шаг. Она останавливается в центре зала, словно знает, что он ждет ее. Словно знает, что это он снимал Хирут и Астер, того повешенного пленника, те падающие тела. Когда бармен показывает ей, что нужно принять новый заказ, она выгибает шею и поднимает подбородок. Свет омывает плавную линию под ее подбородком, сверкает на ее ключице. Этторе подается вперед, и на мгновение все словно стихает — музыка, голоса, и никто не заставлял его заполнять бланк, который вывернет наизнанку его жизнь. Она разворачивается в его направлении, словно услышав его мысли за криками клиентов, просящих принести им добавку пива, добавку вина, добавку сигарет. Ее губы дрожат. Потом она кивает ему и приносит пиво. Она наклоняется к нему и шепчет ему в ухо: Меня зовут Мими, дождись меня, мы уйдем вместе.

* * *

В комнате игра света и суета плывущей в воздухе пыли. Когда я сажусь рядом с официанткой, кровать издает скрип. Мы снова ложимся, и

скрежет металлической рамы о стену становится единственным звуком, который я слышу, кроме твоего голоса, читающего мне из того, другого Леонардо: Границы тел — наименьшее из всех вещей[98].

Но есть и еще, отец: винтовка, завернутая в один из шарфов, которые носят местные женщины. Она стоит в углу маленькой комнаты, и даже мягкий свет солнца, проникающий внутрь, не может заставить меня забыть, что идет война. Я хочу тебе этим сказать, что для тебя это не годится, все это не твое, но я боюсь тебя отпускать.

Она принимает его молчание за неуверенность. Все в порядке, говорит она. Va bene[99]. Она берет его руку, кладет себе на талию, потом переводит на живот, и его пальцы ощущают гладкость ее кожи немного ниже.

Он слышит собственное неровное дыхание, когда она прижимается к нему. Постой, говорит он. Он закрывает ладонью глаза: ему нужно взять себя в руки. Дай мне минуту.

Все в порядке, шепчет она, не бойся. Она говорит механически, формулирует осторожно,

---

[98] Примечания: 98
Из книги Леонардо Да Винчи «Великие изобретения, эскизы, штудии».

[99] Примечания: 99
Все хорошо (*ит.*).

словно ее рот должен соответствовать словам, словно итальянский для нее неестественен.

Возможно, она не знает ничего, кроме тех предложений, что повторяет, может быть, она не знает ничего, кроме тех предложений, которые выучивала одна перед зеркалом по ночам. Или же она может знать все. Возможно, она знает, почему его называют Фото: человек, который делает фотографии, собиратель изображений призраков, архивист мертвых. Она может догадаться, почему Фучелли заплатил за ее услуги ему.

Я не делаю этого, говорит он. Но идет война. Он чувствует тени в комнате, щетинистую ярость фантомных голосов. Так трудно дышать рядом с этим телом.

Она улыбается, узнав слово. Война, кивает она. Paterazm. Guerre. Pólemos[100]. Она проводит пальцем по его подбородку. Она прижимает ладонь к его сердцу. Держит ее там так долго, что комната, кажется, начинает крутиться вокруг них и приближать к ним тени, отчего вскоре все пленники, каких он фотографировал, оказываются в ногах кровати, смотрят на него оттуда. Этторе закрывает глаза и задерживает дыхание. Его руки

---

[100] Примечания: 100

Так звучит слово «война» на армянском, итальянском и древнегреческом языках.

сжались в кулаки, и ему хочется выпрыгнуть из сужающейся комнаты.

Завтра ты уйдешь. Сегодня ты остаешься у меня. Говорят, я могу называть тебя Фото?

Меня зовут Этторе. Я солдат, добавляет он, я итальянец. Он снова осматривает крохотную комнату. До дома так далеко. Я только что сдал заполненный бланк переписи, говорит он, проверяя ее знание языка. Вот почему я пришел в бар. Он ждет: вот сейчас случится что-то — распахнется дверь, его схватят, погрузят на корабль и доставят в Рим. Я отдал бланк полковнику. Вот почему я здесь, он хотел, чтобы я получил это. Ты — моя награда. Взятка, которая должна обеспечить мою преданность, тихо, горько произносит он.

Она кивает и тупо улыбается, прижимается ближе к нему, и они замирают, как молодые любовники, лежат бок о бок, держатся за руки, а их нагота — всего лишь незначительная подробность. Жест такой невинный, он позволяет своей голове прикоснуться к ее, а своей руке — расслабиться в ее пальцах. В его животе набирает силу теплое давление.

Я итальянец, повторяет он, плывя по глади ее дыхания. Когда она не отвечает, он позволяет себе сказать то, в чем хотел признаться: У моего отца

была другая жизнь, сын и жена. До того, как я его узнал, он был кем-то другим. У него было другое лицо, и он говорит, что стер его, но я ему не верю. Вот почему он пытался набить мне в голову кучу всяких сведений, чтобы я не понимал, чего не хватает. И вот я не понимаю, насколько сильно его желание видеть во мне кого-то другого.

Ее рука гладит его ногу, его живот, потом его грудь, и он чувствует мягкость ее груди, когда она ложится на него и зарывается головой в его шею, ее ноги оплетают его. Он поднимает ее голову, смотрит ей в лицо, в ее жидкие глаза, на ее высокие скулы, ее полный рот и кривую подбородка. Из угла: слабый шорох, как листья, как занавес, как обретающая форму мысль.

Я знаю, почему твои соотечественники всегда плачут, говорит он. Я знаю, почему ты поглядывала на дверь, когда я пришел в бар. Я знаю, почему бармен пялился на меня. Я много чего знаю. Я знаю, что ты меня ненавидишь. Я знаю, что я враг. Я знаю, что ты не можешь мне доверять. Я знаю, где бы я ни появился, там умирают твои соотечественники. Потом он не может больше говорить, потому что снова появилось пятно тени, вибрирующее на грани света. Он закрывает глаза. Это война, говорит он себе. Вот что это значит.

Она перемещается поближе к нему, ее мягкая кожа прикасается к его коже, плоть трется о плоть, каждый изгиб обволакивает его, охватывает целиком, и тогда он подается ей навстречу, обнадеженный ее мягкой настойчивостью, потом ложится на нее сверху и отдается во власть желания, они двигаются синхронно, весь мир вокруг исчезает, не остается ничего, кроме ее тепла и иллюзорного ощущения безопасности крепкого объятия. Они находят свой ритм, медленно, постепенно и с возрастающей настоятельностью, Этторе ощущает цельность своего сердца, силу рук и ног, широкий размах собственной спины. Он полон сил: кости и плоть, сильные мышцы и связки, полнокровный человек, солдат. Кровь струится по его венам, гонит его к эйфории, и все же даже в преддверии наивысшего наслаждения глаза Этторе раз за разом осторожно открываются на мгновение и тут же закрываются.

Когда они заканчивают, он прижимает рот к ее уху, чтобы сказать что-нибудь, признать, что ничего не кончилось, оно только что началось, что он никогда и никому не скажет про нее, что он скроет это от отца, когда вернется домой, что теперь и у него есть тайна. Но тут раздается осторожный стук в дверь и звонок, и она вы-

скальзывает из-под тонкого одеяла и встает. На ее лице отсутствующее выражение. Ее темная кожа поднимается между ними, словно стена.

Пора идти, говорит она и кидает ему его одежду. Она поворачивается к нему спиной, чтобы одеться, а когда смотрит на него в следующий раз, на ней ее белое платье. Удачи.

Глава 11

Фотографии Хирут и Астер проявлены. Они превращены в почтовые открытки и розданы солдатам Фучелли. Они разосланы в газеты и используются журналистами. Их хранят как сувениры, их обсуждают на административных собраниях. Фотографии этих женщин рассылаются в магазины Асмары и Аддис-Абебы, Рима и Калабрии, в офицерские клубы Триполи и Каира. Люди называют Хирут и Астер по-разному: сердитые амазонки, женщины-воины, африканские Джульетты. Их хранят, их разрывают, вставляют в рамочки, вклеивают в альбомы, и отовсюду приходят просьбы: Можно ли снять их с винтовками у входной двери? Можно ли сделать постановочный снимок атаки с вашими людьми? Наденьте самую чистую свою форму, Фучелли. Наденьте самую свою растерзанную форму, Фучелли. Наденьте шлем. Наденьте эту медаль. Наденьте солнцезащитные очки. Встаньте в профиль. Встаньте между ними, полковник, и расскажите нам, что вам стало известно об этих аборигенах.

* * *

Это она? Кидане подносит фотографию к свету. Он видит лицо Астер, ее тело, но женщина на фотографии не похожа на Астер. Он чувствует на себе взгляды других, Нардос, которая стоит перед ним, прижав руки к лицу, покачиваясь назад-вперед и произнося слова, которых он не может разобрать.

Кидане роняет фотографию на землю и вытирает руки о шамму. Он знает, что он в пещере, рядом с ним двое его людей и ближайшая подруга Астер, но еще он один в той спальне в первую ночь, смотрит на испуганную девочку, прикрывающуюся своим гневом, как щитом.

Есть еще фотографии с Сеифу и Аклилу, но он не хочет смотреть на них.

Говорила ли Феррес еще что-нибудь, кроме того, что нужно подождать? спрашивает Аклилу.

Сеифу сгорбился над фотографией двух ног, болтающихся в воздухе, низ форменных брюк пропитан кровью. Это Тарику, говорит Сеифу, поднимая голову, его глаза широко раскрыты. Это мой сын, посмотрите на него. Он целует изображение, прижимает его к груди. Почему мы не убиваем этого Фучелли прямо теперь? Почему мы

не бежим по склону этой горы и не перерезаем его горло во сне?

Аклилу кладет руку на плечи Сеифу, притягивает его к себе. В этом нежном жесте Кидане чувствует обвинения, которые они швыряют ему в лицо. Прошло много времени с того дня, как женщины попали в плен, с того момента, как он стал чувствовать ярость Сеифу и разочарование Аклилу. Они хотят атаковать, но Феррес просит их проявить терпение. А теперь шпионка посылает им фотографии, среди которых и фото Тарику, сына Сеифу. И только статус Кидане спасает его от яростной скорби этого человека.

Аклилу берет фотографию из рук Сеифу и кладет ее на стопку других. В этой стопке фотографии Хирут — Аклилу расторопно положил их в самый низ стопки. Он напряжен, видимо, готов протестовать каждый раз, когда Кидане тянет руку, чтобы взять очередную фотографию.

Они делают открытки с этими фотографиями и распространяют их, говорит Аклилу.

Они это всегда делали, говорит Кидане. В этом нет ничего нового, кроме того, что мы знаем этих людей.

Он смотрит из пещеры на ряд высоких деревьев вдоль тропы. Небо бледно-голубое, ранний

утренний туман еще медлит, хотя до полудня уже недалеко. Ветер набирает силу, уносит туманную дымку, которая помогала им скрываться. Расшифровывать звуки за стенами пещеры становится труднее, каждый падающий лист подражает шагам приближающегося незваного гостя. Они не очень далеко от лагеря Фучелли, и они не раз замечали внизу ascaro, разведывавшего местность.

Я вернусь и закончу то, что недоделал, говорит Сеифу. Он смотрит на Кидане, челюсти у того сжаты, в глазах бешеный блеск. Я убью его медленно.

Этот разговор происходит между ними уже много дней, недель, часов. Сеифу безжалостно настаивает на своем, а Кидане повторяет свой приказ, и в нем каждый день растет неприязнь к Сеифу. Было время, когда он воспринимал эту потерю как отец, но он больше не понимает, что в голове у этого человека.

Снизу доносятся женские голоса и клацание металлических горшков. Деревенские пришли с провизией. Они оставят ее Нардос и другим женщинам, которые прятались в оставленной деревне, занимали там несколько хижин, несожженных и неразбомленных. Больше никаких обитателей на этой когда-то хорошо обработан-

ной земле нет, а название крохотной деревушки неизвестно. Ближайшая церковь разрушена, и не видно никаких следов тех, кто бы занимался ее восстановлением. Когда отряд Кидане уйдет, церковь окончательно разрушится и исчезнет, и так по всей стране: целые районы будут стерты с лица Земли за несколько лет и никогда уже не будут восстановлены.

У нас есть император, говорит Кидане. У нас есть царская тень, и все верят, что она настоящая. Кидане делает паузу, ждет, когда сформируется новая идея. Он несколько недель размышлял над этими двумя фактами, но дальше этого дело не шло. Он сидит с прямой спиной, закинув ногу на ногу. Он подается вперед, следуя инерции своих слов, понимая, к чему они ведут. Они ведут его назад к фотографиям, к непотребству тела его жены, выставленного напоказ для глаз чужих людей.

Потом: Представьте, что император появился в итальянском лагере, говорит он. Представьте, что он повел воинов на спасение пленных.

Отруби голову — и убьешь тело. Мы должны прикончить Фучелли, сбросить его с той скалы по кусочкам, чтобы его люди смотрели, прежде чем мы убьем и их.

Фучелли теперь охраняется лучше, чем прежде,

говорит Аклилу. Мы должны провести полномасштабную атаку на его солдат. Он предполагает, что ты вернешься, говорит он Сеифу. Он готов к этому.

Они разговаривают далеко за полдень. Каждый новый план заходит в тупик. Риски перевешивают любые основания для надежды. Так было со времени пленения Астер и Хирут. Они засыпают в пещере Кидане и просыпаются все с тем же ограниченным выбором, в той же безграничной опасности. Дни сходят на нет, а итальянцы тем временем продолжают строить дороги, сравнивать с землей горы и сбрасывать невинных людей с высоких скал. Они уничтожали деревья, сносили хижины, строили квадратные дома с острыми углами, куда поселяли семьи итальянцев и торговцев. Пока отряд Кидане ждал сообщения от Феррес о целесообразности атаки на Фучелли, они объединялись с другими патриотами и разрушали железнодорожные пути, перерезали телефонные провода. Они атаковали рабочих и уничтожали машины с грузами. Они отравляли колодцы и похищали радиопередатчики.

По всей стране партизаны устраивали по ночам засады, а днями мирно ходили по улицам, приветственно махали итальянским торговцам и

владельцам магазинов. Патриоты научились атаковать неожиданные места: офицерские клубы под утро, бордели только для итальянцев, отели, где селились высокопоставленные офицеры. Они подкрадывались к дремлющим часовым и сонным администраторам, а после их визитов оставались лишь безжизненные тела. Они повсюду и нигде, мужчины и женщины теневого мира, где правит иной царь.

И тем не менее Кидане и его отряд сегодня прячутся в пещерах, ждут инструкций шпиона, прежде чем начать действовать. Но его отряд продолжает расти. Вскоре он станет больше, чем до войны. Он использовал Аклилу, Сеифу, Нардос и Амху, чтобы сдерживать нетерпение бойцов. Он приводил императора Хайле Селассие на тайные встречи и принуждал патриотов к ожиданию, решительное время наступает, но подождите. И все это время приходят послания от Феррес с одним и тем же предупреждением: Сидите тихо, он готов вас встретить, они в безопасности. И Кидане ждет еще некоторое время, сидит, притаившись в горах над итальянцами.

* * *

Есть вещи, которые больше не пугают ее: колючая проволока и охранники ascari, неожиданное клацание навесного замка, неожиданный приход Фучелли и Ибрагима с вопросами о Кидане. Хирут больше не вздрагивает, когда в их крохотное окно бросают камень, она не вскакивает, слыша шаги у дверей посреди ночи. После того как несколько недель назад были сделаны фотографии, густой туман окутывает все ее мысли. Она просыпается каждый день и, как ей приказано, выходит наружу, где ее поддерживает теплая невидимая ладонь. Бывают дни, когда ей кажется, что на ее сердце опустился щит. В другие дни она воображает, что ей на помощь приходят родители. Она проживает дни и ночи с туманом в голове и странно потяжелевшими костями, благодарная за передышку от невыносимого ужаса.

И потому, когда Фучелли стучит в дверь и приказывает ей и Астер выйти, Хирут не чувствует никаких отличий от других дней. И этот день, думает она, начнется и закончится в пасти тьмы. Их выведут и заставят стоять до захода солнца. Их заставят раздеться, или надеть форму, или салютовать в их абиссинском одеянии для газет

или камер, для тех новоприбывших поселенцев *ферендж*и, которые никогда не видели вблизи солдата-женщину. А может быть, сегодня будет доставлен новый пленник из тех мест, где его нашли, и ему прикажут стоять, не двигаясь, перед камерой. Он, как всегда, откажется салютовать и позировать. Он ни слова не будет говорить по-итальянски. Он будет только стоять так, чтобы выводить их из равновесия и одновременно потешать Фучелли. Может быть, сегодня журналисты снова будут кивать, улыбаться и аплодировать, делая свои фотографии. Нового пленника они назовут эфиопским львом, и один или два будут салютовать на свой странный лад и кричать «Анбесса». Они будут обмениваться рукопожатиями с Фучелли, некоторые будут обнимать его, в восторге от знакомства с великим завоевателем Бенгази. Они уедут, Хирут и Астер вернутся в свою тюрьму в пыли и изнеможении и улягутся спать.

Но сегодня у Фучелли два новых пленника: пожилые священники, крепко связанные вместе за ноги. Они идут неловкими шагами между Ибрагимом и этим *ферендж*ем, горбятся под своими длиннополыми одеяниями, старики, с трудом поспевающие за жестокой скоростью. Тяжелые кожаные ботинки Фучелли оставляют шлейф пы-

ли, которая поднимается в безразличное бледное лицо Наварры. На Фучелли и Наварре одинаковые солнцезащитные очки, Ибрагим сдвинул свои вверх к макушке. Все три военных намеренно делают длинные шаги. Они приближаются, и от Фучелли исходит невысказанная угроза, мстительная злоба, которая отсутствовала некоторое время после первых съемок. Эта злоба настолько сильна, что Хирут прижимается к стене, резкий вдох, который делает она, — игла, прокалывающая ее обычное спокойствие. Она, испуганная, опускает голову, чтобы не свалиться в черную дыру его глаз за стеклами очков.

Астер вскрикивает и перемещается поближе к ней. Священники? Старики? шепчет она. Астер крестится и закрывает глаза.

Хирут ждет обычных зрителей, завершающих процессию, но, кроме Наварры и Ибрагима, никаких других зрителей нет. Фифи не идет следом. Нет и обычной горячей публики в виде soldati или ascari. Кухарку не стали заставлять подниматься в гору. Даже телохранители отошли к скалам. Стервятник прыгает близ кромки, отпугивая телохранителей. Все это так необычно, так по-новому, что Хирут ощущает первые ниточки ужаса, завязывающиеся вокруг ее груди

и подползающие к горлу. Она поворачивается к ландшафту, к тому, что знакомо, и ждет, когда вернется немота.

Я знаю, пока эти женщины живы, налет Кидане неизбежен, начинает Фучелли. Он убирает очки с лица. Он похлопывает одного из пожилых священников по спине. Но вам не так повезло, к сожалению, добавляет он. Правда, если они скажут нам, где он прячется, то, может быть, у вас есть шанс. Вы ведь хотите жить, правда?

Говоря это, он смотрит на Астер. Эти священники молились над свежими могилами на территории мятежников, добавляет он. Они заявляют, что там похоронены невинные дети. А я заявляю, что они лгут. Он откашливается и сдвигает очки назад на переносицу.

Вслед его голосу звучит голос Ибрагима, который быстро переводит. Священники хватают друг друга за руки, их глаза закрыты. Во взгляде, которым Наварра смотрит на Фучелли, удивление, которое Ибрагим спрятал за опущенными веками и поджатыми губами.

Наварра, ты считаешь, что есть люди, которые слишком стары, чтобы умирать? с улыбкой спрашивает Фучелли. Голос Ибрагима, который издает какой-то надрывный звук, услышав по-

следние слова, толкает Хирут к ограде, заставляет ее схватиться за колючую проволоку. Немота возвращается, и она сжимает ладони на металлических шипах, не обращая внимания на то, как они врезаются в ее плоть.

Абба, окликает она священников, Абба, скажите им, что я здесь. Когда умрете, скажите моей матери, чтобы она нашла меня. Скажите ей, где я. Скажите моему отцу, что я прошу у него прощения.

Ибрагим быстро моргает и отходит назад.

Фучелли хмурится. Наварра, почему ты не снимаешь? Он достает носовой платок и вытирает лоб и шею.

Но Наварра не обращает внимания на Фучелли. Он снимает солнцезащитные очки, подходит к ней, обхватывает ее запястья. Он держит ее ласково, но его прикосновение не теплое и не холодное. Просто кожа прикасается к коже, кость упирается в кость: два человеческих существа ищут точку опоры. Хирут сжимает руки с такой силой, что чувствует, как шип раздирает ей кожу между пальцев. Ниточка крови замерла в ожидании, перед тем как сползти на ее запястье. И только когда она чувствует боль в челюсти, до нее доходит, что она скрежещет зубами. Хирут

смотрит на недоумевающее лицо Наварры. Она смотрит на его руки, все еще держащие ее запястья, чувствует их мягкое давление. Она смотрит на себя, на одетое тело, прижатое к злобной ограде, и пытается вспомнить свое имя, но в голову ей приходит только одинокое слово, которое указывает на единственную ошибку, которая привела ее сюда и к концу ее жизни: Вуджигра.

Она отрицательно качает головой, когда Наварра пытается оторвать ее руки от ограды. Нет, говорит она. Вуджигра, добавляет она, обращаясь к священникам, бросая свой голос в пространство между ними. Скажите Аббабе, что я сожалею о моей потерянной Вуджигре.

А Наварра говорит: Аббаба, папа, мама, carissima Габриэлла.

За ее спиной Астер: Дитя мое, что с тобой случилось?

Наварра, отпусти ее. Что тут происходит? спрашивает Фучелли, глядя на нее сквозь солнцезащитные очки, в которых она может увидеть свое отражение, он вынуждает одну Хирут отойти от другой, чтобы между ними хватало пространства для дыхания полной грудью.

Ибрагим внимательно переводит, в его голосе слышатся эмоции, которые заставляют его замол-

чать и уставиться в землю. Colonello, говорит он, colonello Фучелли.

Они думают, что она вне себя. Они думают, что она не видит себя, разделившись на два тела, одетая и обнаженная, молодая и старая, наклоняющаяся к священникам, которые протягивают руку через ограду и кладут на обе ее головы, давая ей печальное благословение. Они думают, она нашла способ бегства, стоя неподвижно, но Хирут, дочка Гетеи и Фасила, рожденная в год благодатного урожая, знает, что это еще и способ сражаться.

Вуджигра, говорит она Фучелли, потому что это единственное слово из языка ненависти, которое она теперь произносит.

Вуджигра, говорит она Этторе Наварре, потому что в этом слове все оттенки отвращения, которое она испытывает к нему.

Вуджигра, говорит она Ибрагиму, потому что у него наверняка есть отец, который когда-то владел Вуджигрой, потому что он должен знать, о какой утрате она говорит.

Хирут произносит это слово, даже когда священников уводят и они, уходя, осеняют ее крестным знамением, а потом поворачиваются друг к другу, чтобы благословить и помолиться. Хирут произ-

носит это слово, даже когда они идут друг подле друга, связанные ногами, между двух громадных камней. Хирут говорит это, когда стервятник ныряет в пропасть, на дне которой усаживается в ожидании. Хирут произносит это слово, даже когда священники, взявшись под руки, поворачивают головы и выкрикивают разносящееся эхом слово: *анбесса*, лев и Эфиопия. Она повторяет свою личную молитву, когда Наварра отпускает ее запястья и снова называет ее имя, как отпущение грехов, которого она никогда не даст ему. Она повторяет это слово, когда Наварра, отпустив ее, выполняет приказ Фучелли и плетется к старикам-священникам, чтобы заснять их последний полет.

Хор

Мы подходим к ней в темноте достаточно близко, чтобы она могла слышать: Сотвори из этих страданий что-нибудь достаточно опасное, чтобы можно было швырнуть в них, нежная Хирут. Преврати воспоминания в тайное оружие, которое можно вынуть и бросить в схватку. Ты, которая дважды должна искать мщения, не делая поблажек, встань и иди к твоей матери и сестрам, которые ждут, чтобы укрепить твою решимость. Встань, Хирут.

Но девушка не слышит нас под удушающим одеялом своей ярости. Она сосредоточена на том, чтобы сохранить равновесие на этом предательском обрыве, который она ошибочно принимает за твердую землю, ее руки распростерты, как крылья, ее лицо поднято к немилосердному солнцу. Когда Астер подходит к ней сзади, чтобы прижать ее к себе в материнском и сострадательном порыве, Хирут отталкивает ее и выкрикивает имя, которое камнем падает между ними: Кидане.

А потом эта девушка, чьи органы чувств настроены на восприятие малейших тайн на лице Астер, задает вопрос, который не могла сформулировать прежде — до этого мгновения: Что случилось с моей матерью? Что отец Кидане сделал с ней? Астер отвечает ей: Мы не обязаны повторять истории наших матерей. Мы не обязаны идти путем, который они дают нам.

И Хирут просит еще раз, острый шип проволоки снова врезается ей в руку: Расскажи мне о моей матери.

Ну, слушай: молодая женщина по имени Гетеи придана молодой невесте по имени Астер как довесок. Астер, полнотелая и любимая, передана в дар новому мужу, которого она к тому же совсем не знает. Отец Кидане доставляет Гетеи в новый

дом Астер. Гетеи, говорит он, мне будет не хватать тебя, но новой жене моего сына нужна помощь. Ты будешь в доме с моим сыном, который любит тебя, как сестру. С этой Астер, возможно, будет нелегко, но ты — подарок, не забывай это. Ты всегда будешь моим сокровищем, и я буду приходить к тебе, когда мне понадобится. И Гетеи, забранная из старого дома Кидане и оставленная на новом пороге Астер и Кидане, смотрит на отца Кидане и пятится, она онемела и не может сказать: Уходи и оставь меня в покое. И никогда сюда не возвращайся. А в следующий раз я тебя убью. Она входит в дом через порог задней двери, через кухню, рядом с комнатами для прислуги, где она будет спать, и надеется забыть о прежних ночных ужасах. Она достигнет истинной женской зрелости в этом доме, где и Астер овладеет всеми повадками жен и женщин, а также всех тех, кто идет нелегким путем между этими двумя. Когда отец Кидане, предрасположенный к поискам врага на своей земле, приходит за Гетеи, Астер становится на его пути и говорит старику: Это больше не ваш дом. Именно Астер обнимает Гетеи и говорит, я дам тебе мою винтовку и патрон. Именно Астер побуждает Кидане защитить Гетеи, влюбленную в Фасила, и сказать им обоим: Бегите скорее, и я

найду способ сделать вас обоих свободными.

Астер рассказывает все это Хирут, которая слушает, заглядывая в этот бездонный колодец, задыхаясь в плотных парах ненависти. И когда Хирут поворачивается к ней так, как всегда представляла себе Астер в предчувствии этого дня, и спрашивает: Почему же ты ничего не сделала, чтобы помочь мне? Неужели ревность лишает тебя сердца? Астер может сказать ей в ответ только: Твоя мать была не только любима, но и отважна. Твоя мать умела сражаться.

Глава 12

Он повторяет ее имя, как стенание, как печальный рефрен, который одновременно предупреждение и мольба. Хирут, увидев приближающегося Наварру, прижимается спиной к стене тюрьмы, она потрясена его появлением. Утро только-только наступило. Время привоза новых пленников еще не пришло. С ним нет никого из приходящих посмотреть на очередной спектакль. Она опускает голову, пытаясь спрятать страх, когда он подходит к ограждению и снова называет ее имя. Он ждет ее реакции, опускается на землю, садится, положив руки на колени, эмоции перекашивают его лицо. Он начинает быстро говорить, слова срываются с его языка, а он качает головой. Теперь она испугана по-настоящему, она смотрит на этого *ферендже*. Он на уровне глаз. У него перехватывает дыхание. Его щеки раскраснелись, а пот свободно катится к его шее. Он представляет собой необычное зрелище в обыденный день. Он нарушил протокол. Того, что было, теперь нет.

Он запускает руку в сумку, без которой никогда не появляется, и вытаскивает оттуда фотографию.

Держит снимок перед ней, его рука дрожит, он говорит: Я умирать. Ты умирать. Мы умирать.

Хирут рывком уводит голову от этого унижения. Это ее фотография, одна из тех, что распространяется среди soldati и ascari, как новое увлечение и неумирающая шутка. Они часто приходят в тюрьму, размахивают их с Астер фотографиями, смеются и кричат на женщин во плоти, лаская их плоские копии пальцами. Завидев их, Астер спешит назад в здание, а Хирут предпочитает оставаться снаружи и закалять твердость духа, испытывать себя на прочность перед лицом их насмешек. Ей каким-то образом удавалось сдерживать слезы и держать голову — высоко, спину — прямо, глаза — уставленными в горизонт столько времени, сколько нужно, чтобы насмешники, которым станет скучно, отправились назад в лагерь. Она каждый такой уход рассматривала как свою победу, еще одну метку на воображаемой винтовке.

Но Наварра: он — некая ненормальность, искажение без своей камеры.

Уходи, говорит она ему, удивленная твердостью собственного голоса, довольная тем, как этот голос заставил его вздрогнуть и покачать головой, засунуть руку в сумку в отчаянных по-

исках чего-то.

Он достает фотографию своих родителей и показывает. Они умирать, говорит он по-амхарски, который теперь стал более беглым, более уверенным, чем она слышала раньше. Они умерли. Они умирают. Я умирать. Я уверен.

Он знает слова и их смысл достаточно хорошо, чтобы выразить их важность, достаточно хорошо, чтобы позволить каждому гласному растягиваться в разных нотах скорби. Хирут не может видеть, что происходит за его меняющей оттенки бледности кожей, не может взглянуть на него настоящего, но она может интерпретировать желание и боль за каждой его фразой. Он достает письмо — она видела, что он регулярно возвращался к этому листку бумаги, — и открывает его. Он показывает почерк, алфавит *фереджи*, а потом тычет себя пальцем в грудь.

Сын, *лидж*, figlio, произносит он, потом трясет письмом и добавляет: аббаба. Он показывает себе за спину в сторону горизонта и гор, его рука обводит два прожорливых камня и обрыв.

Она понимает, что это письмо от его отца. Его самая драгоценная собственность. Аббаба, тихо произносит она, исправляя его произношение. Аббаба, говорит она, обращаясь к собственному

отцу, свернувшийся в клубок страх поселяется в ее животе. У каждой жестокости свои методы, но с такой разновидностью она не сталкивалась.

Хирут берет себя в руки, подтягивает колени к груди, подтыкает подол своего длинного платья под стопу. Она ждет. Она воображает себя глазом фотокамеры, который проедает дыру в пространстве, потом прогрызает его шею, чтобы проникнуть в то далекое место, где *ференджи* хранят свои чувства и воспоминания. Щелчок: она моргает, фиксируя его осторожную паузу, когда один из охранников неторопливо проходит мимо него, любопытствующий и смущенный. Щелчок: она масштабирует исписанный лист бумаги, над которым он сидит, ссутулившись, словно над тайным сокровищем, над драгоценностью, которую должен защищать любой ценой.

Он показывает другое слово, потом тычет пальцем в сторону горы и говорит: *Хагере*, моя страна, il mio paese. А здесь не моя страна.

Астер выглядывает из двери. Она смотрит на Наварру, прищуривается. Что он делает? спрашивает она. Она пододвигает пустой поднос из-под еды в сторону Хирут. Этим утром Хирут, как и обычно, принесла от ворот их хлеб и кофе, а теперь она же вернет поднос ascari.

Наварра поднимает голову, ждет ответа Хирут. Хирут смотрит на него, привлеченная неуверенностью его взгляда. Она настолько онемела, что уже не имеет значения, ударит он ее или нет. Ей все равно — пусть он вытаскивает свою камеру и сует ей в лицо. Она солдат, которого пленили и посадили за ограду с колючей проволокой, но она все еще продолжает войну, а поле сражения — ее собственное тело, и может быть, за недели, проведенные в заключении, она стала понимать: война всегда и велась в этом месте.

Наварра! Наварра! Это Фучелли, его широкие шаги ведут его с дороги на плато.

Он самодвижущийся снаряд, нацеленный на тюрьму, оружие, направленное в их сторону и грозящее взорваться. Его руки раскачиваются в жестком ритме, его ноги оставляют за ним облака пыли. На поле опускается тишина, небо за его спиной мрачнеет, и все живое в скрытых изгибах и пещерах холма настораживается и следит за его разрушающей инерцией.

Этторе отшатывается от нее, он расстроен, но не удивлен. Он бормочет что-то себе под нос, сжимает губы. Его черты напрягаются.

Астер медленно закрывает дверь в тюрьму.

Хирут смотрит на Этторе, а он засовывает пись-

ма назад в свою сумку, а фотографию в карман, застегивает сумку, набрасывает ее ремень себе на плечо, словно он всегда был там. Она узнает эту панику, это дуновение детского ужаса, которые свидетельствуют об изматывающей покорности. Она знает тот позыв, что мучает его сейчас, это инстинкт избегать конфронтации с помощью унизительного подобострастия. Она смотрит на Фучелли, приближающегося к ним с уверенностью, которая может существовать только тогда, когда она не встречает сопротивления. Он, словно флагом, размахивает бумажкой в руке.

Нет, говорит она Этторе. Будь солдатом, soldato.

Этторе вскакивает на ноги, возится с камерой. На его лице слишком широкая улыбка, слишком необузданная, и когда Фучелли приближается, он засовывает руки в карманы. Он сутулится, убирает голову в плечи, его глаза смотрят вниз, потом он поднимает взгляд и смотрит из-под полуопущенных век. Советы кухарки: ты должна знать, как нужно стоять, чтобы они видели тебя, но не видели. Ты должна смотреть на них так, словно не смотришь. Будь невидимой, но полезной. Будь нужной, но отсутствующей. Будь как воздух, как ничто. Хирут скрещивает ноги. Она отирает руки о платье, она занимает себя, делает вид, будто

встревожена. Она потом в течение многих лет не будет позволять себе задумываться над тем, почему она не оставила его одного, почему не ушла вместе с Астер под крышу тюрьмы. Он ребенок, говорит она себе теперь, он просто жестокий, испуганный ребенок.

Один из охранников ascari, проходя мимо тюрьмы, кидает взгляд на нее, потом на двух итальянцев, потом останавливается у ограды, подается к ней и качает головой.

От него сегодня добра не жди, говорит он тихо на амхарском, кося глазами на Фучелли, который теперь жестом подзывает к себе Этторе.

Хирут испуганно поднимает глаза. Этот ascaro — один из охранников постарше, один из тех, кто казался самым жестким и жестоким. От второго тоже добра не жди, говорит она, показывая на Этторе, который встает перед Фучелли и отдает честь.

Ascaro пожимает плечами. Он выполняет приказ, говорит ascaro. Он выдерживает ее взгляд. Это то, что должны делать солдаты, добавляет он. Потом продолжает свой путь.

Этторе и полковник стоят в середине поля в нескольких метрах от того места, с которого наблюдает за ними Хирут. Они говорят слишком

тихо — ей не слышно ни слова, но она ясно видит, как Фучелли похлопывает Этторе по спине. Этторе хватается за ремень сумки, чтобы не дать ей свалиться. А когда Фучелли прижимает какую-то бумагу к его груди, Этторе делает шаг назад, и бумага падает на землю. Фучелли поднимает ее, протягивает Этторе, ждет. Этторе отрицательно качает головой. Он ударяет себя в грудь, поворачивает голову к Хирут, потом назад к Фучелли и снова отрицательно качает головой. Фучелли хватает Этторе за руку, засовывает в нее бумагу. Он складывает руки на груди. Расставляет ноги пошире и поднимает подбородок. Он говорит голосом, который легко скользит по траве и колючей проволоке. Он говорит на итальянском, но облаченном в другой язык — язык безотлагательности и требовательности. Она видит, как Этторе проваливается в самого себя. Она видит дрожащую руку, тянущуюся к бумаге. И она ждет, что полковник отберет у него бумагу, потому что те, у кого многое есть, всегда хотят иметь больше.

Но Фучелли сдвигает солнцезащитные очки на затылок и откашливается. Наклоняется, чтобы сплюнуть на землю. Потом начинает говорить, его голос так громок и прозрачен, так жесток, что холмы ловят его слова, удлиняют их, наполняют

воздухом, и слова плывут, множатся, оседают на Хирут каскадом звуков, которые она может перевести, только глядя на Этторе, а тот все не опускает голову и отрицательно качает ею. Он поворачивается в ее сторону, и в этом пространстве между ними возникает что-то трепетное и нежное, понимание, отсутствующее во всех языках, которые попытались бы облечь это чувство в слова, очертить его границы и покончить с ним.

Потом Фучелли заканчивает говорить. Он отдает честь. Он ждет. Когда Этторе наконец отдает честь, Фучелли разворачивается и идет вниз по склону холма, целеустремленный, как никогда.

Глава 13

Унижение — рана столь глубокая, что Этторе отказывается признавать ее глубину. Иного пути, кроме как вперед, нет, думает он, все еще потрясенный, садясь на свою кушетку. Ему ничего не остается — только вернуться в Италию, как этого требует телеграмма, и там отвечать за свой проступок. Его преступление было раскрыто, вероятно, об этом донес кто-то из своих, и полковник ничего не может сделать, чтобы остановить то, что должно случиться. Фучелли подаст прошение в его защиту, но ему придется уехать с ближайшим почтовым грузовиком на следующей неделе. Полковник не будет помещать его под арест, как это предписывается телеграммой, работа солдата не кончается, пока он не уволен. Этторе оглядывает свою аккуратно застеленную кровать, коробку, на которой стоит только керосиновая лампа и лежит старая газета. Он вытряхивает содержимое своей сумки на кровать и находит фото Хирут. Она не пожелала смотреть на снимок. Ей было не по силам смотреть на себя даже в полуобнаженном виде, облаченную только в чудесный свет. Именно это он и хотел ей

показать: его способность преобразовывать явно отвратительное мгновение в нечто другое.

Этторе засовывает руку под кровать и достает оттуда плоскую металлическую коробку. Одна из тех коробок, что есть почти у каждого солдата и даже полковника. Стандартная металлическая коробка — такую можно купить в Асмаре или в tabacchi в Гондэре. Эта коробка — способ защитить письма и почтовые открытки, маленькие сувениры, когда придет время возвращаться домой. Внутри — письма, которые он писал родителям и которые не прошли бы цензуру, дневник его пребывания в Африке, воспоминания, которые он хранил не только для них, но и для себя. Он просматривает фотографии в стопках по годам, расположенные в хронологическом порядке. Здесь же вырезки из газет и заметки о событиях, которые станут подсказкой для других воспоминаний, когда у него с отцом состоится один из тех разговоров, о которых он всегда мечтал. Он зароет где-нибудь эту коробку и откопает, когда будет свободным от этой войны и переписи с ее ограничениями. Он размышляет о своем безумном рывке к зданию тюрьмы, когда он услышал, что Фучелли ищет его и что это как-то связано с посланием из Рима. Он не может объяснить свою

потребность быть рядом с Хирут, испытывать на себе ее презрение, позволять этому ее чувству накатывать на него в надежде увидеть когда-нибудь его отлив и постепенный переход во что-то другое — смягчение, смирение, прощение.

* * *

Хирут выглядывает в приоткрытую дверь, прижимаясь к дверной раме, движением руки назад призывая Астер к молчанию. Она наблюдает за Этторе, чувствуя какое-то движение в груди, медленное ослабление узла, к которому она привыкла. Он стоит у дерева, держа какой-то квадратный предмет в руках, и медленно поворачивается, оглядывая горизонт и скалы, потом тюрьму и дорогу. Он делает это еще раз, словно запоминая ландшафт, словно в поисках чего-то, расположенного в складке света, проливающегося на холмы на закате солнца. Он опускается на колени. Ползет к толстым корням, которые вылезают из земли и переплетаются, чтобы вырасти такими же большими и прочными, как человеческие конечности.

Ее рука замирает у нее на горле, когда он достает короткую лопатку и застывает, занеся этот инструмент над землей, а горизонт сияет

глянцевитым оранжевым светом, разбавленным голубизной. Он превращается в силуэт, в темные очертания, безмолвно двигающиеся на огромной сцене.

Хирут хочется громко спросить, что он делает, но она уже поняла. Сердце ее екает, когда она понимает, что видит прежнюю себя, ту девочку, что была хранителем вещей, права на владение которыми она не должна заявлять. Он делает то же, что делала когда-то она в наивной вере, что закопанное таким и останется, спрятанное пребудет невидимым, а то, что принадлежит тебе, навсегда останется в твоей собственности. Он ведет себя глупо.

Астер подходит к ней, оттаскивает ее от двери. Потом они сидят, скрестив ноги, спинами к стене, подавшись вперед и наблюдая, как он сбрасывает землю с лопаты в одну сторону, укрытый тем же темнеющим небом, которое служит и им — прячет от его глаз. Ascari начинают свой обычный обход холмов, они быстро двигаются в противоположном направлении, оставив одного охранника скучать у скал над пропастью. Этторе замирает, ждет, когда они исчезнут среди деревьев. Он встает, насвистывает, кашляет, и когда никто из них не реагирует, продолжает свою

работу. Пока он копает, Хирут и Астер молчат, они поглощены той целеустремленностью, с которой работает soldato, настолько захваченный своей конспирацией и отчаянием, что они даже не задают себе вопроса, что может находиться в этой коробке. Они видят, как он опускает ее в яму, закапывает. Потом он встает и смотрит на холмик, набрасывает на него всякий мусор и прутики, и наконец скалы, которые прячут от чужих глаз его усилия, становятся не более чем бесполезными камнями.

Этторе ладонями придает холмику естественную форму. Он закопал все, кроме отцовского письма. Он предал земле все письма, написанные матерью, все те, что он никогда не мог отправить, и все фотографии, которые он покажет родителям позже, когда у него хватит мужества. Другого выхода нет. Это настолько близко к уничтожению всех его сокровищ, насколько он может себе позволить, настолько близко к их сохранению, насколько это в его силах. Он опасается, что власти прикажут ему предъявить все свое имущество. Его беспокоит, что в мире больше не остается места для его частных мыслей.

Закончив, Этторе отряхивает пыль с брюк. Он кидает взгляд в сторону тюрьмы и видит, как

силуэт Хирут поднимается на ноги. Он поворачивается к ней, медлит, прежде чем подойти поближе. Она показывает на него пальцем, и он идет к ней, привлеченный рукой, тянущейся через ограждение, привлеченный голосом, который не громче шепота, движимый этим вечером, который окутал собой его тайну. Он чувствует себя защищенным и беззащитным, осторожным и отчаянным.

И когда Хирут показывает на холмик, который выглядит вполне невинным, как и сегодня утром, Этторе кивает, удивленный и раскрепощенный этим ее жестом. А когда она произносит по-амхарски *мекибер*, слово, соответствующее глаголу «похоронить, зарыть», он повторяет в ответ на итальянском: seppellire. Когда она шепчет «тайна» — *меестир*, он отвечает, *йене меестир*, моя тайна, il mio segreto. Когда она замолкает и смотрит на него, а потом говорит il mio segreto, ему не остается ничего другого, только приблизиться к ней, и теперь они смотрят друг на друга через ограду, которая стала границей между двумя странами.

Il mio segreto, говорит он, тыкая пальцем себе в грудь.

Il mio segreto, говорит она, показывая на его

грудь.

Он покачивает головой и показывает на нее: Anche il tuo segreto[101].

Но она отрицательно качает головой, улыбается, ее глаза светятся мрачным светом, она говорит: *Йене меестир айделлим*. Это не моя тайна.

И на мгновение пленником оказывается он, а не она, и они оба это знают. Он — пленник силы, превосходящей его силу. Этторе поворачивается на каблуках, его сердце учащенно бьется, пот орошает его спину, и ему кажется, он слышит ее голос, направляясь к лагерю: *Йене меестир айделлим.*

[101] Примечания: 101
Это и твоя тайна (*ит.*).

Глава 14

Конечно, Карло должен был доставить телеграмму Этторе лично, чтобы дать ему понять: поступи он иначе, это привело бы Этторе к полному краху. Он, как мог, успокоил Наварру, но не может избавиться от неприятного чувства. Это грызущее его чувство вины, которое он не может прогнать. Чувство, будто он несет ответственность, хотя верно противоположное: он сделал все, что мог. Вот почему он приглашает Фифи к себе в комнату и позволяет ей задержать его дольше обычного. Он говорит с ней так, как не говорил никогда прежде: о победе и ее цене, о преданности и ее бремени. Он берет ее за руку, подносит к своим губам, не прекращая говорит, прижимает к губам ее ладонь, наслаждается ее ласками.

Он дожидается, когда она уснет, поднимается с кровати, включает керосиновую лампу. Достает сигарету из пачки. Закуривает, делает глубокую затяжку. Он понимает, что привязался к Этторе Наварре. У него появились к парню отцовские чувства. Благодаря Наварре он теперь знает, что такое перебирать спектр тени и искать более

яркий свет. Несправедливо, что soldato будет наказан за ослушание, которое сам Карло и спровоцировал, но таковы бесчувственные последствия войны и закона. Конфликт проверяет пределы, на которые способен человек, пусть даже и этот возлюбленный сын Лео Наварры. Приказ предстать перед судом в Риме — не более чем попытка еще раз утвердить наиболее важную задачу солдата: подчинение. Все в конечном счете вернется к норме.

Волноваться не о чем, сказал он Фифи. Но на самом деле именно Фифи предложила ему действовать сегодня к ночи. Именно она предложила ему немедленно удалить солдата из части, отправить его в Асмару, потом в Массаву. Посадить его на ближайший корабль в Италию. Отдать его камеру кому-нибудь другому, кто сможет сразу же занять его место. Тебе нужны фотографии для твоих докладов и отчетов: что без них будет знать Рим о твоих достижениях? Что он скажет им о том, как ты поступил с его перепиской? Даже я должна признать это, Карло: ты должен заново утвердить свою власть и сделать это прямо сейчас. Защити себя. Но Карло отрицательно покачал головой и ответил ей — нет, и он так же качает головой теперь, погасив сигарету и

возвращаясь в кровать.

Лео, шепчет он в крохотной комнате, прижимая к себе Фифи, взяв ее руки и заплетя их вокруг себя, она хочет, чтобы я лишил твоего сына единственной имеющейся у него вещи, и как раз в тот момент, когда он больше всего нуждается в ней. Он прижимает к себе Фифи и продолжает: Она хочет, чтобы я забрал у него камеру, словно его так просто заменить. Карло похлопывает себя по груди. Я не жестокий человек, говорит он тихо в шею Фифи. Он чувствует, как она шевелится, и целует ее в щеку. У меня есть доброта, чтобы делиться ею со своими солдатами. Нет, я дождусь, когда Рим сделает свою работу. Потом он привлекает ее еще ближе к себе и засыпает.

Хор

Женщина, которая обнимает спящего мужчину: она не для этого родилась. Она родилась не для того, чтобы утешать мужчин в смятении и облегчать их трудности. Она изучала иностранные языки не для того, чтобы убирать Карло волосы с глаз. Она всегда знала, что ее судьба — делать нечто более важное. Она всегда знала: ее судьба — быть больше любого мужчины. Хотя она обнимает так, будто она родилась, чтобы держать на руках детей, она не хотела того, что превращает

чрево женщины в свое обиталище. Как она всегда говорила, она родилась, чтобы быть свободной, пересекать границы, искать успокоение в книгах и находить новые любови, не скованные правилами сельской жизни.

Она — женщина, которая смотрит на полковника, когда он спит, когда он погружается в сон, смотрит на его лицо, на котором перемешиваются разные чувства. Фавен, произносит она свое имя, потом замолкает. Потом: Феррес, потому что это клятва и имя, которые она превратила в стену. Знает ли это друг ее детства Сейфу? Знает ли он о тех преданностях, которые она в этот самый момент взвешивает, положив на другую чашу весов амбиции молодой девушки? Посмотри на руку, которую она положила у горла Фучелли. Почувствуй воздух, который перехватывает у него в груди, хотя он все еще спит, когда она повторяет: Феррес. Посмотри на Фифи, которая стряхивает с себя его руки, встает с кровати и отворачивает лицо, чтобы он не увидел выражение отвращения на нем, если проснется. Посмотри на Феррес, которая выскальзывает из комнаты, возвращается в свою палатку и будит кухарку.

Послание Кидане от Феррес простое и ясное: Сейчас, немедленно. Делай это сейчас.

Глава 15

Этторе становится на колени в том месте, где спрятал коробку. Он хочет выкопать ее, чтобы положить туда же последнее письмо Лео. Он хочет сохранить письмо и клянется, что скорее умрет, чем расстанется с ним. Этторе отирает глаза и проглатывает боль в горле. Он чувствует себя так, будто нарушил обещание, которого никогда не давал. Он предал слова отца, с неуважением отнесся к его урокам, а все во имя покорности. Именно его отец и оказался преданным. Этторе садится, прислоняется спиной к дереву и смотрит на луну, дожидается, когда пройдет охранник, чей слабый свист порхает по безжизненной мелодии. Он открывает сумку и вытаскивает недавно напечатанные Фучелли фотографии Хирут, на одной из которых она не скрывает непокорности и ненависти, стоя по стойке смирно. Он переворачивает фотографию и пишет на обороте:

Что ты держишь в руке, папа — затененное тело или отраженный свет? Мама, мы называем ее donna abissina, но ее зовут Хирут, и она солдат и пленник. Он пишет мельче, пишет то, что, как он знает, и правда и ложь одновременно. Папа,

твое имя Лео и не Лео. Ты атеист и нечто еще, нечто такое, что я начал понимать, как свет. Что ты отражаешь мне? Что освещает твоя жизнь, мама? Что это значит — быть женой Лео и моей матерью? Этторе пишет со страстью, склоняясь над листом бумаги, появляются другие звуки: тихий хруст травы, шорох листьев, печальный взмах крыла птицы, потом шепотки: важные слова, сказанные тихим голосом. Он поднимает голову. Часовой больше не шагает, свист прекратился. Тишина зловещая и полная.

Этторе поднимается на ноги. Он выставляет перед собой винтовку и на мгновение проникается надеждой на атаку, которая разорвет это фото и телеграмму, подарит их ветру и забвению. Он отходит от дерева, подкрадывается поближе к тюрьме. Снова голоса. На миг он представляет себе, что тот парень все еще висит на дереве, вращается на этом ужасном ветру. Когда он встретится с отцом, он спросит у него: сколько существует разновидностей человеческого падения? Скажи мне, чтобы я мог подготовиться. Он выходит из темноты в брызги лунного света. Он достаточно близко к ограде, чтобы увидеть очертания двух фигур, они испуганно отшатываются от ворот.

Ибрагим? Он произносит имя тихим голосом.

Холодная тяжесть на его плечах, прикосновение клинка к его горлу. Мясистая рука на его рту. Этторе закрывает глаза, когда из его рук вырывают винтовку. Чужие руки берут его сумку, пинок по ногам сзади заставляет его рухнуть на колени. Он защищает руками голову, когда чувствует острие ножа у себя на яремной вене. Он собирается с силами и ждет. Вот оно, значит, как все кончится, в темноте. Он темный объект. Должен был знать. Он видит Хирут — она выходит из темноты и становится перед ним. Прижимает палец к губам и качает головой. Тот, кто продолжает держать нож у его шеи, передает ей его винтовку. Он понимает команду: Хирут, убей его. Этторе проглатывает слюну. Он думает, что глаза нужно держать открытыми. Он будет смотреть, как оно закончится. Он будет искать это тело, уловленное одновременно светом и тенью. Хирут подносит винтовку к своей груди. Она наводит ствол на Этторе и шепчет ему:

Умереть. Morire. *Memotex*. Ты заслуживаешь смерти. Потом она высоко поднимает винтовку, берет ее за ствол и обрушивает приклад на его голову.

Он падает, уловленный столбом света, объ-

ект запятнанный и затоптанный, отражающий только то, что ему удалось сохранить. Он падает свободно, наслаждаясь ощущением восторга. Выплывая из мира забвения к резкому лунному свету, Этторе будет помнить ноги в форменных брюках и разлет юбок в высокой траве. Тихий шепот придет к нему на смутном неразборчивом языке, останется только смотрящее на него сверху вниз лицо Хирут, проверяющей у него пульс, потом она схватит свою фотографию и письмо его отца, возьмет Астер за руку и понесется прочь.

* * *

Хирут рассматривает фотографию, забранную у него: ее изображение, замершее и плоское, лишенное цвета и крови, на обратной стороне надпись его почерком. Потом Хирут убегает с Астер. Она несется по холмам и к пещерам. Она стремится к комфорту влажной и промозглой пещеры, которая прежде была ее, и падает в объятия Аклилу. Она подносит фотографию к пламени свечи. Сужает свой мир до его периметра, потом прижимается к земле и смотрит на испуганную девочку. Это изображения-близнецы: одно просит помощи, а другое безмолвно молит о прощении. Одно в одиночестве в складках колючей

проволоки, другое катапультировано в историю, обречено бродить, через границы и по домам, не более чем объект, помещенный в заключение глазом.

* * *

Вой. Слезы и объятия. Крики радости и благодарные слезы. Пиршество и тедж. Молитвы. Проклятия врагу. Танцы. Хирут стоит в центре большого круга с Астер, сжимает ее руку, боится отпустить, на них снова форменная одежда, они снова солдаты. За празднующими и другими воинами, за размахивающими ножами женщинами, за бойцами в форме, подпрыгивающими и дрожащими в экстатической *эскесте*, стоят Аклилу с Минимом, их императором. Хирут смотрит на Аклилу, ее обволакивает нежность в его взгляде, она не готова оторвать от него взгляд, видя, как он кивает, прикладывает руку к сердцу, потом к губам, потом кивает ей. Эти мгновения, начинает понимать она, хотя ее кружат объятия и поцелуи, имеют силу, превосходящую силу простых слов. Эти жесты тоже могут пронзить ночь и заставить ее сверкать в невысказанных обещаниях. Хирут кивает Аклилу, прикасается рукой к сердцу и одновременно подносит палец к губам и произ-

носит его имя, она чувствует, как расширяется забытым теплом ее грудь. Она соединяет ноги, выпрямляет спину и улыбается, когда он делает то же самое и в унисон с ней: они одновременно отдают друг другу честь.

Глава 16

История, которую охранник ascaro рассказывает Фучелли: заключенные превратились в шакалов, потом помогли нападающим эфиопам в атаке. Они спрыгнули со скал и исчезли. Все это произошло так быстро — мы и прореагировать не успели. Это была рука дьявола, за пределами человеческих способностей остановить их, даже для такого великого человека, как Ибрагим. Он сделал все, что мог, я в этом уверен, потому что сам присутствовал. Он не заслужил порки, colonello Фучелли. Per favore, он наш возлюбленный командир.

Но вот что говорит Фучелли, связывая руки Ибрагима вокруг дерева: Soldati, мы сражаемся с армией Мемнона, но мы храбрые сыновья Италии, потомки тех, кто пал под Адуа почти сорок лет назад. Разве сыновья Трои не воспряли из пепла, чтобы построить величественную Римскую империю? Мы не бросаемся в бегство, и все трусы будут наказаны.

Сыновья Рима! Viva l'Italia! Эти крики эхом отдаются от гор.

Ascari стоят молча.

Фучелли встряхивает плетью, проверяет ее гибкость. Звуки эха затихают вдали, и на вершине удушающей жары усаживается тихое ожидание. Известие о ночной атаке распространилось быстрее, чем Этторе успел добраться до кабинета Фучелли. Он не знал, как объяснить полковнику, почему эфиопы оставили его живым. Но полковник был готов к этому.

Ты отбился от них, сказал Фучелли, выслушав Этторе. Они приставили нож к твоему горлу и попытались тебя запугать, но ты сопротивлялся, тогда они вырубили тебя и убежали. Камеру они оставили? Полковник напрягся, когда узнал, что он потерял отцовское письмо. Жаль, Наварра, сказал полковник Фучелли.

Они меня вырубили, синьор, объяснил он. Я не мог их остановить. Откуда Этторе мог знать, во что вляпывается, когда сказал: Мы его повсюду искали.

Мы? Фучелли поднялся со своего стула.

Ибрагим постарался, чтобы я без помех добрался сюда. Он меня нашел.

И он не отразил их нападения? спросил Фучелли. Он позволил им войти в мой лагерь и увести моих пленников?

Мы наказываем трусов, ragazzi, говорит теперь

Фучелли, протаскивая плеть по земле. Итальянец не трус, итальянец дерется и вдохновляет на драку других. Ты — итальянец, Наварра. Покажем, что такое Рим, и напомним остальным. Это пойдет в твою защиту. И он протягивает Этторе плеть. Давай, Наварра, перед тобой ascaro, который позволил им напасть на тебя.

Ропот становится громче, сворачивается в камень шума размером с кулак и ударяет ему в голову. Этторе хватает свою камеру и автоматически подносит ее к лицу. Он менее чем в трех метрах от полковника — почти идеальное расстояние, чтобы четко навести на фокус. Нужно сделать пару шагов назад, и тогда он сможет схватить линию его руки, его плечо и затуманить все остальное на головокружительном фоне.

Синьор?

Фучелли тычет рукояткой плети в грудь Этторе. Он улыбается, бровь у него подергивается. Докажи, кто из вас итальянец.

Этторе смотрит бессмысленно куда-то в пространство за Фучелли, а тот медленно расстегивает пуговицы своего мундира, он не торопится, осознавая драматизм представления. Затем полковник расстегивает пуговицы рубашки. Демонстрирует шрам, который тянется от плеча

по всей груди. Шрам широкий, зарубцевавшийся. Кожа наросла и сомкнулась сама с собой. В тех местах, где она встречается со старой раной, она бледнее.

Фучелли, раскинув руки, поворачивается к другим. Вы знаете, что случилось со мной в Ливии, говорит он. Там был дикарь, который зашел в мою комнату и попытался меня убить. Я отбился от него, soldati. Я никогда не сдавался, и в доказательство этого имею шрамы. Фучелли хватает запястье Этторе и тащит его вперед, к оголенной спине Ибрагима, и говорит: Сделай это ради себя самого.

Мышца плотно охватывает рукоятку плети и сжимает пальцы Этторе на ней. Это тот же набор связок, который да Винчи иллюстрировал серией рисунков То, что находится внутри тела, можно воссоздать и снаружи. И потому, когда его рука двигается вверх, продолжая держать тонкую плеть, Этторе смотрит и видит тело в движении, покорное своим естественным наклонностям, отдельно от человека, чья кровь поддерживает этот подъем и склонение плети к дрожащей спине.

Этторе следит за движением плети, она плывет по воздуху и останавливается на трепещущей спине Ибрагима. Он чувствует соприкосновение

хвоста плети с кожей и мягкое скольжение по нетронутому пространству спины. Это не его воля заставляет изящный инструмент подниматься и врезаться в связки и мышцы. Это тело в согласии с самим собой, блестяще скроенное, жаждущее увеличения скорости и силы удара. И он снова поднимает руку, и солдаты ревут, и нет слова, чтобы выразить трепет, проходящий по его телу, и я слышу их так ясно, что это может быть твой голос у моей щеки, отец: Хорошо, хорошо, а лопается не кожа, а жилы не тронуты, и мышцы не повреждены, это не кость торчит через все то, что удерживает человеческую форму и делает нас тем, что мы есть. Это не человек, а чудо, Лео, ты, которого я никогда не узнаю. И тут Фучелли простирает руки, словно чтобы обнять меня, при этом он повторяет мое имя: Наварра, Наварра, хорошая работа, хорошая работа. Рим будет доволен.

Это чудо.

Потом Фучелли говорит: Попроси ascari помочь тебе отнести его вниз, soldato. И утренний свет становится беспощадным сиянием на разодранной спине Ибрагима, обнажая дрожащее пространство, которое отделяет живых от умирающих.

Этторе роняет плетку и смотрит на свою одежду, забрызганную кровью, свидетельство деяния, которое не заслуживает никакого имени. Его запястья болят. Его руки болят. Он потеет, дыхание у него перехватывает. Он чувствует свою слабость в этих маленьких знаках, а потому не удивляется, что, когда он просит ascari отвязать Ибрагима и унести его, местные солдаты стоят по стойке смирно и смотрят перед собой. Они даже не удостаивают его отданием чести. Они даже не кричат обычного *Абет*, признающего получение приказа. Фучелли закуривает, смотрит, как Этторе щурится. Ибрагим безжизненно опирается о дерево, его голова низко опущена. Дыхание затруднено, вырывается из какого-то места, в котором трется о его порванную плоть.

Скажи им еще раз, Наварра. Фучелли позволяет сигарете догореть между губ, красное мерцание чернеет, потом сереет, потом сигарета падает на землю. Рим узнает об этом и отпустит тебя.

Этторе повторяет приказ, а Фучелли похлопывает по пистолету у себя на поясе, прощупывает пальцами ребрышко единственного ремня. Полковник переводит взгляд с Ибрагима на других ascari, с ascari на своих soldati, со своих телохранителей, стоящих по одну сторону от него, на

Этторе по другую сторону.

Он будет там висеть, пока кто-нибудь из вас не решит отнести его вниз, говорит Фучелли, обращаясь к ascari. Он плюет на землю. Наварра, не уходи, пока он здесь. И он направляется в свой кабинет, позволяя охранникам закрыть за ним дверь.

* * *

Что объединяет людей чрезвычайной силы, папа? Какое бессмертное дыхание проходит по этим напряженным мускулам и крепким костям, наполняя грудь священной божественной силой? Никакого рационального объяснения тому, что я видел, не существует, отец. Нет никакого разумного правила, которое объясняло бы, что бьется под упрямым сердцем Ибрагима, когда его ascari собираются в безмолвном сочувствии ему. Этторе смотрит, не в силах оторвать глаз. Ибрагим отказался позволить своим ascari отвязать его. Теперь его удерживает только дерево, его тело осело, оно стало таким гибким, что только мучительно упавшая голова уравновешивает всю его остальную массу. Он с такой силой наваливается на дерево, что кора соскребывает кожу с его щек. Его глаза опухли от давления. Кривая его шеи

покрыта синяками и порезами. Его люди падают на колени, умоляя его. Они кричат, привлекая его внимание, но он отвергает их помощь неразборчивым ворчанием, он слишком слаб, чтобы сделать еще что-нибудь, кроме как выставить дрожащий палец из-под веревки, связывающей его руки, его короткий ноготь слабо царапает поверхность дерева.

* * *

Ибрагим являет собой печальное зрелище, ему под колени подсунули для опоры табуретку. Его люди не оставляли его с предыдущего дня, а новый день должен вот-вот начаться. Они по очереди держали его на весу, чтобы он не задохнулся. Они накрыли его спину большими листьями, они произносили ласковые слова, похожие на молитву. Они сделали все, что было в их силах, некоторые плакали, сломленные его упрямой решимостью, одновременно ошеломительной и мучительной. Маленький мальчик по имени Абдул, мальчик, которого он не видел прежде, стоял в своей драной белой футболке на собственной вахте рядом с Ибрагимом.

Этторе подносит камеру к его лицу, опирается спиной о камень в нескольких шагах. Фотогра-

фия не может передать действия в его развитии. Видны только все более ярко выраженные подергивания правой руки Ибрагима, его бóльшая подвижность: птица, готовящаяся взлететь в воздух, а потом парить в нем. Через видоискатель это ничто, но Этторе все равно делает снимок и продолжает фотографировать, как ascari склоняются, опускают головы и воздевают руки в благословении. Он продолжает делать фотографии, и когда Ибрагим испускает долгий, мучительный стон, после чего его руки падают на землю, его тело откатывается вбок, и его люди собираются вокруг него, они явно потрясены, не боятся показывать то, что не в силах выразить никакие слова: что убито было нечто большее, чем они знают. Что случилось нечто, пока еще непонятное им.

* * *

Человеческая фигура смотрит с вершины холма, стройная, укрытая деревьями и туманом. Еще есть рука, которую с трудом, но можно разглядеть с такого расстояния, она вытянута вперед, словно чтобы поймать лучи раннего солнца. Жест одновременно величественный и сострадательный, самоуверенный и щедрый: удерживать посланные небесами лучи света, держать их, прежде

чем они свалятся вниз и добавят мучений кровоточащей спине страдающего человека. Ниже вершины ascari стоят, окружив Ибрагима. Они мрачны, они настолько в плену у праведного гнева и упрямой покорности, что один только Ибрагим увидел эту человеческую фигуру и, превозмогая боль, показывает на вершину холма: там — Царская Тень и правитель своего собственного невидимого царства.

Не кто иной, как Ибрагим, который все еще борется со связывающей его веревкой, замечает Хирут и Астер, облаченных в форму: они стоят и наблюдают за его унижением внизу, искра света замирает, а потом скользит по пологой долине. И именно Ибрагим скажет впоследствии своим людям: Я видел императора в горах, это он освободил женщин. И именно Ибрагим понимает предупреждение, посылаемое светом и окутанной туманом фигурой. Именно Ибрагим решает не дать Фучелли времени подготовиться. Именно Ибрагим вместо этого говорит своим ascari: Оставьте меня здесь и уходите, когда я освобожусь от веревки, а там бегите в горы и ждите меня.

Глава 17

К тому времени, когда Этторе слышит свое имя, сделать уже ничего нельзя, только смотреть на других soldati, склонившихся над чашкой кофе в своих палатках, Ты слышал?

Он ставит чашку и медленно поворачивается на своем табурете, устремляет взгляд в пространство за палатками. Он прислушивается, сердце его громко бьется. Снова звучит его фамилия, а за ним фамилия полковника: Наварра. Фучелли. А когда эхо снова разносит две эти фамилии по холмам и свет скользит по долине, Этторе остается только подняться на ноги и подтвердить для себя ужасающую истину: эфиопы пришли за нами. И они пришли за нами при свете дня.

И даже когда Этторе хватает свою винтовку и шлем, когда он осознает, что это его фамилия катится и надрывается над его головой, даже когда он несется с другими soldati, чтобы занять позицию за баррикадами из камней, он все еще не может толком осознать, что именно произошло. Что-то странным образом исчезло, отчего даже долина, пришедшая в движение, кишащая взбудораженными soldati, кажется неестественно

пустой. Он уверен в чем-то скрытом и в то же время освещенном ярким светом: фотографический негатив, который выявляет все и в то же время ничего.

Этторе приседает за баррикадой. Люди ждут приказа полковника Фучелли, а вокруг Этторе слышится взволнованный шепоток: пленники ищут Этторе и Фучелли, а потом они расправятся с нами. Он смотрит вверх. Вооруженные бунтовщики атакуют их. А потом над всеми ними, с двумя воинами по сторонам, — Этторе не сомневается, это Хирут и Астер — император. Хайле Селассие появляется на коне, освещенном солнечными лучами, в гриву животного вплетены драгоценные камни, сверкающие, как тысяча глаз. И только вид Фучелли, который в полной форме бежит к ним, бросается за баррикаду впереди всех и нацеливает свою винтовку на врага, удерживает на месте Этторе и других soldati, боевая подготовка и присяга приковывают их к нему.

Полковник качает головой и отдает приказ ждать. Он один стоит, ничем не защищенный, но, кажется, его это не беспокоит. Не стрелять, пока я не отдам приказ! кричит он всем. Не позвольте им напугать вас вот так, ragazzi! С вами ваш командир!

И тут с другой стороны, с холмов, которые должны были бы защищать ascari, раздаются новые голоса и боевые кличи, тысяча абиссинцев и еще тысяча, никем не сдерживаемая, несется прямо на них. Этторе вместе с другими итальянцами понимает теперь ослепительно простой факт: ascari нет. Они просто исчезли.

И с другой стороны враг несется на Карло и остальных его людей, ведомый человеком, имя которого он отказывается произносить. Карло следит за их приближением в бинокль, он спокоен, как никогда. Он будет сражаться до последнего солдата. Он будет сражаться, даже если все солдаты сдадутся.

Мое место здесь, тихо говорит себе Фучелли. А потом меня похоронят дома, и я буду жить снова — героем.

Он чувствует, как по мере приближения абиссинцев дрожит под ногами земля, потом брызги камней, хруст веток — враг разделяется на две колонны, потом на три, потом еще. Правый фланг. Левый фланг. Арьергард наверняка пробирается лесом и кустарником, чтобы обрушиться на них с тыла. Еще немного, и они окажутся в полном кольце окружения.

Иного пути нет, только на прорыв, кричит сво-

им людям Фучелли. Нет иного спасения — только вперед!

Он на миг поворачивается к ним, к этим мальчикам, которые под его началом стали мужчинами, которые смотрят теперь на него, прячась за баррикадой. Он знает, что Кидане разделит свой отряд на мелкие группы. Они рассеются перед фронтом итальянцев и будут атаковать с множества позиций. На их пути не встанут ascari — они исчезли, враг попытается разъединить итальянцев, раздробить на испуганные группки для убоя, которые просто сдадутся.

Карло берет себя в руки перед схваткой, прочесывает взглядом холмы, готовится.

И вот он: призрачная фигура беглого императора, духа, который обрел человеческую форму: Хайле Селассие, летящий на них на горячем белом коне, хор женских голосов хлещет императора по спине, как плотная царская накидка. Он ловко двигается, по сторонам от него бегут два солдата-женщины, в которых Карло Фучелли мгновенно узнает Хирут и Астер. Остальной отряд быстро, безмолвно и удивительно живо движется вровень с двумя женщинами. Император — это он. Он вернулся. Он никуда не уезжал. Он здесь. Царь царей. Чудо чудесное. Невероятное, обрет-

шее плоть.

Полковник Фучелли поднимается со своего места и становится перед атакующим отрядом, перед императором на великолепном коне. Полковник шагает вперед, одинокая фигура, безрассудная и отважная. У основания холма, в разинутой пасти несущегося чудовища полковник Карло Фучелли, знаменитый победитель Бенгази, сын Италии, опускается на колени и прицеливается в грудь императора. Он поднимает руку, чтобы пресечь любые попытки его soldati защитить его от приближающихся эфиопов. Он понимает, что представляет собой: одинокий человек на фоне тускловатого утреннего солнца. Неустрашимый солдат на фоне бескрайней непрощающей земли. Мы можем пересоздать себя заново, шепчет Карло Фучелли, слыша громкое биение своего сердца под мундиром. Это еще и другой путь. Это еще и воскресение.

Карло поворачивается к своим людям — они, потрясенные, смотрят на него застывшими глазами. Расскажите им об этом, кричит он. Расскажите им, что я сделал. Потом он поворачивается к врагу и видит перед собой Астер, ее винтовка нацелена не на его сердце, а в чувствительную плоть живота. Он охает, не уверенный в

ее щедрости, в подарке жизни, который она ему предлагает, но потом он видит другого человека далеко за ней — он держит фотографию и выкрикивает, словно в благословении, имя: Тарику! кричит человек. Тарику!

* * *

Они двигаются с легко дающейся им грацией надвигающейся бури: рокот усиливается в утреннем свете. Униформа Хирут тесная, жмет ей на бегу, рубашка стягивает ей плечи, когда она делает глубокий вдох, потом еще один, потом бежит вперед. Она становится частью устремленной вперед энергии воинов вокруг нее, все они несутся на врага прыжками, одна нога летит впереди другой. Если ты повернешь голову в сторону во время боя, сказал ей Аклилу, если точно выберешь время, то увидишь бегущих рядом с тобой ангелов, они своими крыльями отшвыривают пули. Она скашивает глаза, но видит только императора на пустившейся галопом Адуе. Она видит Сеифу, несущегося вниз по склону на одинокую фигуру Фучелли, который целится в Минима.

По другую сторону Астер и Кидане подгоняют людей, их руки взлетают и падают в синхрони-

зированных сигналах в ритме со вспышками света, скользящего по долине, отражающегося от итальянских касок, медлящего на противоположном холме, где ждет приказа подняться и атаковать другая группа, которой командуют Хаилу и Амха.

Хирут поднимает лицо к небу, она больше не боится самолетов. У нее за спиной рев солдат, крики, подобные узелкам на плетке, рассекающей воздух, хлещущей по холмам, этот взрыв полон такой ярости, что ее грудь сникает от давления.

Мы защитим друг друга, сказал ей Аклилу, когда они готовились к нападению. Мы встанем вместе и будем сражаться. Ты пойдешь впереди вместе со мной, и твое имя никогда не забудут. Дети Эфиопии всегда будут помнить, что ты сражалась в самые тяжелые времена. Это наша война за нашу страну. Твой командир — человек, который сражается рядом с тобой, женщина, которая умрет вместе с тобой, патриот, который поет об Эфиопии. Возьми меня за руку, Хирут, встань со мной, и мы будем сражаться и победим.

Громче всех ревет рожок Ворку, его безжалостный вой разносится по долине. Вокруг Хирут люди, которых она знает, и незнакомые, набранные из дальних и ближних областей. Тут есть

женщины в платьях и форме, они вооружены ножами, они воздевают руки и резко опускают их вниз, как давным-давно, в другой жизни, учила ее кухарка. Тут есть священники, которые вышли из своих пещер, они, словно дополнительный щит, прижимают к груди Библии. Когда отряд бежит вместе с нею, Хирут чувствует их общую силу. Она чувствует, как духи мертвых проникают в ее кости и укрепляют ее, как сталь. И на миг она отворачивается от долины перед ней и смотрит, пораженная, на холмы на горизонте, словно может видеть, как Фифи бежит из лагеря, помогая кухарке унести Ибрагима подальше от солдат Фучелли и поближе к ждущим его ascari. Она смотрит, словно точно знает, что кухарка прошепчет Ибрагиму, когда женщины помогут ему воссоединиться с его людьми, словно она понимает многие смыслы, таящиеся в словах кухарки: Они попытаются сделать нас полезными, а мы должны быть свободны от них. Мы сами должны решать, как будем жить. Хирут смотрит вперед, ее тело движется независимо от нее, наконец она медленно приходит в себя. И вот она, Хирут, дивный солдат в великой Эфиопской армии, дочь Гетеи и Фасила, рожденная в благодатный год урожая, без страха несущаяся на врага.

* * *

Soldati Карло противостоят подавляющему по численности отряду. Их вытеснили из-за баррикад, а потом окружили. Их вынудили отступить так далеко от всех укрытий, что Карло приказывает своим оставшимся солдатам рассеяться и сражаться до последнего человека. Бойня безжалостна без поддержки ascari и самолетов, и от него с пулей в животе мало помощи. Он лежит один на поле и зажимает бок, чтобы остановить кровотечение. Он смотрит вверх, измеряя расстояние до безопасного места. Слишком далеко, а он слишком слаб.

Corragio soldati![102] Отступайте! Кричит Карло своим людям. Он позволяет силе своего голоса подменить раскалывающееся сердце. Идите в горы! Отступайте!

Сверху доносится свист пуль, перемежаемый вскриками раненых, и у него рождается мысль: он умрет в этой забытой богом деревне, которую он превратил в военный аванпост, его тело останется лежать среди обломков и забытых палаток. Ничто не расскажет о его уходе, кроме

---

[102] Примечания: 102
Храбрые солдаты! (*ит.*)

его крови, впитавшейся в эту несчастную землю. Никто не оплачет его. Никто не спасет его тело от падальщиков. Он будет наблюдать за своим тлением сверху, снова согреется солнце, а его люди соберут свои пожитки и отправятся домой. Честь — вещь бессмертная, напоминает он себе, надеясь, что может в это поверить. Она живет в творении. Она вечна.

Полковник! Это Этторе бежит к нему, пригнувшись, у него безумные глаза, рот скривился в мрачную линию. Они прорвали все наши линии обороны, говорит он, тяжело дыша. Пойдемте в горы сзади, они движутся в другую сторону.

Наварра обхватывает Карло за талию, пытаясь его поднять. Боль такая жестокая, что у Карло перехватывает дыхание. Оставь, говорит он. Уходи отсюда, soldato. Он кидает на Наварру мимолетный взгляд, но мгновение затягивается. Он не знает, что еще сказать, но то, что у него на языке, должно быть высказано. Молодец, soldato. Но все кончено. Мне конец. Не позволяй им увезти тебя в Италию. Поступай, как тебе сказал отец: он тебя любил.

За ними раздается низкий свист — эфиопский сигнал к атаке. Этторе оглядывается через плечо и видит вдали человека с сильной челюстью,

который в ярости бежит к Фучелли, держа перед собой фотографию и выкрикивая имя: Тарику! Тарику!

Эта война давно перестала быть твоей, soldato. Беги отсюда, а то он и тебя убьет. Спасайся.

Эфиоп еще слишком далеко, и разглядеть фотографию в его руке трудно, но Этторе знает, что это за фотография. Он знает: этот человек — отец Тарику, он уверен в этом так же, как и в том, что у этого человека есть пуля для Фучелли, да и он, Этторе, ее заслужил. Он встает во весь рост и поворачивается к эфиопу лицом. Поднимает руки и ждет.

Человек приближается и бьет себя кулаком в грудь: Сеифу, говорит он. Сеифу. Он выкрикивает свое имя, как некую декларацию, отталкивает Этторе в сторону, достает нож, наклоняется, хватает Фучелли за голову, гнет ему шею.

Карло медленно моргает, его глаза ищут Этторе, пытаются изобразить спокойствие. Выживи, говорит он. Потом тихо добавляет: Не оставляй в этом месте никакую мою часть.

* * *

Хирут бредет по дымящемуся пеплу сгоревшего поля и находит мертвое тело Карло Фучелли,

драный носовой платок лежит на его распухшем лице и шее, его ремень и окровавленные брюки расстегнуты, ноги широко раздвинуты. Она опускается на колени и поднимает платок. На его глазах лежат две итальянские монетки. Воротник пропитан темной кровью. Хирут расстегивает рубашку, чтобы проверить сердце, убеждается, что этот человеческий монстр и в самом деле мертв. Она прижимает ладонь к его бездвижной груди. Она снимает монетки с его глаз, бросает их в сторону, стаскивает с него ботинки, стягивает носки, берет маленький нож, пристегнутый к его щиколотке. Она произносит молитву над мертвецом, просит бога предать его вечному огню, выжечь его подошвы ядовитым дождем. Она осеняет Фучелли крестным знамением, в последний раз кидает на него взгляд, потом направляется к другой границе поля, где она в последний раз видела Кидане — он упал и, раненый, остался один.

Этот звук похож на чириканье воробья, вылетевшего целым из драки, чистая нота такой прекрасной высоты, что даже выстрел из пушки не смог бы ее заглушить. Этторе замирает на бегу вниз по склону, ведущему к Фучелли. Он знает этот голос. Это Хирут, застигнутая где-то между песней и криком, вой такой мучительный и сво-

бодный, что он поднимается выше деревьев и замирает в облаках. Не отдавая себе в этом отчета, он бросается к ней.

Она по другую сторону поля, на котором оставила Фучелли, где-то за сожженными палатками на подножье холма. Она стоит на коленях спиной к нему над телом человека, и Этторе знает: человека зовут Кидане. Человек еще жив, дышит громко и тяжело, тянется к ее лицу, а она отшатывается и бьет его по руке. Они — две фигуры, плывущие по темной реке, одна держит другую на коленях, наклоняется, чтобы покачать, как ребенка, и прошептать что-то в ухо. Она нежно обнимает его, раскачивает туда-сюда, ее голова рядом с его, ее руки под его шеей и вокруг нее. Этторе хочет сказать, но ему так трудно дышать. Он хочет сказать: Сядь, Хирут, дай ему воздуха. Но Хирут покачивает его и бормочет, все крепче сжимая человека в объятиях.

Киду, говорит она, Киду. Потом она поднимает голову к небу, а когда Кидане снова пытается притронуться к ее лицу, желая не то притянуть ее к себе, не то оттолкнуть, Хирут смотрит на умирающего человека, прищуривается. Я солдат, говорит она. Я дочь Гетеи. Они забудут тебя и будут помнить меня. Она откашливается, вытирает

щеки и повторяет то, что сказала, а Кидане стонет и испускает последний вздох, его рука падает ему на грудь, уже ничего не просит: Они забудут тебя и будут помнить меня.

Первым кричит Аклилу, растерзанный голос, отражаемый горами, Кидане: боль, обретшая форму имени.

Астер присоединяется к нему: издает крик скорби о муже.

Хирут быстро моргает, она испугана, смотрит вниз, потом на Этторе. Их разделяет несколько шагов, но расстояние невелико, они слышат друг друга. Она качает головой, Уезжай, говорит он. Все кончено. Возвращайся в свою страну. Убирайся отсюда.

Он показывает на тюрьму. Мои письма, коробка, моя тайна. Твоя тайна. Мне нужно идти.

Она понимает и не противится его предложению. Она спокойна, она смотрит на тело Кидане с выражением ужаса. Медленно кивает. Да, говорит она. Моя тайна.

Этторе разворачивается и бежит к безопасности, к тому месту, которое он сделает своим домом, пока не найдет ее еще раз.

Глава 18

5 мая 1941

Императору казалось, что дорога домой будет короче, дорога, бесконечная черная лента, тянущаяся все дальше и дальше к горизонту. Хайле Селассие открывает окно «Роллс-Ройса» и слышит ровное металлическое гудение каравана за ним. Они все возвращаются вместе с ним, его министры и советники, его семья и телохранители. Перед ним идет маршем его армия, эти бесстрашные бойцы, которые никогда не сдавались. Он прикасается к груди, сдвигает в сторону свои многочисленные медали, нащупывает очертания своей грудины, частое биение сердца. Он не оставил в Англии ничего. Он забрал даже наскоро составленные заметки, которые делал для себя в дни перед отъездом, доставал листки один за другим из мусорной корзины, рассовывал по карманам, в уголки чемоданов, в свои портфели, пока не удостоверился, что не оставил ничего. Если бы он мог, он уничтожил бы все до последней ниточки, каждый волосок, каждую каплю воды, которая стекла с его тела на английскую землю, и увез бы с собой. Он хочет

войти в свой город цельным человеком, ничего не потерявшим, полным.

Он слышит сдавленные звуки, вторгающиеся в его мысли, и возвращается назад, в салон машины, в тепло удобных кожаных кресел. Его жена Менен сидит рядом с ним и тихонько рыдает в платок, который сжимает, будто его руку. Он прикасается к ее ноге и закрывает глаза, слышит равномерный шум покрышек по камням и выбоинам, чувствует прикосновение ее головы к своему плечу. Он делает глубокий вдох, еще один, смиряет свой мозг, заставляет мысли остановиться здесь, в этой стране, на этой дороге. Ровно пять лет назад, день в день, он был вынужден покинуть Эфиопию на поезде, который умчал его к границе, его люди смотрели на сужающееся позади небо, его жена, как и сейчас, плакала в платок. Он ощущает едкий запах дыма, висящего в воздухе чуть ниже его лица. Смолянистая, резкая смесь горящей резины и гниющей плоти. Итальянцы оставили после себя столько следов насилия. Сколько потребуется поколений, чтобы это стерлось из памяти? Чтобы все простить? И тем не менее он должен говорить со своим народом о божественной любви. Словно сердце может вынести все эти разрушения. Словно про-

изошедшее не слишком кошмарно и его можно нести в памяти.

На обочине дороги строй солдат, гордых своей поношенной и грязной формой, выкрикивает его имя. Хайле Селассие высовывает голову из окна и сразу же замечает ее: жена Кидане, та самая Астер, о которой говорила Менен, покачивая головой в восхищении и сомнении: она взяла винтовку мужа и повела его солдат, сказала ему Менен. Она поставила впереди своих женщин, и они на том холме в Дебарке не оставили ни одного живого итальянца. Потом жена сложила пальцы в кулак, прикоснулась к груди и кивнула. Кто говорит, что мы не можем делать то же, что мужчины?

Притормози, говорит он шоферу, его не волнует, что колонна впереди продолжает движение, а тем, кто сзади, придется остановиться. Он еще больше высовывается из окна, и Астер выходит вперед. На ней форма, накидка, идеально сидящая на ее плечах. Она опускает глаза, но поднимает винтовку и резким движением отдает честь, а солдаты за ней и вокруг подражают ее движениям. Молодая женщина рядом с ней тоже выходит вперед, ее глаза горят, рот сжат, и она отваживается смотреть ему в глаза. Отважива-

ется испытать силу его взгляда. Хайле Селассие тоже отдает честь, глядя мимо дерзкой молодой женщины, отказываясь думать о том, что это все может значить.

Поехали, говорит он шоферу. Езжай, пока нам не придется поменять машины и встретить генерала и британцев. А пока мы побудем одни. Потом он смотрит на жену, берет ее руку, прижимает к своей щеке: Наконец мы дома, говорит он. Дома.

Император сидит на заднем сиденье своей машины, урчащей на холмах дороги в Аддис-Абебу, и груз его отсутствия камнем ложится на его плечи, давит его так, что грудь у него начинает болеть. Он пытается убедить себя, что ему предоставлен еще один шанс раскинуть руки и просить прощения у дочери Зенебворк, у его народа, у живых и мертвых. Вот каково это, когда мертвые преследуют тебя.

* * *

Миним становится на колени на ступеньках церкви Святого Георгиса, молится с тяжелым сердцем, которое ему никак не удается направить к радости. Он пришел в эту церковь, чтобы побыть одному, но он окружен толпой подданных, которые благодарят своего царя за возвращение.

Стиснутый и затолканный в толпе верующих Миним одет как бедный крестьянин, каким он и является на самом деле, его длинные волосы схвачены сзади старой *нетелы*[103] Хирут. Его сердце бесполезным грузом покоится в глубине его груди. Он выходит из толпы, оставляя место следующему за ним человеку его размеров.

Ваше величество, безмолвно говорит он себе. Да, отвечает он и протягивает себе руку. Пойдем вместе на наш трон.

Он говорит себе, что слезы, которые падают на пол с его глаз, — не только его слезы. Это слезы, которые пролил бы и Хайле Селассие, если бы им обоим позволялось плакать.

Ваше величество, говорит он. Кто будет меня помнить?

Ответа нет, только его беззвучное дыхание. Он в плену собственной кожи, проглочен идущими ногами, удушен мурлыкающей процессией и радостными приветствиями жителей Аддис-Абебы. Его все еще ждут в деревнях и маленьких городах по всей остальной стране, в горах и пещерах, жаждут поклониться своему вождю, который скакал на коне в гущу боя, чтобы ради них сра-

---

[103] Примечания: 103
Название эфиопского шарфа.

жаться с врагом.

Ваше величество, я один.

Миним ждет, и ласковый ветерок шуршит в открытых церковных дверях, он слышит слова, которые хочет произнести его император: Каждое солнце создает тени, и не все имеют счастье стоять на свету.

Мы вернулись, говорит он себе.

Миним смотрит на свои тонкие пальцы, ногти, все еще короткие и отшлифованные. Он смотрит на свои ноги, кладет руку на бороду, которую научился подстригать не хуже любого царского парикмахера. Каждый день он все больше будет возвращаться в себя, пока не станет тем, кто он есть: человеком, который однажды был всем для всех, а потом возродился в свое прежнее состояние — в ничто.

Эпилог. Воссоединения

1974

Они уже несколько недель приходят, чтобы постоять перед Этторе в своих выцветших солдатских формах. Эти люди, которые скидывают с себя ботинки, подтягивают пустые патронташи и просят его сфотографировать их. В каждом лице он ищет Аклилу. Он молит дверь, чтобы она никогда не открылась и не впустила Сеифу. Его тут называют ферендж, иногда тальян, время от времени он слышит Фото, но никто больше не говорит Этторе, даже итальянцы, которые все еще живут в Аддис-Абебе. Для них он lo straniero[104], хотя Этторе знает: его имя известно, они видели его на открытках, которые хранят в конвертах и альбомах — изображения молодого солдата по имени Хирут и ее командира Астер.

Он не знает, известны ли эти фотографии кому-то из арбегночей. Не поэтому ли некоторые из них появляются здесь, смотрят на него, а потом уходят. Другие стоят по стойке смирно, в глазах у них горит пламя, и они заявляют, что, получи они

---

[104] Примечания: 104
Иностранец (*ит.*).

приказ, они бы и сейчас убили его. Большинство из них наверняка знают, что он будет фотографировать арбегночей бесплатно, но эти патриоты настаивают на оплате. В последнее время они заглядывали в его студию, и их число все возрастало, эти стареющие, гордые мужчины, кости которых, как думал он когда-то, сделаны из стали. Каждый день его студию заливает солнечный свет, когда дверь открывается, и открывается, и открывается, и его забрасывает все дальше и дальше в те годы, которые он изо всех сил старается забыть. Они называют ему их *феррес сим*, их nom de guerre[105], нередко они никак больше не представляются. Некоторые говорят, что нынешний бунт недовольных[106] — продолжение той войны, что началась в 1935-м. Ни одна война никогда по-настоящему не кончается, сказал ему, чуть не плача, один седобородый человек.

Он спит в задней части своей студии в квартире, которую арендует на Пьясса. Он провел здесь почти пятнадцать лет, переезжал из Асмары в

[105] Примечания: 105

Имя, которым называют себя, поступая в сражающуюся армию (*фр.*).

[106] Примечания: 106

В сентябре 1974 года в Эфиопии произошла революция под коммунистическими лозунгами, в результате которой Хайле Селассие был свергнут. Приход к власти «марксистов» положил начало гражданской войне, отголоски которой слышны до сих пор.

Александрию, в Гондэр, где он много лет провел в поисках Хирут близ старых мест сражений, в деревнях, больших и малых. Он преодолевал большие расстояния с ее фотографией в кармане и всегда спрашивал: Вы знаете девушку, которая когда-то сражалась рядом с великой Астер? Он искал в монастырях, в церквях, в пещерах между Годжамом и Аксумом, в деревнях на Сыменских горах, во всех местах, где, как он думал, она могла оказаться. В конечном счете он сдался и отправился в Аддис-Абебу, в тот город, который до сих пор признает его поражение и насмехается над ним, он надеялся, что она каким-то образом прослышит о его поисках и найдет его студию. Он частенько сидел в кафе Энрико, склонялся над своим капучино, прислушивался к разговорам, ждал, не свернет ли один из них на ту далекую войну и тех женщин, которые так хорошо знали все уязвимые места хрупких мужчин. Он надеялся услышать про Астер, великую жену великого Кидане. Но так ничего и не услышал. Только истории про других гордых воинов, тех доблестных мужей, которые теперь приходили в его студию, требовали подтверждения своего величия.

Два дня назад он вышел на улицу и увидел слова, нацарапанные на стене его дома: Ференджи,

убирайтесь! Покончим с империализмом! Муссолини, вон! Этторе хочет сказать, что протесты на улицах оживили старые воспоминания о той, другой войне — его войне, — но он знает, что он воскресил нечто другое, нечто более острое, чем воспоминание, нечто живое, ждавшее все это время, когда ему позволят вернуться. Старики, приходящие в его студию, удивляются, что он и глазом не ведет, когда смотрит на них в объектив, а они наставляют на него свои винтовки. Ему иногда хочется, чтобы они сделали то, о чем говорит их вид. Ему хочется выйти вперед, подставить свою грудь под ствол винтовки и сказать: Какое я имею право оставаться? Именно эти слова говорит он себе по ночам в те моменты, когда его мозг опустошил себя раздумьями, и не остается ничего, что могло бы воспрепятствовать возвращению тех лет. Он лежит в маленькой кровати в тесной комнате, заполненной коробками с негативами и фотографиями, и обнаруживает, что повторяет: Я фотографировал мертвых и умирающих. Я помогал убивать невиновных. Какое право я имею оставаться?

* * *

Он повторяет эти слова себе под нос как-то утром, когда дверь снова распахивается, и он дергается, как и всегда, прежде чем поднять глаза, опасаясь увидеть перед собой Сеифу. Он знает, что когда-нибудь Сеифу непременно его найдет. Несколько мгновений он смотрит на этого высокого, элегантного человека с копной седых волос, облаченного в хорошо пошитый костюм. Человек этот стоит и ничего не говорит. Потом он узнает эти глаза, это лицо: доктор Хаилу, знаменитый врач из больницы «Черный лев», человек, который когда-то сражался рядом с великим Кидане, человек, который более десяти лет пресекал любые попытки Этторе заговорить с ним. Этторе опускает увеличительное стекло, которое держал в руке. Он отодвигает стопку листов с контактными фотографиями, ищет кусок материи, чтобы протереть руки. Оба они молчат, пока он ковыляет к Хаилу, который так и стоит в дверях в своем темно-сером костюме и рубашке, кажущейся невероятно белой под светло-голубым галстуком.

Доктор Хаилу, обретает наконец голос Этторе. Lei è dottore Hailu? È giusto? *Ликинегн*? Верно? Он

говорит на сбивчивом итальянском, спотыкающемся амхарском, словно они оба понимают, что язык никогда их не соединит.

Хаилу оглядывает захламленную студию, смотрит долгим, жестким взглядом на задник с изображением Сыменских гор, не снятый по окончании последней съемки. Вы должны уехать из этой страны, говорит он. Сейчас здесь не место для иностранцев.

Здесь нет места для формальностей, для фальши, которая смягчила бы их общие воспоминания. Он знает, что Хаилу говорит ему, по тому, как он произносит эти слова. Он говорит с ним, как со знакомым, отказывая при этом в любезности формального обращения, в уважении, которое такой язык дарует тем, кто старше возрастом или рангом, или людям высокочтимым. Они просто два человека, стоящие друг против друга, один все еще величественный и властный, другой морщинистый, более растрепанный, сильнее согнутый годами — иностранец, *ферендж*, тальян.

Этторе подходит ближе, и теперь они оба стоят в столбе света, струящегося через открытую дверь. Я получил официальное извещение, говорит он.

Он оглядывает свою студию, старается не позволить этому человеку увидеть страх и печаль

— и облегчение, которое тоже присутствует.

Я должен уехать до конца месяца, добавляет он. Потом он смотрит на Хаилу и надеется, тот сможет увидеть то, что он сам не смог сказать. Я искал Хирут, говорит он. Я отдал ей письма моих родителей, которые хотел бы вернуть.

Но Хаилу уже разворачивается, выходит на улицу, а Этторе не желает ничего больше — только задержать его, спросить: послушайте, ведь вы пришли не только чтобы сообщить мне то, что я и так знаю?

Я могу вас сфотографировать, если немного подождете, добавляет Этторе. Мысль глупая, но он не может остановиться. Я могу вас сфотографировать, а завтра фотография будет готова — для ваших детей, для семьи. Бесплатно, роняет он.

Хаилу качает головой, но останавливается, словно и он имеет что сказать. В обрамлении двери, подсвеченные сзади солнцем, серебрятся пряди в его великолепных седых волосах.

Ваш амхарский хорош, говорит Хаилу через плечо. Вы многому здесь научились, верно? Потом он поворачивается назад, и его глаза дрожат от ярости, которая уже должна быть известна Этторе, но он все же прячет это в себя, опускает на мгновение глаза, поднимает их.

Вы не считаете, что уже взяли достаточно? Голос Хаилу дрожит. Что дает таким, как вы, право вести себя так, будто здесь ваш дом? Вы проливали кровь за эту страну? Вчера я делал операцию мальчику…

Этторе передергивает.

Я делал операцию мальчику, повторяет Хаилу. Ему с трудом удается контролировать себя. Он совсем ребенок. Один из этих протестующих, которые делают вид, будто они солдаты. Кто обеспечит безопасность наших детей в этой стране? Люди вроде вас? Он глумливо фыркает. Вы сделали достаточно. Убирайтесь. Все. И оставьте нас в покое.

Я не могу уехать, пока не увижу Хирут, говорит Этторе. Я знаю, вы сражались бок о бок с ней, доктор Хаилу. Внутри он кипит, сжимается под воздействием отвращения этого человека. Он делает вдох, чтобы унять голос. Когда-то, до того как он оказался здесь, он тоже кое-что представлял собой, хочет сказать он. У меня больше ничего не осталось в память об отце и матери, кроме того, что я дал ей, говорит Этторе вместо тех слов, которые хотел сказать. Скорбь еще сильнее, когда теряешь человека, находясь далеко от него, добавляет он. И теперь Этторе глотает растущую

ярость, беспомощную ярость, которая вгрызается ему в горло и забирает слова. Я отдал ей их письма, у меня там были мои письма, которые я так и не отправил. Доктор Хаилу, я тоже боялся итальянцев. Я еврей. Мои родители… их забрали, я так и не нашел их следов. Если бы я только мог найти Хирут.

Я не знаю, где она.

Почему вы пришли сюда? Вы наверняка знаете, что я искал ее.

Хаилу медлит, смотрит на свои руки. Этторе прослеживает направление его взгляда и отмечает тонкие пальцы с заостренными ногтями, гладкую кожу. Это руки образованного человека. Сколько лет прошло с тех пор, как они противостояли друг другу в войне, которая, по сути, считала врагами их обоих.

Через два дня к вам придет посыльный. Отправьте ей письмо через него, он будет знать, где ее найти. Вы должны будете прочесть письмо ему вслух, чтобы он запомнил. Это все, что я могу сделать.

Вам необязательно было приходить сюда, говорит Этторе. Сердце его колотится так громко, что он едва слышит собственный голос. Спасибо, доктор Хаилу. Он низко кланяется.

Хаилу снова смотрит на задник. Я не понимаю того, что происходит, говорит Хаилу. Тогда, давно, мы точно знали, кого ненавидеть.

Снова молчание. Этторе стоит в смещающейся полосе света и видит красноту вокруг распухших от недосыпания глаз Хаилу, но они все равно смотрят с легко узнаваемой яростью, подкрепленной глубокой грустью. Мы старики, думает Этторе, а тогда были молоды, я был молод, я был глуп. Боялся умереть. Но каких слов сегодня будет достаточно?

Хотите — я вам дам фотографии, которые я снимал в Сыменских горах? Там несколько человек из ваших. Возможно, вы узнаете кого-то из арбегночей. У меня они есть. Этторе идет к столу, быстро говоря на ходу, начинает вытаскивать коробки с фотографиями. Пожалуйста, позвольте, я вам дам что-нибудь. Они все здесь — мои фотографии тех дней. Ему отчаянно хочется задержать здесь Хаилу, найти какой-нибудь предлог, но Хаилу уже вышел, не закрыв дверь, а потому солнечный свет проникает внутрь, этот нахальный незваный гость, проникший в его сумрачную студию, которая когда-то казалась ему убежищем.

Оставшись опять один, Этторе оглядывает

свою студию, заставляет себя сосредоточиться на неразобранной груде фотографий перед ним. Он прежде был аккуратней. Фотографии были разобраны по датам, вырезки из газет хранились в строго хронологическом порядке. Содержимое коробки, которую он передал Хирут сто лет назад, было тщательно организовано и подписано. Оставив армию, он стал меньше заботиться о последовательности вещей. Он понял, что невозможно соединить то, что уже случилось, с тем, что случится. Вот что он знает теперь: Нет прошлого, нет никакого «то, что случилось», есть только мгновение, которое переходит в следующее мгновение, тащит за собой все, постоянно обновляется. Все происходит одновременно.

* * *

Иногда она снится ему, он воображает, что она входит в его комнату, словно к себе, словно все эти годы ждала, что Этторе поймает этот ускользающий уголок света и увидит, что она была всего лишь девочкой, всего лишь испуганной девочкой, которая училась быть солдатом. Иногда, когда ему требуется женская компания и он находит кого-нибудь и приводит к себе, он вдруг просыпается среди ночи, уверенный, что видел

ее, что она сама нашла его. Потом его спутница на одну ночь шевелится, и лунный свет спотыкается, и Этторе смотрит в пустую темень, молча повторяя слова отца: Границы тел — наименьшее из всех вещей. Он хочет добавить: прости меня, я был плохим сыном, я совершил немало гадостей. Ему хочется кричать, что он не мог не исполнять приказов, что ему было страшно, что все они были бессильны перед войной. Но Этторе может только лежать и теснее прижимать к себе тело незнакомой женщины, и пытаться уснуть под привычную боль старого раскаяния.

Интерлюдия: 1974

Протестующие собрались на площадях и в школах по всему городу, они требуют его отставки, но Хайле Селассие сидит в своем кабинете, заводит граммофон и ждет последнего акта, в котором Аида и Радамес в подземелье споют свою последнюю песню. Почти половина его восьмидесятилетней земной жизни прошла вместе с Аидой и ее отцом Амонасро, с Радамесом и египтянами, и сегодня ему требуется их ободрительное присутствие, чтобы вспомнить те прекрасные дни сорок первого года, когда он триумфально вернулся из

ссылки[107]. Хайле Селассие ставит иглу на пластинку и откидывается на спинку дивана, ждет, когда мелодия заполнит комнаты и погребет под собой хаос. Он смотрит в угол комнаты, в золотую дымку послеполуденного света, проникающего сюда сквозь занавеси, он смотрит так долго, что ему начинает казаться, будто занавеси двигаются. Потом из тени выходит Амонасро и протягивает ему руку.

Хайле Селассие, Тэфэри Мэконнын, говорит ему Амонасро. Ты так и собираешься сидеть здесь?

Хайле Селассие моргает, трет глаза — и Амонасро пропадает. Хайле Селассие сидит совершенно неподвижно, недоумевает. Потом смотрит снова — Амонасро вернулся.

Тэфэри, говорит отец Аиды. Да? Император

---

[107] Примечания: 107

Для лучшего понимания последней главы приводим краткое содержание оперы Джузеппе Верди «Аида». Идет война между Египтом и Эфиопией, в плену у египтян эфиопская царица Аида, она взаимно влюблена в Радамеса, которого фараон назначил полководцем. Радамес возвращается победителем, а среди пленных оказывается отец Аиды Амонасро, но победители не знают об этом. Фараон в благодарность за победу назначает Радамеса наследником и дарует в жены свою дочь Амнерис. Амонасро уговаривает Аиду узнать у Радамеса тайну, которая поможет эфиопам одержать победу, Радамес, влюбленный в Аиду, соглашается, они собираются бежать в Эфиопию. Но Амнерис и верховный жрец подслушали их планы и переговоры, приходит стража, чтобы арестовать заговорщиков, но Радамес, сдавшись сам, помогает исчезнуть Амонасро и Аиде. Радамеса приговаривают к погребению заживо. Но когда плита намертво закрывает выход для Радамеса из подземелья, он видит, что туда пробралась Аида, чтобы

умереть вместе с любимым.

похлопывает себя по груди, чтобы смирить рвущееся из нее сердце. Он знает, Амонасро здесь нет, но не может убедить себя в том, что глаза и уши обманывают его.

Мы должны поспешить, говорит Амонасро. Мы отцы и цари.

На Амонасро простая *шамма* тонкой вязки, умело наброшенная на его плечи. Его голова — буйное цветение кудрей: прическа воина. На его красивом лице тонкий шрам пересекает морщину над бровью.

Хайле Селассие смотрит в окно. Вечереет, но демонстранты не разошлись по домам. Пыль попрежнему поднимается из-под их марширующих ног. Кирпич, переброшенный через ворота, чуть не попал в одного из взвинченных охранников. Он видит только то, что выходит, но что же только что вошло в его личный кабинет?

Помоги мне спасти мою дочь, говорит Амонасро. Она ушла, чтобы встретиться с врагом моего народа, а мы должны остановить ее. Помоги мне спасти мою Аиду. Он показывает куда-то за спину, показывает куда-то за пределы кабинета, за пределы дворца — туда, где на краю пропасти сидит и ждет женщина.

Амонасро ничуть не похож на те жуткие ри-

сунки и фотографии, которые ему присылали из оперных театров Европы. Человек, стоящий перед ним, — чистый эфиоп и гордится этим. То, что он не дал себе труда поклониться Хайле Селассие, — незначительная подробность, против которой император не возражает, поскольку и сам отказывается кланяться.

Не сейчас, старый друг, говорит император, покачивая головой. Ты не понимаешь, что мы должны спасать Эфиопию? Хайле Селассие постукивает по окну рядом с диваном, находя утешение в этом надежном звуке. Неужели ты не видишь, что люди страдают?

Помоги мне, пока еще не слишком поздно и мы живы, настаивает Амонасро. Хайле Селассие говорит то, о чем думал, о чем размышлял не одно десятилетие: Но эта девочка, твоя дочь, эта Аида, — какая глупость с ее стороны влюбиться во врага. Она по глупости забыла о своей царской крови и пошла на поводу у своего сердца. Это судьба, которую она сама навлекла на себя. Почему ты так плохо ее воспитал?

Амонасро склоняется и закрывает лицо руками. Я воевал с Египтом, и она попала в плен. То была моя вина. Ты наверняка знаешь, что я имею в виду, царь Эфиопии, отец мертвой дочери.

Аббаба. Аббаба. И теперь уже Зенебворк подрагивает в прозрачном сиянии солнечного света, проникающего сквозь занавеси на окне с другой стороны комнаты. Аббаба, ты забыл меня?

Император игнорирует свою дочь и обращается к Амонасро. Он слышит свое имя за обрывками криков за пределами территории дворца, потом над какофонией звуков ясно звучит слово: *Лейба! Лейба*! Вор! Вор!

Император выглядывает, отогнув занавеси, потом задергивает их. Почти сорок лет назад те же самые люди перед ним, радуясь его возвращению, тому, что страна снова принадлежит им, отобрана у похитивших ее незваных гостей. Он качает головой и снова обращается к Амонасро.

Ты сражался в войне, которую начали они, говорит Хайле Селассие. Он думает о вторжении, об этих вероломных итальянцах, и прежняя ярость снова загорается в его груди. Ты был вынужден поступать так, как поступал, говорит он Амонасро, входя в это мерцающее пространство между ними. Но их песни никогда не расскажут всей правды, добавляет Хайле Селассие, они никогда не будут петь о собственной порче.

Он видит Зенебворк — она приближается к Амонасро. В любой другой день он бы встретил

ее, предложил утешение, как делал это всегда с тех пор, как выдал ее замуж за этого гнусного типа. Он бы извинился, позволил бы ее гневу пронзить его, понимая при этом, что такая она и есть — любовь. Но сегодня ее появление — это слишком. Сегодня ему все кажется слишком.

Аббаба, он хочет найти свою дочь, говорит Зенебворк. Мы должны помочь ему.

Позволить дочери умереть в одиночестве — это самый большой позор для отца, говорит Амонасро.

Хайле Селассие смотрит в упор на Амонасро, выпрямляет плечи. Он сдвигает ноги, покачивается из стороны в сторону. Он ощупывает свои медали и напрягает спину. Он выставляет подбородок и сжимает челюсти. Даже по прошествии стольких лет его тело помнит эти движения, оно не забыло, что это значит — вести войну.

Аббаба, ты меня забыл?

Снаружи: его имя выкрикивается, как проклятие. Внутри: чувство вины сокрушает его, лишает воздуха. Поэтому Хайле Селассие переставляет иголку к концу пластинки. Он пытается сосредоточиться на последнем акте «Аиды», ждет, когда Радамес обнаружит, что запутавшаяся девушка вошла в подземелье, чтобы умереть без нужды

вместе с ним. Император слушает, качает головой в пустой комнате, потому что стал ощущать реальность того, что невидимо. Вот почему он не удивляется, когда Симонид выходит из-за занавеси и становится рядом с Зенебворк. Император смотрит, как старый философ кладет руку на ее плечо и привлекает к себе.

Тэфэри, ты забыл? спрашивает греческий поэт. Какое место в твоей памяти ты оставил нам? Потом он смотрит на императора и тоже качает головой.

Сколько раз можно вынуждать меня смотреть, как умирает моя дочь? Это Амонасро, который все еще не отрывает ладоней от лица.

А потом они, все втроем — Зенебворк, Симонид, Амонасро, — поворачиваются к Хайле Селассие, но прежде чем кто-то из них успевает заговорить, Хайле Селассие стучит себя по груди и говорит, Мы всё принесли сюда для безопасного хранения. Он кладет ладони на голову и снова повторяет: Мы всё положили и сюда. Так, совместными усилиями, мы сможем удержать страну.

Тэфэри, говорит Симонид. Ты ведь наверняка знаешь, кто ты такой. Ты наверняка знаешь, как все поставить на свое место. Мы тебя хорошо научили, правда?

Вот что он помнит: как вез плачущую Зенебворк и грустную Менен на вокзал, чтобы вернуть Зенебворк этому ужасному человеку, как оставил дочку на попечение эскорта и махал ей, когда поезд стал набирать ход.

Твое место было не с ним, дочь моя, говорит теперь Хайле Селассие. Твое место всегда было здесь, с нами. Прости меня, *лидже*, я жалею, что посадил тебя на этот поезд.

Потом он ждет, когда Зенебворк уйдет, как она всегда уходила, но на сей раз она остается. Издалека доносится звук выстрела, а за ним несколько очередей. Император вздрагивает.

Есть еще один, кто опять хочет занять наше место, признает Хайле Селассие. Есть еще один, кто хочет сесть на наш трон.

Зенебворк вытягивает руку и пересекает порог между светом и тенью, между ночью и днем, между его старой жизнью и этой, рвущейся на свободу.

Но неужели ты не помнишь? спрашивает Симонид. Ты не забыл ту жизнь, которую ты оставил за собой в руинах? Войди в эти комнаты и найди свое место. Не оставляй мертвецов непогребенными.

Но Амонасро качает головой и говорит, Идем.

И он говорит: Мы цари. И добавляет: Мы должны избавить наших дочерей от тех опасностей, что созданы нашими же руками.

И Хайле Селассие чувствует, как Зенебворк окутывается тенью, опускающейся на него. Она слушает, ждет его ответа, ее ярость похожа на крепкий ветер, хлещущий его по лицу, обжигающий его глаза, сносящий слезы с его щек. Он снова бьет себя в грудь, и голос Аиды наполняет комнату. Она зовет Радамеса, она на пути превращения в призрака.

Мои люди искали меня, когда больше не могли опознавать своих мертвецов, продолжает Симонид, заглушая голос Радамеса, летящий к его последнему дыханию. Когда мертвецы будут потеряны, те, кто носит в себе воспоминание о них, придут к тебе, Тэфэри. А что сохранится в твоей памяти, чтобы рассказать им?

Мы — цари Эфиопии, повторяет Амонасро. Мы должны избавить наших дочерей от тех опасностей, что созданы нашими же руками. И Амонасро показывает на императорское одеяние: Ты должен стать кем-нибудь другим, чтобы тебя не узнали, как сделал я, когда меня взяли в плен. Ты должен стать собственной тенью и засвидетельствовать собственную кончину, как

это сделал я. Ну же, Тэфэри, давай.

И тогда Хайле Селассие из нижнего ящика своего стола, из самой дальней его части достает аккуратно упакованную посылку, которую он прятал почти сорок лет. Он достает поношенную рубашку и обвислые брюки, держит их в руках — эти вещи доставил ему один из его людей, чтобы он надел их, когда покидал страну в 1936-м, — ненадежная маскировка на тот случай, если ему потребуется покидать страну не в личине императора. Он чувствует дрожь, прошедшую по его телу, и поворачивается к Амонасро и Симониду. Он избегает упрямого взгляда дочери. Он раздевается и надевает крестьянскую одежду.

Закончив, он поворачивается к зеркалу, чтобы рассмотреть себя — шок, ведро холодной воды, выплеснутое ему в лицо. В зеркале он видит то другое свое изображение, другого человека, который когда-то был его тенью и вел эфиопов в бой против его старых врагов: он видит Царскую Тень. Он прикасается к своей щеке, ко лбу, к седым волосам, которые теперь венчают его обремененную заботами голову.

Царь умер? спрашивает Зенебворк. Мой отец ушел?

Мы здесь, *лидже*, говорит император. Это мы.

Да здравствует царь! говорят Амонасро и Симонид, глядя на него и кивая.

Царь мертв, говорит он.

Да здравствует Эфиопия! говорят все.

Аббаба, говорит Зенебворк, ты снова хочешь посадить меня на тот поезд? Она подходит к нему, прижимается щекой к его щеке.

Хайле Селассие отрицательно качает головой. Зенебворк, дочь моя, я верну тебя, и ты останешься со мной, говорит император, беря руку потерянной дочери в свою. Ты останешься со мной до конца моих дней. Не уходи, шепчет он. Не покидай меня.

Потом Хайле Селассие и Зенебворк вместе выходят из дворца. Он чувствует, как ее тепло просачивается в холодный ветерок. Рядом с ним древний поэт Симонид и Амонасро, скорбный отец Аиды, они все вместе идут по Пиассе, мимо зашторенной студии Этторе к вокзалу Аддис-Абебы.

Воздух, который висит в помещении вокзала, когда туда входит Этторе, насыщен старой пылью и резкими парами, едким запахом, от которого у Хирут текут слезы. Хирут опускает крышку коробки, прижимает коробку к коленям. Она засовывает письмо себе под платье. Она чувствует,

как уголок конверта, смягченный временем, прикасается к ее груди, словно опасливый палец. Она должна отдать ему все. Она хотела избавиться от всех воспоминаний о нем и том времени, но она понимает ценность этого письма, и пусть она не знает значения этих слов, она теперь научилась расшифровывать движение руки: ее скованность или размашистую открытость, ее щедрость или себялюбие. Она видела мелкий идеальный почерк, все слова, втиснутые на одну страницу, и представляет себе прижимистого, строгого отца: ее отца с его собственными четкими черточками на Вуджигре, ровностью ряда из пяти отметин, представляет симметрию всего этого.

Она понимает, что такое это письмо, а потому знает, что Этторе не имеет на него прав из-за всего, что они потеряли после его вторжения в ее страну, из-за всего, что потеряла она, потому что она вор, и ей пришлось брать, чтобы исправить неестественную несправедливость. Потому что Астер была права: девочки вроде нее рождались, чтобы приспосабливаться к миру, который не был создан для того, чтобы ей угождать. Потому что некоторые рождаются, чтобы владеть вещами, а другие — для того, чтобы держать эти вещи в предназначенных им местах. Хирут делает глу-

бокий вдох, ставит коробку на пол, расправляет письмо, прижатое к коже, поправляет платье, чтобы как можно лучше спрятать шрам. Потом она ждет.

Этторе распахивает дверь и останавливается, шарит глазами, окутанный умирающим вечерним светом. Он постарел и поизносился, его лицо бороздят морщины прожитых лет и забот, и Хирут могла бы проникнуться к нему сочувствием, могла бы понять, как время неизбывно оставляет свои следы на теле, но она видит, что он стоит прямо, он не забыл военную осанку, словно у него на плече до сих пор висят винтовка и камера. И в этот момент она точно знает, что он не получит письма.

Хирут поворачивается, не понимая, почему ее трясет.

Хирут встает, когда Этторе входит в эту дверь: его плечи чуть приподняты памятью о камере, она видит, что ему хватило ума не брать с собой этот инструмент. Несколько мгновений ей приходится ощупывать себя, чтобы убедиться, что платье все еще на ней, что она не обнаженная стоит перед ним, дрожа от ненависти и унижения под приказы Фучелли, Еще раз, soldato, еще одну фотографию.

Хирут распрямляется. Она поднимает подбородок и смотрит на Этторе, а он замирает и смотрит на нее, узнавание и стыд пронзают свет и полутьму, сужают пространство между ними. А когда он, нервничая и смущаясь, делает шаг в ее направлении, Хирут отдает ему честь.

Он останавливается, чуть не падает, и между ними появляется долина, над которой поднимается пороховой дым, и они оба задыхаются в нем, но он тут же продолжает движение, словно ожидал этого, готовился к такой встрече с тех пор, как они в последний раз видели друг друга на поле боя. Этторе идет к ней так, словно между ними лежит тропа прощения, словно годы стерли шрамы, фотографии и историю, словно эта рука, протянутая, чтобы пожать руку Хирут, способна воскресить мертвых и вернуть все украденное.

Он надеется на сочувствие, она это видит сквозь дымку старых сражений и неземную тишину. Он надеется, что прошедшие годы не ожесточили ее ярости. Он надеется, что подойдет к ней так, словно никогда не носил военную форму, будто он не придал своему телу ее очертаний. Вот истина, которую он хочет игнорировать: то, что выковано в памяти, проникает в кости и мышцы. Оно всегда будет с нами и последует за нами в могилу.

Этторе приходится оглядеться, чтобы убедиться, что Сеифу здесь нет, когда Хирут встает и отдает ему честь. Он чувствует непроходящее давление на свою спину, лезвие ножа вонзается между лезвий его лопаток. Потому что, когда она встает и отдает ему честь на эфиопский манер, ему кажется, что он видит ее лицо, искаженное ненавистью и отвращением, прежде чем на нем появляется нечто другое, не поддающееся описанию, признание чего-то, находящегося за его плечом. Если бы он взял с собой камеру, то он мог бы запечатлеть это лицо, чтобы вглядеться в него позднее. Он видит коробку рядом с ее ногами, ту самую, с его письмами и старыми фотографиями, ту самую, где наверняка находится последнее письмо от его отца, которое, как он надеется — знает — она, вероятно, взяла во время атаки вместе с той ее жуткой фотографией.

Он принес еще одну фотографию для Хирут, кое-что в обмен на коробку, письмо и все, что он забрал у нее. Этот снимок он сделал в тихое мгновение между нею и Астер. Они не знают о его присутствии за тюрьмой, они ничего не замечают, они ведут важный разговор. Хирут залита ярким солнечным светом, лучи рисуют зубчатый светящийся нимб над ее головой. Она

наклоняется к другой женщине, руки ее держат ту колючую проволоку в ограде, вцепились в нее, ничуть не заботясь об удобстве, она не чувствует проволочных шипов, впившихся в ее ладони: солдат, исполненный решимости продолжать, невзирая на боль. Он тогда смотрел на Хирут, смотрел по-настоящему, не в видоискатель. Мы с тобой, сказал он тогда себе, в конечном счете не такие уж и разные. Он ощущал, как что-то сжимает ему грудь, до того момента, пока не поднял камеру, чтобы сделать снимок.

Он неправильно понимал себя, а когда понял, исправлять что-либо было уже поздно. Он ошибочно принял благодушную уверенность в себе, которую ощущал, находясь рядом с Хирут, за вдохновенный талант фотографа. Он перепутал свое сердце со своим глазом. Он стал сыном своего отца, сыном человека, который был призраком, уловленным между тем, что можно выразить, и тем, о чем нужно молчать и что теперь медленно исчезает.

Хирут, говорит он, произнося теперь ее имя про себя в здании вокзала. Он протягивает руку, ее фотография лежит у него в кармане рубашки, на его загривке собирается пот. Хирут, повторяет он. Это имя и призыв к прощению, звук, падающий у

его ног, расчищая дальнейший путь.

Этторе видит Хирут, которая все еще стоит по стойке смирно, рот — твердая и жесткая линия на ее красивом лице. Его пробирает дрожь, он ничего не может поделать со своими коленями — они подгибаются. Он знает, что она видит его протянутую руку, но при этом продолжает салютовать ему. Она отказывается быть кем-либо иным, кроме солдата, которым была всегда, даже будучи пленницей. Границы тел — наименьшее из всех вещей: как давно были сказаны эти слова.

Хирут, снова говорит он, уверенный, что именно так погубит себя. Именно так имя обнажает разрыв в земле. Хирут, повторяет он и позволяет себе подойти поближе. Он вытаскивает фотографию и протягивает ей. Посмотри, говорит он. Посмотри. Пожалуйста.

Посмотри, говорит он ей. Прости, добавляет он, словно это извинение, словно эти слова имеют достаточно силы, чтобы восстановить ее порванные швы и сделать цельной.

Хирут качает головой, она все стоит с прямой спиной и отдает честь, но отступает от него на шаг. Оставайся там, говорит она, не приближайся.

Но она не смотрит на него. Она смотрит на

немыслимую фигуру, которая вошла в здание вокзала через тяжелую дверь. Фигура похожа на Минима, но Миним дома, он ее сосед, а дом далеко. И потому она проникается уверенностью, что это император. Хайле Селассие, которого также называют Джан Хой, которого также называют Рас Тэфэри Мэконнын, которого также называют солнцем его народа. Это он. Хирут замирает в своей позе отдания чести. Никакая логика не может пересилить это видение.

Снаружи голоса протестантов смешиваются с молитвами преданных, и все, что колеблется между жестокостью и преданностью, предстает перед ней в нагом виде: является в виде престарелого царя, одетого крестьянином, и прежнего вражеского солдата, повторяющего ее имя.

Миним, говорит она, позволяя смущению подавить ее, взять верх над нею. Миним. Потом она поправляется, потому что она знает, кто это. Джан Хой, император Хайле Селассие, ваше величество, как вы здесь оказались?

Трещина проявилась в мире, и император стоит в ее центре, слышит потрясенную женщину, которая показывает на него, называет его словом, будто это слово и есть его имя. Миним: Ничто.

Миним, снова говорит она, словно это клятва

и мольба, словно оно простит его народу все его прошлые и будущие деяния. Тому самому народу, который воздевает кулаки и кричит так, словно хочет пробить дыру в небесах.

Он поворачивается, чтобы кинуть взгляд на Амонасро, спросить у него: Это тот самый ребенок, которого ты пытался спасти? Но Амонасро исчез. Он ищет Симонида, но греческий поэт тоже исчез. Единственная, кто осталась, — Зенебворк, которая оживает в ярости этой другой женщины, сливается с этой яростью, находит утешение в ее резких контурах.

Хайле Селассие поворачивается, чтобы еще раз посмотреть на эту женщину. Она в своем окостенелом салютовании переводит взгляд с него на итальянца, которого император заметил только теперь.

Ты ждешь своего отца? спрашивает он ее, потому что больше ни в чем не уверен. Он сомневается даже в том, кто он такой, облаченный в крестьянскую одежду, в присутствии женщины, которая начинает казаться ему смутно знакомой и которая говорит ему, что он ничто, а потом обращается к нему, называя его многочисленные имена. Он решает, что забыл, кто она такая. Он выпустил ее из одной из многочисленных

комнат в своей голове, и она отчаянно пытается напомнить о себе, найти способ выйти из мира мертвых в мир живых, имеющих имена.

Мы тебя помним? продолжает он. Должны помнить, добавляет он. Мы в этом уверены. Назови нам свое имя, чтобы мы могли восстановить тебя в памяти.

Она наклоняет голову. Меня зовут Хирут, я дочь Фасила и Гетеи, гордая жена великого Аклилу, благодарная мать двух сильных дочерей, ближайший друг и соседка могучей Астер. Потом она показывает на потрясенного итальянца, нервно кланяющегося ему. Он агрессор, говорит она. Скажите ему, чтобы он ушел, если вы и вправду император.

Итальянец вздрагивает и смотрит на него, потом опускает глаза.

А кто ты такая, чтобы говорить нам это? обращается к Хирут Хайле Селассие.

Я солдат, отвечает Хирут. Я была отважным охранником Царской Тени.

Хайле Селассие задумчиво кивает. И другие теперь снова пытаются сменить нас, тебе это известно?

Хирут, говорит Этторе. Я не понимаю, что происходит, но прошу тебя: возьми это и отдай то,

что принадлежит мне.

Император отворачивается от оцепеневшего иностранца, говорящего на идеальном амхарском, и сжимает руку в кулак.

Хирут опускает голову и складывает руки на груди. Уходи, говорит она Этторе. Оставь уже мою страну. Возьми это, добавляет она, подталкивая к нему ногой коробку. Убирайся отсюда. *Ватене,* шепчет она. Тебе здесь не рады.

Она произносит эти слова через огромную пропасть, которая поглотила то, что не может удержать в себе ее сердце. Хирут, стоя перед Этторе, узнает в нем что-то пугающее и знакомое. Новую истину векового заблуждения.

Хирут, говорит он, прости меня. Я совершал то, чего нельзя было совершать, добавляет он. Я исполнял приказ, я делал даже гораздо больше. Письмо моего отца — оно в коробке? Оно у тебя?

Этторе глотает слюну, протирает глаза и видит мимолетный образ юнца, каким он был когда-то. Юнца, которого она ненавидела, и жалела, и понимала, к которому испытывала что-то еще, не имеющее названия.

У меня не осталось ничего, кроме того, что лежит здесь, добавляет он, показывая на коробку. Ничто другое не имеет для меня значения, кроме

того, что находится здесь в этот момент, но я должен уходить. Пожалуйста, позволь мне взять что-нибудь с собой. В том, как он называет ее имя, слышится дружелюбие, которое всегда существовало между ними, годы и война запятнали это чувство, но оно осталось: Хирут.

Хирут чувствует на себе взгляд императора. Он отрицательно качает головой, переводит взгляд с коробки на Этторе, с Этторе на Хирут, с нее на собственные потрепанные одеяния, и его рука хватает воздух.

Мертвые защитят живых, тихо говорит Хайле Селассие. Они найдут нас, когда мы назовем их поименно одного за другим. Не так ли, дочь моя? И он кивает на свою пустую руку.

Хирут чувствует, как что-то поднимается на поверхность, эмоция, которая всегда жила в ней, ждала своего времени. Она позволяет этому чувству накатить на нее, сжать ее грудь, потом расцвести в ее голове. И в широкой полосе света, проникающей через окна вокзала, Хирут достает письмо и протягивает его Этторе, начиная говорить:

Гетеи, Фасил, Астер, Нардос, Абебеч, Сити, Тесфайе, Давит, Бениам, Тарику, Гирум, Амха, Бекафа, Бисрат, Деста, Бефекаду, Салех, Илилта,

Меаза, Лакев, Ахмед, Эскиндер, Бирук, Генет, Габриел, Маттеос, Леул, Хода, Биртукан, Мулумабет, Эстифанос, Лукас, Хабте, Айнаддис, Кирос, Мохамед, Вонгел, Атнаф, Джембере, Имру, Сенаит, Йосеф, Махлет, Алем, Гирма, Абеба, Биртукан, Фреивот, Тирунех, Марта, Беза, Тсехаи, Менгисте, Зинаш, Петрос, Анкетсе, Сергут, Микаэл, Могус, Теодрос, Чеколе, Кидане, Лидия, Фифи и Феррес, и кухарка, кухарка, кухарка, она называет их имена и чувствует, как они собираются вокруг нее и подначивают ее: Скажи им, Хирут, мы все были царской тенью. Мы были теми, кто вошел в страну, погруженную во тьму пришедшей к нам чумой, и дали новую надежду эфиопам.

Хирут отворачивается от Этторе, погруженного в свою скорбь и сжимающего в руке письмо отца. Она поднимает голову на звуки стрельбы и криков. Она подходит к императору, а призывы расправиться с ним вихрятся все сильнее, словно подхваченные ветром облака.

Я провожу вас домой, говорит она. Я защищу вас от тех, кто там, ваше величество. Я буду вашим телохранителем. Она берет его за руку, крепко сжимает. Она видит, как он выкидывает вперед свою вторую руку, хватая воздух и время.

И когда дверь за ними закрывается, Хирут, вы-

тянувшись во весь рост, повторяет имена тех, кто был до нее, тех, кто пал, когда она поднялась на ноги в удушающем дыму и продолжила бежать, и она позволяет памяти лечь ей на плечи накидкой, салютуя царским теням, всем им до единой, она поднимает свою Вуджигру, снова отважный и бесстрашный солдат. И Хирут с императором вместе идут во дворец.

Фото

Посмотрите на этих двух: на женщин у ограды из колючей проволоки, за которую одна из них держится голыми руками, словно это завязанная узлами шелковая лента. Посмотрите на мигание света, который вскоре окутает лагерь врага, на человека, бегущего вниз по склону: как он твердо и уверенно ставит ноги, как раскачиваются в ярости его руки, когда он выкрикивает имя своего сына. То, что можно увидеть, не в силах объяснить то, что есть на самом деле: Хирут и Астер прижались к ограде из колючей проволоки, Хирут сжимает проволоку руками, а другая женщина говорит ей: Они придут за нами сегодня ночью, они перебьют всю охрану и освободят нас, и ты должна быть готова, кухарка дала мне знать. А когда Хирут поворачивает голову так, что лучи образуют вокруг нее яркое пламя, разве может

глаз увидеть что-то еще, кроме молодой женщины, которая радуется теплу вечернего солнца? Что может глаз знать о ее единственной просьбе: Позволь мне своими руками убить фотографа? Разве может камера запечатлеть ее последующее милосердие и эту ярость длиною в жизнь, от которой она наконец избавится, вернув письмо отца сыну? Что в конечном счете может знать Этторе о пройденных расстояниях и сдержанных обещаниях, о тех невысказанных чувствах, которым она предоставила полную свободу, не обуздав беспомощными словами? Что он может знать, кроме того, что видит, глядя на эту молодую женщину, хватающую связанный узлами шелк так, словно она родилась быть облаченной в него: красота непознаваемая и яростная, достаточно сильная, чтобы пробиться сквозь кость, обосноваться в сердце и расколоть его навсегда.

Замечание автора

Впервые рассказы о войне между фашистской Италией и Эфиопией я услышала от моего деда. Его истории повествовали о героических, но плохо экипированных эфиопских воинах, которые сражались с современной европейской армией. Я росла, представляя себе этих людей, неколебимых и величественных, как мой дед: они сражались с танками и мощной артиллерией, имея только устаревшие винтовки, и при этом побеждали. И лишь гораздо позднее узнала я историю о моей прабабке.

Она была совсем девочкой, ее уже выдали замуж, но она была слишком мала, чтобы жить со взрослым мужем. Когда император Хайле Селассие приказал семьям отправить своих старших сыновей в армию, она, старший ребенок в семье, вызвалась пойти добровольцем. Ее братья были слишком малы. Ее отец не согласился, а когда отдал свою винтовку ее мужу, чтобы тот представлял их семью, она подала иск на отца, вознамерившись отсудить оружие. Она выиграла дело и в присутствии судей взяла винтовку отца

и стала воспевать эфиопских солдат, в песнях прославляя их непобедимые силу и мужество. Она поступила в армию и отправилась воевать.

Моя прабабка воплощает собой один из множества пробелов в европейской и африканской истории. Роман «Царская тень» рассказывает историю эфиопских женщин, которые сражались бок о бок с мужчинами и до сих пор остаются лишь одиночными, заблудшими строками в выцветших документах. Вот к какому умозаключению я пришла. История войн всегда была мужской историей, но для Эфиопии это правило не действует — и не действовало ни в каких формах борьбы. Женщины были там. Мы и сегодня здесь.

Благодарности

Этот роман является художественным вымыслом. В целях повествования исторические события и временные рамки были изменены или сжаты. За те годы, что я писала этот роман, я узнала огромное количество историй, о существовании которых не знала и не догадывалась, что они мои. Мне есть кого благодарить за помощь на каждом этапе моего пути.

Мое вступление сложилось из историй, рассказанных моими родителями и родственниками — эфиопами, которые сохранили жизнь истории, пересказывая ее и не давая умереть. Самые первые страницы этого романа были написаны в резиденции Фонда Санта Маддалена по приглашению Беатрисы Монти делла Корте. Спасибо, Беатрис, за то, что поделилась своими воспоминаниями. Программа Фулбрайта и все сотрудники программы в Риме открыли свои двери и предоставили мне удивительные возможности, попутно отвечая на мои утомительные вопросы. Мой научный консультант в Италии Сандро Триулзи и его жена Паола Сплендорэ привели

меня к новым открытиям, познакомили меня с людьми, которые могли ответить на мои вопросы, и пригласили меня на ужин, полный смеха и увлекательных историй. Фонд Эмили Харви внес неоценимый вклад на начальных этапах моей работы. Благодаря Шаулю Басси и Университету Ка'Фоскари в Венеции я чувствовала себя как дома и могла спокойно заниматься работой над рукописью.

Я благодарю Рут Айоб, Габриэль Цеггай, Рут Бен-Гиат, Шиферо Бекеле, покойного Абийе Форд и многих других за их бесценные советы и знания.

Две невероятные женщины, Деб Уиллис и Эллин Тоскано, поддерживали меня и подталкивали к новым способам видеть образы и говорить о них. Мои невероятные коллеги из магистерской программы Колледжа Квинса оказали мне неизмеримую поддержку и избавили меня от многих сложностей и переживаний.

Я благодарна тем, кто ни разу не сказал: «Разве ты еще не закончила?» Спасибо.

Тем, кто сказал, — не переживайте, все в порядке.

Я благодарна моим первым читателям, которые бросили все, когда я поспешила к ним с черновиком в надежде на их бесценные отзывы: Лайла

Лалами, Мод Ньютон, Сабина Мюррей — я в долгу перед вами. Особая благодарность всем людям, которые на протяжении долгих лет работы над этой книгой давали мне ободряющие и толковые советы, открывали двери своих домов и делили со мной много еды:

Сарида Скотт Монтгомери, Тедрос Менгисте, Анкетсе Дебебе, Дженнифер Гилмор, Элиф Батуман, Мона Эльтахави, Эмменер Идума, Чике Фрэнки Эдозен, Роберт Ратледж, Шерил Московиц, Диана Матар, Молли Роден Винтер, Алессандра ди Майо, Харья Тарекегн, Хайалеш Тареккен, Дженет Лейков, Хивоте Кенфе, Авам Ампка, Гунджа Сенгупта, Джефф Маровиц, Ясмин Эль-Рашид, Альберто Мангуэль, Крейг Стивенсон, Грегори Пардло, Джефф Пирс.

Хуан и Нелли Наварро, я благодарю вас за вашу щедрость и доброту.

Я благодарю любовь моей жизни, Марко, который бесконечно верил в меня и терпел сквозняки и долгие бессонные ночи: мы сделали это.

Глубочайшая благодарность моему редактору, Джилл Биалоски, которая терпеливо ждала, внимательно читала и блестяще редактировала этот роман. И моему агенту, Линн Несбит, которая была со мной, верила в меня и поддерживала,

когда я колебалась.

Я благодарю всех женщин и девочек Эфиопии, которые отказались быть полностью стерты со страниц истории, которые отозвались, когда я их искала, и рассказали о себе. Я вижу вас. Я всегда буду вас видеть.